

Том 13, Номер 2, 2020
Vol 13, No 2, 2020

ISSN 2542-0240 (Print)
ISSN 2587-9324 (Online)
ogt-journal.com

КОНТУРЫ ГЛОБАЛЬНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

OUTLINES OF GLOBAL TRANSFORMATIONS

Цифровое общество

Digital Society

ТОМ 13 • НОМЕР 2 • 2020

Контурь глобальных трансформаций:

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

VOLUME 13 • NUMBER 2 • 2020

Outlines of Global Transformations:

POLITICS • ECONOMICS • LAW

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2

Контуры глобальных трансформаций

ПОЛИТИКА • ЭКОНОМИКА • ПРАВО

В журнале публикуются материалы, посвященные актуальным проблемам политической науки, мировой политики, международных отношений, экономики и права. Журнал призван объединить представителей российского и зарубежного экспертного и научного сообщества, сторонников различных научных школ и направлений. Главная цель журнала – предоставить читателю глубокий анализ какой-либо проблемы, показать различные подходы к ее решению. Каждый из выпусков журнала посвящен одной определенной теме, что позволяет обеспечить комплексное рассмотрение процессов, явлений или событий.

Редакционная коллегия

Кузнецов А.В., главный редактор, ИНИОН РАН, Москва, РФ
Исаков В.Б., заместитель главного редактора, НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Лексин В.Н., заместитель главного редактора, Институт системного анализа РАН, Москва, РФ
Соловьев А.И., заместитель главного редактора, МГУ, Москва, РФ
Багдасарян В.Э., МГУ, Москва, РФ
Булатов А.С., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Вершинин А.А., МГУ, Москва, РФ
Вилисов М.В., Центр изучения кризисного общества, Москва, РФ
Володенков С.В., МГУ, Москва, РФ
Володин А.Г., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Жебит А., Федеральный университет Рио-де-Жанейро, Рио-де-Жанейро, Бразилия
Звягельская И.Д., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Качинс Э., Центр стратегических и международных исследований, Вашингтон, США
Кривопапов А.А., ИМЭМО РАН, Москва, РФ
Либман А.М., Мюнхенский университет, Мюнхен, Германия
Лившин А.Я., МГУ, Москва, РФ
Лиухто К., Университет Турку, Турку, Финляндия
Лукин А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Миграция А.А., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Миронюк М.Г., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Орлов И.Б., НИУ ВШЭ, Москва, РФ
Пабст А., Кентский университет, Кентербери, Великобритания
Сибал К., бывший первый заместитель министра иностранных дел Индии, Нью-Дели, Индия
Сильвестров С.Н., Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, РФ
Схолте Я.А., Гетеборгский университет, Гетеборг, Швеция
Телин К.О., МГУ, Москва, РФ

Редакционный совет

Якунин В.И., председатель редакционного совета, МГУ, Москва, РФ
Абрамова И.О., Институт Африки РАН, Москва, РФ
Гаман-Голутвина О.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Гринберг Р.С., Институт экономики РАН, Москва, РФ
Громыко А.А., Институт Европы РАН, Москва, РФ
Лисицын-Светланов А.Г., юридическая фирма «ЮСТ», Москва, РФ
Макаров В.Л., Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, РФ
Никонов В.А., МГУ, Москва, РФ
Порфирьев Б.Н., Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, РФ
Садовничий В.А., МГУ, Москва, РФ
Торкунов А.В., МГИМО (Университет), Москва, РФ
Шутов А.Ю., МГУ, Москва, РФ

Учредитель и издатель: Ассоциация независимых экспертов «Центр изучения кризисного общества», Москва, РФ

Адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, д. 32, к. 2.

Сайт: <http://www.oqt-journal.com>

Тел.: +7 (495) 664-52-07

© Контуры глобальных трансформаций, 2020

E-mail: journal@centero.ru

Периодичность: 6 раз в год

Тираж: 1000 экз.

Издается с 2016 г.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2

Содержание

Политические процессы в меняющемся мире

- ВОЛОДЕНКОВ С.В.** Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии 6–24
- ЕФРЕМЕНКО Д.В.** Формирование цифрового общества и геополитическая конкуренция 25–43

Российский опыт

- КОДАНЕВА С.И.** «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие 44–71
- ФИЛАТОВА О.Г.** Государственные коммуникации в цифровой публичной сфере России: 2011–2020 гг. 72–91
- КУЗНЕЦОВ А.В., ЮРЧЕНКОВА Л.В.** Библиотека ИНИОН как «зеркало» развития общественных наук в России: от первых социалистических экспериментов до современной цифровой эпохи 92–111

Социальные трансформации

- НЕЧАЕВ В.Д., БЕЛОКОНЕВ С.Ю.** Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ 112–133
- АРТАМОНОВА Ю.Д.** Цифровой мониторинг социально-политической жизни: основные направления развития и возможности общественного контроля 134–152

В национальном разрезе

- ЯКОВЛЕВА А.Ф., МАВРОДИЕВА И.Т., БОЛДИН В.А.** Особенности функционирования и развития сетевых научных изданий в системе современного цифрового ландшафта: компаративный анализ опыта России и Болгарии 153–176
- БЕЛОЗЁРОВ В.К.** Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития 177–194

В рамках дискуссии

- ЛЕКСИН В.Н.** Синтез общества потребления и информационного общества 195–211
- ФЕДОРЧЕНКО С.Н.** Политическая голограмма: анализ технологий и сценарии развития цифрового феномена 212–228
- ГРАЧЕВ М.Н., ЕВСТИФЕЕВ Р.В.** Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) 229–248

Точка зрения

- ФИЛИППОВ И.Б.** Количественные текстовые характеристики как фактор успешности продвижения публикаций в рамках протестной коммуникации в социальных сетях 249–268
- БРОННИКОВ И.А.** Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций 269–285

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2

Outlines of Global Transformations

POLITICS • ECONOMICS • LAW

Kontury global'nyh transformacij: politika, èkonomika, pravo

The Outlines of Global Transformations Journal publishes papers on the urgent aspects of contemporary politics, world affairs, economics and law. The journal is aimed to unify the representatives of Russian and foreign academic and expert communities, the adherents of different scientific schools. It provides a reader with the profound analysis of a problem and shows different approaches for its solution. Each issue is dedicated to a concrete problem considered in a complex way.

Editorial Board

Alexey V. Kuznetsov – Editor-in-Chief, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Vladimir B. Isakov – Deputy Editor-in-Chief, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Vladimir N. Leksin – Deputy Editor-in-Chief, Institute of System Analysis, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander I. Solovyev – Deputy Editor-in-Chief, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Vardan E. Bagdasaryan, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander S. Bulatov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aleksey A. Krivopalov, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrew C. Kuchins, Center for Strategic and International Studies, Washington, USA
Alexander M. Libman, Ludwig Maximilian University of Munich, Munich, Germany
Alexander Ya. Livshin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Kari Liuhto, University of Turku, Turku, Finland
Alexander V. Lukin, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Aza A. Migranyan, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Michail G. Mironyuk, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Igor B. Orlov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation
Adrian Pabst, University of Kent, Canterbury, Great Britain
Jan A. Scholte, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden
Kanwal Sibal, Former Foreign Secretary of India, New Dehli, India
Sergey N. Silvestrov, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Kirill O. Telin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Alexander A. Vershinin, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Maksim V. Vilisov, Center for Crisis Society Studies, Moscow, Russian Federation
Sergey V. Volodenkov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Volodin, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexander Zhebit, Federal University of Rio de Janeiro, Rio de Janeiro, Brazil
Irina D. Zvyagel'skaya, IMEMO, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Editorial Council

Vladimir I. Yakunin – Head of the Editorial Council, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Irina O. Abramova, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Oksana V. Gaman-Golutvina, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Ruslan S. Grinberg, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Alexey A. Gromyko, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Andrey G. Lisitsyn-Svetlanov, Law Firm "YUST", Moscow, Russian Federation
Valeriy L. Makarov, Central Economics and Mathematics Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viacheslav A. Nikonov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Boris N. Porfiryev, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
Viktor A. Sadovnichiy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
Anatoly V. Torkunov, MGIMO University, Moscow, Russian Federation
Andrei Y. Shutov, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Founder and Publisher: Association for Independent Experts "Center for Crisis Society Studies", Moscow, Russian Federation

Address: 2, 32, Komsomolskij Av., Moscow, 119146,
Russian Federation

Web-site: <http://www.oqt-journal.com>

Tel.: +7 (495) 664-52-07

E-mail: journal@centero.ru

Frequency: 6 per year

Circulation: 1000 copies

Published since 2016

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2

Contents

Political Processes in the Changing World

- Sergey V. VOLODENKOV.** The Contemporary Political Processes Transformation in the Context of Society Digitalization: Key Scenarios 6–24
- Dmitry V. EFREMENKO.** Formation of Digital Society and Geopolitical Competition 25–43

Russian Experience

- Svetlana I. KODANEVA.** “Hybrid Threats” to Russia’s Security: Identification and Counteraction 44–71
- Olga G. FILATOVA.** Trends of Government Communications in Digital Public Sphere of Russia: 2011-2020 72–91
- Alexey V. KUZNETSOV, Lyudmila V. YURCHENKOVA.** INION’s Library as a “Mirror” of the Social Sciences Development in Russia: From the First Socialist Experiments to the Modern Digital Age 92–111

Social Transformations

- Vladimir D. NECHAEV, Sergey Yu. BELOKONEV.** Digital Economy and Trends of Political Development in Modern Societies 112–133
- Yulia D. ARTAMONOVA.** Digital Monitoring of Socio-political Life: Main Directions of Development and Opportunities for Public Control 134–152

National Peculiarities

- Alexandra F. YAKOVLEVA, Ivanka T. MAVRODIEVA, Vladimir A. BOLDIN.** Features of Functioning and Development of Network Scientific Journals in the Modern Digital Landscape System: Russian and Bulgarian Experience Comparative Analysis 153–176
- Vasily K. BELOZEROV.** International Political Communication in the Context of Digitalization of World Development 177–194

Under Discussion

- Vladimir N. LEKSIN.** Synthesis of Consumer Society and Information Society . . 195–211
- Sergei N. FEDORCHENKO.** Political Hologram: Technology Analysis and Scenarios for the Development of the Digital Phenomenon 212–228
- Mikhail N. GRACHEV, Roman V. EVSTIFEEV.** The Concept of the “Truth Decay” in a Digital Society (an Analytical Review) 229–248

Point of View

- Ilya B. PHILIPPOV.** Quantitative Indicators of Text Style as a Factor of the Post Promotion in a Social Media Protest Communication 249–268
- Ivan A. BRONNIKOV.** Self-organization of Citizens in the Age of Digital Communications 269–285

Политические процессы в меняющемся мире

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1

Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии

Сергей Владимирович ВОЛОДЕНКОВ

доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2928-6068

ЦИТИРОВАНИЕ: Володенков С.В. (2020) Трансформация современных политических процессов в условиях цифровизации общества: ключевые сценарии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 6–24. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1

Статья поступила в редакцию 01.03.2020.

АННОТАЦИЯ. *Интенсивное внедрение в актуальную политическую практику цифровых технологий вызывает необходимость изучения учеными и специалистами сразу нескольких важных вопросов, связанных с феноменом цифровизации на современном этапе развития человеческой цивилизации.*

В первую очередь нас интересует вопрос о том, действительно ли внедрение цифровых технологий в современные политические процессы вызывает соответствующие изменения в сферах функционирования государства и общества. Насколько корректно вести речь о цифровизации государства и общества со стороны политологов? Другим важным для нас вопросом является определение векторов влияния: появление и широкое распространение новых типов цифровых технологий влияет на появление

и развитие новых типов общественно-политического устройства, либо же государство лишь использует новые технологические возможности для обеспечения эффективности процессов политического управления в современных условиях, сохраняя и поддерживая потенциал традиционных политических режимов? Каково взаимовлияние новых цифровых технологий и институтов политической власти в настоящее время?

Наконец, для нас крайне важным представляется вопрос о том, какие эффекты в политической сфере порождает внедрение цифровых технологий в актуальную практику и каковы основные сценарии трансформации современного политического пространства в подобных условиях.

Рассмотрению указанных вопросов и посвящена данная работа. Автор

предпринимает попытку показать, что на сегодняшний день мы можем говорить о реальных трансформациях в параметрах функционирования государства и общества, а также в сфере их взаимодействия. При этом традиционные политические режимы, перестав выступать в качестве монопольного источника политической информации в связи с появлением альтернативных акторов с появлением альтернативных акторов цифрового взаимодействия и формированием конкурентного политического пространства, предпринимая активные попытки сохранить политический контроль и устойчивость в современных условиях.

Большинство сценариев эволюции и трансформации политического пространства в условиях цифровизации связаны именно с попытками традиционных институтов власти сохранить контроль над источниками, каналами и контентом цифровых информационно-коммуникационных процессов, а общественно-политическое взаимодействие государства и общества становится более интенсивным по количественным параметрам, однако содержательная сторона подобного взаимодействия не подвергается существенным изменениям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическое пространство, цифровизация общества, технологии коммуникации, политический режим, общественно-политическое взаимодействие, цифровая трансформация

Методология исследования

В рамках данной работы были использованы анализ научного дискурса в сфере цифровизации современного общества, критический анализ подходов, связанных с исследованием потенциала цифровых технологий в сфере

общественно-политического управления, а также метод сценариотехник, позволивший нам сформулировать ключевые сценарии трансформации политических процессов в условиях цифровизации современного общества.

Постановка проблемы

Сам феномен цифровизации нуждается в уточнении, т. к. актуальная практика демонстрирует существенные различия в понимании данного феномена различными акторами. Как пишет А.Г. Чернышов, «современное «цифровое» общество развивается хаотично и несистемно» [Чернышов 2017, с. 324]. Существует значительное число подходов к пониманию феномена цифровизации, акцентирующих внимание на различных сторонах проникновения цифровых технологий в ключевые сферы жизнедеятельности современного государства и общества. Однако в целом можно сформулировать подход, согласно которому цифровизация порождает новую цифровую реальность, включающую расширенный инструментарий коммуникаций, ресурсы и технологии Big Data, искусственный интеллект и нейросетевые алгоритмы работы с цифровыми данными, технологии наблюдения и распознавания визуальных образов, модели профилирования граждан на основе их персональных цифровых следов. Именно их синергия качественно отличает современную ситуацию от динамики десяти или двадцатилетней давности. Сегодня цифровизация не столько противопоставляется традиционной «офлайновой» среде существования, сколько имплементируется в нее, вызывая новые эффекты и порождая новые риски. Именно в контексте возникшей синергии становится понятным весь драматизм переноса общественно-политических процессов в цифровую сферу.

В связи с этим нам представляется недостаточным понимать под цифровизацией исключительно совокупность процессов внедрения в различные сферы жизнедеятельности государства и общества платформ, ресурсов, технологий, решений и практик, позволяющих заместить аналоговые коммуникации цифровыми, т. к. сегодня речь идет не о простом замещении аналоговых практик цифровыми, но и о появлении новых моделей и практик функционирования общественно-политической сферы в технологически развитых государствах.

Но для того чтобы рассмотреть следствия цифровизации современного общества, прежде всего нам необходимо определить основные признаки, на основании которых мы можем сделать вывод о том, что цифровизация сегодня является не теоретическим конструктом, а реально существующим в актуальной практике феноменом, оказывающим свое влияние на политические процессы.

В первую очередь отметим тот факт, что публичная политика, отношения между институтами государства и общества постепенно, но неуклонно перемещаются в цифровое пространство, от массовых интернет-дискуссий в социальных сетях по всем вопросам политической повестки до экспертных блогов в Telegram [Mediascope 2019].

Как показывает анализ актуальной практики, традиционные средства массовой информации постепенно утрачивают свое влияние [Четверть россиян потеряли доверие 2019], появляются так называемые фабрики цифрового контента. Традиционное пространство публичной политики при этом неуклонно сокращается, процессы в нем становятся все менее интенсивными и значимыми [Aalberg, Blekesaune, Elvestad 2013].

Кроме того, формируются новые коммуникационные модели взаимо-

действия между субъектами политических процессов (например, портал «Активный гражданин», change.org и др.), при этом также изменяются традиционные оценки приоритетности ресурсов и их общественной важности. Многие актуальные вопросы политики, вытесненные из публичного офлайн-дискурса, дебатированы в онлайн-сообществах, которые становятся продвинутой альтернативой парламентской и партийной работе для политически активных и зачастую оппозиционных по отношению к действующей власти групп граждан. «Сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродуцирования всех социальных институтов, определяя формат социальных и политических отношений» [Морозова, Мирошниченко, Рябченко 2016, с. 85].

В этих условиях возникают новые субъекты политики, выстраивающие коммуникационные, артикуляционные и мобилизационные процессы преимущественно (либо исключительно) в сетевом пространстве, начиная от онлайн-партий и заканчивая международными террористическими организациями, осуществляющими вербовку своих сторонников в Интернете. «Инструменты политической власти, влияния и контроля рассеяны между разнообразными акторами, в т. ч. индивидуальными и коллективными» [Морозова, Мирошниченко, Рябченко 2016, с. 90].

Все это позволяет нам говорить о реальности цифровизации и ее влиянии на трансформацию общественно-политической сферы жизнедеятельности.

При этом если платформы, ресурсы и технологии относятся скорее к технологической сфере, то решения и, самое главное, практики применения цифровых коммуникаций институтами власти и общества больше относятся, по нашему мнению, именно к сфере политической. Так, например, политика го-

сударства в сфере обеспечения информационной безопасности определяет, какие типы ресурсов будут доступны обществу для осуществления цифровых коммуникаций. Яркий пример – попытки запрета мессенджера Telegram, блокировка почтового сервиса Proton Mail, социальной сети LinkedIn и других в России.

Разные государства по-разному регулируют спектр доступных решений для массовой цифровой коммуникации, однако это не отменяет того факта, что политика является первичной в области национальных конфигураций цифровизации как таковой. Само государство рассматривает цифровое пространство как обладающее политическим потенциалом, перенося на него право на легитимное насилие. Неслучайно значительная часть нормативных актов, регулирующих цифровые коммуникации, сегодня относится к политической сфере (например, наказание за оскорбление власти).

Попытки поставить под государственный контроль цифровые сервисы и платформы, ограничить их деятельность, не позволить гражданским институтам и обществу в целом пользоваться теми или иными коммуникативными технологиями – вполне очевидная реакция институтов власти на технологические трансформации в сфере массовых коммуникаций [Freedom House 2019].

Если мы вспомним идею Г. Инниса о том, что именно наиболее распространенные технологии коммуникации во многом определяют тип общественно-политического устройства в конкретной стране [Innis 1950], то можем сделать вывод о том, что бесконтрольное внедрение технологий массовой цифровой коммуникации обладает потенциалом влияния на традиционные политические режимы и параметры их функционирования.

В связи с этим мы можем предположить, что в определенном смысле цифровизация на сегодняшний день является и в обозримой перспективе будет являться процессом конкурентной борьбы между технологическими корпорациями и другими акторами, разрабатывающими и внедряющими современные технологии цифровой коммуникации, и государствами, преследующими цель поставить цифровизацию под свой контроль и в своих интересах для сохранения политической власти и возможностей управления обществом. В противном случае с высокой степенью вероятности технологические трансформации неизбежно приведут и к трансформациям политическим.

Мы можем ожидать значительно усиления контроля за пользовательской активностью в цифровом пространстве, включая создание различных вариантов национальной киберполитики, обострения конфликтов между государствами и транснациональными корпорациями в аспекте борьбы за возможности регулирования Интернета и за право на цифровой контроль.

Очевидно, что стремление институтов власти сохранить стабильность своего функционирования в современных условиях не отменяет в полной мере технологические изменения и неуклонную цифровизацию общества. Противодействие технологическому прогрессу и переходу к новому технологическому укладу чревато для большинства государств глобальным отставанием уже в ближайшем будущем. Как пишет Л.В. Сморгун, «сетевой подход не только отражает споры между представителями различных политико-управленческих теорий, но и является ответом на изменение условий, в которых осуществляются политика и управление публичными делами. Экология политики и управления публичными делами за последние десятиле-

тия существенно модифицировалась, что заставляет искать их новые модели. Значительное число факторов, включая массовую информатизацию, падение доверия населения к центральным органам управления, привело к пересмотру традиционных управленческих подходов» [Сморгунов 2001, с. 105].

В связи с этим современные государства активно внедряют в управленческие процессы цифровые технологии, пытаются поставить их на службу своим интересам. Не является исключением и Россия. По мнению Г.А. Малышевой, «достаточно обоснованными кажутся предположения, согласно которым образ «цифрового будущего» России, поскольку он канализирует общественные устремления в прогрессивную технологическую сферу, используется властью как фактор стабилизации политического режима и источник его новой легитимности» [Малышева 2018, с. 41].

Однако, как мы считаем, государство не является монопольным субъектом цифровизации, и в сфере цифровизации возникают серьезные противоречия государственных, корпоративных и общественных интересов, что требует своего осмысления с позиций современной политической науки.

О конфликтном потенциале цифровизации писал еще М. Кастельс, основывая свои выводы именно на конфликте ценностей и интересов: «взаимосвязь между технологией, коммуникацией и властью отражает противоположные ценности и интересы и привлекает множество субъектов в конфликте» [Castells 2007, р. 239]. Однако в своей работе Кастельс 13 лет назад еще не мог осмыслить существенный потенциал цифровых конфликтов в сфере геополитики. В силу экстерриториальности цифровых коммуникаций на сегодняшний день одной из ключевых проблем стало обеспечение национально-

го цифрового суверенитета в условиях глобального противоборства ведущих держав, стремящихся взять под контроль цифровое пространство в мировом масштабе для достижения своих интересов и распространения собственных ценностей, сконструировать и обеспечить доминирование собственной версии цифровой реальности.

Сценарии цифровизации современного политического пространства

В условиях существенной роли государства как актора, непосредственно влияющего на процессы общественно-политической цифровизации и определяющего ее параметры, большинство сценариев цифровой трансформации политического пространства не позволяет вынести государство «за скобки».

Первоначальная оптимистичная позиция многих западных ученых о значительном потенциале современных технологий массовой коммуникации в аспекте демократизации обществ на практике имеет существенные ограничения, связанные с политическими факторами, генераторами которых во многом являются именно институты государственной власти.

Например, даже представления об Интернете как современном коммуникационном пространстве имеют разное содержание в зависимости от того, какова позиция того или иного государства по данному поводу. Так, ряд государств придерживается позиции, согласно которой Интернет является глобальным коммуникационным пространством, в котором нет места национальным сегментам, а свобода распространения информации не должна ограничиваться национальными политическими режимами [Remarks on Internet Freedom 2010].

В актуальной редакции национальной стратегии США в киберпространстве четко заявлено о том, что Вашингтон намерен распространять свободный Интернет по всему миру, противодействуя влиянию тех стран, в которых уровень государственного контроля над обществом является высоким. Для достижения поставленной цели американские власти готовы реализовать сразу несколько подходов – от создания глобальной сети спутников, раздающих Интернет по всему миру, до поддержки в различных государствах локальных инфраструктурных или технологических проектов, нацеленных на обеспечение свободы Интернета [National Cyber Strategy of the United States 2018].

Большинство представителей американских властей на протяжении многих лет постоянно публично заявляли и заявляют о том, что Интернет – это единое, глобальное и свободное цифровое пространство, в котором не может быть места контролю со стороны государств.

Одновременно с этим на сегодняшний день сложилась многочисленная группа стран (Россия, Китай, Иран и т. д.), которые придерживаются иного подхода, в соответствии с которым государство имеет право осуществлять контроль над национальными сегментами цифрового пространства, обеспечивая собственную информационную безопасность и не допуская внешнего информационного вмешательства.

Даже данная дихотомия уже ставит вопросы о том, что будет пониматься под глобальной цифровизацией – формирование единого циф-

рового пространства, не зависящего от конкретных государств, либо совокупности национальных цифровых пространств, имеющих определенные (хоть и различные) уровни взаимодействия с внешней по отношению к конкретному государству цифровой средой. На наш взгляд, уже в ближайшем будущем международные конфликты в сфере определения сущности и параметров функционирования Интернета как цифрового пространства будут существенно обостряться.

Анализируя актуальную практику, мы можем предположить, что в реальности будет реализован в определенной степени дихотомический сценарий развития Интернета, подразумевающий, с одной стороны, активность ряда государственных и корпоративных акторов по глобализации цифрового пространства, а с другой стороны – формирование достаточно обособленных (хотя и не полностью закрытых) национальных цифровых сегментов, регулируемых и контролируемых государственными акторами, стремящимися ограничить внешнее информационно-коммуникационное влияние на национальные политические режимы, а также предотвратить внешнее вмешательство в суверенные общественно-политические процессы¹.

При этом мы считаем, что продвижение идеи глобального свободного Интернета без границ во многом сопряжено с попытками установления режима глобального доминирования и контроля в цифровом пространстве со стороны акторов, активно продвигающих идеи цифровой свободы. Под видом борьбы за демократизацию проис-

¹ В качестве яркого примера попыток ограничения внешнего влияния можно привести инициативу Президента Республики Беларусь А. Лукашенко, выступившего в 2019 г. на Международной конференции «Борьба с терроризмом при помощи инновационных подходов и использования новых и возникающих технологий» с предложением по созданию «пояса цифрового добрососедства» на основе признания национального цифрового суверенитета и обеспечения невмешательства государств в информационные ресурсы друг друга.

ходит экспансия в национальные цифровые сегменты, в результате чего государства-мишени сталкиваются или столкнутся в ближайшем будущем с угрозой утраты контроля над собственным информационным суверенитетом.

Суть противостояния двух представленных нами сценариев – борьба за право контролировать массовое сознание населения, управлять массовыми представлениями и массовым поведением в собственных интересах. По нашему глубокому убеждению, на сегодняшний день никакой речи о демократизации обществ посредством распространения технологий и ресурсов свободной цифровой коммуникации вести нельзя.

Независимо от декларируемых намерений, государственные и корпоративные акторы стремятся добиться возможностей реализации своих собственных интересов в цифровом пространстве за счет установления контроля над ним.

В результате современная цифровизация во многом связана с технологической и нормативной «гонкой» за право диктовать свои правила игры в цифровом пространстве. Независимо от того, каковы намерения субъектов цифровой экспансии – внешнее вторжение в суверенные национальные сегменты информационного пространства либо же противодействие подобному вторжению и обеспечение устойчивости собственных политических режимов за счет информационного контроля над населением, – внедрение технологий цифровой коммуникации в общественной и политической сферах сопряжено в первую очередь со стремлением обеспечить управляемость данных процессов со стороны институтов государственной власти.

Ввиду этого мы можем спрогнозировать уже в ближайшем будущем все большее усиление государственного

контроля как за технологическими корпорациями, так и за массовым пользователем, ужесточение правил пребывания в цифровом пространстве, все более интенсивное правовое регулирование цифровой среды общественно-политических коммуникаций, противодействие попыткам анонимизации граждан в сети и существенное сокращение уровня цифровой приватности населения технологически развитых стран.

В таких условиях вполне вероятен отход от демократии или рудиментов демократии в сторону приоритета обеспечения безопасности существующего порядка и общества, тотальная слежка друг за другом через социальные сети, коллективное доноительство, а также создание цифровых политических паттернов – жестко зафиксированных шаблонов поведения «законопослушного гражданина».

Данная парадигма имеет сравнимые вероятности формирования независимо от того, по какую сторону «баррикад цифрового противоборства» находится то или иное государство. В условиях, когда цифровой суверенитет, право на владение самостоятельной информационно-коммуникационной инфраструктурой, право на доступ к массовому сознанию посредством цифры становятся краеугольным камнем как внешнеполитической, так и внутривнутриполитической деятельности институтов власти, весьма перспективным становится сценарий, в рамках которого возможно формирование не только максимально закрытых национальных, но и более крупных – блоковых, цивилизационных – сегментов цифрового пространства, создание нейтральных цифровых поясов в рамках региональных государственных блоков и союзов.

Реализация данного сценария будет связана с экспансией сильнейших государств (цивилизационных центров с

мощным собственным политическим проектом) в сферу глобальных коммуникаций и интенсивной трансляцией собственных смыслов, идей, ценностей и стилей в лояльные сегменты цифрового пространства.

В противовес подобной активности в рамках глобалистского подхода акторами-антагонистами будут активно развиваться и поддерживаться цифровые проекты, имеющие глобалистскую, космополитическую, трансграничную и транснациональную, ультралиберальную или либертарианскую ориентацию.

В подобных условиях глобально-информационного противоборства и формирования межгосударственных политических конфликтов в сфере цифровых коммуникаций, когда цифровые ресурсы приобретают характер геополитических, высока вероятность еще большего ограничения цифровых прав и свобод граждан в целях обеспечения национальной безопасности и предотвращения внешней информационно-коммуникационной агрессии. Объектами ужесточения, очевидно, будут являться общество и его институты.

С высокой степенью вероятности в ответ на «цифровую агрессию» государства будут создавать и поддерживать локальные цифровые сообщества, ориентирующиеся на национальные политические ценности и смыслы, характеризующиеся патриотической и прогосударственной направленностью. В связи с данным обстоятельством политизация цифрового пространства с высокой степенью вероятности только усилится и будет поощряться институтами государственной власти, стремящимися сохранить собственную легитимность и обеспечить лояльность со стороны граждан.

Подобная «цифровая гонка» с точки зрения политического содержания массовых коммуникаций может при-

вести, по нашему мнению, к поощряемой радикализации взглядов и настроений участников цифровых сообществ, искусственному сужению спектра политических позиций и мнений, а также появлению нового класса угроз и вызовов в сфере общественно-политического развития.

Общественно-политическое развитие в условиях цифровизации

Как мы уже показали, традиционные институты власти в первую очередь заинтересованы в собственном сохранении, в связи с чем нацелены на использование современных информационно-коммуникационных технологий преимущественно в собственных интересах, не стремясь к институциональным трансформациям без ярко выраженной необходимости, например, когда поддержание гомеостазиса невозможно в связи с существенными трансформациями внешней среды и система нуждается в изменениях с целью адаптации к новым условиям функционирования. По нашему мнению, большинство изменений в параметрах функционирования традиционных институтов власти связано именно с необходимостью вынужденных адаптаций. Сохраняя контроль над новыми каналами коммуникации, традиционные институты имеют возможность поддерживать и охранять существующие традиционные модели политического устройства, используя цифровые технологии для удержания власти.

В связи с этим оптимистичные прогнозы, касающиеся радужных перспектив формирования и развития новых моделей общественно-политического устройства и распределения власти на основе внедрения современных цифровых технологий, далеко не всегда

оправдываются. Более того, «непомерное восхищение «цифрой» приводит к некритическому отношению к возможным последствиям «цифровизации» всей общественной жизни для естественной локальной жизни самого человека, оторвавшегося от земли» [Чернышов 2017, с. 325].

Нам представляется, что в части перспектив формирования политических режимов в форматах прямой демократии, экспертной демократии, мониторинговой демократии, демократии совместного действия и т. д. всем нам следует иметь весьма умеренные и осторожные ожидания, включая возможности формирования и расширение практик e-резидентства и цифрового гражданства.

Существующие на сегодняшний день технологии цифровой коммуникации между обществом и властью не являются гарантом качественного и эффективного общественно-политического взаимодействия. Более того, зачастую проблему повышения качества подобного взаимодействия подменяют задачей повышения интенсивности диалога между представителями гражданского общества и институтами власти [KhosraviNik, Unger 2016]. Действительно, мы можем наблюдать определенную интенсификацию коммуникаций между институтами власти и общества, появление новых возможностей коммуникации простого человека и государства, однако напрямую данное наблюдение никак не связано с изменениями в качестве эффективности дискуссий между властью и обществом. Оперативность, мультимедийность, экстерриториальность, удобство, экономичность цифровой коммуникации являются в большинстве случаев необходимыми, но недостаточными для обеспечения более высокого качества общественно-политической дискуссии параметрами.

По нашему мнению, во многих случаях на самом деле происходит псевдопривлечение масс к обсуждению публичной политики, а также возникает эффект псевдоучастия граждан в политических процессах и принятии политических решений, что напрямую влияет на снижение эффективности традиционных моделей и институтов представительной демократии [Bennett, Pfetsch 2018].

Формируется ложное ощущение, что все большее количество заинтересованных людей участвует в решении общественно значимых проблем, хотя властный ресурс фактически не перераспределяется по линии от государства к обществу. Появляются многочисленные «имитаторы» процесса де-libерации, которые являются лишь инструментом удержания контроля политического дискурса в соответствующих средах [Engesser, Ernst, Esser, Büchel 2017; Bouvier, Machin 2018].

Реальная часть политической деятельности закрывается от публики, взамен создается специальная деятельностная повестка для трансляции в публичном пространстве. Как итог – растет значимость медийной активности и качества репрезентации власти в Интернете в силу повышения репутационных рисков в условиях открытости и доступности информации в онлайн-пространстве [Aelst et al. 2017].

По мнению многих экспертов, принявших участие в международном исследовании «Интернет-коммуникации как инструмент виртуализации современного публичного пространства политики: модели, сценарии, технологии» [Интернет-коммуникации как инструмент виртуализации 2019] осенью 2019 г., публичная политика в сетевом пространстве значительно упрощается, значимые политические проблемы существуют в формате storytelling и не переходят в содержательные дискуссии

о сущности и причинах той или иной проблемы, обсуждения конструктивных и результативных способов ее решения.

По сути, мы сталкиваемся с иллюзией, заключающейся в ожидании неминуемой смены традиционного общественно-политического устройства в результате цифровизации коммуникационных процессов, но данные ожидания ничем не подкреплены, кроме как оптимистичными заявлениями и декларациями политиков и гражданских активистов. Содержание дискуссии, ее уровень не есть производные от типа коммуникации. Новая технология – это всегда возможность, но далеко не гарантия ожидаемых изменений, что неоднократно демонстрировала нам история эволюции государств на протяжении многих столетий [Benkler, Faris, Roberts 2018].

Безусловно, мы можем выделить значительный спектр возможностей повышения качества и эффективности функционирования государства и общества в условиях цифровизации.

В первую очередь речь идет о возможностях повышения эффективности государственного управления в целом путем оптимизации организационных структур и управленческих процессов, трансформации методов управления и улучшения качества управленческих решений на базе современных цифровых технологий, повышения прозрачности государственных институтов, а также создания электронного правительства, интегрирующего различные социальные группы и минимизирующего риск цифрового разрыва в гражданском обществе.

Сюда же можно отнести потенциал преобразования национального государственного аппарата в цифровую сервисную платформу, перевод государственных услуг в автоматизированные цепочки алгоритмов, развитие ин-

ститутов прямой демократии и связанное с этим увеличение возможностей участия граждан в управлении государством.

В качестве еще одной потенциальной возможности мы можем выделить формирование устойчивых обратных связей между институтами государства и общества в сфере цифровых коммуникаций, расширение форматов конвенционального политического участия на основе демократических принципов, стимулирование общественно-политических дебатов и обеспечение их плюрализма, повышение политической активности граждан, включая участие в общественно-политической жизни государства в целом.

Позитивные изменения в общественно-политической сфере в условиях цифровизации также могут быть связаны со следующими возможностями:

- увеличение прозрачности, удобства, оперативности и эффективности избирательного процесса за счет внедрения системы электронных референдумов, онлайн-выборов, а также создания надежных систем защиты процесса подсчета голосов и результатов голосования;
- формирование режима прямой демократии плебисцитарного типа, широкие возможности для проведения референдумов и плебисцитов по «узким» вопросам до принятия государственных решений (тестовые опросы, сканирующие исследования и т. д.), т. е. привлечение массовой аудитории к решению конкретных проблем на конкретных территориях (в т. ч. в форматах краудсорсинга и экспертной демократии) с возможностями быстрого и эффективного масштабирования успешных моделей решения проблем на другие территории;

- формирование эффективной политической коммуникации между властями всех уровней и гражданским обществом в оперативном, интерактивном, экстерриториальном и круглосуточном режиме;
- решение ключевой политической проблемы – сочетания широкой и многоуровневой демократии, качественной ротации государственных кадров и эффективной государственной политики по различным направлениям;
- создание эффективной системы общественного контроля за деятельностью властей различного уровня;
- расширение возможностей развития режимов мониторинговой демократии (общественная экспертиза цифровых профилей граждан перед выдвижением кандидатами в органы власти всех уровней; формирование открытых баз знаний о политической и экономической активности представителей политической элиты, чиновников, депутатов и т. д.);
- создание и активное развитие сетевых общественно-политических организаций и движений, представляющих широкий спектр политических идеологий, и, как результат, вовлечение граждан в процессы цифровой политики на горизонтальном уровне, преодоление атомизации общества за счет формирования устойчивых коммуникационных связей между гражданами в рамках функционирования сетевых организаций и движений общественно-политического типа, а также с помощью мобилизации граждан для участия в совместных общественно-политических офлайн-проектах и мероприятиях;

- появление условий для обеспечения прозрачной политической конкуренции цифровых лидеров общественного мнения, имеющих поддержку в онлайн-пространстве со стороны различных групп интернет-пользователей.

Отдельно следует выделить весьма важную возможность разработки и использования в системе государственно-политического управления инструментов предиктивной аналитики и моделирования политических процессов на основе массивов Big Data, содержащих информацию о «цифровых следах» граждан и описывающих массовые политические предпочтения, ожидания, требования и интересы.

Расширение аналитических и предсказательных возможностей в сфере цифрового управления самым непосредственным образом может влиять на устойчивость, эффективность и адекватность политических режимов, активно использующих соответствующие алгоритмы работы с Big Data (в данном аспекте ряд участников исследования в качестве возможности также определил повышение адресности информационно-коммуникационного воздействия на избирателей в рамках планирования и проведения политических агитационно-пропагандистских кампаний с точечным таргетингом электората).

Таким образом, мы можем достаточно высоко оценить потенциал внедрения современных цифровых технологий в политическую практику, связывая процесс цифровизации информационно-коммуникационной сферы политического пространства с формированием значительного спектра возможностей общественно-политического развития современных государств [Tambini 2015].

Однако анализ актуальной практики, скорее, демонстрирует обратные по смыслу эффекты.

Говоря о характере влияния технологий интернет-коммуникации на параметры функционирования традиционного политического пространства, следует обратить внимание на ряд существенных моментов.

Так, массовые представления о социально-политической реальности все в большей степени формируются под влиянием замещающих и искажающих ее цифровых виртуальных моделей, воздействие которых на общественное сознание постоянно возрастает.

Необходимо отметить существенные трансформации в контексте повышения степени виртуализации политического интернет-пространства и увеличения уровня влияния сетевых акторов на социально-политические процессы офлайн, а также увеличения пропагандистского и манипуляционного потенциала интернет-ресурсов применительно к политической сфере [Benkler, Faris, Roberts 2018].

Новые технологии делают традиционное пространство политики более фрагментированным, поляризованным, конфликтным, манипулятивным и идеологизированным. Более того, граница между публичной и частной сферами становится все более размытой [Mansell 2017].

У политических субъектов возникает необходимость обеспечивать постоянную и непрерывную информационно-коммуникационную самопрезентацию, которая приобретает более высокую значимость, чем реальная деятельность политика или политического института.

Эффективное формирование цифровых версий событий (а зачастую – симулякров событий) становится одной из ключевых характеристик публичной политики в современном интернет-пространстве.

Существенно растет значение феномена постправды. В условиях формирования симулякров, сотканых из достоверных фактов и непроверенной информации, растут и множатся фейки, выступающие инструментом «вирусного» формирования массовых настроений в сети и виртуальным заместителем реальных политических явлений, событий и процессов.

Уровень политизированности масс повышается, но публичная политика становится более хаотичной и подверженной сиюминутным реакциям в ущерб системности. Происходит разрушение идентичностей, включая национально-государственную и политическую [Trappel, Steemers, Thomass 2015].

Публичная политика в сетевом пространстве основывается в большей степени на лозунгах и в меньшей – на сложных программах. Значимым фактором становится не столько содержательная политическая программа, сколько привлекательный и эффективно «посеянный» в интернет-пространстве лозунг для различных групп сетевых пользователей [Papathanassopoulos, Negrine 2019].

В связи с формированием и массовым распространением эффекта клипового сознания, на первый план выходит максимально упрощенный и визуализированный контент (короткие видеоролики, демотиваторы, мемы), а содержательная часть сокращается и становится все менее значимой.

Политика все в большей степени начинает проявляться в развлекательных и максимально десакрализованных шоу-форматах, привлекательных, доступных, простых, непротиворечивых и удобных для информационного потребления. При этом, в условиях развития технологий Big Data, такого рода цифровые медиапродукты могут быть четко таргетированы для целевых

аудиторий воздействия с максимальным учетом полученной на основе анализа «цифровых следов» информации об индивидуальных предпочтениях и особенностях восприятия, что многократно повышает эффективность информационно-коммуникационного воздействия [Sætra 2019].

Результатом цифровизации может стать существенное падение уровня массовой политической культуры, распространение массовой общественно-политической безграмотности и инфантильности, снижение качественного уровня дискуссий по общественно-значимым проблемам и отчуждение граждан от реальных политических процессов, жесткий контроль за содержанием общественно-политического дискурса, активное распространение в цифровой среде массовых стереотипов, предубеждений и предрассудков в формате *deep fake*, а также повышение степени подверженности общественного сознания манипуляционно-пропагандистскому воздействию [Maunlana 2018].

Наконец, еще одним вызовом в сфере общественно-политического развития может стать ситуация крайне низкой предсказуемости векторов развития социально-политических процессов в условиях высоких скоростей цифровой коммуникации. В подобной ситуации традиционные линейные прогностические модели могут не работать, что формирует риски существенного снижения управляемости цифровых обществ.

Очевидно, что обозначенные тенденции, которые мы можем наблюдать в актуальной практике, могут существенным образом влиять на развитие современного общества и снизить степень демократичности и устойчивости современных государств, несмотря на активно предпринимаемые попытки контроля над цифровым пространством.

Выводы

По итогам проведенной работы мы можем сделать вывод о том, что содержательная сторона цифровизации и то, какие эффекты она порождает в сфере современного общественно-политического развития, являются весьма неоднозначными. Несмотря на объективное наличие позитивного потенциала цифровизации и оптимистичной настройкой многих политиков, специалистов и ученых, внедрение цифровых технологий в различные области жизнедеятельности государства и общества само по себе еще не является гарантией успешного и позитивного результата в политическом смысле.

В данной работе мы выделили целый спектр актуальных угроз и вызовов в сфере современного общественно-политического развития, связанных с внедрением в общественно-политическую практику цифровых технологий коммуникации. Как пишет в своей работе Б. Барбер, любая новая технология обладает потенциалом разрушения демократии, который нельзя игнорировать [Barber 1998, pp. 581–582].

Следует отметить, что на конечный сценарий цифровизации (или же сценарии, т. к. мы допускаем вероятность формирования отличающихся друг от друга различных национальных моделей цифровизации), который будет реализован на уровне реальной практики, способно воздействовать значительное число различных как внешних, так и внутренних факторов. Вопросы: каков будет выбранный цифровой вектор, каким станет баланс между необходимостью обеспечения национальной информационной безопасности в условиях глобального информационного противоборства, потребностью политических режимов в обеспечении собственной устойчивости в эпоху глобальной нестабильности и

стремлением граждан к эффективному общественному развитию, являющемуся ключевым условием успеха и выживания государств и народов в современных условиях, – остаются сложными и открытыми.

Безусловно, технологические трансформации и, в частности, цифровизация оказывают существенное влияние на параметры функционирования современных государств и обществ [Volter, Sorensen 2016]. Но также верно и обратное: и государство, и общество при условии своей зрелости способны влиять на то, каким образом будут использованы новые цифровые технологии в общественно-политической сфере, станут ли они инструментами создания общества цифрового контроля, в котором интересы государства и обеспечение его устойчивости за счет доминирования в цифровой среде будут безусловным приоритетом, либо же цифровизация даст новый импульс для общественного развития и появления политических режимов нового типа, предоставляющих новые возможности для эффективного функционирования государств, основанных на прогрессивных моделях распределения и реализации власти.

В связи с этим проблемы цифровизации должны стать предметом тщательного и вдумчивого изучения учеными и специалистами. Мы уверены в том, что вопросы эволюции современного цифрового общества являются крайне актуальными и важными в аспекте выработки оптимальных моделей государственного и общественного развития. При этом мы вынуждены отметить, что существующие сегодня в массовом сознании устойчивые стереотипы о «свободном цифровом обществе будущего» нуждаются в серьезной переоценке с позиций современной науки, чему и была посвящена данная работа.

Список литературы

Интернет-коммуникации как инструмент виртуализации современного публичного пространства политики: модели, сценарии, технологии (2019) // Факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова // <http://polit.msu.ru/science/research/19-011-31335/>, дата обращения 20.05.2020.

Малышева Г.А. (2018) О социально-политических вызовах и рисках цифровизации российского общества // Власть. № 1. С. 40–46 // <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5630/submission/original/5630-10469-1-SM.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Морозова Е., Мирошниченко И., Рябченко Н. (2016) Фронтис сетевого общества // Мировая экономика и международные отношения. Т. 60. № 2. С. 83–97 // https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2016/83-97_Morozova_.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Сморгунов Л.В. (2001) Сетевой подход к политике и управлению // ПОЛИС. № 3. С. 103–112 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078477_48093392.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Чернышов А.Г. (2017) Цифровизация и технологизация общественной жизни как социально-политическая проблема: сохранение идентичности и роль государства в условиях развития глобальных сетей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 40. С. 319–328 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30779007_44951302.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Четверть россиян потеряли доверие к телевидению за десять лет (2019) // РБК. 1 августа 2019 // <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2019/5d41c03a9a79472355ee2cса>, дата обращения 20.05.2020.

- Aalberg T., Blekesaune A., Elvestad E. (2013) Media Choice and Informed Democracy: Toward Increasing News Consumption Gaps in Europe? // *International Journal of Press/Politics*, vol. 18, no 3, pp. 281–303. DOI: 10.1177/1940161213485990
- Aelst P.V., Strömbäck J., Aalberg T., Esser F. et al. (2017) Political Communication in a High-Choice Media Environment: A Challenge for Democracy? // *Annals of the International Communication Association*, vol. 41, no 1, pp. 3–27. DOI: 10.1080/23808985.2017.1288551
- Barber B. (1998) Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy // *Political Science Quarterly*, Winter 1998–1999, vol. 113, no 4, pp. 573–589. DOI: 10.2307/2658245
- Benkler Y., Faris R., Roberts H. (2018) *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*, Oxford: Oxford University Press.
- Bennett W.L., Pfetsch B. (2018) Rethinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres // *Journal of Communication*, vol. 68, no 2, pp. 243–253. DOI: 10.1093/joc/jqx017
- Bouvier G., Machin D. (2018) Critical Discourse Analysis and the Challenge of Social Media: The Case of News Texts // *Review of Communication, special issue CDS and/in Communication: Theories, Methodologies, and Pedagogies at the Intersections*, vol. 18, no 3, pp. 178–192. DOI: 10.1080/15358593.2018.1479881
- Castells M. (2007) Communication, Power and Counter-power in the Network Society // *International Journal of Communication*, vol. 1, pp. 238–266 // <https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/46/35>, дата обращения 20.05.2020.
- Engesser S., Ernst N., Esser F., Büchel F. (2017) Populism and Social Media: How Politicians Spread a Fragmented Ideology // *Information, Communication and Society*, vol. 20, no 8, pp. 1109–1126. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1207697
- Freedom House: В мире снижается уровень свободы в интернете // *Deutsche Welle*. 5 ноября 2019 // <https://www.dw.com/ru/freedom-house-в-мире-снижается-уровень-свободы-в-интернете/a-51118270>, дата обращения 20.05.2020.
- Innis H. (1950) *Empire and Communications*, Oxford: Clarendon Press.
- Khosravinik M., Unger J. (2016) Critical Discourse Studies and Social Media: Power, Resistance and Critique in Changing Media Ecologies // *Methods of Critical Discourse Studies* (eds. Wodak R., Meyer M.), London: Sage, pp. 206–233.
- Mansell R. (2017) Inequality and Digitally Mediated Communication: Divides, Contradictions and Consequences // *Journal of the European Institute for Communication and Culture*, vol. 24, no 2, pp. 146–161. DOI: 10.13140/RG.2.2.23191.16805
- Maulana I. (2018) Mutual Understanding in the Age of Vulnerable Truth // *Handbook of Research on Examining Global Peacemaking in the Digital Age* (ed. Cook B.L.), Hershey, PA: IGI Global. DOI: 10.4018/978-1-5225-3032-9.ch005
- Mediascope: интернет обошёл телевидение по суточному охвату в России (2019) // *Sostav*. 29 мая 2019 // <https://www.sostav.ru/publication/mediascope-internet-skoro-operedit-televidenie-po-okhvatu-auditorii-37340.html>, дата обращения 20.05.2020.
- National Cyber Strategy of the United States of America (2018) // *The White House*, September 2018 // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>, дата обращения 20.05.2020.
- Papathanassopoulos S., Negrine R. (2019) Political Communication, Digital Inequality and Populism // *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination* (ed. Trappel J.), Göteborg: Nordicom, pp. 79–94.
- Remarks on Internet Freedom (2010) // *U.S. Department of State*, January 21, 2010 // <https://2009-2017.state>.

gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135519.htm, дата обращения 20.05.2020.

Sætra H.S. (2019) The Tyranny of Perceived Opinion: Freedom and Information in the Era of Big Data // *Technology in Society*, vol. 59. DOI: 10.1016/j.techsoc.2019.101155

Tambini D. (2015) Five Theses on Public Media and Digitization: From a 56-country Study // *International Journal of Communication*, vol. 9, no 1, pp. 1400–

1424 // <https://eprints.lse.ac.uk/62187/1/five%20theses%20on%20public%20media%20and%20digitization.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Trappel J., Steemers J., Thomass B. (eds.) (2015) *European Media in Crisis, Values, Risks and Policies*, New York: Routledge.

Voltmer K., Sorensen L. (2016) *Media-tised Transitions: Democratisation in an Age of Media Abundance*. Working Paper, MeCoDEM.

Political Processes in the Changing World

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1

The Contemporary Political Processes Transformation in the Context of Society Digitalization: Key Scenarios

Sergey V. VOLODENKOV

DSc in Politics, Associate Professor, Professor of the Public Policy Department Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovskij Av., 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: s.v.cyber@gmail.com

ORCID: 0000-0003-2928-6068

CITATION: Volodenkov S.V. (2020) The Contemporary Political Processes Transformation in the Context of Society Digitalization: Key Scenarios. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 6–24 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-1

Received: 01.03.2020.

ABSTRACT. *Intensive introduction into actual political practice of digital communication technologies causes the need for scientists and experts to study several important issues related to the phenomenon of digitalization at the current stage of human civilization evolution.*

First of all, we are interested in the question of whether the introduction of digital communications into contempo-

rary political processes causes corresponding transformations in the spheres of the functioning of the state and society. How correct is it to talk about the digitalization of the state and society by political scientists? Another essential issue for us is the definition of influence vectors: do the emergence and widespread dissemination of new types of communication technologies affect the emergence and development

of new types of social and political systems, or the state only uses new technological capabilities to ensure the effectiveness of political governance processes in today's environment, maintaining and supporting the potential of traditional political regimes? What is the mutual influence of new communication technologies and political power institutions at present?

Finally, the extremely important for us issue is what effects in the political sphere are generated by the implementation of digital communication technologies into actual practice and what are the main scenarios for the transformation of the contemporary political space in such conditions.

Consideration of these issues is the subject of this work. The author makes an attempt to show that we can talk today about real transformations in the parameters of the state and society functioning, as well as in the sphere of their interaction. At the same time, traditional political regimes, having ceased to act as a monopoly source of political information due to the emergence of alternative actors of information and communication activities and the formation of competitive political space, are actively trying to maintain political control and stability in the current environment. Most scenarios of the evolution and transformation of the political space in the context of digitalization are associated precisely with the attempts of traditional institutions of power to maintain control over the sources, channels, and content of digital communication processes. At the same time, the socio-political interaction of the state and society becomes more intense in quantitative terms. However, the content side of this interaction is not undergoing significant changes.

KEY WORDS: political space, society digitalization, communication technologies, political regime, socio-political interaction, digital transformation

References

A Quarter of Russians Have Lost Confidence in Television in Ten Years (2019). RBC, August 1, 2019. Available at: <https://www.rbc.ru/politics/01/08/2019/5d41c03a9a79472355ee2cca>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Aalberg T., Blekesaune A., Elvestad E. (2013) Media Choice and Informed Democracy: Toward Increasing News Consumption Gaps in Europe? *International Journal of Press/Politics*, vol. 18, no 3, pp. 281–303. DOI: 10.1177/1940161213485990

Aelst P.V., Strömbäck J., Aalberg T., Esser F. et al. (2017) Political Communication in a High-Choice Media Environment: A Challenge for Democracy? *Annals of the International Communication Association*, vol. 41, no 1, pp. 3–27. DOI: 10.1080/23808985.2017.1288551

Barber B. (1998) Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy. *Political Science Quarterly*, Winter 1998–1999, vol. 113, no 4, pp. 573–589. DOI: 10.2307/2658245

Benkler Y., Faris R., Roberts H. (2018) *Network Propaganda: Manipulation, Disinformation, and Radicalization in American Politics*, Oxford: Oxford University Press.

Bennett W.L., Pfetsch B. (2018) Rethinking Political Communication in a Time of Disrupted Public Spheres. *Journal of Communication*, vol. 68, no 2, pp. 243–253. DOI: 10.1093/joc/jqx017

Bouvier G., Machin D. (2018) Critical Discourse Analysis and the Challenge of Social Media: The Case of News Texts. *Review of Communication, special issue CDS and/in Communication: Theories, Methodologies, and Pedagogies at the Intersections*, vol. 18, no 3, pp. 178–192. DOI: 10.1080/15358593.2018.1479881

Castells M. (2007) Communication, Power and Counter-power in the Network Society. *International Journal of Communication*, vol. 1, pp. 238–266. Available at:

<https://ijoc.org/index.php/ijoc/article/view/46/35>, accessed 20.05.2020.

Chernyshov A.G. (2017) Digitalization and Technologization of Public Life as a Socio-Political Problem: Maintaining Identity and the Role of the State in the Development of Global Networks. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no 40, pp. 319–328. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_30779007_44951302.pdf, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Engesser S., Ernst N., Esser F., Büchel F. (2017) Populism and Social Media: How Politicians Spread a Fragmented Ideology. *Information, Communication and Society*, vol. 20, no 8, pp. 1109–1126. DOI: 10.1080/1369118X.2016.1207697

Freedom House: Internet Freedom Declines in World. *Deutsche Welle*, November 5, 2019. Available at: <https://www.dw.com/ru/freedom-house-v-mire-snizhaetsya-uroven-7svobod-v-internete/a-51118270>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Innis H. (1950) *Empire and Communications*, Oxford: Clarendon Press.

Internet Communications as a Virtualization Tool for the Modern Public Space of Politics: Models, Scenarios, Technologies (2019). *Faculty of Political Science, Moscow State University*. Available at: <http://polit.msu.ru/science/research/19-011-31335/>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Khosravinik M., Unger J. (2016) Critical Discourse Studies and Social Media: Power, Resistance and Critique in Changing Media Ecologies. *Methods of Critical Discourse Studies* (eds. Wodak R., Meyer M.), London: Sage, pp. 206–233.

Malysheva G.A. (2018) On the Socio-political Challenges and Risks of Digitalization of Russian Society. *Vlast'*, no 1, pp. 40–46. Available at: <https://www.jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/5630/submission/original/5630-10469-1-SM.pdf>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Mansell R. (2017) Inequality and Digitally Mediated Communication: Divides, Contradictions and Consequences. *Journal of the European Institute for Communication and Culture*, vol. 24, no 2, pp. 146–161. DOI: 10.13140/RG.2.2.23191.16805

Maulana I. (2018) Mutual Understanding in the Age of Vulnerable Truth. *Handbook of Research on Examining Global Peacemaking in the Digital Age* (ed. Cook B.L.), Hershey, PA: IGI Global. DOI: 10.4018/978-1-5225-3032-9.ch005

Mediascope: The Internet Has Bypassed Television in Daily Coverage in Russia (2019). *Sostav*, May 29, 2019. Available at: <https://www.sostav.ru/publication/mediascope-internet-skoro-operedit-televidenie-po-okhvatu-auditorii-37340.html>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Morozova E., Miroshnichenko I., Ryabchenko N. (2016) Frontier of the Network Society. *World Economy and International Relations*, vol. 60, no 2, pp. 83–97. Available at: https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2016/83-97_Morozova_.pdf, accessed 20.05.2020 (in Russian).

National Cyber Strategy of the United States of America (2018). *The White House*, September 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>, accessed 20.05.2020.

Papathanassopoulos S., Negrine R. (2019) Political Communication, Digital Inequality and Populism. *Digital Media Inequalities: Policies against Divides, Distrust and Discrimination* (ed. Trappel J.), Göteborg: Nordicom, pp. 79–94.

Remarks on Internet Freedom (2010). *U.S. Department of State*, January 21, 2010. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135519.htm>, accessed 20.05.2020.

Sætra H.S. (2019) The Tyranny of Perceived Opinion: Freedom and Information in the Era of Big

Data. *Technology in Society*, vol. 59. DOI: 10.1016/j.techsoc.2019.101155

Smorgunov L.V. (2001) Network Approach to Politics and Management. *POLIS*, no 3, pp. 103–112. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_5078477_48093392.pdf, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Tambini D. (2015) Five Theses on Public Media and Digitization: From a 56-country Study. *International Journal of Communication*, vol. 9, no 1, pp. 1400–

1424. Available at: <https://eprints.lse.ac.uk/62187/1/five%20theses%20on%20public%20media%20and%20digitization.pdf>, accessed 20.05.2020.

Trappel J., Steemers J., Thomass B. (eds.) (2015) *European Media in Crisis, Values, Risks and Policies*, New York: Routledge.

Voltmer K., Sorensen L. (2016) *Mediatized Transitions: Democratization in an Age of Media Abundance*. Working Paper, MeCoDEM.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-2

Формирование цифрового общества и геополитическая конкуренция

Дмитрий Валерьевич ЕФРЕМЕНКО

доктор политических наук, заместитель директора

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117997, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: efdv2015@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6988-472X

ЦИТИРОВАНИЕ: Ефременко Д.В. (2020) Формирование цифрового общества и геополитическая конкуренция // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 2. С. 25–43.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-2

Статья поступила в редакцию 29.04.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается усиливающаяся взаимосвязь между геополитической конкуренцией великих держав и развитием цифровых технологий. На протяжении 2010-х гг. заметно усилились противоречия ведущих государств в отношении контроля и регулирования Интернета. В условиях отсутствия универсальных правил информационной безопасности Интернет представляет собой своеобразную «серую зону», в которой различные акторы могут использовать широкий набор доступных инструментов для достижения своих политических или иных целей, не опасаясь при этом быть втянутыми в крупномасштабный конфликт.

В настоящий момент геополитическое соперничество, прежде всего между США и Китаем, охватывает широкий спектр цифровых технологий, включая искусственный интеллект. Высока вероятность, что на протяжении 2020-х гг. Китай и США создадут две конкурирующие и все менее совместимые глобальные экосистемы развития Интернета вещей, технологий обра-

ботки больших данных, мобильной связи 5G, аддитивных технологий, робототехники и т. д. Выбор одной из экосистем станет одновременно и геополитическим выбором, который, очевидно, на протяжении 2020-х гг. придется сделать всем государственным акторам системы международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: искусственный интеллект, цифровые технологии, цифровое общество, геополитика, системы связи 5G, США, Китай, Россия, экспертно-аналитическая деятельность

Геополитика как борьба великих держав за влияние в какой-либо крупной части мира или в планетарном масштабе традиционно рассматривалась в качестве стратегии, рассчитанной на реализацию возможностей, связанных с контролем пространства. Технологии при этом чаще всего играли инструментальную роль, позволяющую еще более расширить контролируемое пространство, а сам контроль сделать

более эффективным. Развитие технологий информации и коммуникации (сегодня – цифровых технологий) вносит в эту динамику качественные изменения. Новый тип пространства – киберпространство – может выступать и как бесконечное расширение, и как своеобразный антипод пространства географического. Потоки информации и коммуникации в киберпространстве способны ослаблять и даже нивелировать традиционные модальности контроля географического пространства. В то же время контроль в киберпространстве становится важнейшим фактором обеспечения контроля физических территорий и политико-экономической экспансии в различных уголках планеты. Дальнейшее развитие цифровых технологий и его влияние на мировую политику уже нельзя более рассматривать в качестве субсидиарного направления политического анализа международных отношений. Изучение все более тесной взаимосвязи между геополитической конкуренцией и процессами перехода к цифровому обществу становится в современных условиях одной из важнейших задач экспертно-аналитического сообщества.

Глобальные «кибербалканы»

Интернет и важнейшие информационно-коммуникационные технологии практически с самого начала их массового распространения стали использоваться в качестве инструментов усиления политического, экономического и культурного влияния США и коллективного Запада, которые, будучи центрами создания, развития и коммерциализации соответствующих технологий, имели огромную фору перед другими государственными акторами, вынужденными лишь принимать не ими выработанные «правила

игры». В несколько иной модальности, чем институты Вашингтонского консенсуса, но структура управления Интернетом – некоммерческая организация ICANN (Корпорация Интернета по присвоению доменных имен и номеров) – вполне эффективно обеспечивала защиту интересов и политико-идеологических установок американского истеблишмента. Даже после того, как 1 октября 2016 г. было прекращено действие ее соглашений с Министерством торговли США и Национальным управлением информации и связи, т. е. прекратилась ее формальная подотчетность американскому правительству, а сама ICANN трансформировалась в международную структуру, наблюдение за которой стал осуществлять Правительственный консультативный комитет при корпорации, ситуация не претерпела кардинальных изменений. Можно сказать, что институциональная эволюция ICANN в направлении мультилатерализма и мультистейкхолдеризма была необходима, но для второй половины второго десятилетия XXI в. это было уже «слишком мало и слишком поздно». США и страны Запада эффективно блокировали многолетние усилия России, Китая и ряда других стран, нацеленные на разработку недискриминационных для незападных государственных акторов правил обеспечения кибербезопасности в Глобальной паутине. При этом кибербезопасность в понимании незападных держав включала в себя недопущение использования сетевых технологий в политических целях, для воздействия на общественное мнение и дестабилизации режимов. Для США и других стран Запада исходящие от Китая, России и их партнеров предложения о разработке обязывающего кодекса поведения, гарантирующего международную информационную безопасность, представлялись попытками подорвать их

«естественные» преимущества во Всемирной паутине, которые, в свою очередь, рассматривались как одна из важнейших опор постбиполярного мирового порядка. Реакцией на многолетнее отсутствие прогресса на международных переговорных площадках стали национальные регулятивные инициативы, из числа которых наибольший масштаб, глубину и известность имел китайский проект «Золотой щит», более известный как Great Firewall. Несмотря на критику Западом и международными правозащитными организациями, такого рода проекты или отдельные меры национальных правительств в геополитическом плане являлись оборонительными. В то же время они формировали новую сетевую геополитическую реальность, для обозначения которой еще в конце прошлого века был изобретен термин «кибербалканизация» [Van Alstyne, Brinolfsson 1997].

Тенденции «кибербалканизации» на протяжении 2010-х гг. были значительно усилены в силу действия по меньшей мере двух факторов. Во-первых, политика России в рамках украинского кризиса побудила ряд политических деятелей в США и ЕС всерьез ставить вопрос о возможности отключения России от электронной системы международных расчетов SWIFT и даже ограничения доступа к Интернету, что фактически было бы подобно применению в цифровой и финансовых сферах оружия массового поражения. Несмотря на то что эти угрозы не были реализованы, и Россия, и многие другие страны сделали в связи с этим серьезные выводы. Обсуждение подобных угроз ускорило своеобразный реванш вестфальского порядка во Всемирной паутине,

и теперь принцип *cuius regio eius religio* можно переформулировать примерно так: «чей сервер, того и Сеть» [Ефременко 2014]. Причем реализация планов создать на собственной территории либо на территории стран BRICS корневой сервер доменных имен (DNS)¹, о чем заявляли российские официальные представители, привела бы к фрагментации Интернета на уровне аппаратной инфраструктуры [Тончаренко 2018]. Менее радикальные меры, преимущественно из сферы законодательного и налогового регулирования, направлены на принуждение таких крупных транснациональных корпораций, как Google, Facebook, Twitter и др., к размещению своих центров на территории России, благодаря чему основной массив интернет-трафика должен остаться в зоне суверенного контроля российского государства. Характерно, однако, что такой близкий к американскому разведывательному сообществу аналитический центр, как Stratfor, оценивает стремление России к созданию автономной системы Интернета как своеобразный *casus belli*, поскольку в этом случае у нее появится гипотетическая возможность нанести разрушительные удары по Всемирной паутине без катастрофических последствий для самой себя, или, во всяком случае, возможность скрывать следы организуемых из ее цифрового пространства кибератак [Russia Plants Its Flag in the Digital Realm 2019]. В то же время игнорирование со стороны США цифрового суверенитета национальных государств, например, путем содействия развертыванию частными компаниями спутниковой группировки, обеспечивающей неограниченный доступ к Интернету для любого пользователя, в

1 Из 13 функционирующих в настоящее время корневых серверов DNS 10 расположены на территории США, по одному – в Нидерландах, Швеции и Японии.

той же самой конфронтационной логике может рассматриваться геополитическими соперниками Вашингтона как проявление агрессии. Администрация Д. Трампа, впрочем, бравирует радикальностью своей стратегии в киберпространстве, заявляя как о намерении обеспечить в глобальном масштабе «открытый, интероперабельный, надежный и безопасный Интернет», так и о значительном расширении масштаба наступательных операций в киберпространстве, направленных против соперников США [National Cyber Strategy of the United States of America 2018].

Во-вторых, Китай, Россия, Иран, многие другие незападные страны и их интернет-сообщества стали мощными игроками во Всемирной паутине. В условиях отсутствия универсальных правил информационной безопасности это означает, что Интернет представляет собой своеобразную «серую зону», в которой различные акторы могут использовать широкий набор доступных инструментов для достижения своих политических или иных целей, не опасаясь при этом быть втянутыми в крупномасштабный конфликт. По сути, «серые зоны» представляют собой сферы конфронтационного взаимодействия, находящиеся в промежутке между рутинными межгосударственными отношениями и классическими военными действиями [Hicks et al. 2019]. К их числу относятся гибридные операции в киберпространстве, пропагандистские кампании и распространение фейковых новостей, политико-экономическое принуждение, ведение «войн по доверенности», иные виды парамилитарной активности. Поскольку эти сферы либо вовсе не охвачены международно-правовым регулированием, либо охвачены в недостаточной степени, политические акторы, действуя в «серых зонах» напрямую или – в большинстве случаев – через цепочку посред-

ников, могут добиваться желаемых результатов при относительно невысоком уровне риска.

В середине 2010-х гг. некоторые из видов активности в «серых зонах» еще могли считаться инновационными или экспериментальными. Например, в это время широкую известность получили успешные действия британской консалтинговой фирмы Cambridge Analytica, которая использовала технологии глубинного анализа данных (в частности, данных социальных сетей) для разработки стратегий сетевой коммуникации во время электоральных кампаний. Фирма предоставляла свои услуги избирательному штабу Т. Круза, а после его выхода из президентской гонки – штабу Д. Трампа. Также услуги Cambridge Analytica использовались рядом инициативных групп в Великобритании, агитировавших за Brexit. Вопрос о фактическом масштабе воздействия Cambridge Analytica на волеизъявление американских и британских избирателей остается открытым, но, несомненно, что опыт этой фирмы привлек к себе пристальное внимание в разных странах. Во всяком случае, активность в американском киберпространстве в период президентской кампании 2016 г. некоторых российских окологосударственных игроков (в частности, петербургского Агентства интернет-исследований – так называемой фабрики троллей, которую связывают с именем влиятельного бизнесмена Е. Пригожина [Assessing Russian Activities and Intentions 2017]), можно рассматривать и как тестирование нового инструментария, подобно тому, как это делали с использованием других методов специалисты Cambridge Analytica.

«Балканизированный Интернет» к концу второго десятилетия XXI в. явно перестал быть зоной абсолютного доминирования и контроля Запада. Напротив, Запад начинает осознавать, что

дефицит правил, регулирующих поведение и действия сетевых игроков, имеет цену, и цена эта довольно быстро возрастает. И хотя данные различных расследований, подобных докладу спецпрокурора Р. Мюллера о «российском вмешательстве» в президентские выборы 2016 г. [Mueller 2019], далеки от того, чтобы считать их непреклонной истиной, все же на их основании можно сделать вывод о возможности эффективного использования инструментария технологий сетевой коммуникации для достижения политико-экономических и геополитических целей. Причем достигнутый результат при благоприятном сценарии может многократно превысить масштаб задействованных ресурсов. В то же время долгосрочные риски и побочные последствия, ведущие к усилению конфронтации между великими державами, могут, в свою очередь, существенно превзойти первоначальный политический эффект.

Формирование альтернативной техноэкономической платформы как геополитический вызов

Возможность геополитического выигрыша благодаря использованию инструментов сетевой коммуникации предполагает действия в условиях повышенной неопределенности, турбулентности и разного рода синергетических эффектов. Неопределенность относится не только к будущим результатам, но также и к оценке уже совершенных действий. Например, разница в количестве голосов между сторонниками и противниками Brexit настолько незначительная, что нельзя с уверенностью утверждать, был ли перевес сторонников выхода Великобритании из Евросоюза обеспечен усилия-

ми Cambridge Analytica либо это произошло лишь в результате традиционной агитации британских евроскептиков. Выигрыш не исключен, но он будет случайным, а не системным.

Достижение системного геополитического перевеса в контексте развития новейших, в первую очередь цифровых, технологий становится возможным при наличии стратегического целеполагания и ресурсов, которые могут быть сконцентрированы для достижения технологического прорыва. Наиболее значимым из такого рода стратегических решений в настоящее время можно назвать решение китайского руководства создать свою собственную, независимую от Запада в плане стандартов, инфраструктурного обеспечения и цепочек поставщиков техноэкономическую платформу.

Принятый в 2015 г. десятилетний план «Сделано в Китае 2025» ориентирован на комплексное обновление технологической основы китайской экономики и выход на передовые позиции в ключевых областях науки и техники. Будучи рыночно ориентированным, этот план одновременно предполагает массированное участие китайского государства в выращивании национальных технологических чемпионов. Вклад государства в импортозамещение и общий технологический прорыв должен обеспечиваться использованием различных инструментов – от прямого субсидирования и создания преференциальных режимов до промышленного шпионажа и фактического принуждения зарубежных компаний, желающих вести бизнес в Китае, к трансферу технологий.

Изначально этот план был в большей степени сфокусирован на задачах ликвидации отставания – увеличении доли китайских производителей на внутреннем рынке до 70% к 2025 г., снижении вдвое эксплуатационных за-

трат, длительности производственных циклов и объема некачественной продукции [Chan 2018]. Однако ключевые фигуры администрации Трампа транслируют гораздо более алармистские оценки. Так, например, Генеральный прокурор США У. Барр заявил в начале 2020 г., что «диктатура КПК ... мобилизовала все элементы китайского общества – все правительство, все корпорации, все научные круги и всех своих трудолюбивых людей – для беспрепятственного выполнения амбициозного плана по доминированию над основными технологиями будущего» [Barr 2020].

То обстоятельство, что план «Сделано в Китае 2025» оказался под огнем критики американских официальных лиц, заставило китайское руководство ограничить его пропаганду. Упоминание об этом плане было полностью исключено из доклада о работе правительства КНР, представленного на сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2019 г. [Тимофеев 2019]. Появляется все больше свидетельств, преимущественно косвенных, что давление со стороны администрации Д. Трампа привело к усилению разногласий внутри китайского руководства, а также критике частью экспертного сообщества КНР излишнего триумфализма в тональности пропаганды инициативы «Один пояс – один путь» и плана «Сделано в Китае 2025» [Дукин 2019]. Однако эти разногласия пока касаются лишь тактических аспектов, тогда как о ревизии стратегических целей внутренней и внешней политики руководства КПК речь не идет. План «Сделано в Китае 2025» не только не отменен, но, насколько можно судить, серьезно модифицирован с учетом усилий администрации США по его блокировке. Успешно реализуется и одобренная одновременно с этим планом стратегия «Интернет плюс», пред-

ставляющая собой китайский аналог концепции «Индустрия 4.0». Стратегия «Интернет плюс» ориентирована на интеграцию в сферы промышленного и сельскохозяйственного производства, финансов, медицинского обслуживания, государственного управления мобильных и облачных технологий, развитие Интернета вещей (Internet of Things) и технологий обработки больших данных. Благодаря этому, в частности, будет придан мощный импульс развитию электронной коммерции и интернет-банкинга.

По оценке И. Бреммера, в своей совокупности эти программы – «самое судьбоносное геополитическое решение, принятое за последние три десятилетия. Это также мощнейшая угроза глобализации в том виде, в каком мы привыкли ее видеть с конца Второй мировой войны» [Bremmer 2019]. Создание независимой китайской технологической платформы приведет к фундаментальному расколу, который фактически уже начался в информационно-коммуникационной сфере.

К настоящему моменту Китай достиг значительных успехов в цифровом суверенитете: созданы и активно функционируют собственные мессенджеры, поисковые системы, корневые серверы для маршрутизации, центр цифровой сертификации; при этом пока сохраняется высокая степень зависимости от американских операционных систем. Россия в этом плане заметно отстает от Китая, несмотря на законодательно сформулированную задачу создать дублирующую и неподконтрольную внешним акторам инфраструктуру. В развитии в России сетей связи пятого поколения важную роль может сыграть китайская компания Huawei [МТС и Huawei займутся развитием 5G в России 2019] – бесспорный мировой лидер по технологии 5G, способной к середине 2020-х гг. сформировать

новые экономические возможности в размере 23 трлн долл. Как эмоционально предостерегает У. Барр, «впервые в истории США не лидируют в следующей технологической эре» [Barr 2020]. При этом, по оценкам ряда западных экспертов [Hemmings, Cha 2020], через Huawei Пекин получит возможность доступа к конфиденциальной информации об индивидуальных и корпоративных клиентах этой компании по всему миру.

По всей видимости, на протяжении 2020-х гг. Китай и США создадут две конкурирующие и все менее совместимые глобальные экосистемы развития Интернета вещей, технологий обработки больших данных, мобильной связи 5G, аддитивных технологий, робототехники и т. д. Одновременно будет усиливаться и дивергенция регуляторных режимов. Выбор техноэкономической платформы станет одновременно и геополитическим выбором, который, очевидно, на протяжении 2020-х гг. придется сделать всем государственным акторам системы международных отношений [Караганов 2019]. Причем геополитика, а также внутриполитические резоны будут во многих случаях перевешивать соображения экономической и технологической целесообразности. Вероятно, что в случае России это будет именно так. В 2020 г. президент Владимир Путин вновь акцентировал настоящую потребность в создании собственных технологий и стандартов «по тем направлениям, которые определяют будущее» [Послание Президента Федеральному Собранию 2020]. Очевидно, однако, что Россия, в отличие от СССР, имеет значительно меньше возможностей для формирования собственной технологической платформы. Экономические и структурные преобразования 1990-х гг. нанесли этому потенциалу тяжелейшие удары, а реформа РАН 2013 г. резко со-

кратила стимулы для реального преодоления научного отставания. Санкционный режим и отсутствие перспектив его достаточно быстрого свертывания означают, что у Москвы уже сегодня нет реальной альтернативы встраиванию в ориентированные на Китай глобальные цепочки добавленной стоимости [Дисэн 2018]. По всей видимости, там, где возможности достижения Россией технологической самостоятельности безнадежно подорваны, переход на китайскую техноэкономическую платформу окажется безальтернативным. Вслед за Москвой аналогичный переход осуществят и другие страны ЕАЭС. Крайне ограниченные возможности выбора имеют Иран, Пакистан, Северная Корея, ряд стран арабского Востока и Африки к югу от Сахары, в Латинской Америке – Куба, Венесуэла и Никарагуа при условии длительного сохранения у власти правящих там режимов. Еще немалое количество стран окажутся объектами конкуренции между США и Китаем, причем уже сегодня значительная часть этих стран являются активными участниками инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП).

Логичен вывод о том, что в будущем и сама инициатива «Один пояс – один путь» обретет ярко выраженное технологическое измерение. Строго говоря, основа для этого уже создана в виде одной из подпрограмм ОПОП – «Цифровой шелковый путь», предусматривающей многомиллиардные инвестиции в развитие телекоммуникационных сетей, спутниковой навигации, оптических кабелей, электронной торговли, мобильных платежных систем, проектов в сфере «больших данных», искусственного интеллекта и квантовых вычислений. Часть западных экспертов, отмечая, что данная подпрограмма, способствуя при помощи цифровых технологий достижению большей степени связанности (connectivity) стран,

присоединившихся к ОПОП, одновременно усиливает геополитическое влияние Китая, трансконтинентальное распространение государственного капитализма и нелиберального политического порядка [Cheney 2019]. В особенности это относится к заимствованию китайских технологий видеонаблюдения и систем цифровой идентификации в ряде стран Азии, Африки и Латинской Америки, которые, таким образом, интегрируются в синоцентричную технологическую инфраструктуру и одновременно перенимают у Китая социально-политические практики ее использования. Кроме того, в многостороннем формате ОПОП Пекин с большей эффективностью проводит принципы цифрового суверенитета, активно поддерживаемые также и Россией.

В такого рода lamentациях западных аналитиков, безусловно, есть элемент передергивания, поскольку трансфер технологий, обеспечивающих политический контроль государства над гражданами, не может сам по себе быть основной причиной деградации демократических институтов. Подобная деградация происходит там, где новые технологии лишь усиливают ранее наметившиеся авторитарные тенденции. К тому же в ряде развивающихся стран изначально наличие реально функционирующих демократических институтов довольно проблематично.

Пытаясь конкурировать с Пекином, Вашингтон выдвигает инициативы, нацеленные на создание противовеса ОПОП, например, в Индо-Тихоокеанском регионе. В число предлагаемых США целей развития Индо-Пацифики входит и повышение цифровой связанности, но объем обещанных американских инвестиций пока на порядок уступает китайским: так, в июле 2018 г. государственный секретарь США М. Помпео заявил о наме-

рении начать программу инфраструктурного развития в странах Индо-Тихоокеанского региона общей стоимостью 113 млрд долл. [Wroughton, Brunnstrom 2018], тогда как совокупная стоимость инфраструктурных проектов в рамках ОПОП превышает 1 трлн долл. Кроме того, в случае США речь идет, главным образом, о поддержке частных инвестиций.

Недостаточную инвестиционную активность США пытаются компенсировать давлением на союзников, убеждая их отказаться по соображениям безопасности от сотрудничества с Huawei и другими китайскими компаниями в развитии сетей связи 5G. В частности, со стороны США высказываются опасения, что, поскольку благодаря сетям 5G станет возможным широкое применение Интернета вещей и реализация проектов «умных городов», именно на китайских серверах день ото дня будет скапливаться огромный объем информации о пользователях этих технологий по всему миру. То же относится и к клиентам китайских цифровых платформ онлайн-торговли и пользователям мобильных приложений Alipay, Baidu Wallet и WeChat Pay [Hemmings, Cha 2020]. Впрочем, со времен разоблачений Э. Сноудена [Snowden 2019] известно, что АНБ и другие спецслужбы США осуществляют сбор аналогичного контента, даже обходясь без возможностей 5G.

Соблазны и опасности цифрового доминирования

Устойчивое лидерство в развитии искусственного интеллекта, 5G и ряда других цифровых технологий не просто сопряжено с сопутствующими экономическими и социально-политическими преимуществами – оно во многих аспектах может рассматриваться

как модель «победитель получает все». Прорыв в этих областях будет означать быструю и радикальную перестройку цепочек добавленной стоимости, драматические изменения на рынках труда и капитала, в степени эффективности управления. И если политическое руководство страны – вероятного лидера в развитии соответствующей технологии – постарается регулировать ее внедрение таким образом, чтобы минимизировать негативные последствия для собственных населения и экономики, то в отношении социально-экономического ландшафта других стран едва ли будет проявлена такая же степень деликатности. Скорее, наоборот, при наиболее негативном развитии событий резко возрастет соблазн нанести противникам неприемлемый ущерб, не прибегая к военной силе. Разумеется, на поверхности будет щедрое предложение потребителям по всему миру невиданных прежде благ, но воспользоваться предложением можно будет только через встраивание в новую глобальную систему доминирования. В военной сфере быстрый прогресс в разработке автономных систем вооружения (Autonomous Weapons Systems) также может привести к нарушению глобального и/или региональных балансов сил. В этом контексте слова президента России В.В. Путина о том, что монополист в сфере искусственного интеллекта «станет властелином мира» [Путин: «монополист в сфере искусственного интеллекта может стать властелином мира» 2019], стоит рассматривать как вполне реалистичную оценку последствий гонки между группой государств за достижение лидерства в этой области.

Следует также учитывать, что состязание за лидерство в разработке ключевых цифровых технологий не ограничится межгосударственными отношениями. Оно предполагает жест-

кую конкуренцию крупнейших корпоративных игроков (пока это выглядит в основном как противостояние между американской и китайской «большими пятерками» соответственно: Facebook, Alphabet, Apple, Microsoft, Amazon – Alibaba, Baidu, Huawei, Tencent, ZTE), а также конкуренцию моделей индустриального производства, базирующихся на старых и новых технологиях [Scott, Heumann, Lorenz 2018]. Сама эта ситуация будет создавать очень серьезную психологическую нагрузку на политических лидеров, подталкивать их к выбору ложной или весьма рискованной стратегии действий наподобие «ловушки Фукидида» [Allison 2017].

Ситуация продвижения к монополии в сфере искусственного интеллекта и критически важных цифровых технологий очень опасна. Как для тех, кто реально претендует на киберпревосходство, так и для других акторов имеется достаточно оснований стремиться не накалять ее до предела, а обеспечивать приемлемый уровень менеджмента рисков. В числе возможных шагов, ведущих к деэскалации напряженности, можно назвать, прежде всего, готовность к выработке в формате международного взаимодействия базовых норм, правил и ограничений развития и применения искусственного интеллекта и цифровых технологий. Очень важна при этом готовность международных акторов к широкому обмену информацией, к совместному анализу и прогнозированию возможных последствий и коррекции действий, которые в ином случае могли бы привести к таким эффектам, как, например, дестабилизация рынков или неконтролируемый рост безработицы. Страны-лидеры могут при этом предлагать другим государствам и их корпорациям включение в переформатируемые на базе новейших цифровых технологий цепочки добавленной стоимости, т. е. раз-

делить вместе с ними «сладкие плоды» цифровой революции и порождаемого ею экономического роста. Более того, ориентирующиеся на того или иного цифрового лидера развивающиеся страны могут рассчитывать на возможность «перепрыгнуть» через целые стадии индустриального развития и «вписаться» в сформированный при их участии новый ландшафт цифровой экономики. По крайней мере, такого рода перспектива может быть одним из стимулов участия различных государств в многосторонних инициативах, подобных «Цифровому шелковому пути». В конечном счете речь идет о возможности повышения доверия к намерениям акторов, имеющих потенциал занять доминирующую позицию в цифровую эпоху. Поэтому и саму ситуацию можно описать как одновременную гонку за достижение решающего преимущества в развитии цифровых технологий и борьбу за доверие собственных граждан и мирового сообщества.

После пандемии: биогеополитика и цифровые технологии

Разразившаяся в 2020 г. пандемия коронавируса и вызванный ею обвал мировой экономики, по всей видимости, приведут к радикализации процессов формирования цифрового общества. Падение ВВП всего лишь за первые 12 недель глобального локдауна сопоставимо с кумулятивным падением спроса за год-два предыдущего кризиса 2008–2009 гг. [Григорьев, Павлюшина, Музыченко 2020]. Глобальный кризис, в который погрузилось человечество, породил не только новую угрожающую

реальность, но и создал ситуацию «момента истины» в отношении множества устоявшихся представлений о мировой динамике, о взаимосвязи природного, социального и технического. Одна из основных особенностей социального измерения COVID-19 состоит в том, что это первая пандемия эпохи глобализации и цифровой экономики.

Большую роль в сдерживании распространения вирусной инфекции сыграли технологии цифрового наблюдения и распознавания лиц, высокую эффективность использования которых продемонстрировал Китай, а также ряд других стран Восточной Азии. В ходе борьбы с эпидемией в Китае впервые столь массированно были апробированы приложения облачных, супер- и когнитивных вычислений, смарт-слияния сенсорных сетей, квадрокоптеров, смартфонов и персональных гаджетов, цифровых биологических и санитарных двойников и т. д. Эффективности их комбинированного применения способствовало внедрение на протяжении нескольких лет системы социального кредита, которая представляет собой не только механизм беспрецедентного контроля частной жизни со стороны государства, но и привлекательную для многих граждан КНР сделку с властью, позволяющую при соблюдении ее условий добиться повышения социального статуса и материального благосостояния лояльного индивида [Liang, Das, Kostyuk 2018].

Быстрое распространение сведений об ухудшении эпидемической обстановки в Китае², а затем в ряде европейских стран и США позволило своевременно принять необходимые меры в других странах и регионах. Большое значение имел широкий обмен меж-

2 Имеется в виду переход властей КНР к относительно большей открытости в информировании о COVID-19 со второй половины января 2020 г.

ду медиками различных стран информацией и опытом работы по борьбе с коронавирусом практически в режиме реального времени. Вместе с тем, как и в прошлые эпохи, для пандемии 2020 г. было характерно распространение панических настроений, суеверий и слухов. Но сейчас сам этот процесс стал почти мгновенным, будучи опосредован электронными сетевыми сервисами. Так, с декабря 2019 по март 2020 г. количество обращений к 76 американским сайтам, предоставлявшим дезинформацию о COVID-19, в 142 раза превысило количество обращений к сайтам Всемирной организации здравоохранения и Американского центра контроля и профилактики заболеваний, являющихся наиболее авторитетными источниками информации о развитии пандемии [Perlow 2020]. Не случайно в разгар пандемии COVID-19 обрел популярность неологизм «инфодемия» [Макдоннелл 2020].

Длительное пребывание в карантине сотен миллионов людей в странах Евразии и Америки стало идеальным стресс-тестом для уже реализованных на разных уровнях программ и проектов дигитализации [Марков 2020]. Выявились не только преимущества, связанные с масштабом и скоростью цифрового перехода, но и недостатки, обусловленные качеством планирования и исполнения соответствующих программ. В случае России, в частности, быстро обнаружилось, что система образования в стране, несмотря на браваурную отчетность предыдущих лет, недостаточно подготовлена к массовому переходу к онлайн-обучению.

Коронакризис представляет собой исключительную возможность резко ускорить структурную перестройку. Китай, столкнувшийся после жесточайших карантинных мер со всплеском безработицы и небывалым со времени «культурной революции» падением

производства, по всей видимости, делает выбор в пользу значительно более решительного свертывания энергоемких и экологически вредных производств. В то же время дополнительные инвестиции будут направлены на развитие цифровой экономики, на то, чтобы закрепить за собой в этой сфере лидирующие позиции. Совсем нет уверенности, что на аналогичный маневр будет способна администрация США, особенно в условиях разворачивающейся избирательной кампании. Маловероятно, что Д. Трамп решится подорвать позиции своего ядерного электората в том же «ржавом поясе» Америки и создать предпочтительные условия для мощного притока инвестиций в Силиконовую долину, заведомо голосящую за демократов.

Чрезвычайно важной в условиях пандемии становится способность систем социального управления, вставших на путь внедрения цифровых технологий, к быстрой адаптации. Если такие системы в период коронакризиса окажутся способными к быстрой перестройке и исправлению выявившихся изъянов, то соответствующий глобальный игрок получит преимущества на этапе посткризисного реформирования мирового политико-экономического порядка. Высока вероятность, что эта корреляция окажется очень жесткой, вплоть до конвергенции биополитики и геополитики. *Биогеополитика* постпандемической эпохи будет означать, что важнейшим условием достижения перевеса в глобальном или региональном соотношении сил государственных акторов станет большая степень «успешности» соответствующего государства не только в контроле индивидов и групп, но и – в терминологии Дж. Агамбена – в производстве и регулировании «голой жизни» [Агамбен 2011]. Несложно предположить, что цифровые технологии

и искусственный интеллект станут основными инструментами реализации биовласти и ее проекции на мировую политику.

При этом важно, чтобы преимущества использования цифровых технологий не ограничивались сферой наблюдения и контроля, а охватывали более широкий спектр взаимосвязей между суверенной политической властью и жизненным миром индивида. В конечном счете речь идет о том, кто из крупных глобальных игроков первым сумеет выйти из парадигмы «надзирать и наказывать» и предложит более позитивную повестку цифрового будущего, опираясь при этом на собственный научно-технологический потенциал, а также – насколько возможно – на потенциал союзников и партнеров.

О задачах российских «мозговых центров», изучающих развитие искусственного интеллекта и цифровых технологий

Пандемия как социальный стресс и связанный с ним экономический кризис ускорят выход информационно-цифрового пространства из-под контроля элит стран Запада. Эстафету контроля все более уверенно будут перехватывать суверенные государства, по крайней мере, те из них, кто в ходе кризиса сумеет подтвердить суверенность не только на бумаге. В этом плане новации в российском законодательстве последних лет и конституционные изменения 2020 г. лишь усиливают тренд на суверенизацию цифрового пространства. Цифровой суверенитет в сочетании со способностью государства обеспечить суверенный контроль системы расчетов, финансовых и товарных потоков, оказывать активное влияние на видоизменение цепочек добавленной

стоимости, формировать партнерства с другими государственными акторами для создания новых механизмов глобального управления становятся важнейшей предпосылкой выживания в международной политико-экономической среде, которая, вероятно, окажется намного менее благоприятной, чем пандемии COVID-19.

У России, безусловно, есть потенциал для того, чтобы избежать положения аутсайдера в биогеополитическом соревновании, включая разработку и использование инструментария цифровых технологий. В первом приближении не столь уж сложно определить приоритетность основных вариантов стратегии дальнейшего движения к цифровому будущему:

- добиваться реализации принципа цифрового суверенитета при опоре на собственный научно-технологический потенциал;
- там, где это невозможно либо экономически совершенно неэффективно, диверсифицировать связи с внешними поставщиками, избегая критической зависимости от одного из них;
- если невозможна и диверсификация, переходить на китайскую технологическую платформу (иного варианта без неприемлемых геополитических уступок в обозримом будущем не предвидится).

При этом Россия, очевидно, будет и далее заинтересована в разработке мировым сообществом обязывающих норм и правил (включая ряд ограничений и запретов) развития искусственного интеллекта и технологий цифровой реальности. Соответственно, резко возрастает уровень ответственности научного сообщества, которое должно обеспечить на должном уровне экспертную поддержку разработки необходимых политических решений.

В данном контексте попробуем сформулировать актуальные задачи российских научно-аналитических центров, занимающихся комплексными социально-политическими проблемами развития искусственного интеллекта и цифровых технологий. Эти задачи должны включать в себя проблематику, связанную с мировой политикой и макросоциальными процессами, обусловленными переходом к цифровому обществу. В конечном счете речь идет о широком диапазоне показателей онтологической безопасности, характеризующих устойчивость взаимодействий внутри социобиотехнических систем [Ефременко, Яницкий, Ермолаева 2019] и способствующих поддержанию чувства защищенности людей, участвующих в этих взаимодействиях.

В числе таких задач необходимо назвать:

- систематический сравнительный анализ процессов перехода ведущих стран мира к цифровой экономике и цифровому обществу, влияние этих процессов на укрепление позиций тех или иных стран в структуре международных экономических и политических отношений с точки зрения «мягкой и жесткой силы»;
- комплексное исследование проблематики прав человека (индивидов и сообществ) в контексте развития искусственного интеллекта и цифровых технологий;
- активизацию международно-правовых исследований, связанных с регулированием и ограничением применения технологий искусственного интеллекта (в частности, в военных целях), разработку новых подходов к проблематике государственного суверенитета в условиях постоянно расширяющегося применения технологий искусственного интеллекта (ИИ), формирование особого правового режима массового применения роботов в самых различных сферах;
- мониторинг трансформаций на рынках труда, обусловленных широким внедрением цифровых технологий, изменения в цифровом обществе структуры профессий, социальной стратификации и моделей социальной мобильности, усиления социального неравенства внутри отдельных регионов и стран, а также в глобальном масштабе;
- изучение мирового опыта подготовки кадров на новом качественном уровне, предполагающем не только обучение безработных новым профессиям, но также профессиональную адаптацию к новым и быстро меняющимся форматам человеко-машинного взаимодействия на основе внедрения цифровых технологий;
- изучение различных вариантов переориентации системы образования, начиная с начальной школы, позволяющей учесть новые особенности социализации личности и изменения поведенческих паттернов, обусловленных экспансией в жизненный мир человека цифровых технологий;
- мониторинг использования ведущими государствами и негосударственными структурами технологий больших данных (Big Data), искусственного интеллекта и иных кибертехнологий для решения политических задач, включая их использование в целях политической дестабилизации и дезинформации либо для противостояния таким действиям;
- анализ геополитического контекста значимых проектов по переходу к цифровой экономике (например, цифровая железная дорога);

- изучение перспектив использования ИИ для решения задач повышения связанности территорий России, постсоветского пространства, евразийского континента, освоения тех регионов, которые прежде блокировались в силу заведомой нерентабельности; развитие нового поколения транспортных систем и их включение в трансконтинентальные транспортные маршруты, создание вдоль них коридоров развития, где доминирующую роль будут играть технологии ИИ;
 - геопространственный анализ на основе использования географических информационных систем (ГИС), исследование при его помощи культурных трендов, урбодинамики, распространения идей, поведенческих моделей и т. д.;
 - изучение комплексных рисков дальнейшей конвергенции технологий, в частности, развития технологий искусственного интеллекта по траектории биологического моделирования (нейросети), новейших достижений синтетической биологии и нанотехнологий;
 - разработку рекомендаций относительно упреждающих действий государственных акторов по ограничению внешнего воздействия на национальные телекоммуникационные системы и медиапространство с использованием новейших цифровых технологий, рассмотрению позитивных и негативных сторон уже имеющегося опыта;
 - применение методов интеллектуального анализа больших текстовых массивов (text mining) для изучения дискурсов о мировой политике, идентификации этнополитической напряженности и т. п., мониторинга динамики социальных и политических конфликтов;
 - составление с использованием средств визуализации интерактивных карт угроз и проблемных объектов, обсуждаемых на высоком международном уровне.
- Приведенный перечень не является исчерпывающим. Однако он показывает масштаб исследовательской и экспертно-аналитической работы, необходимой для обеспечения процесса принятия политических решений. Организация такой работы в рамках одного или нескольких научных центров предполагает наличие солидного опыта междисциплинарных исследований, поскольку речь идет об анализе широкого спектра социальных взаимодействий, в которые вовлекаются и несоциальные объекты (природные и технические), а «катализатором» изменений выступают технологии связи 5G, Интернет вещей, искусственный интеллект. Также необходимы устойчивые навыки анализа гетерогенных по составу массивов научной и общественно-политической информации, способность к гибкому реагированию на изменения, готовность научной экспертно-аналитической организации к работе в разных форматах – от эксклюзивного анализа и прогноза, предназначенных для одного заказчика, до широкой презентации своих наработок в публичной сфере. В конечном счете качество экспертно-аналитического обеспечения является важной составляющей истории успеха тех стран, которые имеют наибольшие шансы на лидерство в развитии цифровых технологий.

Список литературы

- Агамбен Д. (2011) Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа.
- Гончаренко Р. (2018) Удар под корень, или могут ли США отключить Россию от Интернета // Deutsche Welle. 16 января

2018 // <https://www.dw.com/ru/удар-подкорень-или-могут-ли-сша-отключить-россию-от-интернета/a-42154490>, дата обращения 21.05.2020.

Григорьев Л.М., Павлюшина В.А., Музыченко Е.Э. (2020) Падение в мировую рецессию... // Вопросы экономики. № 5. С. 5–24. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-5-5-24

Дисэн Г. (2018) Геоэкономика Китая и «новая холодная война» // Россия в глобальной политике. 26 декабря 2018 // <https://globalaffairs.ru/valday/Geoekonomika-Kitaya-i-novaya-kholodnaya-voina-19890>, дата обращения 21.05.2020.

Ефременко Д.В. (2014) За флажки. Россия в авангарде пересмотра мирового порядка // Россия в глобальной политике. Т. 12. № 3. С. 8–23 // <https://globalaffairs.ru/articles/za-flazhki/>, дата обращения 21.05.2020.

Ефременко Д.В., Яницкий О.Н., Ермолаева П.О. (2019) О социобиотехнических системах // Вопросы философии. № 5. С. 138–147. DOI: 10.31857/S004287440005064-5

Караганов С.А. (2019) Куда и с кем идти. Внешняя политика на пороге нового десятилетия. // Российская газета. 26 декабря 2019 // <https://rg.ru/2019/12/26/sergej-karaganov-neobhodim-kurs-na-preodolenie-ostatocchnogo-zapadnocentrizma.html>, дата обращения 21.05.2020.

Лукин А.В. (2019) Дискуссия о развитии Китая и перспективы его внешней политики // ПОЛИС. № 1. С. 71–89. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06

Макдонелл Л. (2020) Вирус дезинформации. Чему можно верить в соцсетях? // Международный дискуссионный клуб Валдай. 8 апреля 2020 // https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/virus-dezinformatsii/?utm_source=newsletter&utm_campaign=165&utm_medium=email, дата обращения 21.05.2020.

Марков А. (2020) Информационная безопасность в условиях пандемии COVID-19 // Российский совет по международным делам. 9 апреля 2020 // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnaya-bezopasnost-v-usloviyakh-pandemii-covid-19/>, дата обращения 21.05.2020.

МТС и Huawei займутся развитием 5G в России (2019) // РБК. 6 июня 2019 // https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/06/2019/5cf7d7ab9a79475b30e51df3, дата обращения 21.05.2020.

Послание Президента Федеральному Собранию (2020) // Президент России. 15 января 2020 // <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>, дата обращения 21.05.2020.

Путин: «монополист в сфере искусственного интеллекта может стать властелином мира» (2019) // ТАСС. 30 мая 2019 // <https://tass.ru/ekonomika/6489864>, дата обращения 21.05.2020.

Тимофеев О.А. (2019) Китайско-американский торговый конфликт 2019 года и его перспективы: между пессимизмом и неизвестностью // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIV: ежегодное издание. М.: ИДВ РАН. С. 173–187.

Allison G. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt.

Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Election (2017) // National Intelligence Council, January 6, 2017 // https://en.wikisource.org/wiki/Assessing_Russian_Activities_and_Intentions_in_Recent_US_Elections, дата обращения 21.05.2020.

Barr W.P. (2020) Attorney General William P. Barr Delivers the Keynote Address at the Department of Justice's China Initiative Conference // The United States Department of Justice, February 6, 2020 //

<https://www.justice.gov/opa/speech/attorney-general-william-p-barr-delivers-keynote-address-department-justices-china>, дата обращения 21.05.2020.

Bremmer I. (2019) The End of the American Order: Ian Bremmer Speech at 2019 GZERO Summit // Eurasia Group, November 18, 2019 // <https://www.eurasiagroup.net/live-post/end-of-american-order-ian-bremmer-2019-gzero-summit-speech>, дата обращения 21.05.2020.

Chan E. (2018) 'Made in China 2025': Is Beijing's Plan for Hi-Tech Dominance as Big a Threat as the West Thinks It Is? // South China Morning Post, September 10, 2018 // <https://www.scmp.com/business/china-business/article/2163601/made-china-2025-beijings-plan-hi-tech-dominance-big-threat>, дата обращения 21.05.2020.

Cheney C. (2019) China's Digital Silk Road: Strategic Technological Competition and Exporting Political Illiberalism // Council on Foreign Relations, September 26, 2019 // <https://www.cfr.org/blog/chinas-digital-silk-road-strategic-technological-competition-and-exporting-political>, дата обращения 21.05.2020.

Hemmings J., Cha P. (2020) The Hidden Dangers of China's Digital Silk Road // The National Interest, March 11, 2020 // <https://nationalinterest.org/feature/hidden-dangers-chinas-digital-silk-road-131887>, дата обращения 22.04.2020.

Hicks K. et al. (2019) By Other Means. Part I: Campaigning in the Gray Zone. A Report on the CSIS International Security Program, New York: Rowman & Littlefield.

Liang F., Das V., Kostyuk N. (2018) Constructing a Data-driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure // Policy & Internet, vol. 10, no 4, pp. 415–453 // https://www.researchgate.net/publication/326817957_Constructing_a_Data-Driven_Society_China's_Social_Credit_System_as_a_State_Surveillance_Infrastructure, дата обращения 21.05.2020.

Mueller R.S. (2019) Report on the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election. Special Counsel Robert S. Mueller, III, vol. 1–2, Washington D.C.

National Cyber Strategy of the United States of America (2018) // The White House // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>, дата обращения 21.05.2020.

Perlow J. (2020) Coronavirus Misinformation Spreading Fast: Fake News on COVID-19 Shared Far More Than CDC, WHO Reports // ZDNet, March 3, 2020 // <https://www.zdnet.com/article/coronavirus-misinformation-is-increasing-newsguard-finds/>, дата обращения 21.05.2020.

Russia Plants Its Flag in the Digital Realm (2019) // Stratfor, March 19, 2019 // <https://worldview.stratfor.com/article/russia-plants-its-flag-digital-realm-cybersecurity-internet>, дата обращения 21.05.2020.

Scott B., Heumann S., Lorenz Ph. (2018) Artificial Intelligence and Foreign Policy // Stiftung Neue Verantwortung, January 2018 // https://www.stiftung-nv.de/sites/default/files/ai_foreign_policy.pdf, дата обращения 21.05.2020.

Snowden E. (2019) Permanent Record, New York: Metropolitan Books.

Van Alstyne M., Brinolfsson E. (1997) Electronic Communities: Global Village or Cyberbalkans? // MIT Sloan School // <http://web.mit.edu/marshall/www/papers/CyberBalkans.pdf>, дата обращения 21.05.2020.

Wroughton L., Brunnstrom D. (2018) Wary of China's Rise, Pompeo Announces U.S. Initiatives in Emerging Asia // Reuters, July 30, 2018 // <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade/wary-of-chinas-rise-pompeo-announces-us-initiatives-in-emerging-asia-idUSKBN1KK0V5>, дата обращения 21.05.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-2

Formation of Digital Society and Geopolitical Competition

Dmitry V. EFREMENKO

DSc in Politics, Deputy Director

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 117997, Nakhimovskij Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: efdv2015@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6988-472X

CITATION: Efremenko D.V. (2020) Formation of Digital Society and Geopolitical Competition. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 25–43 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-2

Received: 29.04.2020.

ABSTRACT. *The article discusses the growing interdependence between the geopolitical competition of great powers and the development of digital technologies. Throughout the 2010s, the contradictions of the leading states regarding the control and regulation of the Internet have noticeably intensified. In the absence of universal rules for information security, the Internet is evolving towards a kind of “gray zone” in which various actors can use the wide range of available tools to achieve their political or other goals without fear of being drawn into a full-scale conflict.*

Nowadays, the geopolitical rivalry, primarily between the United States and China, covers a wide range of digital technologies, including artificial intelligence. It is highly likely that during the 2020s, China and the United States will create two competing and increasingly less compatible global ecosystems for the development of the Internet of things, big data processing technologies, 5 G mobile communications, additive technologies, robotics, etc. The choice of one of the ecosystems will at the same time become a geopolitical choice, which, obviously, during the next decade all state actors in the system of international relations will have to make.

KEY WORDS: *Artificial Intelligence, digital technologies, digital society, geopolitics, communication networks 5G, USA, China, Russia, expert and analytical activities*

References

Agamben G. (2011) *Homo Sacer: Sovereign Power and Bare Life*, Moscow: “Evropa” (in Russian).

Allison G. (2017) *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides’s Trap?* Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt.

Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Election (2017). *National Intelligence Council*, January 6, 2017. Available at: https://en.wikisource.org/wiki/Assessing_Russian_Activities_and_Intentions_in_Recent_US_Elections, accessed 21.05.2020.

Barr W.P. (2020) Attorney General William P. Barr Delivers the Keynote Address at the Department of Justice’s China Initiative Conference. *The United States Department of Justice*, February 6, 2020. Available at: <https://www.justice.gov/opa/speech/attorney-general-william-p-barr-delivers->

keynote-address-department-justices-china, accessed 21.05.2020.

Bremmer I. (2019) The End of the American Order: Ian Bremmer speech at 2019 GZERO Summit. *Eurasia Group*, November 18, 2019. Available at: <https://www.eurasiagroup.net/live-post/end-of-american-order-ian-bremmer-2019-gzero-summit-speech>, accessed 21.05.2020.

Chan E. (2018) 'Made in China 2025': Is Beijing's Plan for Hi-Tech Dominance as Big a Threat as the West Thinks It Is? *South China Morning Post*, September 10, 2018. Available at: <https://www.scmp.com/business/china-business/article/2163601/made-china-2025-beijings-plan-hi-tech-dominance-big-threat>, accessed 21.05.2020.

Cheney C. (2019) China's Digital Silk Road: Strategic Technological Competition and Exporting Political Illiberalism. *Council on Foreign Relations*, September 26, 2019. Available at: <https://www.cfr.org/blog/chinas-digital-silk-road-strategic-technological-competition-and-exporting-political>, accessed 21.05.2020.

Diesen G. (2018) China's Geoeconomics and the "New Cold War". *Russia in Global Affairs*, December 26, 2018. Available at: <https://globalaffairs.ru/valday/Geoekonomika-Kitaya-i-novaya-kholodnaya-voyna-19890>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Efremenko D.V. (2014) Crossing Red Lines. *Russia in Global Affairs*, vol. 12, no 3, pp. 8–23. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/za-flazhki/>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Efremenko D.V., Yanitsky O.N., Ermolaeva P.O. (2019) On Sociobio-technical Systems. *Problems of Philosophy*, no 5, pp. 138–147 (in Russian). DOI: 10.31857/S004287440005064-5

Goncharenko R. (2018) A Root Hit, or Can the United States Disconnect Russia from the Internet. *Deutsche Welle*, January 16, 2018. Available at:

<https://www.dw.com/ru/удар-под-корень-или-могут-ли-сша-отключить-россию-от-интернета/a-42154490>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Grigoryev L.M., Pavlyushina V.A., Muzychenko E.E. (2020) The Fall into 2020 Recession... *Voprosy Ekonomiki*, no 5, pp. 5–24 (in Russian). DOI: 10.32609/0042-8736-2020-5-5-24

Hemmings J., Cha P. (2020) The Hidden Dangers of China's Digital Silk Road. *The National Interest*, March 11, 2020. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/hidden-dangers-chinas-digital-silk-road-131887>, accessed 21.05.2020.

Hicks K. et al. (2019) *By Other Means. Part I: Campaigning in the Gray Zone. A Report on the CSIS International Security Program*, New York: Rowman & Littlefield.

Karaganov S.A. (2019) Where to Go and With Whom to Go. Russia's Foreign Policy on the Threshold of New Decade. *Rossiyskaya gazeta*, December 26, 2019. Available at: <https://rg.ru/2019/12/26/sergej-karaganov-neobhodim-kurs-na-preodolenie-ostatocnogo-zapadocentrizma.html>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Liang F., Das V., Kostyuk N. (2018) Constructing a Data-driven Society: China's Social Credit System as a State Surveillance Infrastructure. *Policy & Internet*, vol. 10, no 4, pp. 415–453. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326817957_Constructing_a_Data-Driven_Society_China's_Social_Credit_System_as_a_State_Surveillance_Infrastructure, accessed 21.05.2020.

Lukin A.V. (2019) Discussion on the Development of China and Prospects for Its Foreign Policy. *POLIS, Political Studies*, no 1, pp. 71–89 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.01.06

McDonell L. (2020) Disinformation Virus. What Can You Believe in Social Networks? *Valdai International Discussion Club*, April 8, 2020. Available at: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/virus-dezinformatsii/?utm_source=news-

letter&utm_campaign=165&utm_medium=email, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Markov A. (2020) Information Security under Conditions of Pandemics COVID19. *Russian International Affairs Council*, April 9, 2020. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnaya-bezopasnost-v-usloviyakh-pandemii-covid-19/>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

MTS and Huawei Will Develop 5G in Russia (2019). *RBC*, June 6, 2019. Available at: https://www.rbc.ru/technology_and_media/05/06/2019/5cf7d7ab9a79475b30e51df3, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Mueller R.S. (2019) *Report on the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election. Special Counsel Robert S. Mueller, III*, vol. 1–2, Washington D.C.

National Cyber Strategy of the United States of America (2018). *The White House*, September 2018. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>, accessed 21.05.2020.

Perlow J. (2020) Coronavirus Misinformation Spreading Fast: Fake News on COVID-19 Shared Far More Than CDC, WHO Reports. *ZDNet*, March 3, 2020. Available at: <https://www.zdnet.com/article/coronavirus-misinformation-is-increasing-newsguard-finds/>, accessed 21.05.2020.

Presidential Address to the Federal Assembly (2020). *President of Russia*, January 15, 2020. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Putin: “Leader in Artificial Intelligence Will Rule the World” (2019). *TASS*, May 30, 2019. Available at: <https://tass.ru/ekonomika/6489864>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Russia Plants Its Flag in the Digital Realm (2019). *Stratfor*, March 19, 2019. Available at: <https://worldview.stratfor.com/article/russia-plants-its-flag-digital-realm-cybersecurity-internet>, accessed 18.04.2020.

Scott B., Heumann S., Lorenz Ph. (2018) Artificial Intelligence and Foreign Policy. *Stiftung Neue Verantwortung*, January 2018. Available at: https://www.stiftung-nv.de/sites/default/files/ai_foreign_policy.pdf, accessed 21.05.2020.

Snowden E. (2019) *Permanent Record*, New York: Metropolitan Books.

Timofeev O.A. (2019) The Sino-US Trade Conflict 2019 and Its Prospects: Between Pessimism and Uncertainty. *China in World and Regional Politics: History and Modernity*. Issue XXIV, Moscow: Institute of Far East of Russian Academy of Sciences, pp. 173–187 (in Russian).

Van Alstyne M., Brinjolffson E. (1997) Electronic Communities: Global Village or Cyberbalkans? *MIT Sloan School*. Available at: <http://web.mit.edu/marshall/www/papers/CyberBalkans.pdf>, accessed 21.05.2020.

Wroughton L., Brunnstrom D. (2018) Wary of China’s Rise, Pompeo Announces U.S. Initiatives in Emerging Asia. *Reuters*, July 30, 2018. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-usa-trade/wary-of-chinas-rise-pompeo-announces-us-initiatives-in-emerging-asia-idUSKBN1K-K0V5>, accessed 21.05.2020.

Российский опыт

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-3

«Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие

Светлана Игоревна КОДАНЕВА

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117218, ул. Кржижановского, д. 15, к. 2, Москва, Российская Федерация
E-mail: kodanevas@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8232-9533

ЦИТИРОВАНИЕ: Коданева С.И. (2020) «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 2. С. 44–71. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-3

Статья поступила в редакцию 25.01.2020.

АННОТАЦИЯ. В научной литературе принято рассматривать и анализировать войну исключительно как насильственное (конвенционное) противостояние субъектов международной политики. Однако при этом не учитывается, что современные войны все чаще разворачиваются в «серой зоне», т. е. вне рамок международного права, ведутся они как в физическом, так и в иных измерениях – информационном, кибернетическом, культурном, когнитивном, – в основном невоенными способами и с привлечением иррегулярных формирований (повстанцев, террористов и т. п.). В результате сегодняшнее межгосударственное противостояние становится все более сложным и комплексным – гибридным, представляя новые механизмы неядерного сдерживания.

Важно понимать, что неумение вовремя распознать ведущуюся противником войну, определить направление удара губило многие государства, начиная с Римской империи и заканчивая СССР. Это определяет актуальность и своевременность настоящего исследо-

вания, направленного на анализ содержания феномена гибридной войны, выбор основных применяемых сегодня способов ее ведения и предложение мер противодействия.

Следует признать, что в современной научной литературе нет единого подхода к пониманию того, что собой представляет гибридная война, что вполне объяснимо именно ее сутью – изменчивостью, сложностью и комплексностью способов ее ведения, а также гибкостью и адаптивностью к конкретным обстоятельствам. Существует достаточно много разрозненных исследований, посвященных отдельным составляющим гибридной войны, таким как «мягкая сила», информационная, экономическая и кибервойны, «цветные революции» и т. д., в которых различные авторы используют противоречивые подходы.

Предметом настоящего исследования является феномен гибридных войн, его содержание и конкретные способы ведения таких войн. Целью работы является проведение комплексного ана-

лиза предмета исследования, а также структурирование явлений, образующих в своем комплексе феномен гибридной войны, определение их соотношения и взаимного влияния различных способов ведения гибридной войны, формулирование конкретных предложений по противодействию угрозам национальной безопасности России.

В статье подчеркивается важность выработки комплексных стратегических подходов, направленных, прежде всего, на выявление уязвимостей, а также включающих духовную безопасность как основу всей системы безопасности и противодействия гибридным угрозам.

С учетом указанных предмета и цели во введении раскрывается актуальность исследования феномена гибридной войны и опасность, которую данный вид межгосударственного противостояния представляет для России. Затем анализируются понятие гибридной войны и ее содержание, а также четыре основных способа ее ведения. По результатам проведенного анализа следуют выводы и предложения по противодействию угрозам национальной безопасности России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гибридные войны, гибридные угрозы, мягкая сила, информационная война, информационная безопасность, кибербезопасность, социальные сети, критическая инфраструктура, национальная безопасность

Введение

Сегодня мир стремительно меняется под воздействием современных технологий, которые во многом сближают людей всего земного шара. Действительно, с помощью сети Интернет мы можем общаться с любым человеком в любой точке света, обмениваясь мгно-

венными сообщениями. С одной стороны, это делает нашу жизнь более свободной и удобной. С другой стороны, размываются национальные границы и, что значительно важнее, традиции государств. Глобализация очень широко обсуждается в современной научной литературе в самых разных аспектах. Однако в настоящей статье мы предлагаем обратиться к исследованию последствий глобализации и массового распространения современных технологий для безопасности государств.

Прежде всего речь идет о формировании единого мирового информационного пространства, которое кардинально меняет духовную жизнь общества и выступает одним из ключевых факторов формирования нового национального самосознания. Современные СМИ и социальные сети позволяют создавать и передавать на любые расстояния информационные продукты. Россия как часть мировой информационной сети является также активным потребителем подобного контента, формируемого как на территории нашей страны, так и за рубежом. В результате происходит интенсивный процесс межкультурных коммуникаций, и следует признать, что Россия не столько предлагает миру свои культурные ценности, сколько потребляет предложенные Западом ценностные образцы, которые уже довольно прочно укоренились в российском национальном сознании.

Давно известно, что подобное воздействие является частью «мягкой силы» – метода влияния на иностранные государства с целью навязывания им своих ценностей и идеологии. Безусловно, главным источником такой «мягкой силы» являются Соединенные Штаты Америки, успешно распространившие по всему миру свои «либеральные ценности». Однако, к слову сказать, Китай стремится к тому, чтобы на

равных конкурировать с США на данной почве, активно инвестируя в распространение своих культурных ценностей по всему миру [Политика «мягкой силы» Китая в Азии 2019].

Как указано в Концепции внешней политики РФ, инструменты «мягкой силы» все активнее используются в международной политике для решения различных внешнеполитических задач. Эти инструменты включают в себя различные способы иностранного влияния на гражданское общество, информационно-коммуникационные и социальные системы государств. На решение военных, политических, экономических конфликтов в международных отношениях все активнее влияют информационные приемы формирования общественного мнения, финансово-экономические технологии внедрения массовых стандартов, продвижение культурно-исторических оценок моделей национального развития, рейтинговые оценки финансовой и социальной стабильности [Ступаков 2018]. Эти гибридные методы воздействия крайне разнообразны, гибки и довольно легко адаптируются для различных задач.

Не случайно специалисты все активнее говорят о нарастании так называемой гибридной войны. Это явление все активнее используется в противоборстве между государствами, становится все сложнее и многограннее, что связано с опасностью (для всей цивилизации) применения современных достижений в области военной техники, которая развивается так стремительно, что риск уничтожения всего человечества в случае столкновения крупных и сильных в плане военного оснащения государств все больше возрастает. В результате человечество должно либо во-

обще отказаться от разрешения возникающих конфликтов военным путем, либо способы противостояния должны трансформироваться. Поэтому современные конфликты становятся все более сложными и комплексными, в них все реже задействуют непосредственно военную силу. Мы имеем дело с современным видом межгосударственно-противостояния и эффективным инструментом стратегического неядерного сдерживания, предполагающим беспрецедентное сочетание комплекса мер силового и несилового воздействия на противника в реальном времени.

Современная война переходит из мира реального в мир виртуальный – киберпространство, где разворачивается настоящее противоборство сверхдержав; более того, война из явления сугубо физического все больше переходит в духовную и идеологическую плоскость, когда современные технологии используются для управления массовым сознанием; наконец, глобальный финансовый и особенно банковский сектора предоставляют серьезные экономические рычаги влияния на государство.

Понятие «гибридная война» и основные способы ее ведения

Термин «гибридная война», все более активно используемый в современной политической риторике, появился в 2007 г. в США¹, хотя среди специалистов до сих пор не сформировалось единого определения данного явления. На сегодняшний день можно выделить три основных подхода. В соответствии с первым, гибридная война – это совокупность враждебных действий одного государства в отношении друго-

¹ Авторство принадлежит научному сотруднику Министерства обороны США Ф.Г. Хоффману, который сформулировал классическую концепцию гибридной войны.

го, а также разнообразная военная, финансово-экономическая и общественно-политическая поддержка противников правящего режима [Williamson, Mansoor 2012]².

При втором подходе гибридная война подразумевает сочетание вооруженных и невооруженных действий одного государства в отношении другого (данный подход скорее относится к операциям, носящим гибридный характер, когда военные действия сопровождаются, например, информационными атаками. Именно по такому сценарию была проведена операция в Косово). Одним из наиболее признанных определений гибридной войны при данном подходе является формулировка Международного института стратегических исследований Military Balance, согласно которой «гибридная операция – это использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезапности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, использование дипломатических действий, масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации, прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением» [Кучинская 2018, с. 123]³.

Наконец, третий подход – комплексный, при котором определение гибридной войны складывается из ключевых особенностей обоих подходов, – это совокупность разнообразных невооруженных враждебных действий с ограниченным использованием, при необ-

ходимости, вооруженных сил специального назначения; сочетание мультимодальных и многовариантных действий и конфликтов [Hoffman 2009]⁴. Так, к способам ведения гибридной войны можно отнести:

- политическое давление на международной арене;
- экономические санкции;
- информационные войны;
- кибервойны;
- деятельность спецслужб на территории противника, спонсирование оппозиции, сепаратистов, а также террористических организаций, действия, направленные на повышение преступности (например, наркоторговли и торговли оружием, людьми, вовлечение несовершеннолетних в преступный бизнес и т. д.)⁵.

Таким образом, суть современной гибридной войны заключается в:

- использовании «мягкой силы», основанной на экономическом и политическом влиянии;
- экономическом «закабалении» противника и экономических войнах;
- применении современных технологий пропаганды и информационной обработки населения противника; создании информационных агентств на территории противника и/или расширении вещания подконтрольных СМИ среди местного населения с целью донесения иного взгляда на общественные процессы и форми-

2 Данного подхода также придерживаются Кучинская М.Е. [Кучинская 2018], Ford Ch.M., Williams W.S. [Ford, Williams 2018] и др.

3 Данного подхода также придерживаются Ладыгин Ф.И., Афанасьев С.В. [Ладыгин, Афанасьев 2017], Фролов А.В. [Фролов 2019] и др.

4 Данного подхода придерживается НАТО [The Secretary General's Annual Report 2018], Hunter E., Pernik P. [Hunter, Pernik 2015], МСДС [Countering Hybrid Warfare: Conceptual Foundations and Implications for Defence Forces 2019] и др.

5 Так, А.В. Панова приводит пример, когда с помощью технологий информационной войны в подростковую культуру внедряются элементы культуры криминальной, идеология банды, которая должна жить по воровским законам [Панова 2019].

- рования искаженного восприятия действительности, дискредитации политического лидера и руководства страны (информационная война);
- кибератаках на объекты критической инфраструктуры, органы власти, финансовые учреждения с целью нарушения их нормального функционирования, разрушения экономической основы существования государства; психологическом давлении на население противника (как часть информационной войны);
 - выдвигании агентов влияния из местного населения, оказании им финансовой и организационной поддержки с целью организации протестных акций, провокаций власти и массовых мероприятий, дискредитирующих правительство; по возможности – организации гражданского неповиновения, массовых беспорядков, «цветных революций»;
 - создании и поддержке сепаратистских и террористических организаций, разжигании «партизанских» войн, криминализации общества.

При этом гибридная война предусматривает три стадии [Брычков и др. 2019]:

1. Расшатывание ситуации.
2. Деградация, разорение и распад страны с ее превращением в «недееспособное» государство.
3. Смена политической власти.

Таким образом, гибридная война предполагает интеграцию различных реальных и виртуальных угроз (дипломатических, военных, экономических, информационных и т. д.) с целью психологического воздействия на государство-жертву, погружение его в си-

туацию неопределенности, ослабление и разрушение без объявления войны, а также на создание вокруг него соответствующего информационного поля, призванного сформировать у мировой общественности такой образ данного государства, который оправдывал бы любые недружественные и даже агрессивные действия в его адрес.

Очевидно, что Россия, а ранее Советский Союз были жертвами такой войны, проводимой США. Так, на международной арене постоянно проводятся акции, направленные на уменьшение международного влияния России, ее изоляцию. Причем акции эти могут проводиться в самых разных сферах, например, к таковым можно отнести отстранение российских спортсменов от участия в Олимпиаде, разжигание допинговых скандалов, раскол православия на Украине или постоянное блокирование в Совете Безопасности ООН любых решений, предлагаемых Россией. В экономической сфере – это санкции, а также ограничение доступа российских компаний на зарубежные рынки. В последнее время все более популярным приемом стало переписывание истории, искажение событий Второй мировой войны и роли в ней Советского Союза. Наконец, это прямая пропаганда образа «империи зла» сначала в отношении СССР, а теперь и России. Особенно активно такая пропаганда стала вестись в связи с событиями на Украине, которые привели к присоединению Крыма к России, образованию ДНР и ЛНР.

Характерно, что западные СМИ и политологи возлагают ответственность за разработку и внедрение в практику международных отношений соответствующих технологий, которые характеризуются как вероломные и глубоко аморальные, на Россию (см, например, [Karlsen 2019; Bowman 2018; Clas 2018; Major, Davis 2015]).

Инструменты «мягкой силы» как элемент гибридной войны

Основы концепции «мягкой силы» были заложены в 1990-х гг. американским политологом Дж. Наем, который определял ее как способность государства добиваться желаемого результата во внешней политике не столько с помощью принуждения и оказания давления, сколько посредством убеждения и привлечения на свою сторону зарубежной аудитории. Соответственно, первоначально данная концепция состояла из трех элементов: политического курса, ценностей и культуры [Крячкина 2019].

Впоследствии она постоянно развивалась и расширялась. Так, если обратиться к рейтингу «мягкой силы» государств The Soft Power 30 2019 г., то в нем нашли отражение не только многочисленные ее источники, но и глобальный политический контекст, включающий как тенденции глобализации и сопровождающего ее ослабления политической власти национальных правительств, при котором негосударственные субъекты играют все большую роль в управлении, так и такие аспекты, как цифровая революция и даже изменение климата. Соответственно, данный индекс учитывает объективные (система управления, уровень цифровизации, культурное наследие, уровень образования, развитие предпринимательства и др.) и субъективные данные (дружелюбность, кухня, люксовые товары, внешняя политика, качество жизни и др.) [The Soft Power 30 2019].

«Мягкая сила» Запада и, прежде всего, Соединенных Штатов Америки традиционно имеет целью «распространить западные ценности и институты, вынуждая другие общества уважать права человека, как их понимают на Западе, и принять демократию по западной модели» [Брычков и др. 2019]. Соот-

ветственно, основной стратегией США и НАТО является распространение во всем мире универсальных ценностей, включая применение для этих целей силы или угрозы ее применения.

Это неудивительно, поскольку общественное сознание всегда играло ключевую роль в управлении любой страной, являясь воплощением культурной и духовной идентичности нации. И именно поэтому общественное сознание является главной целью для манипулирования. Самый большой прорыв в этом направлении связан с формированием идеологии «общества потребления», которая постепенно стала вытеснять традиционные ценности практически во всех странах мира, заменяя их ценностями массового потребления во всем, начиная от предметов первой необходимости и заканчивая сферой культуры и искусства.

Примечательно, что самым эффективным методом управления общественным сознанием стал маркетинг. Особенно значима его роль в формировании ценностей. Так, еще в 2006 г. М. Симагути писал, что «роль маркетинга заключается в создании из любых социально значимых инновационных ценностей или идей таких комплексных систем, которые легко бы воспринимались обывателями, потребителями, пользователями» [Симагути 2006, с. 7]. Именно так маркетинг изо дня в день создает новые ценности, формируя общество потребления, стержнем которого, как известно, является индивидуальное потребление, умело направляемое «рынком» и приводящее к все возрастающей стратификации и неравенству.

Таким образом, манипулирование общественным сознанием происходит с использованием приемов маркетинга. И, к слову сказать, идеология глобализации, активно продвигаемая США, – это один из таких приемов. Глобали-

зация – это процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Глобализация подрывает национальную идентичность и самобытность периферийных стран, вытесняет их с глобальных рынков, усиливает технологический и экономический разрыв между бедными и богатыми странами.

Таким образом, глобализация служит важным составляющим еще одной разновидности гибридной войны – войны цивилизационной, логика которой подразумевает, что народ завоеванного государства необходимо раздробить, ослабить и заставить безропотно исполнять волю победителя, причем большую часть этих задач должен выполнить сам этот народ, который посредством искажения его традиционных самосознания, морали и ценностей превращается в толпу, которой легко можно манипулировать при помощи информационных технологий.

При этом доминирование идеологии «общества потребления» как идеологии эгоцентризма, сопровождающееся «вымыванием» традиционных ценностей и социокультурных установок, устраняет сдерживающие механизмы для проявления негативных черт личности, в результате чего в информационном пространстве, особенно в социальных сетях, формируется агрессивная среда, провоцирующая психологическое насилие и социально-психологическую деформацию личности.

Особенно подвержены этому подростки и молодежь, которые чаще пользуются компьютерами и гаджетами для общения и, соответственно, погружены в культуру, где агрессивное поведение считается приемлемым или, по крайней мере, ожидаемым. Киберпространство создает среду, в которой люди чувствуют себя более раскованными в своих эмоциях, словах и поведении, поэтому молодые люди стано-

вятся все более зависимыми от виртуальной среды: здесь проще знакомиться, общаться, раскрывая свое истинное «я». Здесь они чувствуют себя вправе говорить и делать то, что обычно не делают в физическом мире, включая издевательства и оскорбления. Новые методы запугивания и преследования в Сети появляются постоянно, часто в новых приложениях или на новых интернет-форумах, что затрудняет борьбу с этим набирающим обороты негативным явлением. По данным последних исследований, почти половина подростков (49%) совершали агрессивные действия в Интернете и более половины (61%) подвергались киберагрессии [Calpbini, Arslan 2019].

Ученые всего мира пытаются найти истоки этой проблемы и способы «лечения», но пока что безуспешно. Сфера безопасности информационного общества пока находится в процессе становления. Но хочется обратить внимание на данные эмпирических исследований, демонстрирующие сдерживающий эффект культуры народа. Так, степень агрессии и ненависти в Сети существенно различаются в разных странах [Song, Zhu, Liu, Fan, Zhu, Zhang 2019]. Например, жители восточных стран, чьи культуры характеризуются коллективистскими ценностями, высокой моральной дисциплиной, высоким уровнем эгалитарной приверженности и низким уровнем избегания неопределенности (конфуцианские ценности), демонстрировали более низкий уровень агрессии, чем жители западных стран с менее коллективистскими культурами. Исследование китайских, польских и американских студентов показало, что чем выше индивидуализм в культуре, тем больше склонность к прямому и косвенному агрессивному поведению [Yuchang, Junyi, Junxiu, Jing, Mingcheng 2019]. Кроме того, китайские подростки (жертвы и свидетели) чаще

обращаются за помощью к преподавателям, поскольку верят в то, что взрослые могут защитить их.

Не удивительно, что такие страны, как Китай, осознавая опасности, связанные с развитием информационного общества, принимают активные превентивные меры. Так, Председатель КНР Си Цзиньпин все чаще отмечает важность информационной и кибербезопасности: «Отсутствие кибербезопасности – отсутствие национальной безопасности» [Разумов 2017].

Следует отметить, что политика «мягкой силы» Китая и вообще азиатских стран несколько отличается от западной, поскольку главной целью для стран Востока является создание, прежде всего, своего позитивного образа в глазах простых людей при сохранении своей культурной и духовной идентичности, поэтому их «мягкая сила» реализуется посредством общественной и культурной дипломатии.

При этом «мягкая сила» Китая направлена не только на граждан других стран, но и на своих соотечественников, проживающих за рубежом, с тем чтобы они разделяли идеологию и фактически стали агентами влияния Китая. Целью политики «мягкой силы» Китая является как пропаганда своей культуры вовне, так и сохранение ее внутри страны, во-первых, в качестве противодействия «мягкой силе» Запада, навязывающего миру свои ценности, а во-вторых, поскольку ценностный вакуум, который не заполняется, приводит к распространению антиценностей, связанных с овеществлением мира, а значит, трансформацией общественного сознания. Для этого, например, Китай инвестирует значительные средства в голливудские кинокомпании, которые снимают фильмы мирового уровня, базирующиеся на традиционных китайских ценностях и культуре, адресованные как жителям

других стран (например, мультфильм «Кунг-фу Панда»), так и китайским потребителям. Аналогично сегодня в этой стране активно развиваются средства массовой информации, включая интернет-СМИ, обеспечивающие китайских (и не только) потребителей достаточным объемом высококачественной продукции. В качестве инструментов «мягкой силы» используются и образовательные учреждения, и культурный туризм, и даже центры традиционной китайской медицины.

В целом китайские политологи сформулировали понятие «мягкая сила» как совокупность, в которую входят стратегия развития государства, идентификационная мощь идеологии и доминирующие ценностные ориентации, притягательность социального строя и экономической модели, национальная идея и творческий потенциал нации, обаяние культуры и ее влияние в международных делах [Политика «мягкой силы» Китая в Азии 2019].

В Японии большой акцент делается на успешность экономической модели, причем применительно к экономически развитым странам целью «мягкой силы» Японии является продвижение интересов национального бизнеса, а в отношениях с менее развитыми соседями – демонстрация экономической мощи и гуманитарной зрелости [Крячкина 2019].

России сегодня также необходимо серьезно задуматься над разработкой собственной политики «мягкой силы», причем она, как и в случае Китая, должна быть направлена не только на позиционирование страны вовне, хотя это также крайне важно, но и на адекватные меры по защите своей национальной идентичности и духовных основ внутри страны.

Что касается внешней политики, то здесь Россия предпринимает определенные усилия по позиционированию

себя как миролюбивой страны, страны-миротворца, готовой прийти на помощь в случае необходимости (последний пример этого – помощь в борьбе с коронавирусом, которую Россия оказала Италии и США). Однако этого явно недостаточно. Для успешного позиционирования себя в качестве ведущего мирового игрока необходимы три составляющие: экономическая привлекательность, привлекательные идеология и культура, высокий уровень технологического развития. Что касается первой составляющей – это предмет серьезного экономического анализа, по третьему направлению сегодня в России предпринимаются определенные усилия в рамках национальных проектов «Цифровая экономика» и «Наука», об эффективности или неэффективности которых также можно спорить.

Но ключевым элементом, на котором может и должна базироваться серьезная «мягкая сила» страны, является сильная духовная и идеологическая составляющая, которая одновременно будет служить защитой и иммунитетом от воздействия чужой «мягкой силы».

Политика идентичности – важнейший ресурс государства по обеспечению стратегической социально-политической стабильности, информационной безопасности и поддержанию «ценностного суверенитета общества» [Сургуладзе 2019].

Однако духовные ценности формируются у человека в самом раннем возрасте. В последние годы очень много говорилось о важности системы образования не просто в обучении, но в воспитании и развитии личности, много писалось о той ошибке, которая была допущена, когда российская система образования отказалась от советской модели, которая закладывала «основы научных знаний и формировала морально-нравственные качества, обеспечивающие доступ к объектам высоко-

го уровня сложности – объектам культуры и науки» [Сундиев, Фролов 2019]. Очевидно, что сегодня жизненно важно эту ошибку исправить, вернувшись к прежней системе образования-воспитания. Кроме того, необходимо создание эффективной системы патриотического воспитания молодежи, прививающего ей традиционные российские моральные и духовные ценности, включая любовь к Родине и готовность ее защищать. При этом, безусловно, следует учитывать и реалии сегодняшнего дня, и то, что основную роль в решении этих задач должно играть само общество, поэтому государству следует больше внимания уделять поддержке и развитию социальных инициатив, общественных движений и объединений, цели которых созвучны реализуемым государством направлениям политики идентичности.

Информационная война как элемент гибридной войны

Следует признать, что информационная война – это крайне важная составляющая гибридной войны, направленная на формирование нужного общественного мнения. Ее цель – разложение сил противника и убеждение своих сторонников в том, что противник – преступник, подлежащий уничтожению. Соответственно, информационная война может вестись на двух уровнях: внешнем и внутреннем. Приведенные выше примеры в основном относятся к внешнему уровню – дискредитации страны на международной арене. Также наиболее яркими примерами информационной войны внешнего уровня в последнее время стали скандалы с отравлением экс-полковника ГРУ С. Скрипаля, обвинением России во вмешательстве в выборы Президента США 2016 г., обвинении

ем российских спортсменов в применении допинга. Все эти скандалы имели своей целью делегитимизацию России на международной политической арене.

Внутренний уровень имеет своей целью психологическое подавление противника, как связанное с нанесением прямого урона с помощью информационной оружия⁶, так и со скрытым манипулированием, которое во многом граничит с такими разнovidностями гибридной войны, как «мягкая сила» и выдвигание и поддержка агентов влияния, провокация массовых акций гражданского неповиновения, а точнее, служит инструментом для них.

Первый вариант используют, как правило, во время войн или военных операций. Как отмечает Ч. Фриман, «во время войн операции психологического воздействия позволяют добиться быстрого распространения фальшивых электронных сообщений, фейковых новостей, компромата на политических лидеров, в т. ч. посредством социальных сетей. В результате таких действий нарушается политическая координация и процесс принятия решений, искажается общественное представление о ситуации» [Фриман 2018].

Соответственно, второй вариант информационной войны направлен на уничтожение духовно-нравственных основ нации, подмену национальных ценностей на «глобальные», т. е., по сути, чуждые, инородные, подавление навыков критического анализа информации, формирование «сетевых обществ», легко поддающегося манипулированию. Влияние информационного пространства на общественное сознание сегодня трудно переоценить, и ничего подобного не существовало ра-

нее. Прежде всего, конечно, речь идет об Интернете – универсальном инструменте для общения, а также трансформации и трансляции любой информации на любом расстоянии, но главное – ее доставки конкретному конечному адресату. Речь и о порожденных Интернетом социальных сетях, которые формируют общность людей, сегментированных не по национально-территориальному принципу, а по интересам и приверженности определенным идеям, т. е. вне государственной и институциональной идентичности.

Как показывают исследования, именно в социальных сетях наиболее силен эффект эхо-камеры, при котором нужные идеи и убеждения закрепляются в сознании людей посредством многократного их повторения внутри закрытой системы (клуб единомышленников, блог, сообщество в социальных сетях, субкультура и т. п.). Соответственно, участники таких сообществ становятся практически невосприимчивы к внешней информации и иным мнениям, ориентируясь только на членов своей группы. Более того, магистральная логика обсуждений в блоге или группе в социальной сети полностью нивелирует собственные взгляды и убеждения участника обсуждения, тем самым заключая его в изолированной эхо-камере [Виловатых 2018].

И если раньше противникам действующего режима (например, диссидентам) было практически невозможно собраться в некое единое сообщество, понять, сколько единомышленников у тебя есть в реальности, и привлечь новых, да и распространение информации в этом сообществе требовало определенных усилий и затрат, связанных с организацией вещания на территории

6 Данный вариант информационной войны был реализован США во время проведения операции в Косово, Афганистане, Ливии, Сирии, войны в Ираке.

чужого государства, печатью «самиздата» и т. д., то теперь достаточно зарегистрироваться в социальной сети, найти определенную социальную группу и вступить в нее. При этом, как было отмечено, социальные сети формируют принципиально новый тип общественного сознания, культивирующий определенную форму общественного взаимодействия; они позволяют не только распространять нужную информацию, формируя определенные события, но и практически мгновенно создавать неких «лидеров мнений», как правило, не имеющих политического бэкграунда. Кроме того, в последнее время получил широкое распространение платный троллинг – размещение в социальных сетях провокационной информации, призванной нагнетать негативную эмоциональную обстановку, а также формировать нужное общественное мнение⁷.

Также широко используются в информационных войнах такие приемы, как астротурфинг⁸ и мемы⁹. Все они направлены на создание «информационных вирусов» и массовое поражение ими сознания пользователей социальных сетей [Breden 2013].

В связи с этим важно понимать, что реагирования на уже произошедшие события или размещенную в Сети информацию сегодня недостаточно, крайне важно обеспечить превентивное создание органами власти информационного поля, отвечающего национальным интересам государства, поскольку это минимизирует негативный эффект, который силы противника достига-

ют, заполняя информационные пустоты и вакуум. При этом следует учитывать, что доверие людей к традиционным СМИ в последнее время постоянно снижается [Николайчук, Янгляева, Якова 2018], и наиболее социально активные граждане все чаще обращаются в поисках информации к альтернативным СМИ – социальным сетям и мессенджерам. Поэтому органам власти необходимо ориентироваться именно на эти источники информации, обеспечивая высокий уровень их информационной активности, поскольку, как пишет Х. Клинтон, «история показывает, что наилучшим ответом на порочащие высказывания является не их запрещение и блокировка, а подавление за счет преобладающего осуждения. Переводя проблему в плоскость дискуссий, правда будет только усиливаться, а слабые и ложные мнения и высказывания окажутся дискредитированы, пусть не сразу, но в конечном счете» [Clinton 2011].

Кибервойны как элемент гибридной войны

Кибербезопасность в условиях гибридной войны приобретает особую важность, поскольку сегодня уже практически невозможно представить себе ни один объект технологической инфраструктуры, который не был бы оснащен разного рода программными комплексами, многие из которых имеют выход в сеть Интернет, что несет серьезные риски. Так, компьютерная атака, направленная на важное инфра-

7 Так, в США широкую известность получил так называемый «Честный голос», находящийся в прямом подчинении Центрального командования Вооруженных сил (CENTCOM) [Виловатых 2018].

8 Технический прием создания в социальных сетях фейковых пользователей и их групп, направленный на продвижение (или высмеивание) определенных идей либо создание впечатления «массовости» поддержки определенных идей или требований.

9 Словосочетания или графические изображения, которые получают массовое распространение и наделяются определенным смыслом, например, флаг ЕС с гербом Украины в период Майдана или женщина в красном платье во время волнений в Турции.

структурное предприятие, может привести не только к полному прекращению или нарушению функционирования данного объекта, но и оказать более комплексное воздействие на экономику страны в целом, а также нести в себе серьезную угрозу безопасности граждан.

Кроме того, кибератаки могут быть использованы как вспомогательное средство в рамках информационной войны, с целью взлома закрытых данных и их опубликования либо «вброса» фэйковой информации, в т. ч. со ссылкой на источники, внушающие доверие.

Все это заставляет по-новому смотреть на проблему кибербезопасности, особенно когда речь идет об опасных объектах либо системах обеспечения жизнедеятельности. Возможен весьма широкий спектр последствий негативного воздействия с помощью современных технологий на функционирование объектов инфраструктуры – от отдельных человеческих жертв (например, в результате воздействия на автоматизированную систему управления транспортной инфраструктуры, на систему управления электроснабжением и т. д.) до значительных разрушений (воздействие на автоматизированные системы управления гидро-, электро- и атомных станций, экологически опасных химических производств и т. п.) и нарушения функционирования всей инфраструктуры как экономической основы существования государства. Соответственно, злонамеренное использование ИКТ способно нанести ущерб, сравнимый с применением традиционного оружия, а в ряде случаев – с использованием оружия массового поражения [Вильданов, Баширов (2) 2019].

Так, основной целью кибератак на автоматизированные системы управления технологическими процессами является вывод технологического процесса на критические (аварийные) режи-

мы, когда значения критических переменных состояния выходят за эксплуатационные пределы и приводят к значительным ущербам и авариям. Одним из примеров такой атаки может служить применение компьютерного червя Stuxnet, поразившего в 2010 г. ядерные объекты Ирана. Stuxnet был ориентирован на выведение из строя турбогенератора путем скачкообразного изменения частоты вращения свыше допустимых эксплуатационных пределов. Из-за «человеческого фактора» Stuxnet поразил ряд компьютеров на АЭС «Бушер», но это не привело к аварии на станции, т. к. не были заражены компьютеры турбинного отделения [Калашников, Сакрутина 2018].

Американские спецслужбы накопили обширную статистику в области проведения кибератак на объекты национальной инфраструктуры, где, как оказалось, энергетический сектор является первоочередной целью для дезорганизации работы всей инфраструктуры и экономики страны. Так, ежегодно регистрируется от 18 до 20 тыс. попыток проникновения в информационные сети электростанций, что составляет в среднем 35% кибератак на все объекты национальной инфраструктуры [Баширов 2019]. То есть объекты, обеспечивающие жизнь миллионов простых людей (объекты критической инфраструктуры), оказываются уязвимыми как никогда и для прямых кибератак, и для нападений через инсайдеров, которые преднамеренно или нет своими действиями способствуют преодолению вредоносными программами специально создаваемых «воздушных зазоров» и «демилитаризованных зон» либо иным способом нарушают созданные системы защиты от кибератак.

Защита критической инфраструктуры становится общей проблемой всех государств, что заставляет рассматривать кибероружие как элемент сдержи-

вания наравне с ядерным оружием, а на международном уровне поднимать вопрос о недопустимости и преступности кибератак на такие объекты. Однако на сегодня отсутствуют международно-правовые нормы, регулирующие межгосударственные отношения в информационном пространстве, а существующее международное право к проблематике информационной и кибербезопасности практически не применимо.

Во многом это связано с тем, что данная сфера оказалась крайне политизированной, учитывая столкновение интересов и противоречивые позиции США и других стран, обладающих наиболее существенным киберпотенциалом. Причиной «сложности» западные эксперты считают тесное переплетение разнообразных интересов (военных, экономических, социальных, дипломатических) различных государств [Вильданов, Башкиров (1) 2019].

До сих пор не удается прийти к согласию по принципиальным моментам, например, как следует реализовать на практике концепцию суверенитета в киберпространстве, право на самооборону и соответствующие меры противодействия. Традиционно все перечисленное было принято связывать с территорией, однако информационная среда функционирует вне связи с территорией или какими-либо материальными объектами. Поэтому, например, английские ученые Tsagourias N. и Buchan R. предлагают более не связывать суверенитет и юрисдикцию с территорией конкретного государства; по их мнению, государства обладают экстерриториальной юрисдикцией в отношении киберпространства [Tsagourias, Buchan 2015].

Именно такой подход был реализован в принятом в 2018 г. в США «Облачном акте» – законе, устанавливающим юрисдикцию страны в отношении данных, находящихся на серверах в ино-

странных государствах. Принятие этого закона связано со спором Microsoft Corp. v. United States Department of Justice, возникшем после того, как правоохранительные органы США потребовали от компании Майкрософт предоставить свободный доступ к данным электронной почты пользователей в любых частях планеты, независимо от того, находятся ли они под американской юрисдикцией или нет. Майкрософт отказалась это делать, ссылаясь на то, что часть данных хранится на серверах, расположенных в Дублине, т. е. на них распространяется суверенитет Ирландии. Верховный Суд США поддержал Майкрософт в силу того, что Закон 1986 г. «О конфиденциальности электронной связи» не распространялся на данные, находящиеся за пределами США. Практически сразу после вынесения данного судебного решения и был принят Облачный акт, предоставляющий доступ правоохранительным органам США к данным интернет-пользователей за рубежом, а также обязывающий провайдеров сохранять, осуществлять резервное копирование, раскрывать содержание беспроводной или электронной коммуникации, любую запись или иную информацию клиента, абонента провайдера, независимо от того, находится ли такая информация в пределах или за пределами Соединенных Штатов. Учитывая транснациональный характер крупнейших американских компаний, очевидно, что речь идет о расширении киберсуверенитета и юрисдикции США практически на весь мир. При этом данный закон устанавливает, что запрет передачи данных местным законодательством не может являться основанием для непредоставления запрашиваемых данных американским властям.

Данное понимание суверенитета и юрисдикции государства вступает в серьезное противоречие с подхо-

дом к этому вопросу РФ. Под юрисдикцию РФ попадают объекты информатизации и информационные системы, сайты в сети Интернет и сети связи, находящиеся на территории РФ. Иными словами, подход российского права сводится к установлению территориальных границ в отношении физически находящихся на территории государства оборудования, серверов (интернет-ресурсов), компьютеров, а также информации, доступ к которой осуществляется с данных устройств. Вопрос о распространении суверенитета и юрисдикции на информационные ресурсы, доступ к которым поддерживается оборудованием, находящемся вне территории страны, не ставится [Терентьева 2019].

Позиция российского законодателя в определенной степени обоснована, поскольку с точки зрения обеспечения кибербезопасности базовым принципом является именно территориальный фактор. То есть физическое расположение информационной инфраструктуры на определенной территории позволяет обеспечить полноценный контроль за нормальным ее функционированием, а значит, и контроль над киберпространством, что, в свою очередь, позволяет обезопасить государство от таких угроз, как кибератаки, киберпреступления, кибершпионаж и киберконфликт [Joubert 2010].

Однако следует отметить, что сегодня в мире существует всего 13 DNS-серверов (основных серверов), 10 из которых расположены в США, 2 – на территории ЕС, 1 – в Японии. И хотя за последние годы различные страны создают собственные сервера, основные информационные потоки идут через главный сервер, расположенный на территории США [Разумов 2017].

Таким образом, складывается ситуация, при которой Россия сознательно ограничивает свой киберсуверенитет

привязкой к территориальному расположению информационной инфраструктуры, но в то же время основные информационные потоки так или иначе проходят через сервер Соединенных Штатов, которые, напротив, стремятся распространить свой киберсуверенитет на весь мир. В качестве примера негативных последствий такой ситуации можно привести платежную систему МИР, которая не смогла обезопасить российский финансовый сектор от санкционных мер, принимаемых Западом, поскольку все транзакции осуществляются компаниями, подчиняющимися иностранной юрисдикции [Катасонов 2019].

Очевидно, что такая ситуация подрывает информационную безопасность страны, учитывая усиление разведывательной деятельности иностранных государств в отношении РФ, а также нарастание угроз применения информационных технологий в целях нанесения ущерба суверенитету, территориальной целостности, политической и социальной стабильности России [Доктрина информационной безопасности 2016].

Кроме того, в мире отсутствует единое понимание того, что из себя представляет критическая инфраструктура, что неизбежно ведет к различным подходам к ее защите. Так, в США критическая инфраструктура – «совокупность физических или виртуальных систем и средств, важных для государства в такой мере, что их вывод из строя или уничтожение могут привести к губительным последствиям в области обороны, экономики, здравоохранения и безопасности нации» [Михалевич 2019]. Таким образом, в состав критической инфраструктуры США входят 16 секторов: химия, энергетика и связь, опасные производства, ядерные реакторы, гидросооружения, системы водоснабжения, оборонно-промышленный

комплекс, опасные производства, аварийные службы, продовольственный сектор и сельское хозяйство, медицина и здравоохранение, информационные технологии, транспортные системы, системы утилизации отходов, финансовый и коммерческий сектора, а также функционирование государственных органов.

В ЕС критическая инфраструктура – это актив, система или ее часть, расположенные в государствах-членах, которые необходимы для поддержания жизненно важных функций общества, здравоохранения, обороны, безопасности, экономического и социального благополучия людей, нарушение или разрушение которых может иметь существенное влияние на выполнение указанных функций. Таким образом, критическая инфраструктура ЕС объединяет девять секторов: энергетику, транспорт, водоснабжение, здравоохранение, ИКТ, финансы и страхование, государственные и административные службы, питание и сельское хозяйство, медиа и культурные ценности [*Михалевиц 2019*].

В Российской Федерации также принят ряд нормативных правовых актов, направленных на обеспечение безопасности критической инфраструктуры. Так, в 2016 г. была утверждена Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, в июле 2017 г. принят Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», определяющий основные понятия в данной сфере и устанавливающий правовые механизмы обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры. В его развитие в 2017 г. также был утвержден Указ Президента Российской Федерации «О совершенствовании государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий ком-

пьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации».

Указанные нормативные правовые акты регламентируют деятельность государственных органов власти по вопросам обнаружения, ликвидации и устранения последствий компьютерных атак, вводят в законодательство новые определения, такие как компьютерная атака, объекты критической информационной инфраструктуры, компьютерные инциденты, а также выделяют в отдельную группу инфраструктурные объекты Российской Федерации, представляющие особую важность (объекты критической информационной инфраструктуры). Однако основной акцент в них делается на информационной инфраструктуре.

Так, в соответствии с Федеральным законом «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», критическая информационная инфраструктура – это «информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры, а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов».

Что касается непосредственно «критической инфраструктуры», то данный термин нормативно в Российской Федерации не закреплен и не определен, однако в Федеральном законе «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» содержатся два близких по сути понятия: «критически важный объект – это объект, нарушение или прекращение функционирования которого приведет к потере управления экономикой Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или административно-территориальной единицы субъекта Российской Фе-

дерации, ее необратимому негативно-му изменению (разрушению) либо существенному снижению безопасности жизнедеятельности населения» и «потенциально опасный объект – это объект, на котором расположены здания и сооружения повышенного уровня ответственности, либо объект, на котором возможно одновременное пребывание более пяти тысяч человек».

Что касается основных, наиболее чувствительных с точки зрения обеспечения безопасности, секторов, то они косвенно определены в статье 2 Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: здравоохранение, наука, транспорт, связь, энергетика, банковская и финансовая сфера, топливно-энергетический комплекс, атомная энергетика, оборонная, ракетно-космическая, горнодобывающая, металлургическая и химическая промышленность.

Таким образом, очевидна необходимость пересмотра и актуализации указанного законодательства с учетом развития технологий и анализа опыта других стран в вопросах защиты критической инфраструктуры. Важно также учитывать, что основой информационной и кибербезопасности является создание мощной информационной инфраструктуры и конкурентоспособных отечественных информационных технологий, а в России до сих пор сохраняется недопустимо высокий уровень зависимости отечественной промышленности от зарубежных информационных технологий и их использования для производства продукции и оказания услуг, что обуславливает зависимость социально-экономического развития России от геополитических интересов зарубежных стран и, прежде

всего, США [Доктрина информационной безопасности 2016].

Кроме того, обеспечить достаточно эффективную информационную и кибербезопасность возможно только выработкой коллективных межгосударственных стратегий государств-партнеров по интеграционным объединениям, т. е. посредством принятия мер коллективной безопасности, поэтому следует обратить особое внимание на усиление взаимодействия по данному направлению в рамках СНГ и ЕАЭС.

«Цветные революции» как элемент гибридной войны

Как отмечалось выше, политика «мягкой силы», проводимая в рамках гибридной войны, имеет своей целью разрушение традиционных ценностей и подмену их чужеродными псевдоценностями, формирование негативного отношения к существующему строю, органам власти, политическим лидерам. Конечная цель информационной войны – это манипулирование сознанием населения противника, приводящее к разрушению государства-противника руками его же собственного населения при поддержке мирового сообщества. Для этого используются «агенты влияния», «лидеры мнения» из местного населения, целью деятельности которых является организация протестных акций, провокаций власти и массовых мероприятий, дискредитирующих правительство.

В современных условиях основная активность таких «лидеров мнения» уходит в Сеть, а в офлайн выплескивается уже подготовленными акциями¹⁰.

В связи с этим представляет интерес описание в книге Хиллари Клинтон то-

10 Флешмобы, акции протеста А. Навального и др.

го, как Госдепартамент США организовывал курсы для оппозиционеров в социальных сетях, где их обучали, как составлять карты митингов и разгона демонстраций в режиме реального времени, разрабатывались специальные программы и устройства, которые позволяют оппозиционерам при задержании подавать сигнал своим товарищам, одновременно удаляя из телефона все контакты [Клинтон 2016].

Все эти действия направлены на формирование атмосферы общественного недовольства, которая в конечном итоге должна выливаться в акции гражданского неповиновения, перерастающие в «цветные революции».

Как отмечает Х. Клинтон, задачей внешнеполитического ведомства является интеграция глобальной коммуникационной стратегии при постоянной готовности раздуть протестный потенциал, возникающий из-за нарастающих экономических проблем, до революционных антиправительственных выступлений [Клинтон 2016].

Таким образом, основная роль «лидеров оппозиции» – не сформулировать четкую и практически реализуемую программу действий, а провозгласить такую программу, которая будет привлекать в ряды оппозиции неудовлетворенных людей (причем это может быть как неудовлетворенность экономическими или социальными условиями жизни, так и невозможность реализовать свой творческий потенциал, личной неудовлетворенность жизнью и т. п.). Как отмечает Э. Хоффер, массовые движения позволяют канализировать эту неудовлетворенность, компенсировать ее ощущением собственной силы индивида, проявляемой в активных действиях. Вера в «священное дело» замещает утраченную уверенность людей в себе. Массовое движение дает участникам надежду и смысл существования [Хоффер 2017].

Следует признать, что из всего разнообразия приемов и способов ведения гибридной войны явление «цветных революций» наиболее изучено, поэтому мы не будем останавливаться на нем подробно. Отметим только, что «цветная революция» характеризуется целеустремленным и массированным использованием информационных технологий (информационной войной) с целью расшатывания политической ситуации в стране, формирования в народе массового недовольства властью, превращения его в толпу и манипулирования ею для нанесения таранного удара по этой самой власти. Цель «цветных революций» – государственный переворот, поэтому они достаточно четко ограничены во времени, что позволяет отнести их к одному из способов или технологий ведения гибридной войны [Брычков и др. 2019].

Соответственно, данная технология может быть эффективно реализована только в том государстве, которое уже «подготовлено» при помощи других способов ведения гибридной войны, где достаточно высок уровень недовольства граждан и политическая ситуация нестабильна. В государствах со стабильной политической системой данный метод не дает необходимых результатов, поэтому гибридная война в отношении таких государств ведется по стратегии «измора», т. е. с использованием иных способов: информационной войны, кибератак, постоянной эскалации напряженности у ее границ, поддержки террористов и сепаратистов внутри страны и др.

В связи с этим важным механизмом противодействия со стороны государства является постоянный мониторинг не просто социально-экономической ситуации в стране, а именно состояния удовлетворенности/неудовлетворенности населения, что можно доста-

точно эффективно реализовать при помощи современных ИКТ [Виловатых 2018], и оперативное принятие мер по смягчению возникающей неудовлетворенности, поскольку «самая лучшая почва для массового движения – это общество, где достаточно свободы, но нет смягчающих средств против неудовлетворенности» [Хоффер 2017].

Выводы

Проведенный выше анализ элементов гибридной войны позволяет прийти к заключению, что войну провоцирует не сила нападающего, а слабость объекта нападения. Чтобы свести к минимуму появление многих угроз безопасности страны, необходимо решать проблему уязвимостей во всех сферах и на всех уровнях жизни общества, т. е. нужно работать на опережение и не допускать угроз.

Но комплексность, многоаспектность и непредсказуемость угроз, особенно связанных с распространением информационных технологий, требует не просто обеспечения безопасности, а выработки, принятия и реализации системного подхода, перехода к концепции комплексной безопасности, в основе которой лежат не просто военные и технические приемы и средства, а комплекс мер предупреждения всех существующих гибридных угроз, а также непрерывная аналитика и превентивное выявление будущих. Следует признать, что Военная доктрина России (утв. Президентом РФ 25.12.2014) практически целиком посвящена проблематике предотвращения вооруженных конфликтов и противодействия им в случае возникновения; остальные аспекты безопасности, такие как информационная безопасность, подрыв духовных ценностей и необходимость патриотического воспитания молоде-

жи, в ней упоминаются вскользь. Вместе с тем в военных доктринах стран НАТО продвижение идей демократии обозначено в качестве важнейшей задачи Вооруженных сил, поскольку в процессе организации обороны этих стран при определении баланса между духовной и материальной субстанциями предпочтение все больше отдается первой [Брычков и др. 2019]. Соответственно, задачи Вооруженных сил западных стран обусловлены, прежде всего, необходимостью распространения универсальных ценностей.

Таким образом, представляется актуальной реализация комплексного подхода к обеспечению национальной безопасности Российской Федерации в условиях гибридной войны, который должен включать следующие элементы:

1. Выработку политики «мягкой силы», основанной прежде всего на защите, сохранении и развитии традиционных духовных ценностей.
2. Возвращение к традиционной системе школьного образования, включающего духовное воспитание.
3. Повышение эффективности патриотического воспитания молодежи, прежде всего за счет развития социальных инициатив, общественных движений и объединений, цели которых совпадают с государственной политикой идентичности.
4. Формирование и/или повышение активности служб информационной безопасности, с основной ориентацией их внимания на сетевые СМИ и социальные сети.
5. Переход от стратегии реагирования на уже распространенную в СМИ и Интернете информацию к стратегии заполнения информационных пустот объективной и качественной информацией.

6. Создание собственного DNS-сервера, а также качественного отечественного программного обеспечения для решения проблемы кибербезопасности объектов критической инфраструктуры.
7. Изменение федерального законодательства в целях устранения противоречий в подходах к определению и правовому статусу «критической инфраструктуры», «критически важных объектов» и «потенциально опасных объектов».
8. Разработку и реализацию программ повышения грамотности сотрудников, работающих на критических объектах инфраструктуры, и населения страны в целом в вопросах кибербезопасности и кибергигиены.
9. Сотрудничество со странами ЕАЭС в создании общего безопасного информационного пространства и обеспечении общей кибербезопасности.
10. Обеспечение постоянного мониторинга состояния социально-экономической удовлетворенности общества; разработку и внедрение мер против неудовлетворенности граждан.

При этом следует еще раз подчеркнуть, что базовой составной частью комплексной национальной безопасности должна быть духовная безопасность, которая представляет собой такое «состояние социокультурной среды, при котором объединяются общественное сознание, духовные ценности, культура и обеспечиваются условия для духовного совершенствования и прогресса личности, общества и государства на основе национальной самобытности и сохранения духовной общности народа» [Газзиреева, Бурняшева 2011].

Будущие исследования

В настоящем исследовании не было уделено достаточного внимания таким способам ведения гибридной войны, как поддержка сепаратистских и террористических организаций, принятие мер, направленных на повышение уровня криминализации общества, экономическое поражение противника и его элит, мерам экономического давления. Как отмечает М.Е. Кучинская, США уделяют повышенное внимание экономической составляющей в рамках ведущейся против РФ затяжной гибридной войны [Кучинская 2018]. Кроме того, ряд ученых сегодня предлагают относить к элементам гибридной войны искусственный интеллект и робототехнику [Рогачев, Виловатых 2019].

Следует признать, что тематика использования экономических методов, а также современных цифровых и сквозных технологий в качестве инструментов гибридной войны мало изучены в политологической литературе и требуют глубокого и системного исследования, что невозможно осуществить в рамках одной статьи. Таким образом, эти направления являются перспективными в дальнейших исследованиях феномена гибридности.

Заключение

Таким образом, сегодня в политической и военной доктрине многих стран все больше внимания уделяется гибридным способам межгосударственного противостояния, роль которых постоянно возрастает и которые с каждым годом становятся все сложнее и комплекснее. Это требует от России выработки «контргибридных» мер, основанных на обеспечении комплексной безопасности государства, базиру-

ющейся, прежде всего, не на противодействии существующим угрозам, а на определении и устранении собственных уязвимостей в тех сферах, где противники страны реализуют различные инструменты и способы ведения гибридной войны.

Список литературы

Башкиров Н. (2019) Обеспечение кибербезопасности электроэнергетической системы США // Зарубежное военное обозрение. № 3. С. 3–9. http://pentagonus.ru/publ/obespechenie_kiberbezopasnosti_ehlektroehnergeticheskoy_sistemy_ssha_2019/19-1-0-2889, дата обращения 20.05.2020.

Брычков А.С. и др. (2019) Гибридные войны XXI столетия: происхождение, сущность и место в цивилизационном процессе: Монография. Смоленск.

Вилловых А.В. (2018) Использование информационно-коммуникационных технологий в военно-политических целях: социально-психологический аспект // Проблемы национальной стратегии. № 2. С. 197–211 // <https://riss.ru/images/pdf/journal/2018/2/09.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Вильданов М., Башкиров Н. (1) (2019) Международно-правовые аспекты защиты инфраструктуры государств от киберугроз // Зарубежное военное обозрение. № 7. С. 3–10 // http://factmil.com/publ/soderzhanie/informacionnye_vojny/mezhdunarodno_ppravovye_aspekty_zashhity_infrastruktury_gosudarstv_ot_kiberugroz_2019/107-1-0-1659, дата обращения 20.05.2020.

Вильданов М., Башкиров Н. (2) (2019) Международно-правовые аспекты защиты инфраструктуры государств от киберугроз // Зарубежное военное обозрение. № 8. С. 21–26 // http://factmil.com/publ/soderzhanie/informacionnye_vojny/mezhdunarodno_ppravovye_aspe

[kty_zashhity_infrastruktury_gosudarstv_ot_kiberugroz_2019/107-1-0-1659](http://factmil.com/publ/soderzhanie/informacionnye_vojny/mezhdunarodno_ppravovye_aspekty_zashhity_infrastruktury_gosudarstv_ot_kiberugroz_2019/107-1-0-1659), дата обращения 20.05.2020.

Газгиреева Л.Х., Бурняшева Л.А. (2011) Экзистенциальные основы духовной безопасности российского общества // Власть. № 2. С. 11–15 // <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-osnovy-duhovnoy-bezopasnosti-rossijskogo-obschestva/viewer>, дата обращения 20.05.2020.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 05.12.16 г. № 646 (2016) // Консультант плюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/, дата обращения 20.05.2020.

Калашников А.О., Сакрутина Е.А. (2018) Прогнозирование рискового потенциала объектов критической инфраструктуры атомных электростанций // Управление развитием крупномасштабных систем. М.: Институт проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН. С. 245–247 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=36620660>, дата обращения 20.05.2020.

Катасонов В.Ю. (2019) «Китайский синдром» Путина. Прорыв или утопия? М.: Алгоритм.

Клинтон Х.Р. (2016) Тяжелые времена. М.: Эксмо.

Крячкина Ю.А. (2019) «Мягкая сила» во внешней политике Японии: ключевые особенности // Проблемы национальной стратегии. № 6. С. 95–107 // <https://riss.ru/bookstore/journal/2019-g/problemy-natsionalnoj-strategii-6-57/>, дата обращения 20.05.2020.

Кучинская М.Е. (2018) Феномен гибридной войны современных конфликтов: отечественный и западный военно-политический дискурс // Проблемы национальной стратегии. № 6. С. 122–143 // <https://riss.ru/bookstore/journal/2018-g/6-51/>, дата обращения 20.05.2020.

Ладыгин Ф.И., Афанасьев С.В. (2017) Военно-доктринальный базис внешней политики США. М.: Кучково поле.

Михалевич И.Ф. (2019) Критические информационные инфраструктуры в контексте общей безопасности // Технологии информационного общества. М.: Медиа Паблицер. С. 370–372.

Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. (2018) Крылья хаоса: Массмедиа, мировая политика и безопасность государства. М.: Икар.

О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.17 г. № 187-ФЗ (2017) // Консультант плюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/, дата обращения 20.05.2020.

О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (1994) // Консультант плюс // http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_5295/bb9e97fad-9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/, дата обращения 20.05.2020.

Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента РФ от 30.11.2016 г. № 640 (2016) // Консультант плюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/, дата обращения 20.05.2020.

Панова А.В. (2019) Национальное сознание и правосознание в условиях информационной экономики. Владимир: АРКАИМ.

Политика «мягкой силы» Китая в Азии (аналитический доклад РИСИ) (2019) // Проблемы национальной стратегии. № 3. С. 11–67 // <https://riss.ru/bookstore/journal/2019-g/3-54/>, дата обращения 20.05.2020.

Разумов Е.А. (2017) Киберсуверенитет как аспект системы национальной безопасности КНР // Россия и Ки-

тай: история и перспективы сотрудничества. Материалы VII международной научно-практической конференции. С. 707–710 // <https://elibrary.ru/item.asp?id=29191372>, дата обращения 20.05.2020.

Рогачев С.В., Виловатых А.В. (2019) Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности в условиях цифровой реальности // Проблемы национальной стратегии. № 6. С. 108–117 // <https://riss.ru/bookstore/journal/2019-g/problemu-natsionalnoj-strategii-6-57/>, дата обращения 20.05.2020.

Симагути М. (2006) Эпоха системных инноваций. М.: Миракл.

Ступаков Н.В. (2018) «Мягкая сила» как фактор, влияющий на результативность внешней политики в международных отношениях евразийских государств и построение стратегической платформы безопасности России, стран СНГ и ЕАЭС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. № 3. С. 24–37 // <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-faktor-vliya-yuschiy-na-rezultativnost-vneshney-politiki-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-evraziyskih-gosudarstv-i/viewer>, дата обращения 20.05.2020.

Сундиев И.Ю., Фролов А.Б. (2019) Наука в период «переквантования реальности и информационно-когнитивные механизмы социальной деструкции» // Экономические стратегии. № 5. С. 70–81. DOI: 10.33917/es-5.163.2019.70-81

Сургуладзе В.Ш. (2019) Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: Стратегия, теория, практика. М.: С.Т.К.

Терентьева Л.В. (2019) Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). № 4(149). С. 139–150 // <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnyy-aspekt-yurisdiksi-i-suvereniteta->

gosudarstva-v-kiberprostranstve/viewer, дата обращения 20.05.2020.

Фриман Ч. (2018) Технологии, государственное управление и неограниченная война // Россия в глобальной политике. № 1 // <http://www.globalaffairs.ru/number/Tekhnologii-gosudarstvennoe-upravlenie-i-neogranichennaya-voyna-19349>, дата обращения 20.05.2020.

Фролов А.В. (2019) Локальный конфликт: современный инструментарий // Ученые записки института Африки РАН. № 1(46). С. 17–35. DOI: 10.31132/2412-5717-2019-46-1-17-35

Хоффер Э. (2017) Человек убежденный: Личность, власть и массовые движения. М.: Альпина Паблишер.

Шукшин В.С., Суворов В.Л. (2017) Войны нового поколения: гибридная война – миф или реальность? М.: ИПО «У Никитских ворот».

Adams J., Albakajai M. (2016) Cyberspace: A New Threat to the Sovereignty of the State // *Management Studies*, vol. 4, no 6, pp. 256–265. DOI: 10.17265/2328-2185/2016.06.003

Bowman M. (2018) Senate Democrats Accuse Trump of Failing to Confront Russian Threat // VOA News, January 10, 2018 // <https://www.voanews.com/usa/senate-democrats-accuse-trump-failing-confront-russian-threat>, дата обращения 20.05.2020.

Breden J. (2013) Intell Tool Would Track Social Media like a Virus // GCN Magazine, February 12, 2013 // <https://gcn.com/articles/2013/02/12/intell-tool-track-social-media-like-a-virus.aspx>, дата обращения 20.05.2020.

Calpbinci P., Arslan F.T. (2019) Virtual Behaviors Affecting Adolescent Mental Health: The Usage of Internet and Mobile Phone and Cyberbullying // *Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing*, vol. 32, no 3, pp. 139–148. DOI: 10.1111/jcap.12244

Clas A.M. (2018) Commanding in Multi-Domain Formations // *Military Review*. March–April // <https://www.ques->

[tia.com/library/journal/1G1-536534305/commanding-in-multi-domain-formations](http://www.ques-tia.com/library/journal/1G1-536534305/commanding-in-multi-domain-formations), дата обращения 20.05.2020.

Clinton H. (2011) Internet Rights and Wrongs: Choices & Challenges in a Networked World // U.S. Department of State, February 15, 2011 // <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/02/156619.htm>, дата обращения 20.05.2020.

Countering Hybrid Warfare: Conceptual Foundations and Implications for Defence Forces (2019) // MCDC // https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840513/20190401-MCDC_CHW_Information_note_-_Conceptual_Foundations.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Ford Ch.M., Williams W.S. (2018) Complex Battlespaces: The Law of Armed Conflict and the Dynamics of Modern Warfare, Oxford University Press.

Hoffman F. (2009) Hybrid Warfare and Challenges // *Joint Force Quarterly*, no 52, pp. 34–39 // <https://smallwarsjournal.com/documents/jfqhoffman.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Hunter E., Pernik P. (2015) The Challenges of Hybrid Warfare, Tallinn: International Centre for Defence and Security // https://icds.ee/wp-content/uploads/2013/Eve_Hunter__Piret_Pernik_-_Challenges_of_Hybrid_Warfare.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Johnson D.R. (1996) Law and Borders: The Rise of Law in Cyberspace // *Stanford Law Review*, vol. 46, p. 1367. DOI: 10.2139/ssrn.535

Joubert V. (2010) Getting the Essence of Cyberspace: A Theoretical Framework to Face Cyber // Conference on Cyber Conflict Proceedings, Tallinn // <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Joubert-Getting-the-Essence-of-Cyberspace.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Karlsen G.H. (2019) Divide and Rule: Ten Lessons about Russian Political In-

fluence Activities in Europe // Palgrave Communications, vol. 5, no 19, pp. 1–14. DOI: 10.1057/s41599-019-0227-8

Major J.R., Davis Jr. (2015) Continued Evolution of Hybrid Threats: The Russian Hybrid Threat Construct and the Need for Innovation // The Three Swords Magazine. No. 28.

Matusitz J. (2014) Intercultural Perspectives on Cyberspace: An Updated Examination // Journal of Human Behaviour in the Social Environment, vol. 24, no 7, pp. 713–724. DOI: 10.1080/10911359.2013.849223

Song M., Zhu Zh., Liu Sh., Fan H., Zhu T., Zhang L. (2019) Effects of Aggressive Traits on Cyberbullying: Mediated Moderation or Moderated Mediation? // Computers in Human Behavior, vol. 97, pp. 167–178. DOI: 10.1016/j.chb.2019.03.015

The Secretary General's Annual Report (2017) // NATO // https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_152797.htm, дата обращения 20.05.2020.

The Soft Power 30 (2019) // <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Tsagourias N., Buchan R. (eds.) (2015) Research Handbook on International Law and Cyberspace, Sheffield: Edward Elgar Publishing.

Williamson M., Mansoor P.R. (2012) Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present, Cambridge: Cambridge University Press.

Yuchang J., Junyi L., Junxiu A., Jing W., Mingcheng H. (2019) The Differential Victimization Associated with Depression and Anxiety in Cross-cultural Perspective: A Meta-analysis // Trauma, Violence & Abuse, vol. 20, no 4, pp. 560–573. DOI: 10.1177/1524838017726426

Russian Experience

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-3

"Hybrid Threats" to Russia's Security: Identification and Counteraction

Svetlana I. KODANEVA

PhD in Law, Senior Researcher

Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 117218, Krzhizhanovskij St., 15-2, Moscow, Russian Federation

E-mail: kodanevas@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8232-9533

CITATION: Kodaneva S.I. (2020) "Hybrid Threats" to Russia's Security: Identification and Counteraction. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 44–71 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-3

Received: 25.01.2020.

ABSTRACT. *In the scientific literature, it is customary to consider and analyze war exclusively as a violent (conventional) confrontation of subjects of international politics. However, this does not take into account that modern wars are increasingly unfolding in the "grey zone", that is, outside the framework of international law, they are conducted both in physical and in other dimensions – informational, cybernetic, cultural, cognitive – and mainly by non-military means and with the involvement of irregular formations (rebels, terrorists, etc.). As a result, today's interstate confrontation is becoming more complex and hybrid, presenting new mechanisms for non-nuclear deterrence.*

It is important to understand that the inability to recognize the enemy's ongoing war in time, to determine the direction of the strike destroyed many states, starting with the Roman Empire and ending with the USSR. This determines the relevance and timeliness of this study, which is aimed at analyzing the content of the phenomenon of hybrid war, determining the main methods of its conduct used today and proposing counteraction measures.

It should be recognized that in the modern scientific literature there is no single approach to understanding what a hybrid war is, which is quite understandable precisely because of its essence – the variability and complexity of ways of it conducting, as well as flexibility and adaptability to specific circumstances. There are quite a lot of disparate studies on individual components of hybrid war, such as "soft power", information, economic and cyberwar, "color revolutions", etc.

The subject of this research is the phenomenon of hybrid warfare, its content and specific ways of conducting hybrid warfare. The purpose of this work is to conduct a comprehensive analysis of the subject of research, as well as to structure the manifestation that form the phenomenon of hybrid war in its complex, determine their correlation and mutual influence of various methods of conducting hybrid war, as well as to develop specific proposals for countering threats to Russia's national security.

The importance of developing comprehensive strategic approaches aimed primarily at identifying vulnerabilities, as well as

including spiritual security as the basis of the entire security system and countering hybrid threats is emphasized.

Taking into account the specified subject and purpose, the introduction reveals the relevance of the study of the phenomenon of hybrid war and the danger that this type of interstate confrontation poses for Russia. Then we analyze the concept of hybrid war and its content, as well as the four main ways of conducting it. The results of the analysis are followed by conclusions and proposals on countering threats to Russia's national security.

KEY WORDS: hybrid warfare, hybrid threats, soft power, information warfare, information security, cybersecurity, social networks, critical infrastructure, national security

References

- About Protection of the Population and Territories from Emergency Situations of Natural and Technogenic Character: Federal Law at 21.12.1994, No. 68-FZ (1994). *Consultant plus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_5295/bb9e97fad-9d14ac66df4b6e67c453d1be3b77b4c/, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Adams J., Albakajai M. (2016) Cyberspace: A New Threat to the Sovereignty of the State. *Management Studies*, vol. 4, no 6, pp. 256–265. DOI: 10.17265/2328-2185/2016.06.003
- Bashkirov N. (2019) Ensuring Cybersecurity of the US Electric Power System. *Foreign Military Review*, no 3, pp. 3–9. Available at: http://pentagonus.ru/publ/obespechenie_kiberbezopasnosti_ehlektroehnergeticheskoy_sistemy_ssha_2019/19-1-0-2889, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Bowman M. (2018) Senate Democrats Accuse Trump of Failing to Confront Russian Threat. *VOA News*, January 10, 2018. Available at: <https://www.voanews.com/usa/senate-democrats-accuse-trump-failing-confront-russian-threat>, accessed 20.05.2020.
- Breden J. (2013) Intell Tool Would Track Social Media like a Virus. *GCN Magazine*, February 12, 2013. Available at: <https://gcn.com/articles/2013/02/12/intell-tool-track-social-media-like-a-virus.aspx>, accessed 20.05.2020.
- Brychkov A.S. et al. (2019) *Hybrid Wars of the XXI Century: Origin, Essence and Place in the Civilizational Process: Monograph*, Smolensk (in Russian).
- Calpbinici P., Arslan F.T. (2019) Virtual Behaviors Affecting Adolescent Mental Health: The Usage of Internet and Mobile Phone and Cyberbullying. *Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing*, vol. 32, no 3, pp. 139–148. DOI: 10.1111/jcap.12244
- China's Soft Power Policy in Asia (RISS Report) (2019). *Problems of National Strategy*, no 3, pp. 11–67. Available at: <https://riss.ru/bookstore/journal/2019-g/3-54/>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Clas A.M. (2018) Commanding in Multi-Domain Formations. *Military Review*. March–April. Available at: <https://www.questia.com/library/journal/1G1-536534305/commanding-in-multi-domain-formations>, accessed 20.05.2020.
- Clinton H. (2011) Internet Rights and Wrongs: Choices & Challenges in a Networked World. *U.S. Department of State*, February 15, 2011. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/02/156619.htm>, accessed 20.05.2020.
- Clinton H.R. (2016) *Hard Choices*, Moscow: Eksmo (in Russian).
- Countering Hybrid Warfare: Conceptual Foundations and Implications for Defence Forces (2019). *MCDC*. Available at: [68](https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/840513/20190401-</p>
</div>
<div data-bbox=)

MCDC_CHW_Information_note_-_Conceptual_Foundations.pdf, accessed 20.05.2020.

Ford Ch.M., Williams W.S. (2018) *Complex Battlespaces: The Law of Armed Conflict and the Dynamics of Modern Warfare*, Oxford University Press.

Friman Ch. (2018) Technology, Government, and Unlimited War. *Russia in Global Politics*, no 1. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/number/Tekhnologii-gosudarstvennoe-upravlenie-i-neogranichennaya-voina-19349>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Frolov A.V. (2019) Local Conflict: Modern Tools. *Scientific Notes of the Institute of Africa RAS*, no 1(46), pp. 17–35 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2019-46-1-17-35

Gazgireeva L.H., Burnyasheva L.A. (2011) Existential Foundations of Spiritual Security of Russian Society. *Power*, no 2, pp. 11–15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekzistentsialnye-osnovy-duhovnoy-bezopasnosti-rossijskogo-obschestva/viewer>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Hoffer E. (2017) *The Convinced Man: Personality, Power, and Mass Movements*, Moscow: Alpina Publisher (in Russian).

Hoffman F. (2009) Hybrid Warfare and Challenges. *Joint Force Quarterly*, no 52, pp. 34–39. Available at: <https://smallwarsjournal.com/documents/jfqhoffman.pdf>, accessed 20.05.2020.

Hunter E., Pernik P. (2015) *The Challenges of Hybrid Warfare*, Tallinn: International Centre for Defence and Security. Available at: https://icds.ee/wp-content/uploads/2013/Eve_Hunter__Piret_Pernik_-_Challenges_of_Hybrid_Warfare.pdf, accessed 20.05.2020.

Information Security Doctrine of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation at 05.12.16 r. № 646 (2016). *Consultant plus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_208191/, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Johnson D.R. (1996) Law and Borders: The Rise of Law in Cyberspace. *Stanford Law Review*, vol. 46, p. 1367. DOI: 10.2139/ssrn.535

Joubert V. (2010) Getting the Essence of Cyberspace: A Theoretical Framework to Face Cyber. *Conference on Cyber Conflict Proceeding*, Tallinn. Available at: <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Joubert-Getting-the-Essence-of-Cyberspace.pdf>, accessed 20.05.2020.

Kalashnikov A.O., Sakrutina E.A. (2018) Forecasting the Risk Potential of Critical Infrastructure Objects in Nuclear Power Plants. *Managing the Development of Large-scale Systems*, Moscow: Institute of management problems of the Russian Academy of Sciences, pp. 245–247. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36620660>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Karlsen G.H. (2019) Divide and Rule: Ten Lessons about Russian Political Influence Activities in Europe. *Palgrave Communications*, vol. 5, no 19, pp. 1–14. DOI: 10.1057/s41599-019-0227-8

Katasonov V.Yu. (2019) “Chinese Syndrome” of Putin. *Breakthrough or Utopia?* Moscow: Algoritm (in Russian).

Kryachkina J.A. (2019) Key Features of Applying Japan's Soft Power to Its Foreign Policy. *Problems of National Strategy*, no 6, pp. 95–107. Available at: <https://riss.ru/bookstore/journal/2019-g/problemy-natsionalnoj-strategii-6-57/>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Kuchinskaya M. E. (2018) The Phenomenon of Hybridization of Modern Conflicts: Domestic and Western Military-political Discourse. *Problems of National Strategy*, no 6, pp. 122–143. Available at: <https://riss.ru/bookstore/journal/2018-g/6-51/>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Ladygin F.I., Afanasyev S.V. (2017) *Military Doctrinal Basis of US Foreign Policy*, Moscow: Kuchkovo pole (in Russian).

Major J.R., Davis Jr. (2015) Continued Evolution of Hybrid Threats: The Russian

Hybrid Threat Construct and the Need for Innovation. *The Three Swords Magazine*. No. 28.

Matusitz J. (2014) Intercultural Perspectives on Cyberspace: An Updated Examination. *Journal of Human Behaviour in the Social Environment*, vol. 24, no 7, pp. 713–724. DOI: 10.1080/10911359.2013.849223

Mikhalevich I.F. (2019) Critical Information Infrastructures in the Context of General Security. *Information Society Technologies*, Moscow: Media Publisher, pp. 370–372 (in Russian).

Nikolaichuk I.A., Yanklyeva M.M., Yakova T.S. (2018) *Wings of Chaos: Mass Media, World Politics and State Security*, Moscow: Icarus (in Russian).

On Approval of the Concept of Foreign Policy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation at 30.11.2016, No. 640 (2016). *Consultant plus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207990/, accessed 20.05.2020 (in Russian).

On Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation: Federal Law at 26.07.17, No. 187-FZ (2017). *Consultant plus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Panova A.V. (2019) *National Consciousness and Legal Awareness in the Information Economy*, Vladimir: ARKAIM (in Russian).

Razumov E. A. (2017) Cyber Sovereignty as an Aspect of the National Security System of the PRC. *Russia and China: History and Prospects of Cooperation. Materials of the VII International Scientific and Practical Conference*, pp. 707–710. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29191372>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Rogachev S.V., Vilovatykh A.V. (2019) Information Support of Foreign-Policy Activities in the Age of Digital Reality. *Problems of National Strategy*, no 6, pp. 108–

117. Available at: <https://riss.ru/book-store/journal/2019-g/problemy-natsionalnoj-strategii-6-57/>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Shimaguchi M. (2006) *Epoch of System Innovations*, Moscow: Mirac (in Russian).

Shukshin V.S., Suvorov V.L. (2017) *New Generation Wars: Hybrid Warfare – Myth or Reality?* Moscow: U Nikitskih vorot (in Russian).

Song M., Zhu Zh., Liu Sh., Fan H., Zhu T., Zhang L. (2019) Effects of Aggressive Traits on Cyberbullying: Mediated Moderation or Moderated Mediation? *Computers in Human Behavior*, vol. 97, pp. 167–178. DOI: 10.1016/j.chb.2019.03.015

Stupakov N.V. (2018) “Soft Power” as a Factor Influencing the Effectiveness of Foreign Policy in International Relations of Eurasian States and Building a Strategic Security Platform for Russia, the CIS Countries and the EAEU. *International Cooperation of the Eurasian States: Politics, Economics, Law*, no 3, pp. 24–37. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/myagkaya-sila-kak-faktor-vliyayuschiy-na-rezultativnost-vneshney-politiki-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah-evraziyskih-gosudarstv-i/viewer>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Sundiev I.Yu., Frolov A.B. (2019) Science Is in a Period of “Perekantovatsya Reality and Information-cognitive Mechanisms of Social Destruction”. *Economic Strategy*, no 5, pp. 70–81 (in Russian). DOI: 10.33917/es-5.163.2019.70-81

Surguladze V.Sh. (2019) *Identity Politics in the Realities of Ensuring National Security: Strategy, Theory, Practice*, Moscow: Analytical group «S.T.K.» (in Russian).

Terentyeva L.V. (2019) Territorial Aspect of State Jurisdiction and Sovereignty in Cyberspace. *LEX RUSSICA (RUSSIAN LAW)*, no 4(149), pp. 139–150. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/territorialnyy-aspekt-yurisdiktsii-i-suvereniteta-gosudarstva-v-kiberprostranstve/viewer>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

The Secretary General's Annual Report (2017). NATO. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_152797.htm, accessed 20.05.2020.

The Soft Power 30 (2019). Available at: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf>, accessed 20.05.2020.

Tsagourias N., Buchan R. (eds.) (2015) *Research Handbook on International Law and Cyberspace*, Sheffield: Edward Elgar Publishing.

Vildanov M., Bashkirov N. (1) (2019) International Legal Aspects of Protecting the Infrastructure of States from Cyber Threats. *Foreign Military Review*, no 7, pp. 3–10. Available at: http://factmil.com/publ/soderzhanie/informacionnye_vojny/mezhdunarodno_pravovye_aspekty_zashhity_infrastruktury_gosudarstv_ot_kiberugroz_2019/107-1-0-1659, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Vildanov M., Bashkirov N. (2) (2019) International Legal Aspects of Protecting the Infrastructure of States from Cyber Threats. *Foreign Military Review*, no 8,

pp. 21–26. Available at: http://factmil.com/publ/soderzhanie/informacionnye_vojny/mezhdunarodno_pravovye_aspekty_zashhity_infrastruktury_gosudarstv_ot_kiberugroz_2019/107-1-0-1659, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Vilovatykh A.V. (2018) Information & Communication Technologies on the Political-Military Service: the Social and Psychological Aspects. *Problems of National Strategy*, no 2, pp. 197–211. Available at: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2018/2/09.pdf>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Williamson M., Mansoor P.R. (2012) *Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present*, Cambridge: Cambridge University Press.

Yuchang J., Junyi L., Junxiu A., Jing W., Mingcheng H. (2019) The Differential Victimization Associated with Depression and Anxiety in Cross-cultural Perspective: A Meta-analysis. *Trauma, Violence & Abuse*, vol. 20, no 4, pp. 560–573. DOI: 10.1177/1524838017726426

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-4

Государственные коммуникации в цифровой публичной сфере России: 2011–2020 гг.

Ольга Георгиевна ФИЛАТОВА

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Университетская набережная, д. 7/9, Санкт-Петербург, Российская Федерация

E-mail: o.filatova@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-9568-1002

ЦИТИРОВАНИЕ: Филатова О.Г. (2020) Государственные коммуникации в цифровой публичной сфере России: 2011–2020 гг. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 72–91.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-4

Статья поступила в редакцию 23.03.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 18-18-00360 «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений».

АННОТАЦИЯ. В статье представлены результаты двух исследований, проведенных в начале 2010-х и в начале 2020-х гг., которые позволяют выявить тенденции развития государственных коммуникаций в цифровой публичной сфере России. Исследования проводились примерно на одной и той же выборке с использованием одинаковых методов с некоторыми корректировками. С интервалом в 9 лет проанализированы сайты всех органов государственной власти России на федеральном уровне, а также государственные коммуникации в социальных медиа. Под государственными коммуникациями подразумеваются коммуникативные отношения, в качестве субъекта которых выступает государство в целом, государственный институт или орган государственной власти, которые можно маркировать как государственный PR.

Предмет государственных коммуникаций — отношения по поводу осуществления полномочий государственной власти. Сравнивая итоги двух исследований государственных коммуникаций в России, автор анализирует произошедшие за десятилетие изменения и делает выводы об активном, но в целом неэффективном развитии таких коммуникаций, не позволяющих гражданам активно участвовать в процессах принятия политических решений, а также о неоднозначном развитии цифровой публичной сферы современной России в целом. Широкие интерактивные возможности современных социальных медиа, предполагающие приоритет двусторонней и многосторонней коммуникации, остаются в целом невостребованными. Несмотря на рост каналов, инструментов, сервисов, предоставляемых современными интернет-

технологиями, они используются органами государственной власти в основном только в информационных целях, не способствуя двусторонней коммуникации с населением и, соответственно, не приводят к значительному улучшению имиджа власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая коммуникация, Интернет, цифровые трансформации, цифровая публичная сфера, государственные коммуникации, социальные медиа*

Введение

Последние несколько десятилетий в научном дискурсе довольно широко используется понятие «публичная сфера». А начиная с периода активного развития социальных медиа предметом интенсивных теоретических дебатов и многочисленных эмпирических исследований становится возникновение и существование *цифровой* публичной сферы как онлайн-эквивалента традиционной, кажущейся уже несовершенной, «старой» публичной сферы. Появление цифровой публичной сферы привлекло большое внимание исследователей в последние годы, потому что она была концептуализирована как дополнение или даже замена ранее существующей, «классической», «старой» концепции публичной сферы как важнейшего элемента современной демократии [Schäfer 2015]. Цифровая публичная сфера определяется в основном как сфера онлайн-общения, участие в котором открыто и доступно для всех, кто заинтересован в обсуждении вопросов, представляющих общий интерес. Современные исследования показывают, что отличительной особенностью цифровой публичной сферы является видимость результатов обсуждения или совместной работы для всех акторов сети и что, по крайней ме-

ре, иногда, они влияют на процесс принятия решений другими людьми [Неверов 2013]. В ряду таких исследований стоят и исследования, представленные в данной работе.

В 2011 г. нами было осуществлено исследование, позволившее провести структурный анализ публичных коммуникаций органов государственной власти Российской Федерации в пространстве Web 2.0 на федеральном и региональном уровне управления (в рамках грантового проекта факультета прикладных коммуникаций СПбГУ [Филатова 2011]).

В январе 2020 г. мы провели повторное исследование, позволившие выявить тренды развития государственных коммуникаций (коммуникаций органов государственной власти) в цифровой публичной сфере России. Исследование 2020 г. можно назвать трендовым, поскольку оно проводилось на той же выборке и опиралось на ту же методологию, которая использовалась в 2011 г., с некоторыми корректировками.

Основные исследовательские вопросы, которые решались в ходе обоих исследований:

1. Наблюдается ли рост каналов, инструментов, сервисов, используемых органами государственной власти для коммуникации с населением?
2. Открывают ли социальные медиа действительно широкие возможности для связи органов государственной власти с аудиторией или это все лишь политический миф?
3. Обладают ли органы власти достаточным и эффективным набором средств участия и сотрудничества с гражданами для принятия демократически обоснованных решений?

Ниже мы попытаемся дать ответы на эти вопросы.

Методология исследования

Прежде всего, говоря о методологии исследования, необходимо обратить внимание на то, что представители многих научных школ и направлений отмечают чрезвычайную важность политической коммуникации в процессе государственного управления. Также следует отметить, что цель политической коммуникации в государственном управлении – не просто манипуляция аудиторией, но достижение согласия между управляемыми и управляющими.

Исследование государственных коммуникаций разрабатывалось нами в рамках постклассической парадигмы, согласно которой современные коммуникативные технологии – это не просто способ адаптации к внешней среде и взаимодействия социальных субъектов с внешней средой, это, прежде всего, способ конструирования социальной среды, формирования общественного мнения в самых различных масштабах и превращения публичного капитала в капитал «информационный» в терминологии М. Кастельса [Castells 1996; Castells 1997; Castells 1998]. Основания концепции М. Кастельса в целом близки к представлениям Х. Арендт (основа общества – открытое пространство публичного) [Arendt 1998] и Н. Лумана [Luhmann 1982] (общество порождается коммуникацией). Безусловно важными для нашего исследования являются также работы Ю. Хабермаса, касающиеся публичной сферы [Habermas 1989; Habermas 1992].

Отметим, что категория «государственные коммуникации» представляется нам более широкой, чем «коммуникации органов государственной власти». Это связано с тем, что в последнем случае в качестве коммуникативных акторов, создающих, оправляющих и получающих сообщения, высту-

пают исключительно органы государственной власти, обозначенные в качестве таковых в конституции. В силу природы государственных акторов, чье функционирование связано с реализацией отношений государственной власти, осуществляемые ими коммуникации априори являются политическими и публичными. Предметом государственных коммуникаций являются информационные отношения по поводу осуществления полномочий государственной власти. Сообщения при этом обладают необходимыми атрибутами месседжей публичной коммуникации – они затрагивают потребности/интересы/ценности граждан и обладают публичным статусом. Соответственно, когда в дальнейшем мы будем употреблять термин «государственные коммуникации», мы будем подразумевать их политический характер и публичный статус.

В отечественной научной литературе практически всю государственную публичную коммуникативную деятельность, осуществляемую специалистами соответствующих служб государственных органов, принято маркировать как государственный PR [Шишкина 2012]. Если быть более точными, то под государственным PR, вслед за М.А. Шишкиной, следует понимать информационно-коммуникативную деятельность, осуществляемую государственными субъектами, направленную на широкую общественность. Целью такой деятельности является создание и поддержание имиджа государственного субъекта.

Поскольку сегодня важной тенденцией развития государственного PR является использование цифровых технологий, то стало возможным говорить о появлении *цифрового PR органов государственной власти*, или, в терминологии Д.П. Гавры, о цифровых коммуникациях органов власти второго поко-

ления (поколения Веб 2.0) [Гавра 2012]. Проведенное нами трендовое исследование позволяет сделать вывод, важный для специалистов в области PR, о влиянии цифровых коммуникаций на имидж органов власти.

Как метод к пониманию проблемы в исследовании нами использовался сетевой подход. Использование сетевого анализа сопровождалось другими, более традиционными методами: кейс-стади, дескриптивной статистикой и т. п. Для поиска знания о реально существующих типах (формах, видах) изучаемого феномена публичных коммуникаций органов власти в цифровой среде использовался типологический и структурный анализ.

Методы сбора и анализа эмпирических данных:

Формализованный метод – контент-анализ. Проводится отдельно по каждому сайту каждого органа государственной власти и по каждому аккаунту в социальных медиа, указанному на сайте. Включает в себя анализ общего количества сообщений, периодичность публикаций, общие темы сообщений, использование особых средств выражения (ссылки, фото, видео).

Неформализованный метод, который состоит в адаптации содержания документа к задаче исследования, основанной на интуитивном понимании, обобщении содержания и логическом обосновании сделанных выводов.

Статистические методы.

Преимущества выбранных методов – экономичность, оперативность и двусторонность исследования. Так, традиционный анализ (неформализованный метод) основан на восприятии, понимании, осмыслении и интерпретации содержания документов в соответствии с целью исследования. А формализованный анализ (контент-анализ) рассчитан на извлечение информации из больших массивов документальных

источников, недоступных традиционному интуитивному анализу.

Для составления выборки исследования использовался список сайтов органов государственной власти, размещенный на сайте «Официальная Россия» по адресу www.gov.ru.

Далее представим в ретроспективном порядке сначала итоги анализа цифровых коммуникаций органов государственной власти РФ в 2011 г., а потом перейдем к итогам исследования 2020 г. В данном тексте мы ограничимся анализом государственных коммуникаций на федеральном уровне управления.

Результаты исследования

ИССЛЕДОВАНИЕ 2011 г.

Эмпирическое исследование проводилось в период с 1 сентября по 1 ноября 2011 г. Анализируемый инструментарий – официальные сайты органов власти, а также блоги, микроблоги (Twitter), социальные сети, видеохостинги (YouTube). В 2011 г. официальный сайт был уже у всех органов государственной власти. Мы проанализировали методом основного массива 62 сайта всех ветвей органов власти федерального уровня: законодательной, судебной, исполнительной.

Мы выявили, что у 7 органов власти федерального уровня были официальные текстовые блоги. У 6 органов власти не было официальных блогов, однако были личные блоги, блоги главных лиц или просто чиновников ведомства. Что касается микроблогов, то они, как выяснилось, были намного популярнее обычных блогов: 15 министерств имели официальные аккаунты в Twitter.

12 официальных каналов на YouTube было выявлено в ходе исследования 2011 г. Не такими популярными, как ожидалось, оказались социальные

сети. Самой востребованной была социальная сеть «ВКонтакте», на которой было зарегистрировано 17 официальных страниц и 2 личных. На Facebook в 2011 г. было 12 официальных страниц органов власти федерального уровня.

В целом проведенный анализ показал, что наиболее удобным для органов власти инструментом коммуникации в Интернете являлся Twitter, популярной сетью была сеть «ВКонтакте». Хотя говорить о какой-либо массовой активности органов федеральной государственной власти в Интернете было сложно, ибо, как выяснилось, только чуть более 10% государственных ведомств федерального уровня выходили за пределы собственного сайта (см. рис. 1).

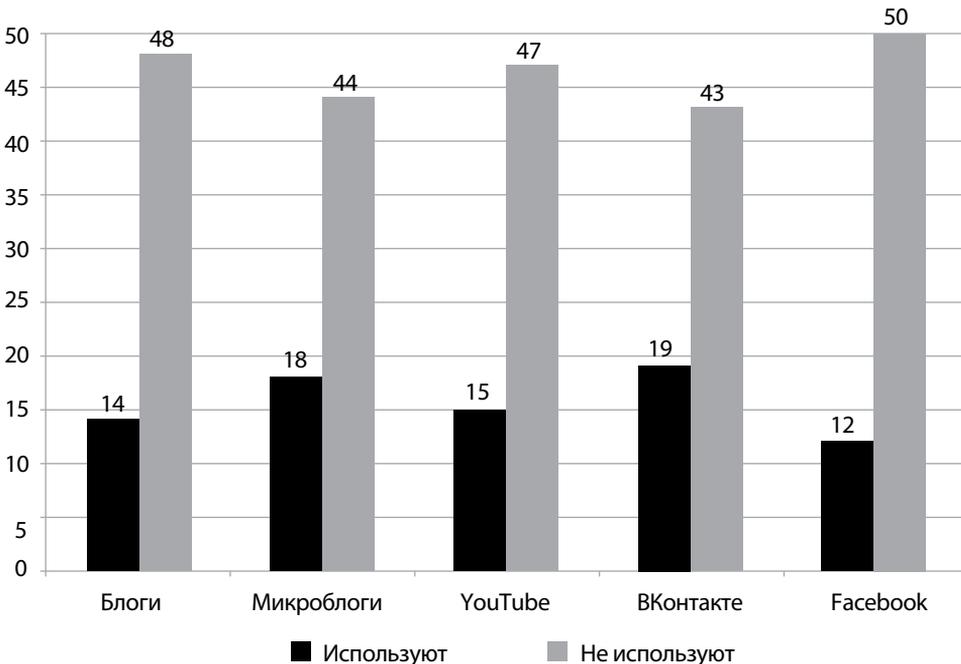
Таким образом, использование технологий Веб 2.0 в публичных коммуникациях органов федеральной власти РФ в 2011 г. нельзя признать эффективным. Широкие интерактивные возможности социальных медиа, предполагающие приоритет двусторонней и многосторонней коммуникации, были в целом невостребованными.

ИССЛЕДОВАНИЕ 2020 г.

В 2020 г. использовалась сплошная выборка, по итогам которой проанализированы цифровые публичные коммуникации всех 83 федеральных органов государственной власти Российской Федерации в соответствии с данными ресурса «Официальная Россия»¹.

Рисунок 1. Использование инструментов Веб 2.0 в деятельности органов государственной власти на федеральном уровне в 2011 г.

Figure 1. The Use of Web 2.0 Tools in the Activities of Public Authorities at the Federal Level in 2011

¹ www.gov.ru

Исследование проводилось в период с 10 ноября 2019 г. по 15 января 2020 г. Следует отметить, что оно было закончено в тот день, когда правительство в полном составе ушло в отставку.

Для удобства исследование разделено на два раунда. Первый раунд – это анализ сайтов, вторая часть – анализ социальных медиа.

В исследовании 2019–2020 гг. была поставлена новая, по сравнению с 2011 г., цель – составление рейтинга органов власти в контексте развития механизмов электронного участия граждан в процессе принятия политических решений.

Задачи:

- определить базовое состояние электронных средств участия, предлагаемых государственными сайтами населению путем сплошного анализа сайтов, предоставляемых ими инструментов, сервисов, контента;
- определить наиболее эффективные социальные медиа, используемые федеральными органами власти для коммуникации власти и общества;

- оценить масштаб и степень эффективности использования федеральными властями электронных средств коммуникации для принятия демократически обоснованных и технически рациональных решений в интересах всех граждан, с одной стороны, и создание имиджа современной и эффективной власти, с другой.

В результате было проведено удаленное исследование (desk-top) – инвентаризация имеющихся средств участия и сотрудничества на официальных сайтах и в официальных аккаунтах органов федеральной власти.

АНАЛИЗ САЙТОВ

Очевидно, что к началу 2020-х гг. практически все сайты федерального уровня регулярно наполняются, обновляются, имеют все необходимые разделы и, соответственно, нет необходимости оценивать их информационную, интерактивную составляющие, также нет смысла оценивать оформление сайта, удобство пользования им и поисковую оптимизацию. Поэтому для

Таблица 1. Список критериев для проведения оценки сайтов в контексте электронного участия

Table 1. List of Criteria for Evaluating Sites in the Context of Electronic Participation

№	Критерии	Уровень электронного участия
1	Мероприятиях по э-участию (календарь публичных обсуждений)	E-information
2	Отчеты о результатах работы	
3	Обратная связь (возможность написать письмо)	E-consultation
4	Мультиязычность	
5	Интеграция/представительство в соц. сетях	
6	Электронные консультации (возможность задать вопрос)	E-decision-making
7	Электронное голосование или референдум-технологии	
8	Использование мобильных технологий	

анализа сайтов было принято решение применить практически тот же список критериев, который использовался в других наших исследованиях в рамках проекта РНФ № 18-18-00360 «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений» [Bolgov 2018; Filatova, Golubev, Ibragimov, Balabanova 2017]. Этот список критериев, связанных с измерением возможностей электронного участия, которые предоставляют современные государственные сайты (см. табл. 1), коррелирует с методикой оценки электронного участия, которая используется ООН при составлении рейтинга электронного участия [E-Participation Index; Concept Paper 2013].

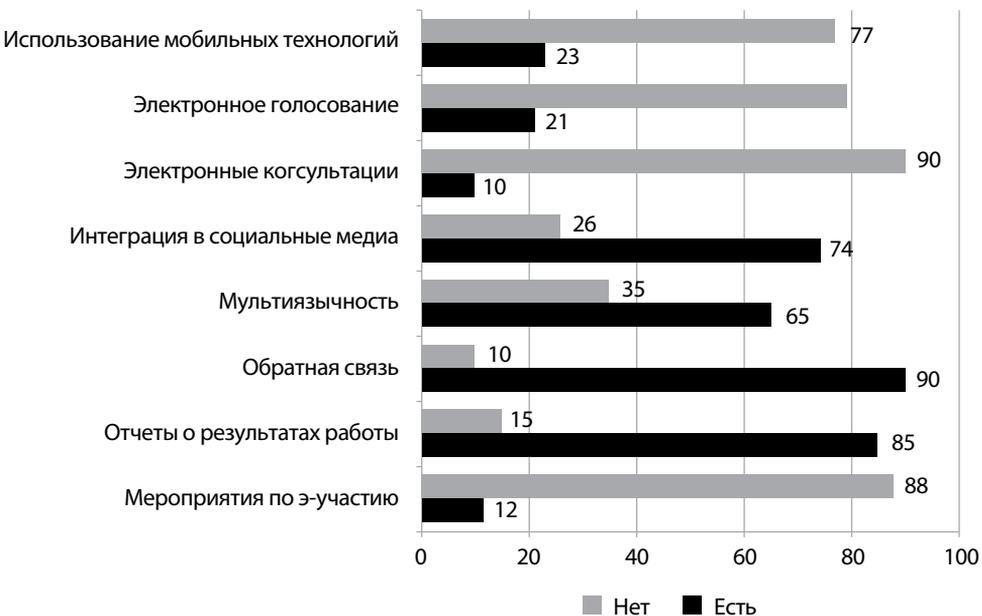
В случае наличия исследуемого компонента выставялась оценка «1», в случае отсутствия – «0», далее расчи-

тывалось среднее значение по каждому критерию для каждого органа власти. Итоги представлены на рисунке 2.

На рисунке 2 хорошо видно, что к началу 2020 г. почти все органы федеральной власти РФ предоставляют возможность обратной связи (90%), добросовестно выкладывают отчеты о своей работе (80%) и имеют аккаунты в социальных сетях (77%).

Однако возможности электронных консультаций предоставляют только около 10% сайтов, предлагают проголосовать на сайте 20%. То есть показатели, касающиеся стадий «электронного голосования» и «электронного принятия решений» в понимании ООН, очень низкие. Что очень странно в 2020 г. – на большинстве сайтов (почти 77%) не указано наличие мобильных версий сайта и нет ссылок на какие-либо мобильные приложения.

Рисунок 2. Итоги анализа сайтов федеральных органов власти (%)
Figure 2. The Results of the Federal Authorities Websites Analysis in the Context of the Participation (%)

Проведенный анализ позволил составить *рейтинг органов власти в контексте использования механизмов электронного участия* (табл. 2).

Безусловный лидер рейтинга – Федеральная налоговая служба. Видимо, руководство этого ведомства в полной мере понимает важную роль сайта в системе государственных коммуникаций. Это подтверждают слова советника отдела

интернет-проектов Федеральной налоговой службы В.Г. Мартиняхина: «Федеральная налоговая служба представляет интерес для каждого гражданина, среди всех ФОИВ наш сайт является самым часто посещаемым, поэтому качественный ресурс – это необходимое условие для эффективности работы самой службы. Сайт – это лицо государственного органа, сегодня гражданину про-

Таблица 2. Рейтинг электронного участия государственной власти Российской Федерации (первые 10 и последние 10 мест)

Table 2. Rating of Electronic Participation (first 10 and last 10 places)

№ п/п	Орган власти	Рейтинг
1	Федеральная налоговая служба	1,000
2	Совет Федерации	0,875
3	Федеральная служба по труду и занятости	0,875
4	Министерство финансов Российской Федерации	0,875
5	Министерство обороны Российской Федерации	0,750
6	Федеральное агентство воздушного транспорта	0,750
7	Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации	0,750
8	Федеральная антимонопольная служба	0,750
9	Президент Российской Федерации	0,625
10	Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации	0,625
	
73	Федеральное агентство по делам национальностей	0,250
74	Министерство юстиции Российской Федерации	0,125
75	Федеральная служба по надзору в сфере природопользования	0,125
76	Служба внешней разведки Российской Федерации (федеральная служба)	0,125
77	Федеральная служба безопасности Российской Федерации (федеральная служба)	0,125
78	Главное управление специальных программ Президента Российской Федерации (федеральное агентство)	0,125
79	Управление делами Президента Российской Федерации (федеральное агентство)	0,125
80	Государственная фельдъегерская служба Российской Федерации (федеральная служба)	0,125
81	Совет Безопасности Российской Федерации	0,000
82	Федеральная служба охраны Российской Федерации (федеральная служба)	0,000

ще получить информацию или услугу в бесконтактном режиме, а для этого сайт должен обладать всей необходимой информацией, а также обладать технологическими свойствами, которые позволяли бы решать эти задачи. Кроме того, качественный сайт уменьшает нагрузку на наши региональные отделения, т. к. им не приходится отвечать на типовые вопросы, ведь информация представлена на сайте» [Открытость федеральных органов исполнительной власти 2015].

Семь последних мест в рейтинге занимают специальные структуры, связанные с безопасностью и управлением делами Президента, что в принципе логично, т. к. их деятельность не подлежит широкой огласке и, вполне в русле традиций российской политической культуры, не предполагает широкого обсуждения вопросов их деятельности.

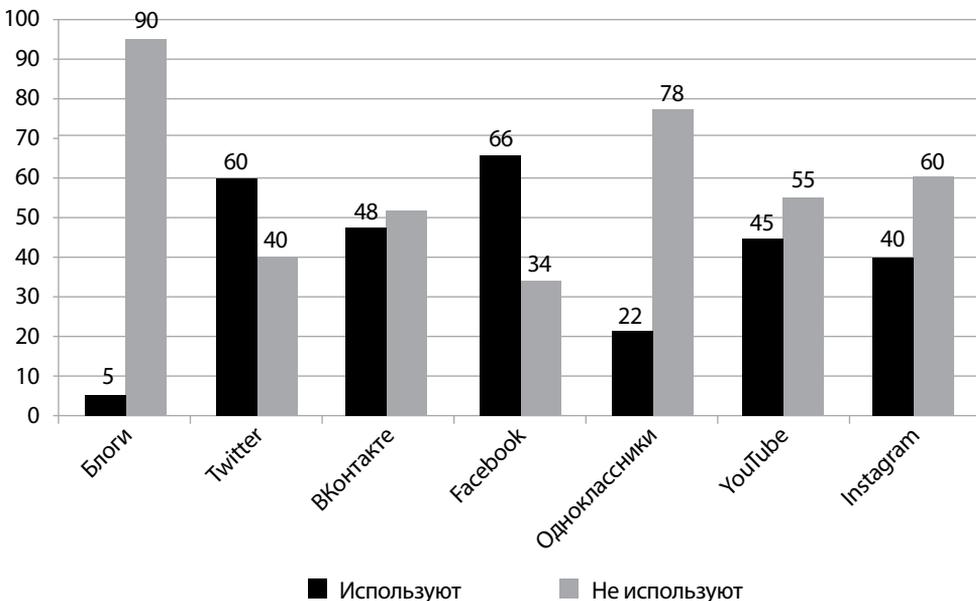
В целом выводы, касающиеся предоставления возможностей электронного участия на сайтах федеральных органов власти, получились неутешительными. Большинство сайтов находятся только на первой стадии электронного участия (по классификации ООН) – стадии информирования (зато выполняют эту задачу довольно хорошо), некоторые сайты позволяют организовывать и проводить консультации, но до стадии принятия решений в Интернете большинству органов власти еще далеко.

**АНАЛИЗ КОММУНИКАЦИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА**

Для анализа использовались те аккаунты, ссылки на которые размещены на официальных сайтах, а также на портале Правительства РФ.

Рисунок 3. Количество аккаунтов федеральных органов власти в популярных социальных медиа (%)

Figure 3. The Number of Accounts of Federal Authorities in Popular Social Media (%)

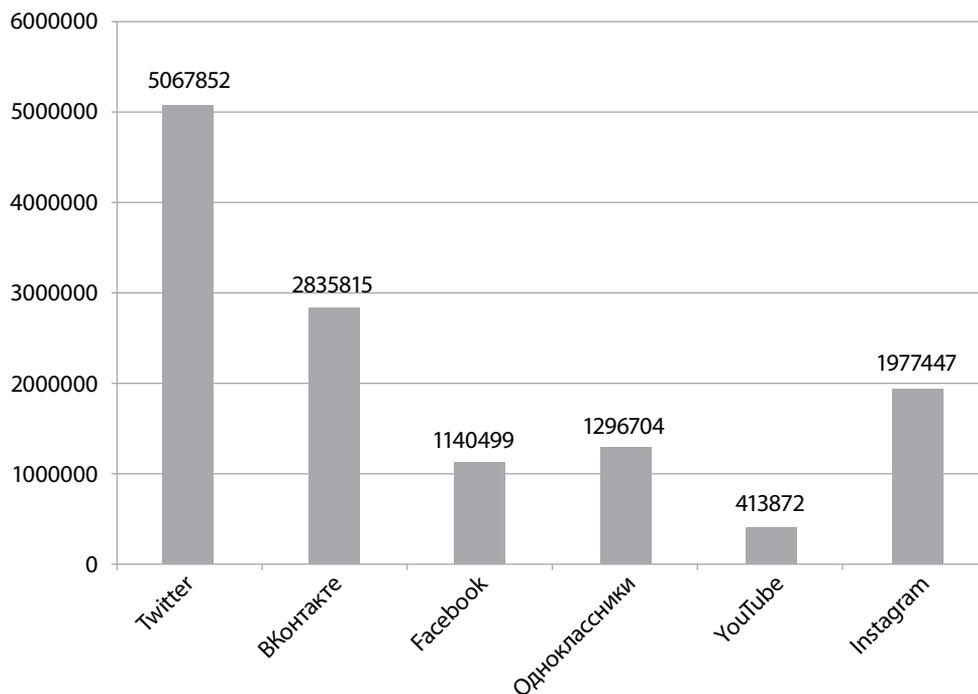
Оказалось, что федеральные органы власти по-разному представлены в социальных медиа: кто-то из них вообще не имеет там аккаунтов, кто-то зарегистрирован в одной социальной сети, а некоторые стараются зарегистрироваться чуть ли не во всех популярных сетях сразу. Наибольшей популярностью у федеральных органов государственной власти Российской Федерации к началу 2020 г. пользуются Facebook (66%), Twitter используют 60%, примерно одинаково представлены органы государственной власти в социальных сетях «ВКонтакте» (47%), на YouTube (45%) и в Instagram (40%) (см. рис. 3).

По количеству подписчиков у органов государственной власти лидирует Twitter с более чем 5 млн пользователей.

Число подписчиков «ВКонтакте» приближается к 3 млн. Около 2 млн подписчиков в Instagram. «Одноклассники» с их 18 аккаунтами по количеству пользователей опережают Facebook с 54 аккаунтами. Около 0,5 млн чел. подписаны на каналы органов государственной власти на YouTube (рис. 4).

Если обратиться к исследованию, проведенному в 2011 г. (см. рис. 5), можно сделать вывод, что к 2020 г. популярность текстовых блогов сошла на нет. Хотя и в 2011 г. она была невелика – официальные текстовые блоги были лишь у семи органов власти, у шести были личные блоги главных лиц и у одной государственной структуры был неофициальный блог, что в совокупности составляло 23% от общего числа проанализированных органов власти.

Рисунок 4. Количество подписчиков в разных социальных медиа
Figure 4. The Number of Subscribers in Social Media

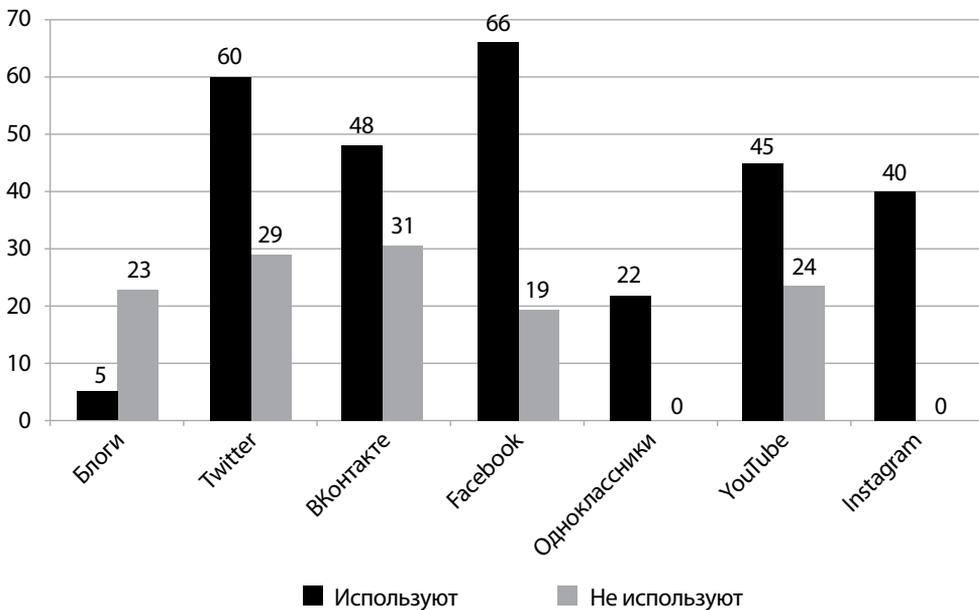
На рисунке 5 заметен рост популярности социальных сетей. Наибольший рост показывает Facebook. Самая востребованная в 2011 г. социальная сеть «ВКонтакте» значительно уступила Facebook. Почти в два раза выросло число аккаунтов на YouTube и в Twitter. Аккаунты в Instagram и в «Одноклассниках» в 2011 г. не анализировались.

Подробно нами проанализированы и выявлены некоторые тренды и тенденции активности федеральных органов власти в Instagram, поскольку в настоящее время эта сеть становится все более популярной среди широкой аудитории и лидеров мнений. Мы обнаружили аккаунты в Instagram у 33 федеральных структур власти, что составляет 40%. Общее число подписчиков на момент исследования составило около 2 млн чел.

Можно констатировать, что абсолютное большинство аккаунтов федеральных органов власти в Instagram имеют чисто информационную функцию. Среди обсуждаемых тем у всех аккаунтов единогласно лидирует новостной контент, также практически во всех аккаунтах присутствуют поздравления граждан с государственными и отраслевыми праздниками. Некоторые ведомства развлекают свой контент справочно-бытовым материалом для граждан, конкурсами и т. п. В двух аккаунтах ведомств даже присутствует юмористический контент – у Федерального медико-биологического агентства и Министерства энергетики.

Однако практически во всех представительствах очень низкая активность. Даже в аккаунтах, имеющих более 20 тыс. подписчиков, количество лайков и комментариев несоизмеримо

Рисунок 5. Сравнительный анализ представительства органов государственной власти Российской Федерации в социальных медиа в 2011 г. и в начале 2020 г. (%)
Figure 5. Russian Authorities in Social Media in 2011 and in 2020 (%)

мало. Практически во всех ведомствах отсутствует официальный представитель, который бы мог общаться с пользователями в комментариях и отвечать в режиме онлайн на возникающие по темам вопросы.

Наиболее высокой активностью отличаются Государственная Дума, Федеральное агентство по делам молодежи, Министерство внутренних дел Российской Федерации, Министерство обороны РФ. Самым активным аккаунтом с огромным отрывом нужно признать профиль Дмитрия Анатольевича Медведева – председателя (уже бывшего) Правительства РФ; у него на момент исследования было более 2,6 млн подписчиков и около 600 публикаций.

Среди наименее активных – Счетная палата, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом, Министерство науки и высшего образования РФ и Федеральная служба по регулированию алкогольного рынка. Аккаунтом с самым низким показателем активности нужно признать профиль Валентины Ивановны Матвиенко в качестве главы Совета Федерации с 13 публикациями и последним обновлением год назад.

На основании проведенного анализа мы построили *рейтинг информационной активности* в Instagram и *индекс вовлеченности* федеральных органов власти. Использовалась следующая формула расчета индекса информационной активности: *Индекс информационной активности = количество постов / количество подписчиков*. Для составления рейтинга показатели ранжировались по мере убывания.

Индекс вовлеченности (Engagement Rate) — это уровень вовлеченности аудитории в активности аккаунта (по-

казатель взаимодействия пользователей с публикуемым контентом). Формула расчета уровня вовлеченности²:

$$ER = \frac{(\text{лайки} + \text{комментарии})}{\text{подписчики} * 100\%}$$

В нашем рейтинге активности (если делить количество постов на количество подписчиков) лидером оказались Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, а также Центризбирком. Три последних места занимают Государственная Дума, Президент Российской Федерации и Министерство культуры. Аккаунты Д.А. Медведева и В.И. Матвиенко в рейтинг не включались, потому что анализировались аккаунты ведомств.

Но рейтинг активности не совпадает с индексом вовлеченности, который показывает, сколько человек взаимодействует с публикациями (лайкают, комментируют). Только единственное ведомство – Федеральное агентство по управлению государственным имуществом – размещает контент, интересный пользователям, т. е. подписчики действительно на него реагируют. Еще четыре ведомства можно признать более-менее активными в Instagram – у них средние показатели по индексу вовлеченности аудитории. Это Федеральное медико-биологическое агентство, Федеральная таможенная служба, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования и Министерство обороны. Подавляющее большинство аккаунтов не попадают ни в какие нормы по уровню вовлеченности.

Здесь следует иметь в виду, что индекс вовлеченности рассчитывался из расчета показателей за неделю и был

2. Использовалась программа Xprofile. Показатели из расчета за одну неделю.

полностью актуален только на 13 января 2020 г. То есть в разные промежутки времени (недели) разные агентства оказываются в лидерах или аутсайдерах. Но, тем не менее, наш опыт проведения подобных исследований показывает, что в среднем этот индекс адекватен и отражает реальные тенденции и тренды.

Таким образом, на данном этапе ведение Instagram-аккаунтов федеральными органами власти является скорее атрибутивным и имиджевым, нежели представляет собой действующий коммуникативный инструмент. Все представительства больше напоминают небольшие пресс-центры. В связи с низкой активностью аудитории, большая часть ведомств не может эффективно использовать все инструменты и логику данной социальной сети, чтобы распространять свое влияние на общественность. Отсутствие обратной связи со стороны ведомств в комментариях также сильно затормаживает этот процесс. Поэтому на данный момент никак нельзя сказать, что Instagram является эффективной площадкой для коммуникации федеральных органов власти с общественностью. К сожалению, похожий вывод можно сделать практически по отношению ко всем проанализированным социальным медиа.

Еще одна важная особенность, которая была выявлена в ходе исследования 2011 г. и о которой стоит сказать в 2020 г., – это появление большого количества фейковых (фальшивых) аккаунтов в социальных сетях. Ситуация только усугубилась к 2020 г. Подлинность некоторых аккаунтов порой настолько сложно подтвердить или опровергнуть, что ошибаются даже сами сотрудники пресс-служб соответствующих ведомств. Так, например, нами даже был выявлен случай, когда официальная ссылка на аккаунт в сети «ВКонтакте» одного уважаемого министер-

ства на сайте Правительства РФ велась явно на фейковую страницу, где критикуется Президент России.

Также довольно сложно выявить ботов, имитирующих активность в социальных сетях, потому что их деятельность постоянно совершенствуется, хотя существуют специальные программы, выявляющие бот-активность. В нашем исследовании не предполагалось их использование, но, например, компания «Инфометр» с помощью сервисов Fake Followers от SocialBakers и Twitteraudit в 2015 г. проверила, сколько фейковых аккаунтов среди тех, кто подписан на каналы органы власти. Оказалось, что средний процент ботов среди подписчиков всех аккаунтов федеральных органов власти в Twitter на 27 января 2015 г. составил 66,3%, причем выявлена явная зависимость (коэффициент корреляции – 0,77) между количеством подписчиков и процентом фейковых аккаунтов [Представленность федеральных органов 2015]. Исследования в данном направлении, безусловно, должны быть продолжены.

В целом данные, полученные в ходе представленных выше исследований, позволяют дать следующие ответы на основные исследовательские вопросы:

1. Наблюдается значительный рост каналов, инструментов, сервисов, используемых органами государственной власти для коммуникации с населением.
2. Использование социальных медиа для связи органов государственной власти с аудиторией представляет собой всего лишь политический миф.
3. Органы федеральной власти РФ за прошедшее десятилетие не сумели эффективно воспользоваться средствами электронного участия и сотрудничества с гражданами для принятия демократически обоснованных решений.

Заключение

В заключение прежде всего констатируем, что цифровая публичная сфера современной России безусловно претерпевает перемены, о которых писал еще Юрген Хабермас. Интернет активно развивается во всех сферах жизни, простые граждане «эффективно и творчески взаимодействуют друг с другом онлайн» [Coleman 2017]. Как и большинство отечественных и зарубежных исследователей, мы не можем не согласиться с тезисом о том, что современные интернет-технологии кардинально преобразовали и изменили коммуникации во всех областях.

Тем не менее основной вывод, который мы можем сделать по итогам сравнительного анализа двух исследований с интервалом практически в десятилетие, заключается в том, что влияние Интернета на государственные коммуникации России до сих пор можно назвать незначительным. Конечно, нельзя отрицать, что по сравнению с 2011 г. российские министерства и ведомства постепенно совершенствовали информационное наполнение своих интернет-сайтов. Значительно выросло и количество зарегистрированных страниц органов государственной власти в разных социальных сетях. Растет позиция России в различных международных рейтингах, связанных с процессами цифровизации. Однако все эти изменения несут скорее «косметический», нежели содержательный характер. И хотя в 2020 г. нельзя не признать повышение информационной прозрачности власти и расширение общения государственных институтов с гражданами, существующие возможности электронных петиций, электронных консультаций и онлайн-дискуссий практически не принимаются во внимание органами власти. При обилии сайтов и аккаунтов в социальных медиа только единицы из

них способствуют улучшению имиджа государственной власти или отдельных ее структур. Наличие у государственной структуры сайта или аккаунта в социальной сети еще не говорит об эффективном использовании им данных инструментов публичной коммуникации, а широкие интерактивные возможности социальных медиа, предполагающие приоритет двусторонней и многосторонней коммуникации, остаются в целом невостребованными.

В отличие от западноевропейской и американской практики, в которой блоги и социальные сети чаще всего являются полноценной площадкой для общения политиков и государственных служащих с гражданами, в России социальные медиа в политической сфере служат преимущественно современным и технологичным аналогом доски объявлений, используемой для информирования или пропаганды. Большинство политиков и чиновников пытаются применить новые технологии для реализации устаревших моделей коммуникации, а публичные аккаунты в социальных медиа ведут не потому, что возникла такая потребность, а потому что поступил сигнал «сверху». К диалогу и открытой двухсторонней коммуникации с пользователями они пока что не готовы либо просто не заинтересованы в них. Подобную ситуацию, видимо, можно объяснить как национальными управленческими традициями, так и особенностями политической системы, которая сегодня сложилась в России.

Конечно, есть и исключения, которые объясняются, на наш взгляд, прежде всего личностными факторами. В качестве яркого примера здесь можно привести слова руководителя пресс-службы Санкт-Петербургского УФАС Марины Нериновской: «Лично для меня госорган в соцсети – это прозрачность, открытость и готовность к диалогу даже во вне рабочее время» [Нериновская 2017].

Сравнительные итоги двух исследований, представленных в данной работе, демонстрируют, что основным достижением российской «цифровой демократии» стало лишь улучшение доступа к информации. Правительство поддерживает электронное информирование, а не электронное консультирование и уж тем более не совместное принятие решений, как это предполагается в концепции электронного участия ООН. Органы государственной власти предпочитают информировать о принятых решениях, а не консультироваться с гражданами до факта принятия решений. К сожалению, нам пока не удалось обнаружить ощутимого влияния существующих цифровых коммуникативных площадок, форумов, вызывающих интернет-дискуссию, «на принятие решений институциональной политикой» [Van Dijk 2012] и найти доказательства увеличения электронного участия на сегодняшний день по сравнению с ситуацией начала 2010-х. Это согласуется с наблюдением ряда ученых о том, что правительственные субъекты, как правило, используют кампании в интернете в информационных и образовательных целях, в то время как субъекты гражданского общества обычно проводят кампании, пытаясь повлиять на текущие политические дебаты или текущие политические решения, мобилизуясь для определенных действий и усиливая общественное давление [Baringhorst 2009].

На исследовательский вопрос о том, обладают ли российские власти достаточным и эффективным набором средств участия и сотрудничества с гражданами для принятия демократически обоснованных решений, ответ остается отрицательным. Каналы, инструменты, сервисы, предоставляемые Интернетом, несмотря на их рост, неэффективно используются органами государственной власти для коммуни-

кации с населением и не способствуют росту имиджа власти. Если говорить в терминах Ю. Хабермаса и М. Бахтина, происходит «маскарадизация» и «карнавализация» публичной сферы, когда видимость, «кажимость» подменяет реальные, сущностные проблемы, которые необходимо решать.

Дискуссия и перспективы исследования

Итак, можно ли сейчас с уверенностью заявлять, что формирование новой (цифровой, электронной) публичной сферы в России содействует эффективной коммуникации власти и общества, вовлечению граждан в процесс принятия политических решений? Могут ли (если да, то каким образом) современные россияне становиться активными участниками общественно-политических процессов? Проанализированные нами данные пока не дают однозначного ответа на этот вопрос.

И все же, несмотря на неоднозначность цифровой публичной сферы России, в российском сегменте интернета существуют коммуникативные площадки, которые, по крайней мере, время от времени, способствуют нахождению коллективных решений. Однако этот вывод нуждается в дальнейшем обосновании и выявлении условий, при которых такие цифровые публичные коммуникации могут развиваться.

В современной России появляются новые гражданские инициативы и развиваются существовавшие ранее общественные движения – их рост заметен в разных регионах России. По мнению специалистов, некоторые уже приобрели широкий размах и получили легальное организационное оформление, другие представляют собой распространенные, но нелегальные формы протеста [Ярская-Смирнова, Романов 2013].

Как должна реагировать власть на эти вызовы гражданского общества? Как формируются в новой публичной сфере процессы гражданского участия? Эти вопросы еще требуют научного осмысления. Ведь в академической дискуссии по проблемам электронного гражданского участия существуют доказательства как правоты тех, кто говорит о растущей деполитизации в обществе, так и тех, кто указывает на признаки активизации участия граждан в цифровой публичной сфере. Одновременно есть много научных и практических примеров активизации государства в процессах взаимодействия с гражданами в цифровом пространстве.

Конечно, необходимо и дальше проводить подобные исследования. Методика исследования, представленная в данной статье, безусловно, нуждается в доработке и должна быть усовершенствована. В такой динамично развивающейся среде, как Интернет, многие индикаторы быстро устаревают, но одновременно появляются новые. В частности, показатели активности в цифровом пространстве, на основании которых мы делаем основные выводы, могут, учитывая российские реалии, быть не вполне достоверными. Уже хорошо известен феномен «накрутки» голосов, организации комментариев ботами, троллями и т. п. Цифровая активность и даже цифровые коммуникации могут быть явлениями имитационными, и тогда предложенной методики анализа будет уже не вполне достаточно. Соответственно, важной научной задачей при изучении государственных коммуникаций становится исследование механизмов фейк-ньюс и методов фильтрации ненадежных с точки зрения достоверности содержания сообщений. При этом важным направлением дальнейших исследований являются не только методы выявления поддельных аккаунтов, фальшивых новостей, но и спосо-

бы противодействия информационным угрозам, возникающим в связи с активным развитием интернет-технологий.

Необходимы проекты, ориентированные на исследование факторов, способствующих коммуникации, и в целом – эффективное функционирование системы электронного взаимодействия между органами власти, бизнесом и гражданами в современном цифровом пространстве. Причем важным компонентом развития научного дискурса по данной проблеме являются не только теоретические исследования, но и реализация прикладных исследований с использованием социологических методов и инструментария современных интернет-исследований. Представляется, что описанные выше исследования позволяют определить проблемы и выявить направления дальнейшей работы для специалистов по коммуникациям в органах власти.

Список литературы

Гавра Д.П. (2012) Цифровые коммуникации органов государственной власти: понимание и перспективы // СМИ в современном мире. Петербургские чтения. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. С. 160–164.

Неверов К.А. (2018) Публичная сфера социальных медиа: проблема определения стратегий сетевых акторов // Социальные и гуманитарные знания. Т. 4. № 2. С. 66–70 // <http://www.j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk/article/view/627/529>, дата обращения 20.05.2020.

Нериновская М. (2017) Госорганы в соцсетях. Жизнь или имитация // Business Daily. 8 ноября 2017 // <http://prclub.spb.ru/2017/11/08/ufas-2/>, дата обращения 20.05.2020.

Открытость федеральных органов исполнительной власти 2015: кризис роста (2015) // Инфометр //

http://infometer.org/analitika/foiv_itogi_2015, дата обращения 20.05.2020.

Представленность федеральных органов исполнительной власти в популярных социальных сетях. Этап II: Twitter (2015) // Инфометр // http://infometer.org/analitika/foiv_twitter_2015, дата обращения 20.05.2020.

Филатова О.Г. (ред.) (2011) Отчет о научно-исследовательской работе «Публичная коммуникация органов государственной власти РФ в пространстве WEB 2.0.: структура, каналы и инструменты в начале 2010-х». СПб.: СПбГУ.

Шишкина М.А. (2012) Государственный PR и GR в системе современных связей с общественностью // Научные труды Северо-западного института управления РАНХиГС. Т. 3. № 2(6). С. 118–124 // https://spb.ranepa.ru/images/DokSZIU/news/Nauchnye_trudy_6.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. (ред.) (2013) Публичная сфера: теория, методология, кей-стади: коллективная монография. М.: Вариант.

Arendt H. (1998) *The Human Condition*, University of Chicago Press.

Baringhorst S. (2009) Introduction: Political Campaigning in Changing Media Cultures – Typological and Historical Approaches // *Political Campaigning on the Web* (eds. Baringhorst S., Kneip V., Niesyto J.), Bielefeld: Transcript, pp. 93–120.

Bolgov R., Filatova O., Golubev V. (2018) E-Government in the Eurasian Economic Union: A Comparative Study of Member States // *ACM International Conference Proceeding Series. 11th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2018*, pp. 27–33. DOI: 10.1145/3209415.3209435

Castells M. (1996) *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society*, Cambridge MA, Oxford UK: Blackwell Publishers.

Castells M. (1997) *The Information Age: Economy, Society and Culture.*

Vol. II: *The Power of Identity*, Malden MA, Oxford UK: Blackwell Publishers.

Castells M. (1998) *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III: End of Millennium*, Malden MA, Oxford UK: Blackwell Publishers.

Coleman S. (2017) *Can the Internet Strengthen Democracy?* Cambridge; Malden MA: Polity Press.

Concept Paper “Developing Capacity for Participatory Governance through E-participation”. DPADM (2013) // UN Department Economic and Social Affairs // <http://workspace.unpan.org/sites/internet/Documents/CONCEPT%20PAPER%20e-Participation%2001.30.13.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

E-Participation Index // <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation>, дата обращения 20.05.2020.

Filatova O., Golubev V., Ibragimov I., Balabanova S. (2017) E-participation in EEU Countries: A Case Study of Government Websites // *Proceedings of the International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia, EGOSE*, pp. 145–151. DOI: 10.1145/3129757.3129782

Habermas J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, Thomas Burger, Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.

Habermas J. (1992) *Moral Consciousness and Communicative Action*, Cambridge: Polity Press.

Luhmann N. (1982) *The World Society as a Social System* // *International Journal of General Systems*, vol. 8, no 3, pp. 131–138. DOI: 10.1080/03081078208547442

Schaefer M. (2015) *Digital Public Sphere* // *The International Encyclopedia of Political Communication* (ed. Mazzoleni G.), London: Wiley Blackwell, pp. 322–328.

United Nations E-Government Survey 2018. *Gearing E-Government to Support Transformation Towards Sustain-*

able and Resilient Societies (2018) // United Nations E-Government Survey // https://www.un-ilibrary.org/democracy-and-governance/united-nations-e-government-survey-2018_d54b9179-en, дата обращения 20.05.2020.

Van Dijk J.A.G.M. (2012) Digital Democracy: Vision and Reality // Public Administration in the Information Age: Revisited (eds. Snellen I., Thaens M., van de Donk W.), Amsterdam: IOS-Press, pp. 49–62.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-4

Trends of Government Communications in Digital Public Sphere of Russia: 2011-2020

Olga G. FILATOVA

PhD in Philosophy, Assistant Professor

Saint Petersburg State University, 199034, VO, 1 Line, 26, Saint Petersburg, Russian Federation

E-mail: o.filatova@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-9568-1002

CITATION: Filatova O.G. (2020) Trends of Government Communications in Digital Public Sphere of Russia: 2011-2020. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 72–91 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-4

Received: 23.03.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: This work was supported by the Russian Science Foundation, project no 18-18-00360 “Electronic participation as a factor in the dynamics of the political process and the process of making government decisions.”

ABSTRACT. *The paper presents the results of two studies conducted in the early 2010s and early 2020th, which allow us to identify trends in the development of state communications in the digital public sphere of Russia. The studies were carried out on the same series using the same methods with some adjustments. The sites of all Russian public authorities at the federal level, as well as state communications in social media, were analyzed with an interval of 9 years. State communications are understood as communicative relations, the subject of which is the state as a whole, a state institution or a public authority, and which can be labeled as state PR. The subject of state communications is relations regard-*

ing the governing of state power. Comparing the results of two studies of state communications in Russia, the author analyzes the changes over the decade and draws conclusions about the active, but ineffective development of such communications that do not allow citizens to actively participate in political decision-making processes, as well as the ambiguous development of the digital public sphere of modern Russia in general. The wide interactive possibilities of modern social media which imply the priority of intermutual communication remain generally unclaimed. Despite the growth of channels, tools, services provided by modern Internet technologies, they are used by public authorities mainly for informational purposes

only, without facilitating two-way communication with the population and therefore do not lead to a significant improvement in the image of power.

KEY WORDS: political communication, Internet, digital transformations, digital public sphere, state communications, social media

References

- Arendt H. (1998) *The Human Condition*, University of Chicago Press.
- Baringhorst S. (2009) Introduction: Political Campaigning in Changing Media Cultures – Typological and Historical Approaches. *Political Campaigning on the Web* (eds. Baringhorst S., Kneip V., Niesyto J.), Bielefeld: Transcript, pp. 93–120.
- Bolgov R., Filatova O., Golubev V. (2018) E-Government in the Eurasian Economic Union: A Comparative Study of Member States. *ACM International Conference Proceeding Series. 11th International Conference on Theory and Practice of Electronic Governance, ICEGOV 2018*, pp. 27–33. DOI: 10.1145/3209415.3209435
- Castells M. (1996) *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society*, Cambridge MA, Oxford UK: Blackwell Publishers.
- Castells M. (1997) *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II: The Power of Identity*, Malden MA, Oxford UK: Blackwell Publishers.
- Castells M. (1998) *The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. III: End of Millennium*, Malden MA, Oxford UK: Blackwell Publishers.
- Coleman S. (2017) *Can the Internet Strengthen Democracy?* Cambridge; Malden MA: Polity Press.
- Concept Paper “Developing Capacity for Participatory Governance through E-participation”. DPADM (2013). *UN Department Economic and Social Affairs*. Available at: <http://workspace.unpan.org/sites/internet/Documents/CONCEPT%20PAPER%20e-Participation%2001.30.13.pdf>, accessed 20.05.2020.
- E-Participation Index*. Available at: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation>, accessed 20.05.2020.
- Filatova O.G. (ed.) (2011) *Report 4.23.720.2011 on the Research “Public Communication of the Government of the Russian Federation in the WEB 2.0. Space: Structure, Channels and Instruments in the Early 2010s”*, Saint Petersburg: St. Petersburg State University (in Russian).
- Filatova O., Golubev V., Ibragimov I., Balabanova S. (2017) E-participation in EEU Countries: A Case Study of Government Websites. *Proceedings of the International Conference on Electronic Governance and Open Society: Challenges in Eurasia, EGOSE*, pp. 145–151. DOI: 10.1145/3129757.3129782
- Gavra D.P. (2012) Digital Communications of Public Authorities: Understanding and Prospects. *Media in the Modern World. Petersburg Readings*, Saint Petersburg (in Russian).
- Habermas J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*, Thomas Burger, Cambridge, Massachusetts: The MIT Press.
- Habermas J. (1992) *Moral Consciousness and Communicative Action*, Cambridge: Polity Press.
- Luhmann N. (1982) The World Society as a Social System. *International Journal of General Systems*, vol. 8, no 3, pp. 131–138. DOI: 10.1080/03081078208547442
- Nerinovskaya M. (2017) Government Agencies in Social Networks. Life or Imitation. *Business Daily*, November 8, 2017. Available at: <http://prclub.spb.ru/2017/11/08/ufas-2/>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Neverov K.A. (2018) The Public Sphere of Social Media: The Problem of Deter-

mining the Strategies of Network Actors. *Social and Humanitarian Knowledge*, vol. 4, no 2, pp. 66–70. Available at: <http://www.j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk/article/view/627/529>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Openness of the Federal Government of 2015: Growth Crisis (2015). *Infometer*. Available at: http://infometer.org/analitika/foiv_itogi_2015, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Representation of Federal Government in Popular Social Networks. Stage II: Twitter (2015). *Infometer*. Available at: http://infometer.org/analitika/foiv_twitter_2015, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Schaefer M. (2015) Digital Public Sphere. *The International Encyclopedia of Political Communication* (ed. Mazzoleni G.), London: Wiley Blackwell, pp. 322–328.

Shishkina M.A. (2012) State PR and GR in the System of Modern Public Relations. *Scientific Works of the Northwest Institute*

of Management RANEPa, vol. 3, no 2(6), pp. 18–124. Available at: https://spb.ranepa.ru/images/DokSZIU/news/Nauchnye_trudy_6.pdf, accessed 20.05.2020 (in Russian).

United Nations E-Government Survey 2018. Gearing E-Government to Support Transformation Towards Sustainable and Resilient Societies (2018). *United Nations E-Government Survey*. Available at: https://www.un-ilibrary.org/democracy-and-governance/united-nations-e-government-survey-2018_d54b9179-en, accessed 20.05.2020.

Van Dijk J.A.G.M. (2012) Digital Democracy: Vision and Reality. *Public Administration in the Information Age: Revisited* (eds. Snellen I., Thaens M., van de Donk W.), Amsterdam: IOS-Press, pp. 49–62.

Yarskaya-Smirnova E.R., Romanov P.V. (eds.) (2013) *Public Sphere: Theory, Methodology, Case Studies: Collective*, Moscow: Variant (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-5

Библиотека ИНИОН как «зеркало» развития общественных наук в России: от первых социалистических экспериментов до современной цифровой эпохи

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, врио директора
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117997, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

Людмила Васильевна ЮРЧЕНКОВА

кандидат исторических наук, заведующая Отделением библиотечно-
библиографического обслуживания при учреждениях РАН
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),
117997, Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, Российская Федерация
E-mail: yurchenkova08@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7570-4836

ЦИТИРОВАНИЕ: Кузнецов А.В., Юрченкова Л.В. (2020) Библиотека ИНИОН как «зеркало» развития общественных наук в России: от первых социалистических экспериментов до современной цифровой эпохи // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 2. С. 92–111. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-5

Статья поступила в редакцию 30.04.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается современная специфика цифровизации фундаментальной библиотеки, функционирующей в одном из ведущих российских научных институтов по общественным наукам – ИНИОН РАН. Показано, что после пожара в январе 2015 г. библиотека ИНИОН РАН продолжает работать: читателям доступно свыше 3 млн книг и журналов (включая свежие поступления обязательных экземпляров россий-

ских изданий и по международному книгообмену) в 18 отделах при академических институтах Москвы. Другие фонды пока законсервированы на складе из-за недостаточного финансирования ИНИОН РАН со стороны Минобрнауки России, но после переезда в новостройку на историческом месте на Нахимовском проспекте в Москве библиотека ИНИОН РАН расширит возможности для читателей. В качестве подготовки к этому переезду в ИНИОН РАН

реализуется сразу несколько проектов цифровизации – от развития пользующихся заслуженным авторитетом библиографических баз данных, до сих пор востребованных на коммерческой основе не только в России, но и за рубежом, до оцифровки книг и создания электронных каталогов библиотеки. Авторы проводят параллели между современными задачами и методами модернизации библиотеки ИНИОН РАН в соответствии с вызовами цифровой эпохи и созданием в весьма непростых финансовых и политических условиях 1920–1930-х гг. Библиотеки при Социалистической академии по общественным наукам ВЦИК, на основе которой после ряда реорганизаций в 1969 г. возник сам ИНИОН РАН. Сделан вывод о том, что любые шаги по цифровизации должны быть ориентированы прежде всего на нужды читателей: аспирантов, научных сотрудников и вузовских преподавателей, – а не отталкиваться от предложений технократов, слабо представляющих, в каком направлении развиваются общественные и гуманитарные науки. Конечной целью развития библиотеки ИНИОН РАН должно быть повышение конкурентоспособности научной продукции отечественных ученых-обществоведов в мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ИНИОН РАН, цифровизация, фундаментальная библиотека ИНИОН РАН, оцифровка изданий, отделы библиотечно-библиографического обслуживания при академических институтах, недофинансирование российской науки, библиотечные фонды, история Библиотеки при Социалистической академии по общественным наукам ВЦИК

В 2019 г. Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН) официально отметил свой полувековой

юбилей. В начале 2020 г. ИНИОН РАН впервые включен в известный международный рейтинг «фабрик мысли» (think tanks) [McGann 2020]. Результаты весенних грантовых кампаний в РФ и РФФИ подтвердили довольно высокую конкурентоспособность ученых ИНИОН РАН среди российских обществоведов и гуманитариев – в институте по-прежнему реализуется три проекта РФ и десяток исследований при поддержке РФФИ. Однако значит в России и за рубежом ИНИОН РАН все-таки не столько благодаря своим десятилетиями формировавшимся научным школам или текущим публикациям (в т. ч. с индексацией в ведущих международных базах данных), сколько вследствие наличия фундаментальной библиотеки. До пожара в конце января 2015 г. по объемам фондов эта библиотека занимала 4-е место в стране и входила в топ-25 в мире, будучи крупнейшим российским собранием научных публикаций по общественным и гуманитарным наукам. Появление весной 2020 г. на Нахимовском проспекте в Москве знакомых очертаний у новостройки, возводимой на месте снесенного в начале июля 2019 г. исторического здания ИНИОН РАН, на наш взгляд, является удобным поводом задуматься о функциях библиотеки ИНИОН РАН в современную цифровую эпоху. При этом, однако, было бы наивно рассчитывать начать все с «чистого листа», когда эта уникальная организация фактически отсчитывает уже второй век своего существования. Ведь ИНИОН РАН был образован в 1969 г. на основе несколько раз реорганизованной в 1930-х гг. Фундаментальной библиотеки по общественным наукам АН СССР, созданной еще в 1918 г. в качестве Библиотеки при Социалистической академии по общественным наукам Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК).

Пожар не уничтожил фундаментальную библиотеку ИНИОН РАН

Первые четыре года после пожара в ИНИОН РАН, к сожалению, прошли в основном под знаком выживания исследовательского коллектива и его борьбы против ликвидации как научной организации в целом, так и фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН. Несмотря на появление 30 января 2019 г. постановления Правительства РФ №60 о восстановлении исторического здания ИНИОН РАН, отголоски этой борьбы были слышны до весны 2020 г. Тогда в очередной раз представителями Минобрнауки России было объявлено о возможности ликвидации ИНИОН РАН – только на этот раз не путем слияния с ВИНТИ, которому предшествовал бы переезд коллектива в непригодное для его функционирования здание, а путем еще более сомнительного с точки зрения нужд научного развития страны объединения с РФФИ.

Все последние годы на медленное уничтожение знаменитой библиотеки работает хроническое недофинансирование со стороны Минобрнауки России. Хорошо известная в академической среде своеобразная имплементация т. н. майских указов президента РФ о повышении зарплат научным сотрудникам не обошла стороной и ИНИОН РАН. Институт столкнулся со всеми основными проблемами этой имплементации – от непрозрачности распределения средств на выполнение указов между институтами, исправно выполняющими государственное задание, до по сути финансового принуждения научных работников, успешно руководящих небольшими исследовательскими секторами и отделами, переходить на должности рядовых научных сотрудников. Вместе с тем в ИНИОН РАН ситуация усугубляется тем, что Минобрнауки России не выделяет средства на хранение и обработку пострадавшего при тушении пожара библиотечного фонда (несмотря на наличие указаний президента РФ и поручений вице-премьера Правительства РФ). Это ведет к тому, что, например, в 2019 г. спасение книг силами ИНИОН РАН обусловило дополнительное сокращение зарплат научных сотрудников примерно на 20%. В результате ученые ИНИОН РАН, демонстрирующие публикационную активность не хуже, чем сотрудники многих соседних институтов, получают в среднем зарплату существенно ниже. Однако для ученых это хотя бы компенсируется возможностью подрабатывать в вузах, выигрывать гранты РФФИ и т. п.

Для библиотеки ИНИОН РАН отсутствие адекватного финансирования просто губительно, поскольку с каждым годом, не имея возможности развивать проекты, отвечающие реалиям цифровой эпохи, она стремительно теряет созданные ранее конкурентные преимущества. К тому же нельзя забывать об имевшей место несколько лет назад политике дискредитации ИНИОН РАН в СМИ (по-видимому, с целью подготовки ликвидации организации). Она привела к тому, что большинство потенциальных читателей до сих пор не осознают, что пожар не уничтожил библиотеку ИНИОН РАН, хотя и нанес очень большой ущерб ее фондам (пока есть лишь предварительные оценки безвозвратных потерь [Антопольский, Ефременко 2017, с. 166–190]).

Необходимо подчеркнуть, что читателям ИНИОН РАН все время после пожара 2015 г. были доступны свыше 3 млн единиц хранения (сейчас – 3,8 млн), расположенных в 18 работающих отделах библиотечно-библиографического обслуживания (по сути, библиотеках-филиалах фундаментальной библиотеки) при академических институтах в Мо-

ске. В ряде случаев существуют ограничения для широкого доступа в эти библиотеки всех читателей (например, жесткий пропускной режим в ряде научно-исследовательских институтов, где располагаются отделы библиотеки), но с учетом основного контингента пользователей библиотеки ИНИОН РАН (аспиранты, научные работники, преподаватели вузов) эти барьеры легко преодолеваются. Основная ценность сети этих библиотек – профильная зарубежная и российская научная литература преимущественно второй половины XX века (достаточно вспомнить щедрое финансирование комплектования фондов в отделах при Институте Африки, Институте Латинской Америки, Институте США и Канады, ИМЭМО, особенно в период т. н. брежневского застоя). В ряде библиотек сети ИНИОН РАН есть и ценная литература более ранних периодов. Например, Синологическая библиотека при Институте Дальнего Востока РАН и Востоковедческая библиотека при Институте востоковедения РАН в немалой степени сформированы на основе личных коллекций ведущих отечественных ученых конца XIX – первой половины XX вв. Отдельного упоминания заслуживают узкоспециальные библиотеки, являющиеся лучшими в стране в своей дисциплине – при Институте социологии РАН, при Институте археологии РАН и при Институте философии РАН. Значительные по объему коллекции книг и журналов предлагают читателям библиотеки при Институте мировой литературы РАН и Институте экономики РАН, некоторых других академических учреждениях Москвы.

Не исчезла и функция ИНИОН РАН по обеспечению читателей свежей научной литературой. До сих пор ИНИОН РАН является получателем обязательного экземпляра российских научных изданий по общественным и гуманитарным наукам. Это озна-

чает, что в библиотеку должны поступать все свежие отечественные книги и журналы соответствующего профиля. Кроме того, в ИНИОН РАН поступает в некотором количестве и современная зарубежная научная литература – в рамках международного книгообмена и в качестве даров (главным образом от академических институтов, на территории которых расположены отделы фундаментальной библиотеки).

С появлением ФАНО России было прекращено финансирование международного книгообмена, а о самостоятельной закупке зарубежных новинок в ИНИОН РАН, в отличие от советского периода, разумеется, речь не идет в принципе. Во всем мире межбиблиотечный книгообмен до сих пор является важным (причем финансово выгодным) источником комплектования ведущих библиотек, а ИНИОН РАН продолжает выпускать десятки собственных научных, библиографических и реферативных изданий (в т. ч. два журнала в базе RSCI на платформе Web of Science – «Актуальные проблемы Европы» и «Политическая наука»). В этой связи руководство ИНИОН РАН пытается выделить хотя бы символические деньги на печать дополнительных экземпляров научных результатов российских ученых и почтовые расходы. В обмен фундаментальная библиотека ИНИОН РАН получает сотни новых научных книг и десятки свежих подшивок научных журналов ежегодно. Неравноценность обмена пока удается поддерживать, поскольку наши зарубежные партнеры понимают тяжелое финансовое положение российской науки. Значительные поступления новой литературы обеспечивают библиотеки бывших социалистических стран Европы, вступившие в ЕС, а также наиболее благополучные постсоветские государства, прежде всего Белоруссия. Особо можно отметить по сути безвозмездные поставки научных журна-

лов из Китая, поскольку в КНР прекрасно понимают, насколько в современных условиях эффективна «мягкая сила». В результате в Синологической библиотеке ИНИОН РАН читателям доступны свежие подшивки около 120 наименований китайских журналов по общественным и социальным наукам¹. Обмен осуществляется и с США, рядом западно-европейских стран, однако его объемы оставляют желать лучшего. К тому же многие западные партнеры пока держиваются от более масштабных поставок литературы в ИНИОН РАН, поскольку площади сети отделов при академических институтах ограничены.

К сожалению, огромная часть книжного и журнального фонда библиотеки ИНИОН РАН не может быть выдана читателям, т. к. размещена на отдельном складе в Москве. Туда были вывезены все не пострадавшие в пожаре книги из исторического здания (включая, например, фонды бывшего спецхрана). Там же размещены несколько сотен тысяч западноевропейских книг XVIII – начала XX вв. (они пережили хранение и в подвалах церкви в советское время, и три десятка лет в металлическом ангаре с начала 1990-х гг., куда были экстренно перевезены из передаваемых РПЦ зданий и оставались там до начала строительных работ). На этот же склад, увы, поступают книги и журналы, которые в течение двух недель не были востребованы имеющими ограниченными площадями книгохранилищ отделами при академических институтах. Это в основном литература на славянских языках, но на склад отправляется и много актуальных англоязычных монографий по относительно узким темам, так что потом библиотеке ИНИОН РАН приходится от-

казывать читателям в выдаче этих книг. Например, за 2015–2018 гг. только около 2,15 тыс. новых зарубежных книг размещены в сети библиотек ИНИОН РАН при академических институтах (т. е. доступны читателям), тогда как 3,25 тыс. книжных новинок поехали на склад². Лишь в 2019 г. Минобрнауки России начало выделять адекватные средства на капитальный ремонт и модернизацию данного склада, а на содержание лежащих там книг деньги в ИНИОН РАН не поступают, что ведет к вынужденной консервации значительных объемов библиотечных фондов.

Наконец, в морозильных камерах Росрезерва хранится почти 1,9 млн книг и журналов, а также десятки тонн газетных подшивок, пострадавших при тушении пожара. Некоторые книги представляют собой замороженные брикеты, но многие листаются, причем тексты изданий не пострадали. Значительная часть этой литературы есть в других библиотеках России, но ряд уникальных монографий (в т. ч. XIX – начала XX вв.) можно (если бы не нынешнее бедственное положение отечественной науки) оцифровать и выдавать читателям в электронном виде.

Лозунги цифровизации не защищают от применения неэффективных шаблонов

Роль библиотеки ИНИОН РАН меняется вместе с эволюцией общественных наук в России. «Золотой век» 1970–1980-х гг. имел свою специфику – далеко не вся зарубежная научная литература по соображениям цензуры поступала обычному советскому читателю,

1 См. сводный каталог новых журналов на китайском языке в библиотеке ИНИОН РАН: http://inion.ru/site/assets/files/4513/zhurnaly_na_kitaiskom_jazyke.pdf, дата обращения 22.06.2020.

2 Списки этих книг, в т. ч. конкретные библиотеки, где они хранятся, см.: <http://inion.ru/ru/about/news/postupleniia-inostrannykh-knig-v-fundamentalnuiu-biblioteku-inion-ran-2018/>, дата обращения 22.06.2020.

да и большинство ученых-обществоведов плохо владели иностранными языками. Отсюда возникло повышенное внимание к реферативным журналам и аналитическим обзорам. При этом потребность в добротных рефератах на книжные новинки или фундаментальных обзорах литературы по актуальным научным проблемам не отпала и в наши дни. Благодаря качественным англоязычным аннотациям (особенно с учетом прогресса в автоматическом переводе на русский язык) уходит в прошлое лишь реферирование отдельных статей.

В 1990-е гг. началась активная цифровизация библиотечной деятельности, и ИНИОН РАН был одним из пионеров этого процесса в мире. Еще в 1980-е гг. на основе поступавшей в библиотеку литературы стали готовиться электронные библиографические базы данных по статьям. Даже в начале 2000-х гг. ничего, подобного базам ИНИОН РАН, не было. Потом во многом из недр ИНИОН РАН выросла самостоятельная система РИНЦ, последние несколько лет обеспечивающая возможности для результативного поиска и удаленный доступ к статьям в российских журналах (обычно за последние 10–15 лет). В сети Интернет существенный прогресс демонстрирует поисковая система scholar.google, за рубежом (в основном на базе ведущих научных издательств) появилось большое количество электронных коллекций журналов. Однако до сих пор 8 тематических библиографических баз данных ИНИОН РАН, содержащих в совокупности около 4 млн записей³, востребованы не только в России, но и за рубежом (в частности, с конца 2019 г. компания EBSCO – ведущий мировой поставщик исследовательских баз данных – начала регулярно

расплачиваться с ИНИОН РАН за пользование этими базами).

По-прежнему большой спрос предъявляется на тематические библиографические указатели, выпускаемые ИНИОН РАН, со стороны ученых-обществоведов (разумеется, мы не говорим об имитаторах научной деятельности, выполняющих план по «валу публикаций», в т. ч. благодаря заимствованию чужих списков литературы без ее чтения). Дело в том, что ни одна классическая поисковая система (о возможностях искусственного интеллекта мы скажем ниже) не позволит Вам найти то, что Вы не ищете. Например, если Вы хотите подобрать литературу по африканской трудовой миграции в Европу, то только совет занимающегося миграционными проблемами африканиста позволит Вам конкретизировать поисковые запросы в scholar.google и найти, заметно увеличив глубину просмотра выданных результатов, довольно оригинальные труды ганских или нигерийских ученых, а не ограничиваться публикациями западноевропейских и российских авторов. Профессионально составленный библиографический указатель на основе обработки большого информационного потока благодаря структурированности записей избавит исследователя от необходимости поиска индивидуальной консультации более опытного коллеги.

Новацией последних лет в ИНИОН РАН стало сканирование ранее опубликованных библиографий, чтобы с учетом новых изданий, уже имеющих электронный формат, в ближайшие годы представить онлайн-коллекцию «Библиография библиографий». В ней будет представлено около 700 книг, значительная часть которых была подготовлена в 1970–1980-е гг. [Слива 2018].

3 Подробнее см.: <http://inion.ru/ru/resources/bazy-dannykh-inion-ran/>, дата обращения 22.06.2020.

Еще одна задача последних лет, в реализации которой ИНИОН РАН сильно отстал как по причине пожара 2015 г., так и из-за отсутствия адекватного финансирования, – формирование сводного электронного каталога всей сети библиотек ИНИОН РАН. Самым быстрым и экономным способом для цифровизации каталогов отделов при академических институтах стало сканирование карточек с последующей организацией имидж-каталога, имитирующего расстановку в деревянных ящиках в стеллажах. Распознавание карточек также происходит, но поиск имеет ограниченные возможности (в т. ч. из-за наличия напечатанных карточек низкого качества либо сделанных от руки). Это не лучший вариант, но в условиях дефицита времени и финансовых ресурсов ИНИОН РАН в любом случае обеспечивает читателям возможность в удаленном доступе работать с каталогом⁴.

Более затратный метод, который пока реализуется в ИНИОН РАН в качестве эксперимента только в библиотеке при Институте социологии РАН, – создание сводного электронного каталога книг, когда библиотекари идут «от полки». Они фотографируют обложки, обороты титула и оглавления, а библиографы дают краткое описание в автоматизированной библиотечной информационной системе. В результате не только получается современная электронная картотека, обеспечивающая сложный поиск, но читатель получает возможность ознакомиться с оглавлением книг и сборников, часто говорящих о книге куда больше формальной аннотации (по сути, имитируются услуги визуализации книги таких торговых систем, как Amazon).

Отдельной проблемой является учет пострадавших при тушении пожара книг. По схеме, предложенной заместителем директора ИНИОН РАН В.С. Качаном (летом 2018 – весной 2019 гг. временно исполнявшим обязанности директора), в тамбуре морозильных камер, где библиотечные фонды хранятся при температуре -25°C , за два года были сделаны фотографии всех пострадавших книг и журналов. К июню 2020 г. размещенные в Росрезерве фонды ИНИОН РАН были пересчитаны, а теперь готовы к любому дистанционному анализу (в комфортных для сотрудников условиях). Этот анализ позволит выявить действительно уникальные книги, требующие сушки или хотя бы сканирования.

К сожалению, уже неоднократно приходилось отмечать, что на развитие библиотеки ИНИОН РАН нет денег. Если в 1990-е гг. основная часть просчетов в модернизации фундаментальной библиотеки была обусловлена тяжелым экономическим положением постсоциалистической трансформации, когда на науку денег не оставалось, то сейчас, на наш взгляд, речь идет об управленческих просчетах в организации НИОКР в России. Сразу после пожара в январе 2015 г. было сделано явно неверное предположение, что библиотеку можно восстановить лишь как электронный проект, отсканировав те не пострадавшие книги, которые востребованы и пока не имеют уже сделанных электронных копий.

Действительно, число посетителей научных библиотек падает во всем мире. Почти любой активный ученый-обществовед готов мечтать о том, что все книги и журнальные статьи для готовящегося им очередного труда будут

4 С работой пилотного имидж-каталога в библиотеке при Институте археологии РАН можно ознакомиться по адресу: <http://kartoteka.inion.ru/libraries/49>, дата обращения 22.06.2020.

всплывать у него на экране компьютера или братья с полки стоящего рядом книжного шкафа. На самом деле опыт Германии по цифровизации библиотек показывает, что революция в этой сфере не произойдет стремительно. Так называемая Немецкая национальная библиотека спустя 10 лет активной работы по оцифровке фондов располагала лишь для 1/10 печатного фонда электронными копиями, но тем не менее пошла в 2016 г. на эксперимент: больше не выдавать печатные книги в читальные залы при наличии таких копий. Проведенный вскоре опрос пользователей библиотечных услуг показал, что 82,7% немцев предпочитают использовать печатные работы, поэтому давление общественности вынудило менее чем через год снять ограничения на выдачу печатной литературы [Соколов 2018, с. 148–149, 154].

Нельзя забывать, что до сих пор нет не только надежных способов многовекового хранения книг и журналов в электронной форме (в отличие от печатной), но и постоянно меняющиеся компьютерные форматы вынуждают библиотеки вести трудоемкий и затратный процесс переписывания ранее сделанных копий. Это не означает, что библиотеки не должны идти в сторону цифровизации – просто процесс должен быть осознанным, учитывающим спрос со стороны читателей и имеющиеся у общества финансовые ресурсы. Проект восстановления основного здания ИНИОН РАН предусматривает большую линию по сканированию, однако никто, похоже, не задумывается, что в течение года на этом оборудовании можно будет сделать электронные копии нескольких тысяч (!) книг, т. е. процесс оцифровки библиотечного фонда растянется на десятилетия. Безусловно, нужно создать экспертный совет из представителей профильных отделений Российской академии наук и

библиотечных работников, который определит приоритеты сканирования, однако опыт сортировки новых поступлений иностранных книг показывает, что угадать потребности конкретных читателей, если это ведущие поисковые исследования ученые, довольно сложно.

Представители естественных и технических наук в России сейчас увлечены внедрением технологий искусственного интеллекта, в т. ч. для «отсталых» (по их понятию) гуманитариев. О цифровизации библиотек рассуждают обычно не с точки зрения оптимизации их работы и повышения привлекательности для пользователей, а с точки зрения возможности внедрения новинок цифровизации из других отраслей – от искусственного интеллекта до «биткоинов» и технологии «блокчейн» [Шрайберг 2018]. На самом деле именно ИНИОН РАН, как единственная «фабрика мысли» в России, признанная в числе ведущих в мире в области искусственного интеллекта [McGann 2020, р. 29], накопила определенный опыт, который имеет прямое отношение к реальной научной деятельности специалистов по общественным и гуманитарным наукам. Заменить высококлассных специалистов по этим наукам, к тому же вооруженных доступом к уже созданным базам данных и электронным копиям документов, некими системами искусственного интеллекта, которые подберут ученому всю необходимую библиографию, просто нельзя! Получить приемлемый продукт для специалиста среднего уровня, работающего на министерскую отчетность, наверное, можно – но только при чем тут научная деятельность (именно деятельность, а не ее имитация)?

Российским ученым-обществоведам катастрофически не хватает свежих иностранных книг. Их можно купить в Amazon или иным способом,

причем при наличии исследовательского гранта это вполне посильная задача (не будем обсуждать, что делать ученому с этими книгами после прочтения – в отличие от ряда западных стран, в России почти не развит вторичный рынок научной литературы). Научные журналы, на большинство из которых в академических институтах в сфере общественных наук нет регулярной подписки (или журналы можно читать на институтских компьютерах, к которым многие кандидаты и доктора наук даже в «передовых» организациях в России не имеют доступа), тоже можно прочитать – путем обращения к различным электронным библиотекам, использования платного доступа, а то и пиратских ресурсов. Но только для кого открыты эти возможности? Для уже состоявшихся ученых из немногочисленных ведущих организаций, тогда как большинство аспирантов, молодых научных сотрудников и почти все вузовские преподаватели об этой литературе просто не осведомлены. Не будем здесь вдаваться в обсуждение причин сложившейся ситуации, но многим научным работникам надо прививать культуру чтения высококачественной современной научной литературы, в т. ч. зарубежной, – и это одна из миссий научных библиотек, а не только рецензентов в ограниченном круге высокорейтинговых российских журналов. Пока же в России множатся тысячи специалистов-обществоведов с кандидатскими (а то и докторскими) степенями, которые воспроизводят провинциальную (в худшем смысле слова) публикационную активность, демонстрирующую низкую глобальную конкурентоспособность российских исследователей. Деградация качества заявок на молодежных конкурсах, например в РФФ и РФФИ, – тому наглядная иллюстрация.

Нужно или нет покупать книги и журналы в цифровой, а не бумажной

форме (или делать самим цифровые копии с ограниченным доступом согласно действующему законодательству) – вопрос второй, а первейшим является доставка этих изданий в Россию, в ведущую научную библиотеку по общественным наукам. Есть разные механизмы привлечения экспертизы при формировании закупочной (или обременной) политики ИНИОН РАН, но при выделении на эти цели нулевого государственного финансирования обсуждать их нет смысла. Никто ведь не спорит, что цифровая копия книги обеспечивает удаленный доступ к ней (т. е. экономит время исследователя), возможна для прочтения сразу несколькими читателями, пригодна для использования в поисковых сервисах, а при наличии старого бумажного носителя является дополнительным средством защиты информации [Pandey, Misra 2014]. Можно сколько угодно фантазировать о применении в России передового зарубежного опыта – от внедрения технологии радиочастотной идентификации (на которое, на самом деле, в библиотеке масштаба имеющейся в ИНИОН РАН потребуются многие годы и весьма внушительное финансирование) до использования роботов по поиску и доставке книг читателям и сбора у них прочитанной литературы [Нещерет 2019]. Однако в основе цифровизации все равно лежит факт наличия в библиотеке нужных читателю книг!

К сожалению, пока в государственной политике мы видим чрезмерное количество шаблонных решений, которые не совместимы с задачами повышения конкурентоспособности (лидерство в мире и опора на шаблоны противоречат друг другу по определению). Маскировка шаблонов модными лозунгами цифровизации библиотек и внедрения искусственного интеллекта ничего не даст. Например, после пожа-

ра 2015 г. руководитель ФАНО России М.М. Котюков заявил о восстановлении намокших книг в щадящем режиме: «Если теми возможностями, которые в стране есть, пользоваться, 154 года будем восстанавливать»⁵. Никто из чиновников не захотел отойти от шаблона и задуматься, зачем восстанавливать дублиеты, даже если они хранятся не в филиалах ИНИОН РАН, а в других российских библиотеках, или сколько в сети Amazon стоит купить списываемые университетскими библиотеками и книжными складами в США и ЕС идентичные научные книги в хорошем состоянии по сравнению с расходами на их восстановление после пожара. Ежегодно на хранение сотен тонн пострадавшего фонда (намокшего, обгорелого либо пропахшего гарью) тратится несколько миллионов рублей (причем механизмы списания не проработаны), а действительно ценные книги, журналы и газеты (доля которых в этом объеме невелика) никто даже не планирует оцифровать в ближайшие годы.

Россия не одинока в цифровизации библиотек ради проведения модного процесса как такового: недавно опубликована статья, где на примере цифровизации архивов, библиотек и музеев в Норвегии показано, что навязываемый политический императив сопряжен с бездумным переносом опыта других стран либо иных отраслей (например, промышленности и розничной торговли). Кроме того, наблюдается своеобразная фетишизация цифровых технологий, когда официальные документы представляют собой каталог технологий, которые следует внедрить, а не анализ того, какие именно элементы цифровизации и для каких нужд требуются [Henningsen, Larsen 2020].

В этой связи самое время обратиться к опыту столетней давности – по созданию Библиотеки при Социалистической академии. Этот опыт весьма далек от цифровизации и ее шаблонов, но демонстрирует пример нестандартного решения, когда ставшая потом знаменитой библиотека ИНИОН РАН только формировалась – в плохо изученной среде ученых-обществоведов, в условиях схожих с нынешними временами финансовых и организационных трудностей, но с пониманием того, что в Советской России необходимо сделать конкурентоспособный продукт, работающий на благо родины. Основные принципы, обеспечившие почти столетие успешной работы, – ориентация на читателя и поиск собственного конкурентоспособного подхода к систематизации фондов, однако учитывающего передовой зарубежный опыт. Современная стратегия цифровизации библиотеки ИНИОН РАН, на наш взгляд, должна в своей идейной основе учитывать те же принципы.

Библиотека при Социалистической (Коммунистической) академии как пример адекватного ответа на запрос ученых-обществоведов

В 1920-е гг., в период грандиозного перелома в истории страны, создания нового государства и формирования новых научных организаций, Библиотека являлась центром научной работы, она должна была облегчить работу ученым, всячески содействовать своей научно-вспомогательной работой научной работе Социалистической, а затем Коммунистической академии.

⁵ На восстановление сгоревших в ИНИОН книг уйдет полторы сотни лет (2015) // НТВ. 18 февраля 2015 // <https://www.ntv.ru/novosti/1324216/>, дата обращения 22.06.2020.

Библиотека Соц-, а затем Комакадемии строила свою работу в соответствии с требованиями научных учреждений академии и обслуживала в первую очередь ее научные интересы. Библиотека Комакадемии (далее – Библиотека) стала результатом творчества ряда известных ученых, таких как Д.Б. Рязанов, и специалистов-библиотекарей, таких как Г.К. Дерман, Л.В. Трофимов, Д.Д. Иванов (подробнее об истории библиотеки в XX в. см. [Черный, Соколова, Юрченкова 2011]). Они создавали не просто очередную библиотеку, а максимально удобную и приспособленную для нужд ученых.

Г.К. Дерман, которая пришла в Библиотеку и возглавила ее в 1923 г., старалась построить работу Библиотеки таким образом, чтобы она стала составной частью аппарата научного учреждения – Коммунистической академии. «Новая научная библиотека» должна была активно участвовать в работе академии, планомерно комплектуя литературу, именно ту, которая нужна академии; обрабатывая и систематизируя ее именно таким образом, как требуют интересы академии; выполняя необходимую справочную работу и составляя профильные библиографические работы, которые максимально будут способствовать научным работникам и ученым в выполнении их задач. Библиотеке поручалась, таким образом, организация условий научной работы, гарантировавших наиболее полное использование материала с минимальными затратами на предварительную подготовительную работу⁶.

В 1923–1924 гг. Библиотека провела серьезную работу по реорганизации и централизации. В структуре Библиотеки были выделены функциональные отделы: приема (осуществлявший

инвентаризацию, учет и распределение книг), комплектования, хранения, справочный, каталогизации, научной систематизации и библиографии.

Приобретая таким образом библиотечный вид, Библиотека занялась разработкой библиотечных услуг для научных сотрудников, максимально приближенных к нуждам ученых Комакадемии и учитывающих их научные интересы.

Важным этапом в формировании новой научной библиотеки стала разработка схемы организации каталогов и каталогизации всего книжного собрания.

Предметная форма каталога в библиотеке общественно-научного профиля была предложена Г.К. Дерман на основе опыта ее работы в Библиотеке Конгресса США. Она считала этот принцип группировки более всего отвечающим нуждам научной библиотеки такого учреждения, как Коммунистическая академия. Г.К. Дерман отмечала: «Гибкость предметного каталога дает еще одно преимущество для научной работы, особенно важное в учреждениях, занимающихся общественными науками». Вопросы организации каталога были той областью библиотечного дела, которая была интересна и близка Г.К. Дерман в профессиональном плане.

В 1925 г. Библиотека приступила к описанию своей коллекции, не располагая кодексом каталогизационных правил. Принятые в некоторых научных библиотеках инструкции были в большинстве своем копиями устаревшей прусской инструкции и не были приспособлены к особенностям советского книгоиздания, поэтому создающаяся новая научная Библиотеку удовлетворить не могли. Библиотека оказалась перед необходимостью внедрить новые принципы и методы опи-

6 Архив РАН. Ф. 363. Оп. 2/126. Е.хр. 33, л. 39; Е.хр. 1, л. 20; Е.хр. 33, л. 85.

сания – необходимостью создать собственную инструкцию.

Задача заключалась в том, чтобы в каталогизационной инструкции совместить, с одной стороны, достижения западных, преимущественно англо-американских, каталогизационных методов, с другой стороны – практические требования, предъявляемые своеобразием и многообразием советских произведений печати.

Вся библиографическая и каталогизационная работа совершалась в Библиотеке по предметному принципу, т. е. книги группировались не по дисциплинам, как в систематических библиографиях, а по конкретным предметам их содержания. Предметный принцип, широко и давно распространенный в США, в 20-е гг. XX в. начинает применяться и в других крупных библиотеках мира, но в библиотечной практике СССР он не был известен.

Библиотека Комакадемии первая использовала его в работе крупной научной библиотеки, разработав предметные обозначения применительно к своим особенностям и к нуждам научной работы академии, а также к условиям советских научных библиотек.

При разработке своего словаря предметных обозначений Библиотека воспользовалась двухтомным трудом Библиотеки Конгресса США «Subject Headings Used in the Dictionary Catalogues of the Library of Congress»⁷. Выполняемая Библиотекой теоретическая разработка основ и методологии построения предметного словаря в целом представляла собой сложную работу.

Основной проблемой, которую необходимо было оперативно решить на первом этапе, был вопрос о том, соче-

тать ли в каталоге принцип предметности с систематизацией и, если да, как этого добиться. Некоторая систематизация с самого начала была признана не только желательной, но для крупной научной библиотеки и необходимой. Иначе материал, характерный для понятия или проблемы, тесно с ним связанный, искусственно от него отрывался бы и расплывался по отдельным рубрикам. Например, литература по истории, экономике, географии, государственному строю, политической жизни конкретной страны должна была группироваться под обозначением страны.

Необходимость такого рода систематизации была принята. Расхождение во мнениях начиналось с момента учета того, что именно и сколько необходимо систематизировать. Принципиальная позиция Г.К. Дерман состояла в том, что предметный каталог, отвергая принцип систематического расположения материала, построенный на основах предметности, все же не должен быть собранием случайных обозначений, а создаваться по планомерно проводимой системе, строящейся при помощи сети ссылок. Роль системы ссылок в предметном каталоге была признана весьма важной и преследовала двойную цель: во-первых, облегчение читателю поиска нужной литературы, во-вторых, объединение вопросов, связанных между собой логической связью.

Первое издание «Словаря предметных обозначений (рубрик) БКА» вышло весной 1928 г., о чем сообщалось в Кратком отчете Библиотеки за 1929 г. в разделе «Научно-исследовательская работа»⁸. Как практические, так и теоретические вопросы, которые отдел научной систематизации не считал себя впра-

7 Subject Headings Used in the Dictionary Catalogues of the Library of Congress (1919) // Hathi Trust // <https://catalog.hathitrust.org/Record/001162938>, дата обращения 22.06.2020.

8 Архив РАН, Ф. 363. Оп. 2 (1928) № 2. Л. 28.

ве решать самостоятельно, выносились для решения на заседания Предметной комиссии. В помощь отделу также привлекались в качестве консультантов ученые и руководители секций академии (уже в 1970-е – начале 1980-х гг. работа в ИНИОН АН СССР его директором академиком В.А. Виноградовым была выведена на уникальный уровень, с вовлечением в работу на постоянной основе именно ученых-обществоведов, а не обычных библиотекарей).

Период с 1925 г. до середины 1930-х гг. с полным правом может быть охарактеризован как период постоянной реорганизации, пересмотра планов и бурного роста Библиотеки, т. к. в это время в состав академии вошли Институт философии, Институт экономики, Институт истории, Тимирязевский институт, Институт техники, Военная секция. В академии разрастались и ранее существовавшие институты, например, Аграрный институт и Институт литературы и искусства. Вокруг Коммунистической академии сформировалась сеть научных ассоциаций и обществ, а с 1930 г. при ней была расширена аспирантура. За 1928–1931 гг. число научных учреждений, входивших в Коммунистическую академию, возросло с 16 до 34. К 1932 г., когда реорганизационный период был завершен, Комакадемия окончательно оформилась как руководящее марксистско-ленинское научное учреждение СССР, научные задачи которого были ограничены областью социально-экономических наук⁹.

Все вышеперечисленные изменения в структуре Коммунистической академии, естественно, отражались на организации работы Библиотеки. К началу

1932 г. при учреждениях Коммунистической академии действовало уже 14 подведомственных ей библиотек, размещенных в десяти территориально отдаленных друг от друга зданиях. Однако штатное расписание и финансирование не изменились, так что Библиотеке пришлось корректировать свои непосредственные плановые задачи по обслуживанию научно-исследовательской работы Коммунистической академии.

Создание институтских библиотек также стимулировало развитие массовой и индивидуальной текущей информации читателей. Например, в выписке из заседания научно-методического совета Библиотеки говорится: «С целью обеспечить для сотрудников институтов использование всех поступающих в Библиотеку материалов, могущих их интересовать, при этом систематически, планомерно, следует подумать об организации индивидуального извещения научных сотрудников о приходящих материалах»¹⁰. Далее отмечается: «Дело сводится к тому, чтобы упорядочить и несколько расширить работу, уже ведущуюся. Надлежащая организация этой работы даст возможность отбирать и поставлять в институты именно ту часть поступающей литературы, которая реально нужна для конкретной работы его сотрудников»¹¹.

При непосредственном участии и по инициативе Г.К. Дерман в Библиотеке в феврале 1925 г. был создан отдел библиографии «в целях научно-библиографического выявления литературы по наиболее важным вопросам общественно-политических и историко-экономических дисциплин»¹² и начато издание библиографических указате-

9 Архив РАН. Ф. 363. Оп. 12/126. Е.хр. 63. Л. 6; Оп. 3. Е.хр. 1. Л. 14.

10 Там же. Оп. 2/126 за 1933 г. Е.хр. 53. Л. 12.

11 Там же. Л. 12 об.

12 Там же. Е.хр. 63. Л. 6.

лей по тематике научных учреждений, входивших в состав Комакадемии.

Особенно успешно в Библиотеке развивалась информационная библиография в различных формах. Это были публикации о новейших поступлениях по отдельной тематике в журнале «Историк-марксист» и информация о новой поступившей литературе (в т. ч. иностранной) в «Информационном бюллетене» Библиотеки, печатавшемся в 1928–1932 гг. Началась подготовка и тематических ретроспективных указателей – к 20-летию революции 1905 г. (по истории рабочего и революционного движения в России), к 10-летию Октябрьской революции и других¹³.

В начале 1928 г. библиографический отдел Библиотеки перестроил свою работу на предвосхищение спроса, перешел на составление библиографических списков по тематике производственных планов институтов академии, составление картотеки статистических дат по народному хозяйству и прикрепил к каждому институту своего библиографа. Однако проблемы при введении Библиотекой «углубленных методов поддержки» научных учреждений академии возникали при каждой инициативе. Препятствиями были не только описанная выше структурная неустойчивость академии, но и недостаток в помещениях, а также ограниченная материальная база Библиотеки. Низкие оклады не позволяли иметь в штате Библиотеки высококвалифицированных работников, профильных специалистов. В отчетных документах того периода отмечается, что «дальнейшее поднятие теоретического уровня работы упирается в отсутствие достаточной материальной базы для приглашения на работу высококвалифици-

рованных специалистов по отдельным теоретическим дисциплинам (истории, экономике, философии и т. д.)»¹⁴.

Библиотека обслуживала Академию, партийные и советские учреждения, а также отдельных научных работников всевозможными способами. Основными были учет текущей литературы и информация о ней, подбор и предоставление материалов, необходимых для научно-исследовательской работы, выявление содержания собранного материала и его использование в порядке библиографической консультации, составление библиографических трудов, организация выставок и т. п.

В этот период в научно-вспомогательной работе библиотеки занимает все большее место своевременная и качественная информация о текущей печатной продукции, как советской, так и иностранной, предвосхищающая спрос научных сотрудников на библиографическое обслуживание со стороны Библиотеки, организующая этот спрос и активизирующая использование научных книг советскими исследователями.

Развиваются и методы информации. Учет выходящей иностранной литературы, независимо от ее поступления в Библиотеку, производился ранее лишь в форме составления картотек дежидерат в Библиотеке и нескольких институтских библиотеках. В 1930 г. Библиотека приступает к изданию два раза в месяц на стеклографе «Библиографического бюллетеня текущих иностранных изданий». Бюллетень охватывал обширный материал, систематизировавшийся в соответствии с научными запросами институтов академии, и давал научным сотрудникам сведения обо всех опубликованных новинках по их тематике. В связи с тем, что это изда-

13 Там же. Е.хр. 32. Л. 2–3.

14 Там же. Оп. 3. Е.хр. 1. Л. 9.

ние из-за дефицита бумаги и задержек в типографии запаздывало, с 1932 г. Библиотека перешла на размножение списков на пишущей машинке, зато распространяла их по институтам Комкадемии еженедельно.

Усовершенствование применяемых Библиотекой методов библиографической информации особенно наглядно прослеживается с 1931 г., когда она стала публиковать библиографическую информацию, дополненную содержанием той литературы, которая принималась в фонд. Эта работа началась с составления аннотаций на актуальные текущие произведения печати, книги и статьи на русском и иностранных языках, которые вскоре приняли характер более основательных рефератов. Библиографы составляли карточки-рефераты, которые затем печатались в издававшемся Библиотекой «Библиографическом бюллетене». За полтора года вышло 16 номеров бюллетеня, причем часть рефератов дополнительно публиковалась в журналах «Мировое хозяйство и мировая политика» и «Проблемы экономики». Тематика реферируемых книг и статей охватывала теории советского и капиталистического хозяйств, экономику сельского хозяйства, политику СССР, мировой хозяйственный кризис, литературу об СССР на иностранных языках, рабочее движение, фашизм, японо-китайский конфликт.

В 1933 г. Библиотека усложняет свою задачу по библиографической информации, в рефератах появляются оценки качества тех изданий, о которых извещаются научные работники академии. Библиотека приступила к составлению критических рефератов на наиболее актуальные книжные новинки, а в порядке исключения – и на важнейшие ста-

ти. При этом тематический охват рефератов несколько сузился в связи с сокращением штатов сектора библиографии в середине 1933 г., а также из-за увеличения объема рефератов с двух-трех до пяти тыс. знаков¹⁵.

Основной тематикой для реферирования остались проблемы фашизма, теоретической экономики, мирового кризиса капитализма. В 1933 г. избранные рефераты были напечатаны в трех номерах «Критико-библиографического бюллетеня» и в журнале «Мировое хозяйство и мировая политика». Была организована также служба информации институтов о новой иностранной литературе, получаемой Библиотекой. Составлялись аннотированные списки, аннотации были развернутыми до 1 тыс. знаков; они раскрывали основной фактический материал, содержащийся в книгах. За 1933 г. было составлено 1653 реферата и аннотации. Срок написания и предоставления реферата составлял одну-две недели с момента получения книги Библиотекой – настоящая экспресс-информация!

В это же время в Библиотеке приступили к созданию критико-библиографических тематических обзоров на основе отреферированных материалов. Эти материалы должны были «углубить осведомление» научных работников академии о научной продукции по наиболее важным для нее социально-экономическим проблемам. За 1933 г. было составлено восемь обзоров по следующим темам: фашизация науки в Германии; экономические теории и практика национал-социализма; тенденции современной экономики в буржуазном зеркале; литература 1933 г. об итогах первой пятилетки в СССР и задачах второй пятилетки; буржуазная

¹⁵ Там же. Л. 14.

литература 1932–1933 гг. о В.И. Ленине; законодательство по рабочему вопросу в фашистской Германии; картелирование промышленности в фашистской Германии; национал-социалистический партейтаг в Германии. Совместно с Объединением социально-экономических библиотек Москвы Библиотека приступила к изданию на стеклографе «Критико-реферативного бюллетеня новейшей библиографии литературы по общественным наукам». К 1 апреля 1934 г. вышло семь номеров бюллетеня.

В целом библиотека за десять лет, с 1923 по 1933 г., сумела стать настоящим информационным центром для Ком-академии, работающим на очень высоком профессиональном уровне (даже по оценкам наших современников).

Развитие «наследия В.А. Виноградова» и современные задачи ИНИОН РАН

Образный тезис, что «допожарный ИНИОН нам не нужен», был понят многими слишком буквально¹⁶. На наш взгляд, возрождать нужно как раз наследие эпохи директорства академика В.А. Виноградова, которое возникло не на пустом месте, тот ИНИОН РАН, который прославился в 1970–1990-е гг. Однако возрождение должно быть, разумеется, не буквальным, а вестись с учетом современных требований глобализации научной деятельности в общественных и гуманитарных науках, а также цифровизации самой библиотечной деятельности.

Прежде всего необходимо задуматься о комплектовании фундаментальной библиотеки ИНИОН РАН вышедшими в XXI в. зарубежными научными книга-

ми по общественным и гуманитарным наукам с закупкой 5–10 тыс. наименований ежегодно. Места в хранилищах нового здания много, а цена вопроса – порядка 30 млн руб. в год, т. е. расходы именно по этой статье приведут к увеличению государственного финансирования ИНИОН РАН примерно на 10%. На самом деле значительно больше потребуются выделять средств на содержание инженерных и информационных систем нового здания, так что с учетом необходимости повышения зарплат в соответствии с майскими указами президента РФ бюджет организации после переезда на историческое место должен как минимум удвоиться.

Саму систему закупок еще предстоит отстроить. Для экономии средств и с учетом расширения библиотечных фондов (ведь в 2000-е гг. в ИНИОН РАН почти не поступала зарубежная литература) вряд ли есть смысл приобретать лишь новинки последнего года, т. к. через год их цена обычно снижается. Отбор литературы ИНИОН РАН планирует вести во взаимодействии с профильными академическими учреждениями – как по линии создаваемого консультативного совета, так и путем сбора заявок онлайн от простых научных сотрудников. При этом руководство ИНИОН РАН надеется на конструктивное взаимодействие с Минобрнауки России – не только в части выделения средств, но и при преодолении бюрократических барьеров (включая специфику регулирования закупок и поставок литературы из-за рубежа). Система закупок книг не отменяет задачи возрождения активного международного книгообмена, а также адресной работы с потенциальными зарубежными дарителями книжного фонда.

16 Волин В. (2016) Нужен ли стране допожарный ИНИОН? // Новости сибирской науки. 14 декабря 2016 // <http://www.sib-science.info/ru/ras/budut-zavidovat-sokraschen-13122016>, дата обращения 22.06.2020.

Отдельной задачей является расширение работы с электронными версиями научных журналов при внедрении «обязательной электронной копии» российских изданий. В рамках Национальной электронной библиотеки именно ИНИОН РАН готов заниматься постатейной обработкой журналов по общественным и гуманитарным наукам (у ИНИОН РАН накоплен в этой сфере 35-летний опыт, тогда как в РГБ на это нет ни людских, ни денежных ресурсов). Самой сложной с финансовой и организационной точек зрения является организация централизованной подписки на ведущие иностранные научные журналы. Пока созданные в России инструменты создают большое «цифровое неравенство» между работниками академических организаций и вузов, между представителями естественных, технических наук и общественных, гуманитарных. В худшем положении находятся академические ученые-обществоведы.

В соответствии с разработанной весной 2020 г. Программой по созданию на базе ИНИОН РАН автоматизированной библиотечной информационной системы по общественным наукам (согласно постановлению Президиума РАН №92 от 28 мая 2019 г.)¹⁷ в наступившем десятилетии будет создан сводный электронный каталог как центральной библиотеки, так и всей сети отделов библиотечно-библиографического обслуживания при академических институтах (включая создание электронных предметного и систематического каталогов Фундаментальной библиотеки); также начата масштабная работа по оцифровке имеющихся в ИНИОН РАН книг. Библиотека ИНИОН РАН в будущем не планирует ограничиваться ра-

ботой с бумажными изданиями и их электронными копиями. В 2020 г. на базе ИНИОН РАН планируется начать создание Репозитория открытого доступа по общественным наукам (РОДОН). В РОДОН будут включены каталоги лингвистических ресурсов учреждений Российской академии наук, материалы конференций и круглых столов, отчеты об археологических экспедициях и т. п. Другим важным элементом информационной системы станет создание базы данных, включающей все историографические и науковедческие статьи, обзоры литературы, рецензии, рефераты, аннотации и другие информационно-аналитические продукты по общественным и гуманитарным наукам, выпущенные в ИНИОН РАН. При этом работа по подготовке тематических библиографических указателей будет в ИНИОН РАН продолжена.

В перспективе библиотека ИНИОН РАН все больше планирует сопрягаться с другими электронными информационными системами (в т. ч. зарубежными), ориентированными на ученых-обществоведов. Отдельной задачей является участие ИНИОН РАН в продвижении за рубежом научных результатов отечественных исследователей в сфере общественных и гуманитарных наук. Нельзя забывать о том, что ИНИОН РАН является большим исследовательским центром с самостоятельной программой научных работ и развитыми научными контактами с зарубежными учеными, тогда как фундаментальная библиотека – лишь одно, пусть и очень важное, подразделение организации. Деятельность ИНИОН РАН как научной организации все последние десятилетия успешно сочетала фундаментальные исследо-

¹⁷ Подробнее см. http://hist-phil.ru/events/8703_konceptsiya_Programmy_po_soz0daniyu_na_baze_INION_RAN_avtomatizirovannoy_bibliotechnoy_informatsionnoy_sistemyi.pdf, дата обращения 22.06.2020.

вания, результатом которых становились научные публикации, с проведением многочисленных научных и научно-практических конференций и круглых столов. Новостройка на историческом месте создаст дополнительные возможности для проведения такого рода мероприятий, причем с привлечением современных мультимедийных средств, дополнив практикуемые сейчас онлайн-мероприятия.

Резюмируя, подчеркнем, что информация, почерпнутая из глубоких и разносторонних исследований (не важно, представленных в бумажных или электронных формах книг), является основой профессиональной и результативной научной деятельности. Любые полевые или экспериментальные исследования, анализ статистики либо архивных материалов не будут полноценными, если не смогут опираться на фундаментальные выводы предшественников, не учитывать их достижений, а впрочем, и ошибок. Именно в обеспечении этой информацией ученых и состоит миссия библиотеки ИНИОН РАН, стремящейся в 2020-е гг. реформироваться под новые требования эпохи цифровизации.

Список литературы

Антопольский А.Б., Ефременко Д.В. (2017) Инфосфера общественных наук России. М.; Берлин: Директ-Медиа.

Нещерет М.Ю. (2019) Цифровизация процессов обслуживания в библиотеках – это уже реальность // Библиосфера. № 2. С. 19–25. DOI: 10.20913/1815-3186-2019-2-19-25

Слива А.И. (2018) Библиография библиографий в ИНИОН РАН // Тихонова Л.Н., Джиго А.А. (ред.) Взаимовлияние информационно-библиотечной среды и общественных наук. М.: ИНИОН. С. 224–228.

Соколов С.В. (2018) Оцифровка библиотечных фондов и оказание цифровых библиотечных услуг в общественно-политическом дискурсе современной Германии // Тихонова Л.Н., Джиго А.А. (ред.) Взаимовлияние информационно-библиотечной среды и общественных наук. М.: ИНИОН. С. 146–167.

Черный Ю.Ю., Соколова Н.Ю., Юрченкова Л.В. (2011) Отечественная информационно-библиотечная система по общественным наукам (1918–2009) // Теория и практика общественно-научной информации. № 20. С. 121–139 // <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-informatsionno-bibliotecnaya-sistema-po-obschestvennym-naukam-1918-2009/viewer>, дата обращения 22.06.2020.

Шрайберг Я.Л. (2018) Формирование единого пространства знаний на базе сетевой информационной инфраструктуры в условиях становления и развития современной цифровой экономики // Научные и технические библиотеки. № 9. С. 3–75 // https://elibrary.ru/download/elibrary_35631508_13143136.pdf, дата обращения 22.06.2020.

Henningsen E., Larsen H. (2020) The Mystification of Digital Technology in Norwegian Policies on Archives, Libraries and Museums: Digitalization as Policy Imperative // Culture Unbound – Journal of Current Cultural Research, vol. 12 // <https://journal.ep.liu.se/CU/article/download/2200/1594>, дата обращения 22.06.2020.

McGann J.G. (2020) Global Go to Think Tank Index Report 2019, University of Pennsylvania // https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1018&context=think_tanks, дата обращения 22.06.2020.

Pandey P., Misra R. (2014) Digitalization of Library Materials in Academic Libraries: Issues and Challenges // Journal of Industrial and Intelligent Information, vol. 2, no 2, pp. 136–141. DOI: 10.12720/jiii.2.2.136-141

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-5

INION's Library as a "Mirror" of the Social Sciences Development in Russia: From the First Socialist Experiments to the Modern Digital Age

Alexey V. KUZNETSOV

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Economics, Acting Director

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 1179997, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: kuznetsov_alexei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

Lyudmila V. YURCHENKOVA

PhD in History, Head of Division of Library and Bibliographic Services at Institutions

Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, 1179997, Nakhimovsky Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: yurchenkova08@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-7570-4836

CITATION: Kuznetsov A.V., Yurchenkova L.V. (2020) INION's Library as a "Mirror" of the Social Sciences Development in Russia: From the First Socialist Experiments to the Modern Digital Age. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 92–111 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-5

Received: 30.04.2020.

ABSTRACT. *The article deals with the modern specifics of digitization of the fundamental library functioning in one of the leading Russian scientific institutes for social sciences – Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION). It is shown that after the fire in January 2015, the INION's library never stopped to work. Nowadays, more than 3 million books and journals are available to readers in 18 departments at academic institutions in Moscow. INION receives mandatory copies of Russian publications and new foreign books and journals due to international exchange. Other*

funds are still preserved in the warehouse due to insufficient funding from the Russian Ministry of Science and Higher Education, but after moving to a new building on the historical site on Nakhimovsky Prospekt in Moscow, the INION's library will expand its opportunities for readers. In preparation for this move, several digitization projects are being implemented at once in INION – from the development of famous bibliographic databases, which are still in commercial demand not only in Russia but also abroad, to the digitization of books and the creation of electronic catalogues of the library. The authors draw parallels between

the modern objectives and methods of the modernization of the INION's library in accordance with the challenges of the digital era and specifics of creation of the Library at the Socialist Academy of Social Sciences (which after several reorganizations in 1969 originated the INION) by difficult financial and political conditions of 1920-30-ies. It is concluded that any steps towards digitalization should be focused primarily on the needs of readers (postgraduates, researchers and university teachers) and not based on the proposals of technocrats who have little idea in which direction social and humanitarian sciences are developing. The ultimate goal of the development of the INION's library should be to increase the competitiveness of scientific products of Russian social scientists in the world.

KEY WORDS: INION, digitalization, INION's fundamental library, digitization of publications, departments of library and bibliographic services at academic institutions, underfunding of Russian science, library collections, history of the Library at the Socialist Academy of Social Sciences

References

- Antopol'skij A.B., Efremenko D.V. (2017) *InfoSphere of Social Sciences*, Moscow & Berlin: Direct-Media (in Russian).
- Cherny Yu.Y., Sokolova N.Yu., Yurchenkova L.V. (2011) National Information and Library System for Social Sciences (1918–2009). *Theory and Practice of Social and Scientific Information*, no 20, pp. 121–139. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otechestvennaya-informatsionno-bibliotchnaya-sistema-po-obschestvennym-naukam-1918-2009/viewer>, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Henningsen E., Larsen H. (2020) The Mystification of Digital Technology in Norwegian Policies on Archives, Libraries and Museums: Digitalization as Policy Imperative. *Culture Unbound – Journal of Current Cultural Research*, vol. 12. Available at: <https://journal.ep.liu.se/CU/article/download/2200/1594>, accessed 22.06.2020.
- McGann J.G. (2020) *Global Go to Think Tank Index Report 2019*, University of Pennsylvania. Available at: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1018&context=think_tanks, accessed 22.06.2020.
- Nescheret M.Yu. (2019) Digitalization of Service Processes in Libraries Is Already a Reality. *Bibliosphere*, no 2, pp. 19–25 (in Russian). DOI: 10.20913/1815-3186-2019-2-19-25
- Pandey P., Misra R. (2014) Digitalization of Library Materials in Academic Libraries: Issues and Challenges. *Journal of Industrial and Intelligent Information*, vol. 2, no 2, pp. 136–141. DOI: 10.12720/jiii.2.2.136-141
- Shraiberg Ya.L. (2018) Formation of a Unified Knowledge Space on the Basis of Network Information Infrastructure in the Conditions of Formation and Development of the Modern Digital Economy. *Scientific and Technical Libraries*, no 9, pp. 3–75. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_35631508_13143136.pdf, accessed 22.06.2020 (in Russian).
- Sliva A.I. (2018) Bibliography of Bibliographies in INION. *Mutual Influence of Information and Library Environment and Social Sciences* (eds. Tikhonova L.N., Dzhigo A.A.), Moscow: INION, pp. 224–228 (in Russian).
- Sokolov S.V. (2018) Digitization of Library Collections and Provision of Digital Library Services in the Social and Political Discourse of Modern Germany. *Mutual Influence of Information and Library Environment and Social Sciences* (eds. Tikhonova L.N., Dzhigo A.A.), Moscow: INION, pp. 146–167 (in Russian).

Социальные трансформации

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6

Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ

Владимир Дмитриевич НЕЧАЕВ

доктор политических наук, доцент, вице-президент Российской ассоциации политической науки, ректор Севастопольский государственный университет, 299053, Университетская ул., д. 33, Севастополь, Российская Федерация
E-mail: vdnechaev@sevsu.ru
ORCID: 0000-0003-0429-4299

Сергей Юрьевич БЕЛОКОНЕВ

кандидат политических наук, доцент, руководитель Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 125993, Ленинградский проспект, д. 49, Москва, Российская Федерация
E-mail: SYUBelokonev@fa.ru
ORCID: 0000-0002-8028-7421

ЦИТИРОВАНИЕ: Нечаев В.Д., Белоконев С.Ю. (2020) Цифровая экономика и тенденции политического развития современных обществ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 112–133. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6

Статья поступила в редакцию 30.11.2019.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-011-31545 опн: «Новые модели взаимодействия власти и промышленного сообщества в условиях возрастания рисков технологического развития под воздействием международных санкций».

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена теоретическому анализу возможных последствий цифровой трансформации современных обществ. Авторы осуществляют сравнительный анализ трех политико-экономических моделей цифровой трансформации: когнитивного капитализма, экономики совместно производства и потребления (P2P-экономики) и цифрового тоталитаризма.*

Делается вывод, что данные теоретические модели отражают противоречивые тенденции развития общества на стадии цифровой трансформации. Авторы высказывают предположение, что в реальности возникнет широкий спектр смешанных политико-экономических моделей цифрового общества, каждая из которых будет включать в себя ту или иную комбинацию проанализированных

идеальных типов. Реализация той или иной модели будет зависеть от группы факторов, включающих национальную структуру экономики, систему международных отношений, территориальную структуру урбанизации и способность (политическую, экономическую и технологическую) того или иного национального государства сохранять свой суверенитет в цифровом мире.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *цифровая экономика, глобальные тренды политического развития, когнитивный капитализм, экономика совместного производства, цифровой тоталитаризм, цифровой колониализм, цифровой суверенитет*

Цифровая трансформация экономики становится сегодня одним из ключевых трендов национальной экономической политики многих развитых государств мира. В 2015 г. Европейский Союз принимает свою Стратегию единого цифрового рынка (Digital Single Market Strategy).

В 2017 г. Россия приняла два важнейших стратегических документа: Стратегию развития информационного общества и Программу «Цифровая экономика Российской Федерации», – описывающих ключевые цели, задачи и направления цифровой трансформации российской экономики.

Указанные документы фиксируют отставание России в области развития цифровой экономики (41–43-е место в международных рейтингах со значительным отставанием от лидеров – Швейцарии, Сингапура, Соединенных Штатов Америки, Нидерландов, Германии, Швеции, Великобритании, Японии, Гонконга, Финляндии, Китая и др.) и формулируют государственную политику по преодолению данного разрыва [Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» 2017]. Ставка на ускоренную цифровизацию экономи-

ки одновременно ставит в качестве актуальной задачи анализ возможных последствий такого рода трансформации.

Дискуссия о возможных эффектах цифровой трансформации экономики приобретает сегодня широкий общественный и научный характер. При этом в центре внимания чаще оказываются собственного экономического (например, рост производительности труда) или социальные (например, воздействие цифровизации на занятость) аспекты, в то время как политические эффекты цифровой трансформации экономики пока не стали предметом столь же интенсивного академического обсуждения.

Целью данной статьи является выявление возможных областей политических эффектов цифровизации экономики на основе сравнительного анализа трех политико-экономических моделей, используемых для комплексного осмысления феноменов цифровой экономики и цифрового общества: модели когнитивного капитализма (cognitive-cultural economy), модели экономики совместного производства и потребления (shared economy) и модели цифрового тоталитаризма (digital totalitarianism). Для моделирования политических эффектов цифровой трансформации экономики в аспекте изменений в системе международных отношений будут также привлечены взаимосвязанные концепции цифрового колониализма (digital colonialism) и цифрового суверенитета (digital sovereignty).

Понятие «цифровая экономика» и моделирование областей возможных политических эффектов

Прежде чем перейти к анализу упомянутых ранее политико-экономических моделей, уточним само понятие «цифровая экономика» («электрон-

ная экономика», «виртуальная экономика», «интернет-экономика», «веб-экономика»).

Возникновение концепции цифровой экономики часто связывают с именем Н. Негропonte, который еще в 1990-е гг. сформулировал ключевые принципы новой модели экономики, основанной на производстве цифровых товаров и услуг [Negroponte 1999]. В отличие от традиционной экономики, связанной так или иначе с физическим обменом товарами и услугами, цифровая экономика характеризуется виртуальностью – информационным обменом, осуществляемым с использованием электронных средств передачи и переработки информации. Товары и услуги в цифровой экономике не обладают традиционными физическими параметрами, например, физическим размером и весом, не требуют сырья для своего производства, могут быть многократно реплицированы, способны к почти мгновенному перемещению.

В докладе, подготовленном для Организации экономического сотрудничества и развития в 2015 г., отмечается, что «...цифровая экономика в настоящее время пронизывает бесчисленные аспекты мировой экономики, влияя на различные сектора, такие как банковское дело, розничная торговля, энергетика, транспорт, образование, издательское дело, средства массовой информации или здравоохранение. Информационные и коммуникационные технологии (ИКТ) трансформируют способы социального взаимодействия и личных отношений на основе интеграции различных систем телекоммуникации, а устройства и объекты все чаще связываются друг с другом в формате интернет-вещей» [OECD Digital Economy Outlook 2015, p. 11]. В этот же перечень можно было бы до-

бавить изменения, происходящие в мировой экономике в результате появления систем управления на основе технологий больших данных и искусственного интеллекта, возникновения феномена крипто-валют и т. д. По сути, речь идет о том, чтобы включить в понятие цифровой экономики всю область трансформации мировой экономики под воздействием развития цифровых технологий.

Исследователи выделяют три этапа формирования цифровой экономики:

1. 1980-е – середина 1990-х гг. Появление материальной базы цифровой экономики (Интернет, глобальные цифровые телекоммуникационные системы и сети).
2. Середина 1990-х – начало 2000-х гг. Появление первых субъектов цифровой экономики (интернет-магазины, интернет-банкинг и др.).
3. Начало 2000-х гг. – наст. время. Широкомасштабное появление виртуальных товаров и электронных денежных средств. Начало отделения виртуальной экономики от реальной [Матвеев 2012].

На основе новых технологий (цифровые двойники, большие данные, нейросети, искусственный интеллект) в настоящее время происходит переход к следующему этапу развития цифровой экономики, связанному с комплексным цифровым управлением экономическими процессами.

Возможные политические эффекты цифровой экономики условно можно разделить на две большие группы: прямые и косвенные. Первые включают в себя эффекты, которые непосредственно связаны с цифровизацией политической системы общества либо системы международных отношений. Вторые – эффекты, связанные с опосредованным воздействием на политическую сферу жизни отдельного обще-

ства или глобальную политику в результате трансформации всей системы экономических и социальных отношений под воздействием цифровых технологий.

Первая группа эффектов уже стала предметом пристального анализа политологов в рамках изучения таких новых политических феноменов, как электронное правительство (см., например: [West 2005; Lee, Chang, Berry 2011; Criado, Sandoval-Almazan, Gil-Garcia 2013; Janowski 2015; Kamolov 2017; Pereira, Parycek, Falco, Kleinhans 2018; Ismagilova, Hughes, Dwivedi, Raman 2019]), электронная демократия (см. например: [Коулман 2018; Hindman 2008; Turner 2010; Lee, Chang, Berry 2011; Loader, Mercea 2011; Kim, Lee 2012; Keane 2013; Fung 2015; Gilman 2016]), цифровая юстиция [Coglianese, Lehr 2017; Taylor 2017], цифровые средства организации политического участия, в т. ч. в форме политических движений и протеста [Bennett 2012; Youmans, York 2012; Wolfson 2014; Hanna, Vanclay, Langdon, Arts 2016], использование новых медиа в международных конфликтах [Манойло 2008] и др.

Вторая группа является менее исследованной в силу своего комплексного характера. Тем не менее упомянутые выше теоретические модели пытаются моделировать и прогнозировать именно вторую группу эффектов.

Это эффекты, связанные с возникновением новых или исчезновением старых политических субъектов, перераспределением возможностей влияния между политическими субъектами, трансформацией источников и механизмов власти и влияния в цифровом обществе, потенциала политического участия различных групп и классов в осуществлении политического процесса, роли институтов государства и трансформации системы международных отношений в контек-

сте формирования цифровой экономики и др.

В рамках данной статьи будут рассмотрены три политико-экономические модели влияния цифровой экономики на политическую сферу современных обществ: теория когнитивного капитализма, модель экономики совместного производства и потребления и модель цифрового тоталитаризма, которые фиксируют, как представляется, альтернативные и в то же время дополняющие друг друга теоретические перспективы анализа изучаемого феномена. Для анализа воздействия цифровой трансформации экономики на систему международных отношений мы также обратимся к концепциям цифрового колониализма и цифрового суверенитета.

Теория когнитивного капитализма

Одна из наиболее динамично развивающихся сегодня политико-экономических моделей, в рамках которых осуществляется комплексное осмысление феномена цифровой экономики, – теория когнитивного капитализма (cognitive-cultural economy theory).

Когнитивный капитализм (часто его отождествляют также с экономикой знаний), определяется Б. Польре, предложившим этот термин, как «общество знаний, управляемое и организованное по капиталистическим принципам» [Польре 2008, с. 66]. Когнитивный капитализм рассматривается последователями данной теории как третья фаза развития капиталистической экономики после рыночной экономики меркантилизма (эпоха первоначального накопления капитала и мануфактурного производства) и индустриальной экономики [Mahmoudi, Leven-da 2016]. Фундаментальной характери-

стикой когнитивного капитализма является превращение знания в ключевой фактор экономического развития, основанного на принципах рыночной экономики [Горц 2007]. Нематериальные активы, такие как права интеллектуальной собственности, бренд, данные о потребителе и др., становятся важнейшими факторами капитализации компаний и их рыночного успеха. Знания также становятся объектом целенаправленного производства в рамках функционирования рыночной экономики.

Важнейшими предпосылками перехода к новой фазе капитализма стали:

Увеличение в конце XX – начале XXI вв. объема инвестиций в знания и креативные решения (науку, инновации, образование, управление, маркетинг, брендинг, рекламу и т. д.).

Резкое снижение издержек на передачу и приобретение знаний в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий и созданием глобальной инфраструктуры цифровой экономики [Cowan, David, Foray 2000].

Глобализация рынков с одновременной их «нишелизацией».

Неолиберальная модель экономики, принятая в качестве идеологической и институциональной основы наиболее экономически развитыми странами мира [Klusterman 2010].

Цифровая экономика в рамках данного подхода, таким образом, рассматривается как один из ключевых факторов формирования новой модели капитализма.

Переход к фазе когнитивного капитализма ведет к целому спектру социальных и политических последствий.

Наиболее очевидное – рост влияния на все сферы жизни общества, в т. ч. на политический процесс транснациональных цифровых компаний, подобных Google и Facebook. Новые ме-

диа по мере роста аудитории и степени вовлеченности современных людей в цифровую экономику становятся главным источником новостей и оценок событий [Nechushtai 2018]. Способность управлять политической повесткой и влияние на процессы распространения информации в обществе делают цифровые мегакорпорации важными игроками современного политического процесса. Кроме того, глобальные цифровые решения и платформы, такие, например, как ГИС-системы, становятся в современном мире способом структурирования политической (в данном примере – геополитической) «картины мира» современных обществ и оказывают тем самым влияние на политическое создание и поведение [Forest 2004].

Второе важное социальное следствие, на которое обращают внимание исследователи процессов формирования когнитивного капитализма, – рост значения мегаполисов в экономике и политике современных обществ. В противовес теории «мировой деревни», которая предсказывала деконцентрацию экономической активности вследствие развития информационно-коммуникационных технологий, сторонники модели когнитивного капитализма показывают неразрывную связь этой стадии развития рыночной экономики с концентрацией человеческого капитала в крупных высокотехнологичных городах, связанных в большей степени между собой, чем с окружающей их в непосредственной физической близости провинцией [Scott 2008]. Высокая концентрация разных форм капитала (финансового, инфраструктурного, человеческого, социального) и большие объемы рынков для продуктов когнитивного капитализма в крупных городах создают идеальные условия для развития когнитивного капитализма [Rabari, Storper 2015].

Цифровая экономика в рамках этой концепции – лишь одна из предпосылок когнитивного капитализма, лучше всего работающая в связке с другой – новым урбанизмом. Коэволюция цифровой экономики, когнитивного капитализма и нового урбанизма приводит к важному политическому следствию – росту значения мегаполисов в мировой политике. В теоретических моделях это связывается с будущим упадком национальных государств в рамках цифровой глобализации, в которой формирование глобальной системы управления происходит в форме международной сети мегаполисов.

Важное следствие развития цифровой экономики, на которое указывают сторонники теории когнитивного капитализма, – новые аспекты социального неравенства. Во-первых, возникает так называемое цифровое неравенство, связанное с разными возможностями членов общества по доступу к цифровым продуктам, услугам и сервисам и, как следствие, разные возможности по успешной реализации своих способностей в рамках цифровой экономики. «Водораздел» здесь происходит не столько по линии «богатые – бедные», сколько по линиям «центр – периферия» (еще один из аспектов связи между цифровой экономикой и новым урбанизмом) и «младшие – старшие». Как показывают эмпирические исследования, неравномерность цифровой инфраструктуры (сосредоточенной преимущественно в крупных городах) превращается в более прочные структуры социально-экономических и политических различий и неравенства [Alizadeh, Farid 2017]. Молодые поколения, прошедшие социализацию в рамках цифровой экономики, обладают гораздо лучшими шансами по сравнению с «аналоговыми поколениями».

Другая форма неравенства в рамках цифровой экономики – это растущий разрыв на рынке труда между «креативным классом» и «белыми воротничками» цифровой экономики, с одной стороны, и массой работников, занимающихся низкоквалифицированным трудом (хорошим примером могут здесь служить таксисты в убер-экономике), с другой. Парадоксальным образом цифровизация, в т. ч. за счет упрощения работы, снижает требования к уровню квалификации значительного числа наемных работников. Относительно низкий уровень оплаты этих рабочих мест создает напряженность на рынке труда, приводит к стагнации на рынке зарплат в традиционных сегментах экономики, формирует спрос на рабочую силу мигрантов [Scott, Peters 2013].

Все эти тенденции, связанные с новой стадией в развитии экономики, порождают целый спектр новых социальных конфликтов, требующих своего разрешения на политическом уровне. Цифровая экономика в контексте развития когнитивного капитализма формирует новую политическую повестку.

Общая политико-экономическая модель влияния цифровой экономики на политическую систему современных обществ в рамках модели когнитивного капитализма может быть кратко сформулирована следующим образом: цифровая экономика наряду с концентрацией человеческого капитала в мегаполисах создает условия для перехода к новой стадии капитализма – «когнитивному капитализму», который постепенно разрушает систему национальных государств, развивая системы глобального управления, с одной стороны, и системы регионального управления (управление крупными городскими агломерациями), с другой. Вместо мира национальных государств возникает мир инте-

грированных в глобальную сеть «ста мегаполисов». Возрастает влияние на политический процесс глобальных цифровых корпораций и новых медиа. Во внутренней политике возрастает роль креативного класса. В то же время в рамках цифровой экономики возникают новые модели социального неравенства, которые начинают оказывать влияние на политическую повестку современных обществ.

Концепция экономики совместного производства и потребления (sharing economy)

Политико-экономическая модель экономики совместного производства и потребления (sharing economy), или P2P-экономики (от англ. peer to peer – равный равному), описывает определенный тип процессов, которые возникают в цифровой экономике в связи с производством и потреблением в рамках цифрового сетевого взаимодействия продуктов и услуг на основе широкой и добровольной кооперации равноправных участников [Hamari, Sjöklint, Ukkonen 2016]. Экономика совместного производства и потребления объединяется вокруг деятельности, осуществляемой с помощью цифровых платформ, которые обеспечивают равноправный доступ к товарам и услугам. Типичными примерами этой экономической модели могут служить Википедия или производство программных продуктов на открытом коде [Bergquist, Jungberg 2001].

Три ключевые характеристики определяют данный тип экономики:

- производство ценностей на основе свободной кооперации участников цифрового производства (эта экономика не основана, таким образом, ни на рыночном принципе, ни на принципах про-

изводства общественных благ государственными структурами);

- управление основано на принципах самоорганизации;
- доступ к произведенному благу является принципиально открытым и обеспечивается коллективно поддерживаемыми и универсальными режимами доступа [Bauwens 2005].

P2P-экономика протекает внутри распределенных сетей, в рамках которых автономные агенты могут свободно определять свое поведение и связываться друг с другом без контроля со стороны операторов сети. Проекты, возникающие в рамках данного типа экономики, характеризуются относительным равенством участников, т. е. они потенциально открыты для все желающих, а способность к кооперации в рамках проекта определяется в процессе самой кооперации. Статус участника определяется на основе его репутации внутри сообщества.

Данный тип экономики также характеризуется горизонтальной информационной симметричностью взаимодействия. Участники кооперации обладают равным доступом к информации друг о друге, что отличает данный тип экономики от когнитивного капитализма и цифрового тоталитаризма, для которых характерна как раз информационная асимметрия между участниками взаимодействия и организаторами взаимодействия (вне зависимости от того, организуется это взаимодействие на рыночных принципах или через механизм иерархии). Участники взаимодействия в обоих случаях обладают лишь знаниями о доступных инструментальных моделях поведения и не обладают широкой информацией о других участниках, которая максимально доступна организаторам взаимодействия.

Формирование экономики совместного производства и потребления имеет в качестве предварительной предпосылки, как и в случае когнитивного капитализма, все то, что можно назвать распределенным капиталом цифровой экономики, – ее технологическую инфраструктуру. Часть этого капитала – прямой результат функционирования модели когнитивного капитализма. В идеологическом плане данная модель, как предполагающая совместное производство и потребление, тесно соотносится с идеологией устойчивого развития и противопоставляет себя неолиберализму как идеологии общества потребления [Martin 2016]. В этом смысле P2P-экономика выступает парадоксальным образом одновременно как часть капиталистической экономики и как ее альтернатива [Richardson 2015]. Она встраивается в модель когнитивного капитализма подобно тому, как экономика общественного сектора в форме некоммерческих организаций встраивается в аналоговый капитализм.

Обобщенная политико-экономическая модель экономики совместного производства и потребления предполагает развитие системы самоуправляемых цифровых общин в рамках глобальной «цифровой деревни». В отличие от общин предшествующего периода, они будут транстерриториальны, т. е. принципиально не привязаны к политическому и административно-территориальному делению современного мира. Это создает предпосылки для формирования систем глобального надгосударственного управления и трансграничных социальных и политических движений, возникающих на базе общих интересов и ценностей. Инфраструктура глобального цифрового хозяйства также будет нуждаться в некоторой глобальной системе его поддержания и обновле-

ния. Такая система в значительной степени может поддерживаться через действие рыночных механизмов, однако будет требовать и определенно-го набора общих правовых и технологических режимов, необходимых для поддержания ее способности обеспечивать взаимодействие в глобальном масштабе.

Взаимодействие внутри P2P-экономики предполагает принципиальное равноправие участников, свободу «входа» и «выхода» из режима совместного производства и потребления, что позволяет предположить, что данный тип экономики продуцирует определенный тип социальности, сочетающий открытость и коммунитарность социальных структур.

Сравнительный анализ P2P-экономики и модели когнитивного капитализма показывает их схожесть в понимании фундаментальных предпосылок цифровой экономики, связанной с функционированием распределенной технологической платформы Интернета и глобальных телекоммуникаций, и в то же время существенное различие в области социальных, политических и институциональных эффектов указанных моделей [Kostakis 2012; Kostakis, Roos, Bauwens 2016].

Развитие экономики совместного производства и потребления создает потенциальный запрос на рост самоуправления групп «цифровых интересов», требование к снижению уровня политического контроля над поведением человека в сети и общую заинтересованность в глобальной сети, а как следствие – в механизмах глобального управления. Однако парадоксальным образом втягивание значительной части населения в этот тип экономики создает предпосылки для роста косвенного контроля, политических манипуляций и социального конформизма [Giraud 2015].

Модель цифрового тоталитаризма (digital totalitarianism)

Модель цифрового тоталитаризма является наиболее интуитивно понятной, но одновременно наименее теоретически проработанной в политологической литературе. В основе ее лежит представление о возможности, которые открывает развитие технологий управления на основе больших данных и искусственного интеллекта, для тотального управления поведением современного человека [Herrera 2015; Seely 2016]. В последние годы данная тема стала предметом оживленных дискуссий на международных политических и научных форумах [34th Annual CHI Conference 2016].

Эти технологии одновременно создают предпосылки и для оптимального цифрового планирования и распределения ресурсов, и для тотального контроля и манипулирования поведением каждого человека, формируя тем самым так называемую власть алгоритмов.

К ключевым признакам формирующейся тоталитарной модели цифрового общества исследователи относят:

- массовое тотальное автоматизированное наблюдение за людьми (их поведением, высказываниями, физическими и ментальными (в перспективе) характеристиками);
- пропаганду и манипуляцию общественным мнением и коллективным политическим поведением посредством цифровых медиа;
- предиктивную полицейскую деятельность (выявление потенциально неблагонадежных и опасных членов общества посредством цифровых технологий);
- «доброжелательную» диктатуру;
- принудительный конформизм;

- социальную инженерию посредством управления цифровыми коммуникациями;
- относительность прав человека;
- неравенство членов общества и др. [Helbing 2018].

Прототипом цифрового тоталитаризма, реализуемым в настоящее время на практике, считается система социального рейтинга, о создании которой заявило правительство КНР. Суть системы – в анализе цифрового следа каждого китайского гражданина и создании управляемой искусственным интеллектом системы доступа к экономическим ресурсам на основе степени соответствия поведения гражданина принятым в китайском обществе правилам. Известная история Э. Сноудена показывает, однако, что элементы цифрового тоталитаризма сегодня становятся все более широкой частью политической практики таких стран, как США, которые традиционно считаются образцом демократии. Цифровой тоталитаризм (или, во всяком случае, его элементы) вполне может сочетаться на практике, как показывает этот пример, с моделью когнитивного капитализма.

Модель цифрового тоталитаризма, в отличие от описанных ранее моделей когнитивного капитализма и экономики совместного производства и потребления, теоретически допускает сохранение за национальными государствами роли ключевых политических акторов современного мира (хотя не исключает и модели глобального цифрового тоталитаризма). Таким образом, система глобального управления на основе данной модели может быть представлена как вполне традиционная система многополярного межгосударственного взаимодействия. При этом вопрос о глобальной инфраструктуре цифровой экономики решается через появление частично связанных друг с дру-

гом национальных или макрорегиональных сегментов Интернета, границы между которыми поддерживаются технологическими продвинутыми государствами.

Подобно когнитивному капитализму, данная модель предполагает асимметрию участников цифровых взаимодействий, а с моделью Р2Р-экономики ее объединяет увеличение объема экономических транзакций, основанных на нерыночных принципах.

Между «цифровой глобализацией» и «цифровым суверенитетом»: модели цифровой экономики и архитектура системы международных отношений

Формирование национальных моделей цифровой экономики находится в тесной взаимосвязи (как прямой, так и обратной) с трансформацией системы международных отношений в цифровую эпоху. В этой связи для понимания логики цифровой трансформации на национальном уровне необходимо учитывать ее глобальный контекст. В научной литературе анализ этого контекста осуществляется в рамках двух взаимосвязанных дискуссий: дискуссии о цифровом колониализме и дискуссии о цифровом суверенитете.

Концепция цифрового колониализма активно развивается в последние годы в работах ученых, работающих в рамках неомарксистской методологии. Ключевой тезис данной концепции заключается в том, что формирование цифровой экономики закрепляет неравенство между «глобальным Севером», ассоциируемом в целом с экономиками развитых стран – местом концентрации мирового капитала, – и «глобальным Югом», ассоциируемым с экономиками развивающихся стран – об-

ластью эксплуатации человеческих и природных ресурсов.

Транснациональные корпорации в рамках этой модели осуществляют контроль над мировой экономикой на уровне архитектуры цифровой экосистемы (включая аппаратные решения, программное обеспечение и систему Интернет). Контролируя цифровую экосистему, высокотехнологичные компании «глобального Севера» косвенно контролируют цифровое поведение в глобальном масштабе, что в свою очередь представляет им власть над политическими, экономическими и культурными сферами жизни. Этот контроль осуществляется во взаимодействии с государственными институтами «глобального Севера» [Kwet 2019; Mann, Daly 2019] и институтами мировой финансовой системы [Jordana 2017]. Неравенство в области больших данных (доступа к ним и способностей к обработке и использованию) также рассматривается сторонниками этого подхода как новый инструмент цифрового колониализма и «капитализма наблюдения» [Thatcher, O'Sullivan, Mahmoudi 2016; Couldry, Mejias 2018; Kwet 2019]. В то же время есть авторы, утверждающие, что развитие цифровой экономики может способствовать преодолению колониальной зависимости через прямое включение граждан из стран «глобального Юга» в систему «глобального умного города» [Datta 2018]. Анализ концепции цифрового колониализма позволяет сделать вывод о ее связи с концепцией когнитивного капитализма. Когнитивный капитализм и цифровой колониализм – это две стороны одной реальности – глобальной цифровой экономики, основанной на капиталистических принципах. Модель когнитивного капитализма описывает ядро этой экономики, а модель цифрового колониализма – ее периферию, или, если быть точнее, отно-

шения ядра и периферии глобальной капиталистической экономики в условиях ее цифровой трансформации.

Спроецированный из экономической в политическую область вопрос об усиливающемся в процессе цифровой трансформации неравенстве между ядром и периферией мировой экономики тесно переплетается с другим вопросом, стоящим в актуальной повестке дня (как политической, так и академической), – вопросом о цифровом (или шире – информационном) суверенитете.

Дискуссия об информационном суверенитете развивается в мировой правовой и политической науке как минимум с 1980-х гг. и за прошедшее время прошла три этапа [Ефремов 2017], в целом совпадающие с этапами становления цифровой экономики. Первый этап (1980–1990-е гг.) был связан с развитием телекоммуникаций и трансграничного информационного обмена в форме теле-, радио- и спутникового вещания. Уже на этом этапе был поставлен коренной вопрос о соотношении прав на свободное распространение и получение информации, с одной стороны, и государственным суверенитетом – с другой [Damon 1986; Knuth 1999]. Второй этап (кон. XX – первое десятилетие XXI вв.) связан с возникновением феномена Интернета и дискуссией о собственно «цифровом суверенитете» как праве и фактической способности национальных государств контролировать процессы информационного обмена через систему Интернет (см., например: [Price 2002; Gong 2005; Powers 2014]). Наконец, третий этап, который начинается в настоящее время и связан с развитием технологий искусственного интеллекта, облачных вычислений и больших данных, открывающих беспрецедентные возможности для трансграничного социального

управления, с одной стороны, и государственного контроля за поведением граждан, с другой. Доступ к данным и возможности их обработки становятся новым аспектом дискуссии о цифровом суверенитете (в связи с этим даже появился новый термин – «суверенитет данных») [De Filippi, McCarthy 2012; Irion 2012].

Дискуссия о цифровом (и шире – информационном) суверенитете протекает в двух взаимосвязанных плоскостях.

С одной стороны, это классическая нормативная дискуссия о соотношении свободы и безопасности в новых условиях цифрового мира, где противникам государственного вмешательства в свободу информационных обменов (см. например, [Coles-Kemp, Ashenden, O'Hara 2018; Karim, Bonhi, Afroze 2019]) противостоят сторонники цифрового суверенитета национальных государств; необходимость цифрового суверенитета при этом обосновывается через концепт широко понимаемой кибербезопасности (см. например, [Zeng, Stevens, Chen 2017]). Снятие указанного противоречия многим участникам дискуссии видится в создании механизмов международного правового регулирования киберпространства [Mueller, Mathiason, Klein 2007; Weber 2010], а также на путях наращивания степени доверия (социального капитала) между участниками цифровых информационных обменов и государственными институтами [Havu 2017].

С другой стороны, дискуссия о цифровом суверенитете можно рассматривать как продолжение дискуссии о когнитивном капитализме versus цифровом колониализме, в рамках которой сторонники наращивания цифрового суверенитета утверждают, что цифровая открытость – это инструмент доминирования развитых стран над развивающимися, в то время как их оппо-

ненты рассматривают цифровой суверенитет как инструмент нового авторитаризма.

Контексты двух обозначенных выше дискуссий важны для понимания связи между различными моделями трансформации системы международных отношений и выбором модели цифровой трансформации на национальном уровне.

Сдвиг в область однополярного мирового порядка с доминированием коллективного Запада будет, скорее, способствовать реализации модели когнитивного капитализма в качестве базисной с дополнением ее моделью цифрового колониализма в отношении периферии капиталистической экономики.

Напротив, формирование многополярного мирового порядка и нарастание межгосударственной конфликтности будет способствовать усилению цифрового суверенитета национальных государств и/или межгосударственных объединений и формированию более закрытых политико-экономических моделей вплоть до модели цифрового тоталитаризма. Крупные международные игроки, стремящиеся выиграть гонку за лидерство и удержать границы собственных политических систем, в рамках данного сценария вынуждены будут идти по пути усиления цифрового суверенитета в части поддержания инфраструктуры цифровых коммуникаций, формирования границ в Интернете и повышения уровня контроля за коммуникацией и поведением граждан в Сети.

Наличие в рамках национально-государства мегаполисов, втянутых в глобальную кооперацию (так называемый ворот в глобальный мир), также может быть фактором выбора модели. Связь когнитивного капитализма с развитием мегаполисов очевидно повышает значимость данной модели для

обществ, в экономико-географической структуре которых такие мегаполисы присутствуют.

Экономика совместного производства и потребления в той или иной мере в ближайшей перспективе будет дополнительным компонентом цифровой экономики, порождая в то же время важный политический эффект горизонтальной цифровой кооперации граждан, что может быть значимой предпосылкой для роста гражданского участия, образования новых политических движений и политического протеста.

Политико-экономические модели цифровой экономики: сравнительный анализ

Сравнительный анализ показывает, что три политико-экономические модели в идеально-типической манере фиксируют противоречивые тенденции развития общества в условиях его перехода на стадию цифровой экономики.

Альтернативные тренды, зафиксированные этими моделями, парадоксальным образом напоминают классические «аналоговые» модели политической организации: тиранию, олигархию и демократию. Это позволяет сформулировать предположение о том, что сама по себе цифровая экономика не трансформирует принципиальным образом фундаментальные модели политической организации, известные человечеству, а, скорее, создает противоречивые тренды, способствующие реализации той или иной фундаментальной модели в новых «цифровых» условиях. Ключевым здесь становится фактор влияния властных отношений на форму, направление и результаты использования цифровых технологий [Spencer 2017].

Таблица 1. Сравнение трех политико-экономических моделей цифровой экономики по нескольким измерениям

Table 1. Comparison of Three Political and Economic Models of the Digital Economy in Several Dimensions

	Когнитивный капитализм	Экономика совместного производства и потребления	Цифровой тоталитаризм
Система международных отношений	Глобализация (глобальная сеть мегаполисов вместо системы национальных государств). Цифровой колониализм	Глокализация (мировая цифровая деревня)	Сохранение системы национальных государств. Цифровой суверенитет
Ключевые политические акторы	Глобальные цифровые корпорации и новые медиа, креативный класс	Цифровые политические движения и общины	Государства и их политические элиты
Идеологические доминанты	Неолиберализм	Экологизм (устойчивое развитие)	Этатизм
Социальное равенство/ неравенство	Растет и приобретает новые формы	Снижается	
Политическое равенство/ неравенство		Снижается	Растет
Политический режим	Конкурентная олигархия	Партисипаторная демократия	Тоталитаризм

Используя известный тезис Г. Алмонда о смешанном характере любых реальных политических систем, можно предположить, что в действительности современным обществам придется не выбирать между чистыми моделями, а создавать сообразные обстоятельства своего существования гибриды предложенных моделей.

Список литературы

Горц А. (2007) Знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний // Логос. № 4(61). С. 5–63.

Ефремов А.А. (2017) Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 1. С. 201–215. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215

Коулман С. (2018) Может ли Интернет укрепить демократию? СПб.: Алетейя.

Манойло А.В. (2008) Модель информационно-психологической операции в международных конфликтах // Право и политика. № 6. С. 1387–1394 // <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-informatsionno-psihologicheskogo-upravleniya-mezhdunarodnymi-konfliktami/viewer>, дата обращения 20.05.2020.

Матвеев И.А. (2012) Электронная экономика: сущность и этапы развития // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 6(42). С. 1–11 // <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-ekonomika-suschnost-i-etapy-razvitiya/viewer>, дата обращения 20.05.2020.

Польре Б. (2008) Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. № 2(179). С. 66–72.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-п // <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

34th Annual CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (2016), CHI EA. 7–12 May 2016.

A Digital Single Market Strategy for Europe (2015) // European Commission // <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/content/european-digital-strategy>, дата обращения 20.05.2020.

Alizadeh T., Farid R. (2017) Political Economy of Telecommunication Infrastructure: An Investigation of the National Broadband Network Early Rollout and Pork Barrel Politics in Australia // *Telecommunications Policy*, vol. 41, no 4, pp. 242–252. DOI: 10.1016/j.telpol.2017.02.002

Bauwens M. (2005) The Political Economy of Peer Production // *Ctheory.net*, December 1, 2005 // http://ctheory.net/ctheory_wp/the-political-economy-of-peer-production/, дата обращения 20.05.2020.

Bennett W.L. (2012) The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 644, no 1, pp. 20–39. DOI: 10.1177/0002716212451428

Bergquist M., Ljungberg J. (2001) The Power of Gifts: Organizing Social Relationships in Open Source Communities // *Information Systems Journal*, vol. 11, no 4, pp. 305–320. DOI: 10.1046/j.1365-2575.2001.00111.x

Coglianese C., Lehr D. (2017) Regulating by Robot: Administrative Decision Making in the Machine-learning Era // *Georgetown Law Journal*, vol. 105, no 5, pp. 1147–1223 // https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2928293, дата обращения 20.05.2020.

Coles-Kemp L., Ashenden D., O'Hara K. (2018) Why Should I? Cybersecurity, the Security of the State and the Insecurity of the Citizen // *Politics and Governance*, vol. 6, no 2, pp. 41–48. DOI: 10.17645/pag.v6i2.1333

Couldry N., Mejias U.A. (2018) Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject // *Television and New Media*, vol. 20, no 4, pp. 336–349. DOI: 10.1177/1527476418796632

Cowan R., David P.A., Foray D. (2000) The Explicit Economics of Knowledge Codification and Tacitness // *Industrial and Corporate Change*, vol. 9, no 2, pp. 211–253. DOI: 10.1093/icc/9.2.211

Criado J.I., Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia J.R. (2013) Government Innovation through Social Media // *Government Information Quarterly*, vol. 30, no 4, pp. 319–326. DOI: 10.1016/j.giq.2013.10.003

Damon L. (1986) Freedom of Information versus National Sovereignty: The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Data Flow Problems // *Fordham International Law Journal*, vol. 10, no 2, pp. 262–287 // <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1141&context=ilj>, дата обращения 20.05.2020.

Datta A. (2018) The Digital Turn in Postcolonial Urbanism: Smart Citizenship in the Making of India's 100 Smart Cities // *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 43, no 3, pp. 405–419. DOI: 10.1111/tran.12225

De Filippi P., McCarthy S. (2012) Cloud Computing: Centralization and Data Sovereignty // *European Journal of Law and Technology*, vol. 3, no 2, pp. 1–21 // <http://ejlt.org/article/view/101/234>, дата обращения 20.05.2020.

Forest B. (2004) Information Sovereignty and GIS: The Evolution of “Communities of Interest” in Political Redistricting // *Political Geography*, vol. 23, no 4, pp. 425–451. DOI: 10.1016/j.polgeo.2003.12.010

Fung A. (2015) Putting the Public Back into Governance: The Challenges of Citi-

zen Participation and Its Future // *Public Administration Review*, vol. 75, no 4, pp. 513–522. DOI: 10.1111/puar.12361

Gilman H.R. (2016) *Democracy Reinvented: Participatory Budgeting and Civic Innovation in America, USA*: New America and Harvard's Ash Center for Democratic Innovation and Governance.

Giraud E. (2015) Subjectivity 2.0: Digital Technologies, Participatory Media and Communicative Capitalism // *Subjectivity*, vol. 8, no 2, pp. 124–146. DOI: 10.1057/sub.2015.5

Gong W. (2005) Information Sovereignty Reviewed // *Intercultural Communication Studies*, vol. 14, no 1, pp. 119–135 // <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.465.6373&rep=rep1&type=pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. (2016) The Sharing Economy: Why People Participate in Collaborative Consumption // *Journal of the Association for Information Science and Technology*, vol. 67, no 9, pp. 2047–2059. DOI: 10.1002/asi.23552

Hanna P., Vanclay F., Langdon E.J., Arts J. (2016) Conceptualizing Social Protest and the Significance of Protest Actions to Large Projects // *Extractive Industries and Society*, vol. 3, no 1, pp. 217–239. DOI: 10.1016/j.exis.2015.10.006

Havu K. (2017) The EU Digital Single Market from a Consumer Standpoint: How Do Promises Meet Means? // *Contemporary Readings in Law and Social Justice*, vol. 9, no 2, pp. 146–183. DOI: 10.22381/CRLSJ9220179

Helbing D. (2018) Digital Fascism Rising? // *Towards Digital Enlightenment: Essay on the Dark and Light Sides of the Digital Revolution* (ed. Helbing D.), Zurich: CLU 1, ETH Zurich, pp. 99–102.

Herrera L. (2015) Citizenship under Surveillance: Dealing with the Digital Age // *International Journal of Middle East Studies*, vol. 47, no 2, pp. 354–356. DOI: 10.1017/S0020743815000100

Hindman M. (2008) *The Myth of Digital Democracy*, Princeton: Princeton University Press.

Irion K. (2012) Government Cloud Computing and National Data Sovereignty // *Policy and Internet*, vol. 4, no 3–4, pp. 40–71. DOI: 10.1002/poi3.10

Ismagilova E., Hughes L., Dwivedi Y.K., Raman K.R. (2019) Smart Cities: Advances in Research – An Information Systems Perspective // *International Journal of Information Management*, vol. 47, pp. 88–100. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.004

Janowski T. (2015) Digital Government Evolution: From Transformation to Contextualization // *Government Information Quarterly*, vol. 32, no 3, pp. 221–236. DOI: 10.1016/j.giq.2015.07.001

Jordana J. (2017) Transgovernmental Networks as Regulatory Intermediaries: Horizontal Collaboration and the Realities of Soft Power // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 670, no 1, pp. 245–262. DOI: 10.1177/0002716217694591

Kamolov S.G. (2017) Digital Public Governance: Trends and Risks // *Giornale di Storia Costituzionale*, vol. 33, no 1, pp. 185–194.

Karim R., Bonhi T.C., Afroze R. (2019) Governance of Cyberspace: Personal Liberty vs. National Security // *International Journal of Scientific and Technology Research*, vol. 8, no 11, pp. 2636–2641 // <https://www.ijstr.org/final-print/nov2019/Governance-Of-Cyberspace-Personal-Liberty-Vs-National-Security.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Keane J. (2013) *Democracy and Media Decadence*, Cambridge: Cambridge University Press.

Kim S., Lee J. (2012) E-Participation, Transparency, and Trust in Local Government // *Public Administration Review*, vol. 72, no 6, pp. 819–828. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2012.02593.x

Klusterman R.C. (2010) *This Is not America: Embedding the Cognitive-*

- cultural Urban Economy // *Geografiska Annaler, Series B: Human Geography*, vol. 92, no 2, pp. 131–143. DOI: 10.1111/j.1468-0467.2010.00338.x
- Knuth R. (1999) Sovereignty, Globalism, and Information Flow in Complex Emergencies // *Information Society*, vol. 15, no 1, pp. 11–19. DOI: 10.1080/019722499128637
- Kostakis V. (2012) The Political Economy of Information Production in the Social Web: Chances for Reflection on Our Institutional Design // *Contemporary Social Science*, vol. 7, no 3, pp. 305–319. DOI: 10.1080/21582041.2012.691988
- Kostakis V., Roos A., Bauwens M. (2016) Towards a Political Ecology of the Digital Economy: Socio-environmental Implications of Two Competing Value Models // *Environmental Innovation and Societal Transitions*, vol. 18, pp. 82–100. DOI: 10.1016/j.eist.2015.08.002
- Kwet M. (2019) Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South // *Race and Class*, vol. 60, no 4, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0306396818823172
- Lee C.-P., Chang K., Berry F.S. (2011) Testing the Development and Diffusion of E-Government and E-Democracy: A Global Perspective // *Public Administration Review*, vol. 71, no 3, pp. 444–454. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2011.02228.x
- Loader B.D., Mercea D. (2011) Introduction Networking Democracy? Social Media Innovations and Participatory Politics // *Information Communication and Society*, vol. 14, no 6, pp. 757–769. DOI: 10.1080/1369118X.2011.592648
- Mahmoudi D., Levenda A. (2016) Beyond the Screen: Uneven Geographies, Digital Labor, and the City of Cognitive-cultural Capitalism // *TripleC*, vol.14, no 1, pp. 99–220 // https://pdxscholar.library.pdx.edu/usp_fac/155/, дата обращения 20.05.2020.
- Mann M., Daly A. (2019) Data and the North-in-South: Australia's Informational Imperialism and Digital Colonialism // *Television and New Media*, vol. 20, no 4, pp. 379–395. DOI: 10.1177/1527476418806091
- Martin C.J. (2016) The Sharing Economy: A Pathway to Sustainability or a Nightmarish Form of Neoliberal Capitalism? // *Ecological Economics*, vol. 121, pp. 149–159. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2015.11.027
- Mueller M., Mathiason J., Klein H. (2007) The Internet and Global Governance: Principles and Norms for a New Regime // *Global Governance*, vol. 13, no 2, pp. 237–254. DOI: 10.1163/19426720-01302007
- Nechushtai E. (2018) Could Digital Platform Capture the Media through Infrastructure // *Journalism*, vol. 19, no 8, pp. 1043–1058. DOI: 10.1177/1464884917725163
- Negroponte N. (1999) *Being Digital*, New York: Knopf.
- OECD Digital Economy Outlook 2015 (2015), Paris: OECD Publishing.
- Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. (2018) Smart Governance in the Context of Smart Cities: A Literature Review // *Information Polity*, vol. 23, no 2, pp. 143–162. DOI: 10.3233/IP-170067
- Powers S. (2014) Towards Information Sovereignty // *Beyond NETmundial: The Roadmap for Institutional Improvements to the Global Internet Governance Ecosystem*, Philadelphia: Center for Global Communication Studies, pp. 90–99.
- Price M. (2002) *Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rabari Ch., Storper M. (2015) The Digital Skin of Cities: Urban Theory and Research in the Age of the Sensored and Metered City, Ubiquitous Computing and Big Data // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no 1, pp. 27–42. DOI: 10.1093/cjres/rsu021
- Richardson L. (2015) Performing the Sharing Economy // *Geoforum*, vol. 67, pp. 121–129. DOI: 10.1016/j.geoforum.2015.11.004

Scott A.J. (2008) *Social Economy of Metropolis: Cognitive-Cultural Capitalism and the Global Resurgence of Cities*, Oxford: Oxford University Press.

Scott A., Peters M.A. (2013) *Cognitive-Cultural Production, Digital Labor and the New Frontiers of Knowledge* // *Knowledge Cultures*, vol. 1, no 4, pp. 167–178 // https://www.researchgate.net/publication/281502483_Cognitive-Cultural_Production_Digital_Labour_And_The_New_Frontiers_Of_Knowledge_A_Conversation_With_Allen_J_Scott, дата обращения 20.05.2020.

Seely P. (2016) *Envision the Digital Sustainability Panopticon: A Thought Experiment of How Big Data May Help Advancing Sustainability in the Digital Age* // *Sustainability Science*, vol. 11, no 5, pp. 845–854. DOI: 10.1007/s11625-016-0381-5

Spencer D. (2017) *Work in and beyond the Second Machine Age: The Politics of Production and Digital Technologies* // *Work, Employment and Society*, vol. 31, no 1, pp. 142–152. DOI: 10.1177/0950017016645716

Taylor L. (2017) *What Is Data Justice? The Case for Connecting Digital Rights and Freedoms Globally* // *Big Data and Society*, vol. 4, no 2, pp. 1–14. DOI: 10.1177/2053951717736335

Thatcher J., O'Sullivan D., Mahmoudi D. (2016) *Data Colonialism*

through Accumulation by Dispossession: New Metaphors for Daily Data // *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 34, no 6, pp. 990–1006. DOI: 10.1177/0263775816633195

Turner G. (2010) *Ordinary People and the Media: The Demotic Turn*, London: Sage.

Weber R.H. (2010) *Internet of Things – New Security and Privacy Challenges* // *Computer Law and Security Review*, vol. 26, no 1, pp. 23–30. DOI: 10.1016/j.clsr.2009.11.008

West D.M. (2005) *Digital Government: Technology and Public Sector Performance*, Princeton: Princeton University Press.

Wolfson T. (2014) *Digital Rebellion: The Birth of the Cyber Left*, Urbana, IL: University of Illinois Press.

Youmans W.L., York, J.C. (2012) *Social Media and the Activist Toolkit: User Agreements, Corporate Interests, and the Information Infrastructure of Modern Social Movements* // *Journal of Communication*, vol. 62, no 2, pp. 315–329. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2012.01636.x

Zeng J., Stevens T., Chen Y. (2017) *China's Solution to Global Cyber Governance: Unpacking the Domestic Discourse of "Internet Sovereignty"* // *Politics and Policy*, vol. 45, no 3, pp. 432–464. DOI: 10.1111/polp.12202

Social Transformations

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6

Digital Economy and Trends of Political Development in Modern Societies

Vladimir D. NECHAEV

DSc in Politics, Assistant Professor, Vice President of the Russian Association of Political Science, Rector

Sevastopol State University, 299053, Universitetskaya St., 33, Sevastopol, Russian Federation

E-mail: vdnechaev@sevsu.ru

ORCID: 0000-0003-0429-4299

Sergey Yu. BELOKONEV

PhD in Politics, Assistant Professor, Director of the Department of Politics and Mass Communication

Financial University under the Government of the Russian Federation, 129053, Leningradsky Av., 49, Moscow, Russian Federation

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

ORCID: 0000-0002-8028-7421

CITATION: Nechaev V.D., Belokonev S.Yu. (2020) Digital Economy and Trends of Political Development in Modern Societies. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 112–133 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-6

Received: 30.11.2019.

ACKNOWLEDGEMENTS: This article was prepared as part of the RFBR project no 19-011-31545 opn: “New models of interaction between the government and the industrial community in the face of increasing risks of technological development under the influence of international sanctions”.

ABSTRACT. *The article is devoted to a theoretical analysis of the possible consequences of the digital transformation of modern societies. The authors carry out a comparative analysis of three political and economic models of digital transformation: the cognitive capitalism model, sharing economy (the peer production economy) model and the digital totalitarianism model. It is concluded that these theoretical models reflect conflicting trends in the development of society at the stage of digital transformation. The authors suggest that in reality a wide range of mixed political and economic*

models of a digital society will emerge, each of which will include a particular combination of analyzed ideal types. The implementation of this or that model will depend on a group of factors, including: the national structure of the economy, the system of international relations, the territorial structure of urbanization and the ability (political, economic and technological) of a particular national state to maintain its sovereignty in the digital world.

KEY WORDS: *digital economy, global trends of political development, cognitive*

capitalism, peer production economy, digital totalitarianism, digital colonialism, digital sovereignty

References

34th Annual CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (2016), CHI EA. 7–12 May 2016.

A Digital Single Market Strategy for Europe (2015). *European Commission*. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/content/european-digital-strategy>, accessed 20.05.2020.

Alizadeh T., Farid R. (2017) Political Economy of Telecommunication Infrastructure: An Investigation of the National Broadband Network Early Rollout and Pork Barrel Politics in Australia. *Telecommunications Policy*, vol. 41, no 4, pp. 242–252. DOI: 10.1016/j.telpol.2017.02.002

Bauwens M. (2005) The Political Economy of Peer Production. *Ctheory.net*, December 1, 2005. Available at: http://ctheory.net/ctheory_wp/the-political-economy-of-peer-production/, accessed 20.05.2020.

Bennett W.L. (2012) The Personalization of Politics: Political Identity, Social Media, and Changing Patterns of Participation. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 644, no 1, pp. 20–39. DOI: 10.1177/0002716212451428

Bergquist M., Ljungberg J. (2001) The Power of Gifts: Organizing Social Relationships in Open Source Communities. *Information Systems Journal*, vol. 11, no 4, pp. 305–320. DOI: 10.1046/j.1365-2575.2001.00111.x

Coglianese C., Lehr D. (2017) Regulating by Robot: Administrative Decision Making in the Machine-learning Era. *Georgetown Law Journal*, vol. 105, no 5, pp. 1147–1223. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2928293, accessed 20.05.2020.

Coles-Kemp L., Ashenden D., O'Hara K. (2018) Why Should I? Cybersecuri-

ty, the Security of the State and the Insecurity of the Citizen. *Politics and Governance*, vol. 6, no 2, pp. 41–48. DOI: 10.17645/pag.v6i2.1333

Coleman S. (2018) *Can the Internet Strengthen Democracy?* Saint Petersburg: Aletheya (in Russian).

Couldry N., Mejias U.A. (2018) Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject. *Television and New Media*, vol. 20, no 4, pp. 336–349. DOI: 10.1177/1527476418796632

Cowan R., David P.A., Foray D. (2000) The Explicit Economics of Knowledge Codification and Tacitness. *Industrial and Corporate Change*, vol. 9, no 2, pp. 211–253. DOI: 10.1093/icc/9.2.211

Criado J.I., Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia J.R. (2013) Government Innovation through Social Media. *Government Information Quarterly*, vol. 30, no 4, pp. 319–326. DOI: 10.1016/j.giq.2013.10.003

Damon L. (1986) Freedom of Information versus National Sovereignty: The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Data Flow Problems. *Fordham International Law Journal*, vol. 10, no 2, pp. 262–287. Available at: <https://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/view-content.cgi?article=1141&context=ilj>, accessed 20.05.2020.

Datta A. (2018) The Digital Turn in Postcolonial Urbanism: Smart Citizenship in the Making of India's 100 Smart Cities. *Transactions of the Institute of British Geographers*, vol. 43, no 3, pp. 405–419. DOI: 10.1111/tran.12225

De Filippi P., McCarthy S. (2012) Cloud Computing: Centralization and Data Sovereignty. *European Journal of Law and Technology*, vol. 3, no 2, pp. 1–21. Available at: <http://ejlt.org/article/view/101/234>, accessed 20.05.2020.

Efremov A.A. (2017) Formation of the Concept of State Information Sovereignty. *Law Journal of the Higher School of Economics*, no 1, pp. 201–215 (in Russian). DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.201.215

- Forest B. (2004) Information Sovereignty and GIS: The Evolution of “Communities of Interest” in Political Redistricting. *Political Geography*, vol. 23, no 4, pp. 425–451. DOI: 10.1016/j.polgeo.2003.12.010
- Fung A. (2015) Putting the Public Back into Governance: The Challenges of Citizen Participation and Its Future. *Public Administration Review*, vol. 75, no 4, pp. 513–522. DOI: 10.1111/puar.12361
- Gilman H.R. (2016) *Democracy Reinvented: Participatory Budgeting and Civic Innovation in America*, USA: New America and Harvard’s Ash Center for Democratic Innovation and Governance.
- Giraud E. (2015) Subjectivity 2.0: Digital Technologies, Participatory Media and Communicative Capitalism. *Subjectivity*, vol. 8, no 2, pp. 124–146. DOI: 10.1057/sub.2015.5
- Gong W. (2005) Information Sovereignty Reviewed. *Intercultural Communication Studies*, vol. 14, no 1, pp. 119–135. Available at: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.465.6373&rep=rep1&type=pdf>, accessed 20.05.2020.
- Goetz A. (2007) Knowledge, Value and Capital. To the Criticism of the Knowledge Economy. *Logos*, no 4(61), pp. 5–63 (in Russian).
- Hamari J., Sjöklint M., Ukkonen A. (2016) The Sharing Economy: Why People Participate in Collaborative Consumption. *Journal of the Association for Information Science and Technology*, vol. 67, no 9, pp. 2047–2059. DOI: 10.1002/asi.23552
- Hanna P., Vanclay F., Langdon E.J., Arts J. (2016) Conceptualizing Social Protest and the Significance of Protest Actions to Large Projects. *Extractive Industries and Society*, vol. 3, no 1, pp. 217–239. DOI: 10.1016/j.exis.2015.10.006
- Havu K. (2017) The EU Digital Single Market from a Consumer Standpoint: How Do Promises Meet Means? *Contemporary Readings in Law and Social Justice*, vol. 9, no 2, pp. 146–183. DOI: 10.22381/CRLSJ9220179
- Helbing D. (2018) Digital Fascism Rising? *Towards Digital Enlightenment: Essay on the Dark and Light Sides of the Digital Revolution* (ed. Helbing D.), Zurich: CLU 1, ETH Zurich, pp. 99–102.
- Herrera L. (2015) Citizenship under Surveillance: Dealing with the Digital Age. *International Journal of Middle East Studies*, vol. 47, no 2, pp. 354–356. DOI: 10.1017/S0020743815000100
- Hindman M. (2008) *The Myth of Digital Democracy*, Princeton: Princeton University Press.
- Irion K. (2012) Government Cloud Computing and National Data Sovereignty. *Policy and Internet*, vol. 4, no 3–4, pp. 40–71. DOI: 10.1002/poi.3.10
- Ismagilova E., Hughes L., Dwivedi Y.K., Raman K.R. (2019) Smart Cities: Advances in Research – An Information Systems Perspective. *International Journal of Information Management*, vol. 47, pp. 88–100. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2019.01.004
- Janowski T. (2015) Digital Government Evolution: From Transformation to Contextualization. *Government Information Quarterly*, vol. 32, no 3, pp. 221–236. DOI: 10.1016/j.giq.2015.07.001
- Jordana J. (2017) Transgovernmental Networks as Regulatory Intermediaries: Horizontal Collaboration and the Realities of Soft Power. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 670, no 1, pp. 245–262. DOI: 10.1177/0002716217694591
- Kamolov S.G. (2017) Digital Public Governance: Trends and Risks. *Giornale di Storia Costituzionale*, vol. 33, no 1, pp. 185–194.
- Karim R., Bonhi T.C., Afroze R. (2019) Governance of Cyberspace: Personal Liberty vs. National Security. *International Journal of Scientific and Technology Research*, vol. 8, no 11, pp. 2636–2641. Available at: <https://www.ijstr.org/final-print/nov2019/Governance-Of-Cyberspace-Personal-Liberty-Vs-National-Security.pdf>, accessed 20.05.2020.

Keane J. (2013) *Democracy and Media Decadence*, Cambridge: Cambridge University Press.

Kim S., Lee J. (2012) E-Participation, Transparency, and Trust in Local Government. *Public Administration Review*, vol. 72, no 6, pp. 819–828. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2012.02593.x

Klusterman R.C. (2010) This Is not America: Embedding the Cognitive-cultural Urban Economy. *Geografiska Annaler, Series B: Human Geography*, vol. 92, no 2, pp. 131–143. DOI: 10.1111/j.1468-0467.2010.00338.x

Knuth R. (1999) Sovereignty, Globalism, and Information Flow in Complex Emergencies. *Information Society*, vol. 15, no 1, pp. 11–19. DOI: 10.1080/019722499128637

Kostakis V. (2012) The Political Economy of Information Production in the Social Web: Chances for Reflection on Our Institutional Design. *Contemporary Social Science*, vol. 7, no 3, pp. 305–319. DOI: 10.1080/21582041.2012.691988

Kostakis V., Roos A., Bauwens M. (2016) Towards a Political Ecology of the Digital Economy: Socio-environmental Implications of Two Competing Value Models. *Environmental Innovation and Societal Transitions*, vol. 18, pp. 82–100. DOI: 10.1016/j.eist.2015.08.002

Kwet M. (2019) Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South. *Race and Class*, vol. 60, no 4, pp. 3–26. DOI: 10.1177/0306396818823172

Lee C.-P., Chang K., Berry F.S. (2011) Testing the Development and Diffusion of E-Government and E-Democracy: A Global Perspective. *Public Administration Review*, vol. 71, no 3, pp. 444–454. DOI: 10.1111/j.1540-6210.2011.02228.x

Loader B.D., Mercea D. (2011) Introduction Networking Democracy? Social Media Innovations and Participatory Politics. *Information Communication and Society*, vol. 14, no 6, pp. 757–769. DOI: 10.1080/1369118X.2011.592648

Mahmoudi D., Levenda A. (2016) Beyond the Screen: Uneven Geographies, Digital Labor, and the City of Cognitive-cultural Capitalism. *TripleC*, vol. 14, no 1, pp. 99–220. Available at: https://pdxscholar.library.pdx.edu/usp_fac/155/, accessed 20.05.2020.

Mann M., Daly A. (2019) Data and the North-in-South: Australia's Informational Imperialism and Digital Colonialism. *Television and New Media*, vol. 20, no 4, pp. 379–395. DOI: 10.1177/1527476418806091

Manoylo A.V. (2008) The Model of Information-psychological Operation in International Conflicts. *Low and Politics*, no 6, pp. 1387–1394. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-informatsionno-psihologicheskogo-upravleniya-mezhdunarodnymi-konfliktami/viewer>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Martin C.J. (2016) The Sharing Economy: A Pathway to Sustainability or a Nightmarish Form of Neoliberal Capitalism? *Ecological Economics*, vol. 121, pp. 149–159. DOI: 10.1016/j.ecolecon.2015.11.027

Matveev I.A. (2012) Electronic Economy: Essence and Stages of Development. *Management of Economic Systems: Electronic Scientific Journal*, no 6(42), pp. 1–11. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/elektronnaya-ekonomika-suschnost-i-etapy-razvitiya/viewer>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Mueller M., Mathiason J., Klein H. (2007) The Internet and Global Governance: Principles and Norms for a New Regime. *Global Governance*, vol. 13, no 2, pp. 237–254. DOI: 10.1163/19426720-01302007

Nechushtai E. (2018) Could Digital Platform Capture the Media through Infrastructure. *Journalism*, vol. 19, no 8, pp. 1043–1058. DOI: 10.1177/1464884917725163

Negroponte N. (1999) *Being Digital*, New York: Knopf.

OECD *Digital Economy Outlook 2015* (2015), Paris: OECD Publishing.

Pereira G.V., Parycek P., Falco E., Kleinhans R. (2018) Smart Governance in the Context of Smart Cities: A Literature

Review. *Information Polity*, vol. 23, no 2, pp. 143–162. DOI: 10.3233/IP-170067

Polre B. (2008) Cognitive Capitalism on the March. *Political Journal*, no 2(179), pp. 66–72 (in Russian).

Powers S. (2014) Towards Information Sovereignty. *Beyond NETmundial: The Roadmap for Institutional Improvements to the Global Internet Governance Ecosystem*, Philadelphia: Center for Global Communication Studies, pp. 90–99.

Price M. (2002) *Media and Sovereignty: The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power*, Cambridge: Cambridge University Press.

Program “Digital Economy of the Russian Federation”. Approved by Order of the Government of the Russian Federation of July 28, 2017. No. 1632-r. Available at: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Rabari Ch., Storper M. (2015) The Digital Skin of Cities: Urban Theory and Research in the Age of the Sensored and Metered City, Ubiquitous Computing and Big Data. *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no 1, pp. 27–42. DOI: 10.1093/cjres/rsu021

Richardson L. (2015) Performing the Sharing Economy. *Geoforum*, vol. 67, pp. 121–129. DOI: 10.1016/j.geoforum.2015.11.004

Scott A.J. (2008) *Social Economy of Metropolis: Cognitive-Cultural Capitalism and the Global Resurgence of Cities*, Oxford: Oxford University Press.

Scott A., Peters M.A. (2013) Cognitive-Cultural Production, Digital Labor and the New Frontiers of Knowledge. *Knowledge Cultures*, vol. 1, no 4, pp. 167–178. Available at: https://www.researchgate.net/publication/281502483_Cognitive-Cultural_Production_Digital_Labour_And_The_New_Frontiers_Of_Knowledge_A_Conversation_With_Allen_J_Scott, accessed 20.05.2020.

Seely P. (2016) Envision the Digital Sustainability Panopticon: A Thought Experi-

ment of How Big Data May Help Advancing Sustainability in the Digital Age. *Sustainability Science*, vol. 11, no 5, pp. 845–854. DOI: 10.1007/s11625-016-0381-5

Spencer D. (2017) Work in and beyond the Second Machine Age: The Politics of Production and Digital Technologies. *Work, Employment and Society*, vol. 31, no 1, pp. 142–152. DOI: 10.1177/0950017016645716

Taylor L. (2017) What Is Data Justice? The Case for Connecting Digital Rights and Freedoms Globally. *Big Data and Society*, vol. 4, no 2, pp. 1–14. DOI: 10.1177/2053951717736335

Thatcher J., O’Sullivan D., Mahmoudi D. (2016) Data Colonialism through Accumulation by Dispossession: New Metaphors for Daily Data. *Environment and Planning D: Society and Space*, vol. 34, no 6, pp. 990–1006. DOI: 10.1177/02637758166633195

Turner G. (2010) *Ordinary People and the Media: The Demotic Turn*, London: Sage.

Weber R.H. (2010) Internet of Things – New Security and Privacy Challenges. *Computer Law and Security Review*, vol. 26, no 1, pp. 23–30. DOI: 10.1016/j.clsr.2009.11.008

West D.M. (2005) *Digital Government: Technology and Public Sector Performance*, Princeton: Princeton University Press.

Wolfson T. (2014) *Digital Rebellion: The Birth of the Cyber Left*, Urbana, IL: University of Illinois Press.

Youmans W.L., York, J.C. (2012) Social Media and the Activist Toolkit: User Agreements, Corporate Interests, and the Information Infrastructure of Modern Social Movements. *Journal of Communication*, vol. 62, no 2, pp. 315–329. DOI: 10.1111/j.1460-2466.2012.01636.x

Zeng J., Stevens T., Chen Y. (2017) China’s Solution to Global Cyber Governance: Unpacking the Domestic Discourse of “Internet Sovereignty”. *Politics and Policy*, vol. 45, no 3, pp. 432–464. DOI: 10.1111/polp.12202

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-7

Цифровой мониторинг социально-политической жизни: основные направления развития и возможности общественного контроля

Юлия Дмитриевна АРТАМОНОВА

кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: juliaartamonova@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-5629-4771

ЦИТИРОВАНИЕ: Артамонова Ю.Д. (2020) Цифровой мониторинг социально-политической жизни: основные направления развития и возможности общественного контроля // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 134–152. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-7

Статья поступила в редакцию 03.03.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье показывается эволюция теоретического осмысления «мониторинговой революции», в т. ч. разница между идеями «пост-капитализма» как эстетизации и фашизации реальности, гетеротопии и «дивида» Ф. Джеймисона, Ж. Делеза, Ф. Гваттари, а также идеями «когнитивного капитализма» и современными концепциями «капитализма платформ» Н. Срничека, Г. Ловинка, «коммуникативного капитализма» С. Жижек и др. Показываются принципиальные отличия модели мониторинга нового цифрового общества от старого Паноптикона, связанные, прежде всего, с образованием локальных и замкнутых сообществ, сложностью взаимодействия онлайн-ового и офлайн-ового поведения и его оценок, возможностей коррекций алгоритма в связи с быстрым изменением паттернов поведения, а также возможностью че-

ловека сознательно «взаимодействовать» с системой сбора и обработки данных в своих целях.

Выявляются два направления цифрового мониторинга – «мягкого» и «жесткого» принуждения. В первом случае речь идет о сборе данных и поощрениях за «правильные поступки», как в варианте китайской системы социального кредита. Во втором – о создании реальности, в которой индивид сможет действовать только «заданным» образом. Подчеркивается, что, вопреки прогнозам, данные системы развиваются не по пути «виртуализации» реальности, предполагающей осознанный, хотя и predeterminedный выбор, а по пути воздействия на мозг, минуя символическое.

На основе проведенного анализа выделяются основные направления возможного общественного контроля процедур мониторинга. Это, во-первых, про-

блемы «локализации» платформ (территориальная и иная их «привязка») и развитие концепции «гражданина как пользователя»; во-вторых, дифференциация дата-классов для установления ответственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мониторинговая революция, Big Data, система социального кредита, капитализм платформ, дата-класс, орнет, бессимвольная коммуникация

Вводное замечание. Статья готовилась к публикации до массового (в смысле охвата количества людей), существенного во многих странах и на уровне в том числе местного управления внедрения практик цифрового контроля поведения в условиях карантина, и реальность сделала статью не только более актуальной, но и заострила часть поставленных проблем.

Эволюция интерпретации «мониторинговой революции» в политической философии и политэкономии

Еще недавно тенденции, представленные Ф. Гваттари («Город, где каждый может покинуть свое жилище, улицу и т. д. при помощи электронной карты, которая устраняет то или иное препятствие, однако карта может быть отвергнута в произвольный день и час. Дело, однако, не в преграде, а компьютере, который устанавливает местоположение каждого относительно местоположений других, и осуществляет универсальную градацию» [Делез 1999, с. 101]), а также более известные предсказания Дж. Оруэлла и других воспринимались как гипербола. Из области фантастики, впрочем, в область реальности эта идея перейдет достаточно быстро – в Китае, напри-

мер, в настоящее время реализуется проект «Программа создания системы социального кредита (2014–2020)» (国务院关于印发社会信用体系建设规划纲要(2014–2020年)的通知). И очень многие столкнулись с этой проблемой на практике в более мягком варианте – в виде, например, необходимости получать электронные пропуска для передвижения по городу.

После внедрения ряда мониторинговых практик «современный город превращается в конечном итоге просто в массивы данных, обрабатываемые под конкретную задачу» [Маккуайр 2014, с. 223].

На Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2016 г. было заявлено об идущей четвертой промышленной революции. В основе – стирание граней между физической, цифровой и биологической сферами; серьезным ресурсом становятся данные, а перспективой – цифровизация производства (см., к примеру, [Шваб 2017]). «В основе четвертой промышленной революции лежит многофункциональный (многоликий и многоаспектный) мониторинг, который является стратегическим трендом, концентрирующим формулируемые, но не афишируемые западными «фабриками мысли» концептуальные подходы к новому наполнению глобальной эмиссии пакета ключевых валют (доллара, евро, юаня, фунта стерлингов и пр.) не промышленной продукцией или информационными услугами, как это было ранее, а выстраиванием новой виртуальной структуры реальности как оболочки, в которой находится человек, являющийся одновременно ее создателем-творцом, оператором и клиентом» [Агеев, Логинов 2017].

Необходимо отметить, что речь идет прежде всего о принципиальной разнице прогнозов развития цифровой революции 20-летней давности и

современного видения этого развития. И теоретики развития всемирной сети, и теоретики «когнитивного капитализма» критиковали капитализм «слева», подчеркивали права «общего интеллекта» (термин К. Маркса), неизбежный момент все больших общественных притязаний. Б. Гройс с грустью отметит, что он «знал тех, кто создавал Интернет. Все они были левыми социалистами, коммунистами. В ту пору восточный социализм переживал кризис, и эти люди воплощали в своем творении, в www, собственные политические идеалы. Они мечтали создать внесударственное, детерриториальное (тогда было модно читать Делеза и обсуждать понятие «ризомы»), некоммунистическое пространство» [Гройс 2018]. Философские интерпретации говорят о том, что мы имеем дело с каждым раз поновому собираемым (или не собираемым) субъектом. Он взаимодействует с конструктами пространства, которые в следующий момент времени или в другой точке пространства могут быть другими, что отражают разговоры о децентрированном, шизофреническом и т. д. субъекте и специфичном месте его обитания – гетеротопии. Реальная, но невидимая причина такого состояния – глобальное пространство современного «позднего капитализма». Мы наблюдаем «квантовый скачок в то, что В. Беньямин все еще называл «эстетизацией реальности»; он думал, что это означает фашизм, но мы-то знаем, что это просто весело: самозабвенное веселье, вызванное новым порядком вещей, натиском товаров, нашими новыми «репрезентациями вещей», обычно вызывающими энтузиазм и перепады в настроении...» [Джеймисон 2019, с. 58]. Если культурной формой старого империализма была ирония, то теперь речь идет о медиа («сегодняшняя культура – это во-

прос медиа» [Джеймисон 2019, с. 195]), точнее, о симулякре как общей форме (игра означающих, наделяющаяся смыслом в каждый конкретный момент, однако без «постоянного» означаемого (см. [Джеймисон 2019, с. 245])). Теоретики же «когнитивного капитализма» подчеркивали постфордистскую организацию производства и общий ресурс – знания, которые используются постоянно (сложно вычленишь именно «рабочее время», поскольку фоновые знания, например, играют огромную роль в успешном осуществлении работником его функций). Я. Мулье-Бутан отмечал: «Вы работаете на Google. Каждую секунду 15 миллионов человек кликают и загружают свои данные в Google, словно все они работают на одну фирму, не получая за это денег. Однако то, что предлагает Google, – это не обычный сервис, а своего рода метасервис, который уподобляет информационную активность пользователей деятельности трудовых пчел» [Castiglioni 2009]. Мулье-Бутан введет термин «клик-пролетарии». Возражение, что благодаря Google происходит циркуляция знаний, вовсе не снимает вопросов о формах капиталистической эксплуатации. Основное противоречие видится «между, с одной стороны, стремлением к творчеству и когнитивной свободе и, с другой, мерами, принуждающими основных агентов этого процесса вовлечь в трудовую активность последние оставшиеся им пространства автономии» [Польрэ 2007, с. 73]. В этой связи будет обсуждаться, например, идея безусловного базового дохода, поскольку знания, за счет которых «работает» современная экономика, так или иначе производятся и поддерживаются всеми, а также требование обязательного наделения работников акциями компании для справедливой оценки их труда [Польрэ 2007].

Ряд современных теоретиков констатирует, что в отличие от предыдущего, постфордистского «когнитивного капитализма», принципиально концентрировавшегося на моменте «общего интеллекта», сейчас мы имеем дело с обособлением, формированием замкнутых локальных общностей; в сфере экономики речь идет, скорее, о «капитализме платформ» (Г. Ловинк, Н. Срничек). «В такой платформе делезианская идея сетевой структуры как бы преодолевается гегельянской логикой» [Ловинк 2017].

Приведем ряд авторитетных свидетельств иного порядка вещей. Прежде всего, вместо единого сообщества людей, перешагивающего границы, наблюдаются обособления локальных групп. «Ги Нафилья, глава ведущей строительной фирмы во Франции, заметил, что «французы испытывают тревогу, они боятся соседей, исключая тех, кто похож на них самих». Жак Патини, президент Национальной ассоциации землевладельцев, согласен с этим мнением и видит будущее в «отгораживании от внешнего мира и фильтрации доступа к жилым районам с помощью магнитных карт и охраны. Будущее принадлежит архипелагам островов, разбросанных вдоль осей коммуникации. Отрезанные и огороженные, действительно экстерриториальные жилые районы, оборудованные сложными системами двусторонней оперативной связи, вездесущими видеокameraми наблюдения, полные вооруженной до зубов круглосуточной охраной, неожиданно возникают вокруг Тулузы, как некоторое время назад они возникали в США и как во все большем количестве возникают на всем пространстве богатой части быстро глобализующегося мира» [Бауман 2008, с. 192].

«В перспективе с развитием инфраструктуры и уменьшением цен на пе-

редачу уже не предсказанием, но весьма обоснованным наблюдением выглядит утверждение, что онлайн-общества являются быстро развивающейся частью не виртуального пространства, но реальной виртуальности, взаимодействующей с другими формами интеракции в становящейся все более и более гибридной повседневноности» [Center for the Digital Future 2008].

Согласно Н. Срничеку, мы имеем дело с «капитализмом платформ», каждая из которых настроена иметь как можно больше пользователей, позиционируя себя «именно тем, что нужно» этим людям и осуществляя перекрестное субсидирование для привлечения разных групп пользователей. «На самом общем уровне платформы – это цифровые структуры, которые позволяют двум и более группам взаимодействовать. Поэтому они позиционируют себя как посредников, соединяющих между собой различных пользователей: покупателей, рекламодателей, поставщиков услуг и товаров и даже физические объекты» [Срничек 2019, с. 41–42]. Эти платформы представляют сегмент современного рынка, где производитель находит (точнее, «формирует») потребителя и обратно. Можно было бы порадоваться этой «индивидуализации» производства и потребления, если бы речь шла о действительной встрече производителя и потребителя; на самом деле от диалога «равного с равным», без централизованной системы (peer-to-peer communication), мы весьма далеки. Важно отметить, что эти платформы как посредники получают часть прибыли от производителей контента и всю прибыль от потребителей контента, занимаясь капиталистической эксплуатацией: «проблема платформ состоит в том, что не понятно, как неоплачиваемый и краудсорсинговый контент со-

относится с выручкой посредников и агрегаторов, таких как Apple, Google или Spotify» [Ловинк 2019, с. 115]. Отчасти механизм описан Ж. Бодрийяром, который говорит о том, что цена – это тоже знак, который проходит тот же путь от знака-копии (цена связана с издержками производства) через знак-подобие (например, монополистические цены, еще опирающиеся на издержки производства, но получающие возможность «накручивания») до цены-симулякра, когда есть необходимость в этом товаре, а цена связана с его престижностью, например. Поэтому необходимость платформ, заменяющих собой рынок, даст возможность накручивать любую цену сверх реальных (и относительно небольших) издержек (необходимого для технического обеспечения деятельности платформы).

В этом смысле наша невозможность избежать взаимодействия через платформы, с одной стороны, и желание и готовность воспользоваться данной платформой и дают ей возможность сверхприбылей. К тому же любая из платформ стремится к монополизации рынка (ярким примером будет желание Google создать собственный бесплатный спутниковый Интернет) – это позволяет эффективнее выстраивать бизнес на основе работы с данными, ставя во все более зависимое положение прежде всего производителей (банальнейший пример – оплата труда водителей сервисов электронного вызова такси); однако при этом идет дальнейшее завоевание рынка и увеличение прибылей. При этом мы готовы платить провайдеру, чтобы бесплатно пользоваться контентом. Такая модель ведет к прекаризации тех, кто работает в сети: аналитиков, блогеров, разработчиков экспериментального софта и других. К тому же любое общее описание угнетаемой группы (например,

«прекариат») оказывается недостаточным. Разнообразие взаимодействий заставляет вводить все новые дискурсивные различия для описания новых угнетаемых групп; тем самым утрачиваются старые организации и возможности борьбы, исходящей из этой организованности (в этом смысле можно говорить об эпохе вседозволенности для капитала).

«Предоставляя людям цифровое пространство для взаимодействия, платформы оказываются в положении, позволяющем им извлекать данные из анализа природных процессов (погодные условия, урожайные циклы и пр.), производственных процессов (линии сборки, непрерывное потоковое производство и пр.), а также наблюдения за действиями других компаний и пользователей (переходы по разделам сайтов, пользовательские данные и пр.). В отношении данных это инструмент добычи» [Срничек 2019, с. 36]. Эти данные – «новый тип сырья» [Срничек 2019, с. 37].

Таким образом, вместо свободных, всеохватных децентрализованных сетей, в которых все равны, мы имеем локальные сообщества, платформы, добывающие данные, и государственный контроль. Здесь можно упомянуть о системе сбора информации PRISM (Program for Robotics, Intelligents Sensing and Mechatronics). Это программа АНБ США, в рамках которой американские спецслужбы получают информацию о местонахождении пользователей, их перемещении и разговорах за счет прямого доступа к серверам крупнейших интернет-компаний (Google, Facebook, Yahoo, PalTalk, AOL, Skype, Microsoft, Apple, YouTube), где эти данные хранились незашифрованными [Gellman, Poitras 2013]. Аналогичные программы есть в других странах мира: Tempro в Великобритании, Централизованная система мониторинга в Ин-

дии, «Золотой щит» (или «Великий китайский файервол») в Китае, СОРМ в России и т. д. Существуют и международные системы, занимающиеся в т. ч. сбором информации. Одна из наиболее масштабных – «Пять глаз» (Five Eyes), созданная для взаимодействия в области производства продукции, относящейся к информационными системам C4 (Command, Control, Communications, Computers) ВМС США, Великобритании, Канады, Австралии и Новой Зеландии. Согласно опубликованным по результатам встречи военных министров этих стран в 2018 г. материалам, «правительства «Пяти глаз» поощряют поставщиков услуг в области ИКТ добровольно устанавливая законные решения для доступа к своим продуктам и услугам, которые они создают» [Five Country Ministerial 2018]. Впрочем, ничего радикально нового здесь нет; технологии эти давно отработаны – достаточно указать как яркий пример шифровальные машины Crypto, успешно продававшиеся в течение 50 лет для нужд правительств многих стран мира (СССР и Китай их не закупали, в отличие от Индии, Ирана, Пакистана), при этом ключ к шифрам был предоставлен ЦРУ и БНД.

Основные направления осуществления практик мониторинга в социально-политической сфере

Теперь обратимся к конкретным практикам цифрового мониторинга. Ярким примером использования этих данных в политике является скандал 2017–2018 гг. вокруг деятельности компании Cambridge Analytica. В основе подхода компании – сочетание анализа Big Data с психометрикой для поиска целевой аудитории маркетинговых кампаний и влияния на поведе-

ние избранной аудитории. Использовалась модель, предполагающая выделение следующих уровней: действия, интересы, мнения; установки; ценности. На основе этого выводились некоторые поведенческие паттерны. В центре скандала оказался профессор психологии Университета Кембриджа А. Коган. Разработанное им мобильное приложение This is your digital life («Это твоя цифровая жизнь») составляло портреты пользователя, заполнившего психологический тест о пользовании гаджетами и сетями, причем не только на основе ответов, но и данных аккаунта в Facebook – информации о пользователе, постов и посланий, лайков и репостов, а также круга друзей. Этот тест прошли 270 тыс. чел., но приложение позволило также получить доступ к личным данным их «друзей» – всего речь идет о данных 50 млн пользователей. Facebook пессимистичнее, полагая, что речь идет о данных 87 млн пользователей. Эти данные и были переданы Cambridge Analytica (см., например, [Rosenberg, Confessore, Cadwalladr 2018]).

Как замечает М. Косински, «люди не понимают того, что той информации, которой мы с удовольствием делимся, более чем достаточно для хорошего алгоритма (а алгоритмы быстро становятся лучшими) приоткрыть ваши личностные характеристики, которые вы, возможно, не хотели бы разглашать – ваши политические взгляды, религию, личность, IQ, сексуальную ориентацию и подобное [Kosinsky, Matz et al. 2015, pp. 543–556]». «Еще в 2012 г. сотрудник Центра психометрии Кембриджского университета Михал Косински доказал, что анализа 68 лайков в Facebook достаточно, чтобы определить цвет кожи испытуемого (с 95%-й долей вероятности), его гомосексуальность (с 88%-й долей вероятности) и приверженность Демокра-

тической или Республиканской партии США (с 85%-й долей вероятности). Данные даже позволяли узнать, развелись ли родители испытуемого до его совершеннолетия или нет» [Как Трамп стал президентом 2016]. В результате для целей избрания Д. Трампа было выделено 32 психотипа и создано 32 разных «Трампа», т. е. наборы информации о кандидате в президенты, которая понравилась бы представителю каждого психотипа, по сути персонализированной политической рекламы; она и доставлялась адресно, в соответствии с психотипом. Предполагается, что Cambridge Analytica использовала эти технологии не только в период избирательной кампании Д. Трампа 2016 г., но и при голосовании по вопросу Brexit в 2016 г., и в рамках Всеобщих парламентских выборов в Мексике в 2018 г. (технология была использована Институционно-революционной партией).

Компания Facebook в своей социальной сети блокировала работу аналитической компании Cambridge Analytica, которая, как предполагается, помогла Дональду Трампу победить на президентских выборах в США в 2016 г. Также социальная сеть блокировала связанную с Cambridge Analytica консалтинговую фирму Strategic Communication Laboratories, «специализирующуюся на управлении предвыборными кампаниями и помогающей НАТО разрабатывать методы психологической манипуляции гражданами Афганистана» [Володенков 2019, с. 11]. Скандал вокруг деятельности Cambridge Analytica во время американских президентских выборов 2016 г. спровоцировал расследование Конгресса США. Пользователи Facebook в Великобритании и в США запустили акцию #deleteFacebook в знак протеста против неэтичного использования их личных данных.

Г. Ловинк отметит: «И то, что называется великой регрессией или «цифровым термидором», является, на самом деле, ответом на эту беспрецедентную централизацию. Именно в этом смысле Трамп – это результат Интернета как капитализма платформ. Если в горизонтальной логике сетей Трамп разговаривал бы только со своими мутными альт-правыми, все было бы отлично, и мы бы не беспокоились. Но благодаря централизации он в режиме реального времени разговаривает со всем миром, говорит со всеми. Нет фильтров, нет разных уровней, а значит, и нет собственно сетей» [Ловинк 2017]. «Таким образом, сегодня мы можем констатировать переход от информационно-коммуникационной работы на основе таргетирования гомогенных электоральных групп к точечному информационно-коммуникационному влиянию на электоральные аудитории, выделенные по иным принципам, например, психотипу конкретных интернет-пользователей», – констатирует С.В. Володенков [Володенков 2019, с. 11]. Правда, во время кампании Д. Трампа речь шла всего о 32 психотипах – но тем не менее. Конечно, задача грамотно и полно нарисовать психологический портрет конкретного человека на основе его цифровых следов крайне сложна, но вот отследить паттерны поведения несложно. Кроме того, компьютеру, а уж тем более обучающейся нейросети несложно увидеть некоторые изменения в обычных поведенческих паттернах и «вынуть» их для анализа уже человеческому мозгу. Это один из вариантов «гибридного интеллекта» (в сфере социального мониторинга речь не идет о чисто искусственном интеллекте). Эти и другие стратегии, вполне реализуемые сейчас технически, блестяще-иронично набросал, например, В. Пелевин в книге *I-Phuck* [Пелевин 2016].

Не надо переоценивать сам по себе доступ к данным. Вопрос, как онлайн-информация влияет на поведение в офлайне, остается по-прежнему открытым. Очевидно, что даже достаточно индивидуализированная информация (напомним, речь шла о 32 разных Д. Трампам и 32 способах критики Х. Клинтон) – всего лишь информация; давний и отнюдь не разрешенный вопрос теорий политической коммуникации – о влиянии информации на поведение и измерении этого влияния. Сегодня, например, достаточно много исследований посвящено использованию социальных медиа для вовлечения в политику [Macafee, De Simone 2012; Vitak, Zube, Smock 2011; Valenzuela 2013; Pasek, More, Romer 2009]. М. Кастельс полагает, что именно самокоммуникация позволяет появляться новым формам политического участия, примерами чего являются новые социально-сетевые движения (термин М. Кастельса, см. [Castells 2012, p. 221], такие как движение Indignadas в Испании или Occupy-Wall-Street в США [Castells 2012, p. 221]. Решающую роль самокоммуникации в событиях «Арабской весны» подчеркивают П. Ховард и Г. Мьюзамилл [Howard, Muzamill 2013]. «Однако ученые предостерегают от вывода, что использование социальных медиа способствует росту политического участия; исследования показывают, что влияние разных типов социальных медиа и паттернов их использования на это участие очень разнится» [Skoric, Zhu 2016, p. 415].

Однако в настоящее время проблема мониторинга – это не только проблема анализа данных; мы наблюдаем предписывание способов поведения и возможности санкций за неодобряемое поведение и поощрений за следование образцам теми самими «собственниками» информации. Суще-

ствующий опыт дает возможность говорить о двух видах предписывания: либо прямого – принуждением за счет анализа Big Data и санкций тех, кто их использует, либо за счет создания «реальности», в которой человеку остается только действовать определенным образом. Второе пока относится к области первых научных опытов; первое вполне реализуется.

Примером первого направления – «мягкого мониторинга» – является китайская система социального кредита. Уже после прихода к власти Си Цзиньпина Госсовет КНР в 2014 г. опубликовал упомянутую в начале статьи «Программу создания системы социального кредита (2014–2020)». О ней написано достаточно много работ, отметим ключевые для нашей задачи моменты.

Во-первых, речь идет о централизованной системе, к тому же на одной платформе. Во-вторых, программа предполагает использование разных источников информации и «гибридный интеллект». Наряду с официальными показателями (данные федеральных министерств, а также муниципальных органов власти и управления, судебных, силовых и т. п. структур) будут использоваться контрольные данные (т. е. данные, позволяющие уточнить официальные – например, сообщения других граждан), а также сигнальные данные – система видеокамер будет всеохватывающей, кроме того, будут фиксироваться цифровые следы. Все это позволит «фиксировать» действия каждого гражданина в едином центре обработки информации. Однако общий алгоритм обработки неизвестен широкой публике. В-третьих, подчеркивается, что система должна способствовать усилению взаимозависимости людей друг от друга, людей и партии, людей и государства. Программа

предполагала, что к намеченному сроку будет внедрен рейтинг доверия физическому лицу. Он будет создаваться следующим образом: каждый житель получит некоторую исходную сумму баллов. Многим из человеческих действий сопоставлена определенная сумма баллов – плюсуемых, если действие считается правильным, и отнимаемых в случае плохих действий. Соответственно, рейтинг будет изменяться при учете каждого оцененного действия, и от позиции в рейтинге будет зависеть предоставление государственных услуг. Обратим внимание, что поощрения, кстати, неравномерно меньше: в случае «послушания» и набора необходимого количества баллов человек сможет воспользоваться тем, что раньше считалось просто «нормальным» – получить кредит, возможность купить авиа- или железнодорожный билет со скидкой, занять определенную должность и т. д.

«Система уже работает в пилотном режиме примерно в тридцати городах Китая. Передовиком в этом деле стал город Жунчэн (荣成) в провинции Шаньдун. Всем жителям города (670 тыс. чел.) дается стартовый рейтинг 1000 баллов... В Жунчэне единый информационный центр анализирует ни много ни мало 160 тыс. различных параметров из 142 учреждений. Активно приветствуется и система доносов. Гражданину, сообщившему куда следует о всяких нехороших делах своего соседа, полагается как минимум пять баллов... Какого-либо единого документа, где было бы четко прописано, что делать можно, а что нельзя и что за это будет, система не предполагает. Известно лишь, что если твой рейтинг больше 1050 баллов, то ты образцовый гражданин и маркируешься тремя буквами А. С тысячей баллов можно рассчитывать на АА. С девятьюстами –

на В. Если рейтинг упал ниже 849 – ты уже подозрительный носитель рейтинга С, тебя выгонят со службы в государственных и муниципальных структурах» [Ковачич б/г]. По сети ходит шутка – портрет Джорджа Оруэлла, говорящего: «Я писал 1984 год как предостережение, а не как инструкцию!». И это тренд не только авторитарных режимов – это тренд мирового развития.

«Архимед как-то сказал: «Дайте мне точку опоры, и я переверну Землю». Сегодня он ткнул бы пальцем в наши электрические средства коммуникации и сказал: «Я обопрусь на ваши глаза, уши, нервы и мозг, и мир будет вертеться в любом ритме и на любой манер, как только я пожелаю». Эти «точки опоры» мы и сдали в аренду частным корпорациям» [Маклюэн 2003, с. 81]. И просто уступили государству, добавим.

Однако современная техника дает возможности гораздо более утонченных способов принуждения к определенным поведенческим паттернам – собственно, возможностью создания определенной виртуальной реальности, в которой мы сами решим действовать именно так, как нужно создателям. П. Вирильо пессимистически заметит: «Развитие транспортных сетей в XIX веке предшествовало появлению в XX веке сети сетей Интернета и образованию в XXI веке сетей – настоящих магистралей образной и звуковой информации, – способных передавать видение мира с камер online, формирующих паноптическое (и постоянное) теленаблюдение мест и активности на планете, что, вполне вероятно, завершится появлением сетей виртуальной реальности. Кибероптика изменит привычную для нас эстетику европейского модернизма, а кроме того, и этику западных демократий. «Представительская демократия» вскоре под-

дастся влиянию ускоряемой исторической реальности, и тогда «торговля видимым» обернется непредсказуемым риском создания того, в чем не преуспел ни один тоталитарный режим с его идеологиями – единодушного согласия» [Вирильо 2002, с. 96–97].

Это второе направление – создание виртуальной реальности, структурой которой предписываются определенные действия, – связано, как ни парадоксально, скорее, не с имитацией действительности, как казалось раньше (кошмары «Матрицы»), а возможностью бессимвольных коммуникаций. Разработки современных биотехнологий (например, мобильного телефона, который позволяет принимать звук непосредственно как радиоволну, без «звукового оформления», за счет прямого раздражения соответствующих зон мозга) вообще приостанавливают действие знаковой сферы, которая так или иначе является культурно оформленной и тем самым минимально контролируемой социумом, а «мы, как умственно-отсталые, страдаем чем-то вроде несоразмерности миру и находимся в постоянном поиске фантастических миров и образов жизни, где старое доброе «животное тело» замещено продуктом симбиоза человека и технологии» [Вирильо 2002, с. 218].

Первые опыты передачи сообщения от мозга одного человека в мозг другого, минуя означивание, относятся к 2013 г. Два исследователя Вашингтонского университета провели следующий опыт: они находились в двух разных комнатах, один играл в компьютерную игру, а второй не видел ее. Первый пытался выстрелить по цели, сигналы его мозга считывались и шли к аппарату магнитной стимуляции, который воздействовал на мозг второго. И, действительно, как только первый пытался выстрелить, второй ударил по клавише (подробнее об экспе-

риментах о прямой связи от мозга к мозгу см. [Rao 2013]). По сути, речь идет о коммуникации без посредства образов. В настоящее время уже создается первая в мире сеть для передачи сигналов «из мозга в мозг».

С. Жижек справедливо отметит, что это «грубое реальное наслаждение», получаемое прямым раздражением нейронов, уже ничем не ограничено и никак не связано ни с окружающим миром, ни с существующими общественными практиками; мы можем стимулировать любые зоны мозга в любой комбинации. Вместе с исчезновением фантазмов исчезает и «мое» тело/мозг, а компьютер приобретает позицию картезианского «злого бога»: «Когда наше тело медиатизировано (поймано в сети электронных медиа), оно одновременно подвергается угрозе радикальной «пролетаризации»: субъект потенциально сведен до чистой пустоты, с этого момента даже мой собственный личный опыт может быть похищен, им может управлять механический Другой... Компьютер может сойти с ума и начать действовать подобно злому Богу, нарушающему координацию между моим сознанием и моим телесным опытом – когда сигнал «поднять руку», исходящий из моего сознания, приостановлен или даже нейтрализован (виртуальной) реальности; в такой ситуации наиболее фундаментальный опыт тела как «моего» подорван» [Жижек 2000]. Более того, на его место может встать любой другой «опыт», т. е. произвольная конструкция.

Появившаяся возможность редукции символического уникальна – возможен смысл, вообще не связанный с нашим телом и опытом. Наше реальное и воображаемое в результате могут обойтись без символического (Другого), и это ведет к тому, что мы уже не можем желать, остается только влечение; это погружение в вещь от-

мечают и Ж. Бодрийяр, и П. Вирильо. Ведь Другой, бессознательное, по Лакану, и есть язык. Мы регрессируем в мир влечений, а не желаний, где нет фантазматического заднего плана, минимизировано, если не отменено, действие символического – мы легко солидаризируемся с любой из предложенных «практик» (и интерпретаций); однако эти практики никак не согласованы между собой и каждая своим образом выстраивает отношения с миром (точнее, выстраивает особый мир) – а мы имеем этот набор несогласованного и произвольного. Как констатирует (правда, почему-то без иронии) М. Смирнов, «с этим нужно свыкнуться: мы – полный квир, и мы хотим ЕСТЬ!» [Смирнов 2016]. Впрочем, и последнее может быть рассогласовано.

В итоге и в первом (стимуляция непосредственно мозга), и во втором (минимизация действия символического) случае интересубъективный мир, мир Другого просто минимизируется в нашей практике. И здесь С. Жижек справедливо видит предел медиатизации: «Мы сталкиваемся здесь с конститутивной двусмысленностью понятия медиатизации: первоначально это понятие означало жест, которым субъект лишался прямого и непосредственного права принимать решения; большим мастером политической медиатизации был Наполеон, который оставлял покоренным монархам видимость власти, в то время как в действительности они больше не могли ее осуществлять... И разве не на этом, *mutatis mutandis*, основана сегодняшняя вся более и более прогрессирующая компьютеризация нашей повседневной жизни, в ходе которой субъект становится также все более и более «медиатизированным», незаметно лишаемым своей мощи под фальшивым обликом ее нарастания?» [Жижек 2000].

Общественные возможности управления мониторинговыми практиками

Надо отдавать себе отчет в том, что данные будут аккумулироваться неизбежно, и речь может идти о вполне законно полученной информации. Запретить сохранять любую информацию невозможно, поэтому вопрос стоит иначе: как «собственники» данных могут контролировать сбор и использование этих данных? К тому же речь идет о глобальных процессах, «перешагивающих» национальные границы. Первая предпринимаемая попытка регулирования – попробовать территориально «привязать» платформы или хотя бы обозначить «границы» их действия. С такими решениями в государственных практиках мы уже встречаемся. Теоретики же «капитализма платформ», со своей стороны, видят стратегии такой «привязки» несколько иначе. Г. Ловинк предлагает создать сеть, единицей которой будут оргнеты. «Оргнеты – это возможный ответ корпоративным стратегиям интернет-гигантов, которые эксплуатируют слабые связи (друзья друзей моих друзей) ради увеличения охвата аудитории и пожирания все большего количества данных. Вместо того, чтобы представлять социальность в виде расширяющейся вселенной возможных клиентов и союзников, оргнеты подчеркивают важность сильных связей и необходимость реальных дел. И если корпоративные социальные сети продвигают стратегию вечного гиперроста на основе шеринга и апдейтов, то оргнеты ставят во главу угла дальнейшее развитие коллаборативных платформ» [Ловинк 2019, с. 268]. Эти оргнеты сами смогут структурировать поток данных, причем за счет связи с реальными делами реального сообщества это структурирование будет более «честным» и «прозрачным» – понятно, какие дан-

ные есть и кто их «собственник». Дальнейшее противопоставление этой архитектуры доминирующим социальным платформам даст возможность победить последние и задавать тон в архитектуре сети. Это предлагаемые Г. Ловинком первые шаги в выработке концепции «гражданина как пользователя», которая и должна определять стратегию развития сети.

Важен и второй существенный момент. Напомним, понятием Big Data в специальном выпуске журнала Nature (сентябрь 2008 г.) на тему «Как могут повлиять на будущее науки технологии, открывающие возможности работы с большими объемами данных» его редактором К. Линчем было предложено называть специальные методы и инструменты по обработке крупных объемов структурированного и неструктурированного информационного контента. Необходимо иметь в виду, что данные, как не единожды подчеркивает Р. Плэтт, – это пригодное для использования [Плэтт 1997].

Здесь невозможно игнорировать роль методов и инструментов обработки, формирующих данные; особую сложность вопрос приобретает, когда мы имеем дело с самообучающимися нейросетями. Приведем пример. Судья американского суда при вынесении решения об условно-досрочном освобождении использовал искусственный интеллект для оценки вероятности рецидива, и программа без ведома ее создателей, на основе анализа представленных ей для обучения материалов, увеличивала эту вероятность в два раза, увидев параметр «черный цвет кожи»; в связи с этим и аналогичными случаями дискриминации разработчики Google Brain Team предлагают метод, предполагающий запрет дискриминации внутри некоторых защищенных классов (см., например, [Hardt, Price, Srebro 2016]).

Кроме того, не стоит переоценивать точность информации, получаемой этими алгоритмами (т. е. правильность самого алгоритма). В статье Б. Истона приводится пример отслеживания с помощью технологии анализа «цифровых следов» журналистки Сью Галперин, которая с удивлением узнала, что система считает ее гей-мужчиной (см. [Easton 2017]).

Такие же сбои были не только в области политических прогнозов. Яркий пример здесь дает кейс с Google Flu Trends. Речь шла об анализе миллионов запросов пользователей о близлежащих аптеках и лекарствах – и предполагалось, что этот анализ быстрее и надежнее выявит эпидемию, чем данные медицинских учреждений (последние неполны и к тому же собираются в массивы гораздо медленнее). Однако этот алгоритм «не заметил» в 2009 г. нарастающую эпидемию свиного гриппа. Предсказательные возможности алгоритмов также подверглись сомнению в 2012 г.: предсказанная максимальная численность заболевших (пик эпидемии) оказалась больше реальной в два раза (см., к примеру, [Lazer, Kennedy, King, Vespignani 2014]). Выделенные проблемы – это, во-первых, сочетание больших и малых данных и, во-вторых, корректировка алгоритма под нужды заказчиков и потребителей. Опираясь на небольшой объем первоначальных данных (например, запросов о наличии и цене соответствующих лекарств в аптеке и количества заболевших), выделяются некоторые паттерны, затем используемые в дальнейшем анализе.

И дело не только в объеме тех самых «малых данных»; скажем, даже искавшие информацию об аптеках вряд ли постоянно ее корректируют – зная о хорошей аптеке неподалеку, они просто пойдут в нее в следующий раз без запроса в Интернете (вспомним здесь

знаменитый принцип когнитивной экономии, а также известную эвристику Д. Канемана – якорный эффект). Обратим здесь внимание на еще одну особенность. Четче всего ее сформулировал У. Гибсон: «Паноптикон – неувыдающая метафора в обсуждениях цифрового наблюдения и дата-майнинга, но она не подходит для описания таких вещей, как Google. Бенгатовское всевидящее око смотрит из центральной точки, это взгляд викторианского надзирателя. В Google мы одновременно оказываемся и наблюдаемыми, и клетками сетчатки наблюдающего глаза» [Gibson 2010].

Речь идет, таким образом, о подвижном пространстве, в котором, строго говоря, очень мало устойчивых социальных паттернов. Если раньше профессиональная или возрастная характеристика, например, была принципиальной и позволяла говорить и об идентичности человека, и об устойчивой группе, то теперь ситуация меняется. Мы имеем дело не с индивидами, а с «дивидами» (термин М. Фуко и Ж. Делеза) и их временными проектами; в силу этого – с неустойчивыми группами и подвижными границами. К тому же творчество новых паттернов в силу современных коммуникационных возможностей становится доступным практически всем (достаточно указать на феномен модных блогеров). И, наконец, при знании алгоритма можно действовать, исходя из него (в простейшем случае – зная о специфике данных алгоритмов сбора и обработки данных, можно банально дать их «собрать» в соответствии с ним). К. О'Нил приводит пример алгоритма, который показывает рост преступности преимущественно в бедных районах – и туда направляются большие силы полицейских, которые задерживают больше нарушителей (например, больше за мелкие преступления, которых раньше не зафиксиро-

вали бы из-за меньшего числа стражей порядка); в это время в богатых районах по-прежнему совершается столько же преступлений, как и раньше. Однако в итоге богатые районы выглядят намного более благополучными. В этой связи исследовательница назовет непрозрачные алгоритмы больших данных «оружием математического поражения» – они используются в интересах элит [О'Нил 2018].

Для решения этой проблемы предпринимаются попытки регулировать накопление, передачу и использование обработанных массивов данных, вводя «фигуру автора». Обратим внимание на то, что при этом важнейшим моментом является возможность подходить не в целом, а видеть составляющие технологий. Предлагается говорить о различных дата-классах [Manovich 2016; Володенков 2019]. Есть собственно пользователи, не обладающие компетенциями в области Big Data, – они являются источниками данных; собственники цифровых ресурсов, позволяющих аккумулировать личные данные (в случае с избранием Д. Трампа речь идет о сети Facebook), собственники алгоритмов сбора информации о пользователях (в нашем случае – А. Коган с его приложением This is your digital life); собственники алгоритмов анализа данных, а также алгоритмов таргетирования информации для желаемого действия (в нашем примере – Cambridge Analytica). Отметим, вслед за С.В. Володенковым, что есть также элиты, использующие в своих целях данные, системы их хранения, алгоритмы сбора, анализа и использования. Г. Ловинк же предлагает системно анализировать современные коммуникации, выделяя в них как минимум пять аспектов: программное обеспечение, интерфейсы, аппаратное обеспечение, инфраструктуру и идеологию [Ловинк 2019].

Необходимо констатировать, что первое направление – рейтинго-мониторинговое – еще поддается контролю в системе современной демократии; с контролем второго сразу возникают сложности. Преобразование сигналов внутри нейросети, тем более самообучающейся, сложно проследить, поэтому доказать, что «моделирование», создание новой реальности было целенаправленным, и уже тем более целенаправленно принуждающим к определенным способам поведения, крайне проблематично.

Список литературы

- Агеев А.И., Логинов Е.Л. (2017) Битва за будущее: кто первым освоит мониторинг и когнитивное программирование субъективной реальности // Экономические стратегии. № 2. С. 124–139.
- Бауман З. (2008) Текущая современность. СПб.: Питер.
- Вирильо П. (2002) Информационная бомба. Стратегия обмана. М.: Прагматика культуры, Гнозис» // <http://lib.ru/POLITOLOG/virilio.txt>, дата обращения 20.05.2020.
- Володенков С.В. (2019) Big data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы // Журнал политических исследований. Т. 3. № 1. С. 7–13.
- Делез Ж. (1999) Общество контроля // "Z". № 1. С. 97–103.
- Джеймисон Ф. (2019) Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма. М.: Изд-во института Гайдара.
- Жижек С. (2000) Матрица: истина преувеличений // <http://anthropology.ru/ru/text/zhizhek-s/matrixa-istina-preuvelicheniy>, дата обращения 20.05.2020.
- Как Трамп стал президентом США благодаря BigData(2016)//Gordonua.com. 8 декабря 2016 // <http://gordonua.com/publications/tekst-goda-kak-trampstal-prezidentom-ssha-blagodarya-bigdata-162924.html>, дата обращения 20.05.2020.
- Ковачич Л. (б/г) Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру // Московский Центр Карнеги // <https://carnegie.ru/commentary/71546>, дата обращения 20.05.2020.
- Ловинк Г. (2017) «Платформы типа Facebook — это трагический момент» (текст: Митя Лебедев) // Colta.ru. 6 сентября 2017 // <https://www.colta.ru/articles/society/15900-gert-lovink-platformy-tipa-facebook-eto-tragicheskiy-moment>, дата обращения 20.05.2020.
- Ловинк Г. (2019) Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж».
- Маккуайр С. (2014) Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press.
- Маклюэн Г.М. (2003) Понимая медиа: внешние расширения человека. М.-Жуковский: «Канон-пресс Ц», «Кучково поле».
- О'Нил К. (2018) Убийственные большие данные. Как математика превратилась в оружие массового поражения. М.: АСТ.
- Пелевин В. (2016) I-Phuck. М.: Эксмо.
- Плэтт В. (1997) Стратегическая разведка. Основные принципы. М.: Форум, Инфра-М.
- Польрэ Б. (2007) Двусмысленности когнитивного капитализма // Логос. № 4(61). С. 70–113.
- Смирнов Н. (2016) Зомби-манифест неолиберального урбанизма // Colta.ru. 25 октября 2016 // <https://www.colta.ru/articles/raznoglasiya/12803-zombi-manifest-neoliberalnogo-urbanizma>, дата обращения 20.05.2020.
- Срничек Н. (2019) Капитализм платформ. М.: Высшая школа экономики.
- Текущее искусство, ответственные люди и камеры в унитазах: интервью

с философом и искусствоведом Борисом Гройсом (2018) // Knife.media. 12 июля 2018 // <https://knife.media/groys-interview/>, дата обращения 20.05.2020.

Шваб К.М. (2017) Четвертая промышленная революция. М.: Издательство «Э».

Castells M. (2012) *Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age*, Cambridge: Polity Press.

Castiglion Ch. (2009) Yann Moulier Boutang Asks, "Are We All just Google's Worker Bees?" // Networkcultures.org, November 13, 2009 // <http://networkcultures.org/query/2009/11/13/yann-moulier-boutang-asks-are-we-all-just-googlesworker-bees>, дата обращения 20.05.2020.

Center for the Digital Future. The 2008 Digital Future Report: Surveying the Digital Future, Year Eight (2008), Los Angeles: University of Southern California, Annenberg School Center for the Digital Future.

Easton B. (2017) Big Data – Good? // Pundit.co, February 6, 2017 // <https://www.pundit.co.nz/content/big-data-good?rq=Big%20data%20good>, дата обращения 20.05.2020.

Five Country Ministerial (2018) // Australian Government. Department of Home Affairs. National Security // <https://www.homeaffairs.gov.au/about-us/our-portfolios/national-security/security-coordination/five-country-ministerial-2018>, дата обращения 20.05.2020.

Gellman B., Poitras L. (2013) U.S. British Intelligence Mining Data from Nine U.S. Internet Companies in Broad Secret Program // The Washington Post, June 6, 2013 // http://www.washingtonpost.com/investigations/us-intelligence-mining-data-from-nine-us-internet-companies-in-broad-secret-program/2013/06/06/3a0c0da8-cebf-11e2-8845-d970ccb04497_story.html, дата обращения 20.05.2020.

Gibson W. (2010) Google's Earth // The New York Times, August 31, 2010 // <http://www.nytimes.com/2010/09/01/>

[opinion/01gibson.html](http://www.nytimes.com/2010/09/01/opinion/01gibson.html), дата обращения 20.05.2020.

Hardt M., Price E., Srebro N. (2016) Equality of Opportunity in Supervised Learning // *Advances in Neural Information Processing Systems*, pp. 3315–3323.

Howard P., Muzamill H. (2013) *Democracy's Fourt Wave? Digital Media and the Arab Spring*, Oxford: Oxford University Press.

Kosinski M., Matz S.C., Gosling S.D., Popov V., Stillwell D. (2015) Facebook as a Research Tool for the Social Sciences: Opportunities, Challenges, Ethical Considerations, and Practical Guideline // *American Psychologist*, vol. 70, no 6, pp. 543–556. DOI: 10.1037/a0039210

Lazer D., Kennedy R., King G., Vespignani A. (2014) The Parable of Google Flu: Traps in Big Data Analysis // *Science*, vol. 343, no 6176, pp. 1203–1205. DOI: 10.1126/science.1248506

Macafee T., De Simone J.J. (2012) Killing the Bill Online? Pathways to Young People's Protest Engagement via Social Media // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, vol. 15, no 11, pp. 579–584. DOI: 10.1089/cyber.2012.0153

Manovich L. (2016) The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics // http://manovich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Pasek J., More E., Romer D. (2009) Realizing the Social Internet? Online Social Networking Meets Offline Civic Engagement // *Journal of Information Technology & Politics*, vol. 6, no 3–4, pp. 197–215. DOI: 10.1080/19331680902996403

Rao R.P.N. (2013) *Brain-Computer Interfacing*, Cambridge: Cambridge University Press.

Rosenberg M., Confessore N., Cadwalladr C. (2018) How Trump Consultants Exploited the Facebook Data of Millions // The New York Times,

March 17, 2018 // <https://www.nytimes.com/2018/03/17/us/politics/cambridge-analytica-trump-campaign.html>, дата обращения 20.05.2020.

Skoric M., Zhu Q. (2016) Participation: Uncovering the Paths from Digital to Physical // *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 28, no 3, pp. 415–427. DOI: 10.1093/ijpor/edv027

Valenzuela S. (2013) Unpacking the Use of Social Media for Protest Behavior:

The Roles of Information, Opinion Expression, and Activism // *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no 7, pp. 920–942. DOI: 10.1177/0002764213479375

Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C.T., Ellison N., Lampe C. (2011) It's Complicated: Facebook Users' Political Participation in the 2008 Election // *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, vol. 14, no 3, pp. 107–114. DOI: 10.1089/cyber.2009.0226

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-7

Digital Monitoring of Socio-political Life: Main Directions of Development and Opportunities for Public Control

Yulia D. ARTAMONOVA

PhD in Philosophy, Associate Professor, History and Theory of Politics Chair, Faculty of Political Science

Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovskij Av., 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: juliaartamonova@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-5629-4771

CITATION: Artamonova Yu.D. (2020) Digital Monitoring of Socio-political Life: Main Directions of Development and Opportunities for Public Control. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 134–152 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-7

Received: 03.03.2020.

ABSTRACT. *The article shows the evolution of the theoretical understanding of the “monitoring revolution”, including the difference between the ideas of “post-capitalism” as the aestheticization and fasciation of reality, heterotopia and divid (F. Jameson, J. Deleuze, F. Guattari), as well as the ideas of “cognitive capitalism” and modern concepts of “platform capitalism” (N. Srnicek, G. Lovink), “communicative capitalism” (S. Zizek, etc.).*

The article shows the fundamental differences between the monitoring model of

the new digital society and the old Panopticon, primarily related to the formation of local and closed communities, the complexity of interaction between online and offline behavior and its assessments, the possibility of correcting the algorithm due to rapid changes in behavior patterns, as well as the ability of a person to “interact” consciously with the data collection and processing system for their own purposes.

Two directions of digital monitoring are identified – “non-soft” and “soft” coer-

cion. In the first case, we are talking about the actual data collection and rewards for “doing the right things”, as in the version of the Chinese social credit system. The second is about creating a reality in which an individual can only act in a “set” way. It is emphasized that, contrary to forecasts, these systems do not develop along the path of “virtualization” of reality, which implies a conscious, though predetermined choice, but along the path of influencing the brain, bypassing the symbolic.

Based on the analysis, the main directions of possible public control of monitoring procedures are identified. These are, first, the problems of “localization” of platforms (territorial and other “binding” of them) and the development of the concept of “citizen as user”; second, the differentiation of data classes to establish responsibility.

KEY WORDS: monitoring revolution, Big Data, social credit system, platform capitalism, data class, orgnet, characterless communication

References

- Ageev A.I., Loginov E.L. (2017) Battle for the Future: Who Will Be the First in the World to Master the Noomonitoring and Cognitive Programming of Subjective Reality? *Ekonomicheskie strategii*, no 2, pp. 124–139 (in Russian).
- Bauman Z. (2008) *Fluid Modernity*, Saint Petersburg: Peter (in Russian).
- Castells M. (2012) *Networks of Outrage and Hope. Social Movements in the Internet Age*, Cambridge: Polity Press.
- Castiglion Ch. (2009) Yann Moulrier Boutang Asks, “Are We All just Google’s Worker Bees?”. *Networkcultures.org*, November 13, 2009. Available at: <http://networkcultures.org/query/2009/11/13/yann-moulrier-boutang-asks-are-we-all-just-googlesworker-bees>, accessed 20.05.2020.
- Center for the Digital Future. *The 2008 Digital Future Report: Surveying the Digital Future, Year Eight* (2008), Los Angeles: University of Southern California, Annenberg School Center for the Digital Future.
- Deleuze J. (1999) Control Society. “Z”, no 1, pp. 97–103 (in Russian).
- Easton B. (2017) Big Data – Good? *Pundit.co*, February 6, 2017. Available at: <https://www.pundit.co.nz/content/big-data-good?rq=Big%20data%20good>, accessed 20.05.2020.
- Five Country Ministerial (2018). *Australian Government. Department of Home Affairs. National Security*. Available at: <https://www.homeaffairs.gov.au/about-us/our-portfolios/national-security/security-coordination/five-country-ministerial-2018>, accessed 20.05.2020.
- Fluid Art, Responsible People and Cameras in the Toilet: Interview with Philosopher and Art Critic Boris Groys (2018). *Knife.media*, July 12, 2018. Available at: <https://knife.media/groys-interview>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Gellman B., Poitras L. (2013) U.S. British Intelligence Mining Data from Nine U.S. Internet Companies in Broad Secret Program. *The Washington Post*, June 6, 2013. Available at: http://www.washingtonpost.com/investigations/us-intelligence-mining-data-from-nine-us-internet-companies-in-broad-secret-program/2013/06/06/3a0c0da8-cebf-11e2-8845-d970ccb04497_story.html, accessed 20.05.2020.
- Gibson W. (2010) Google’s Earth. *The New York Times*, August 31, 2010. Available at: <http://www.nytimes.com/2010/09/01/opinion/01gibson.html>, accessed 20.05.2020.
- Hardt M., Price E., Srebro N. (2016) Equality of Opportunity in Supervised Learning. *Advances in Neural Information Processing Systems*, pp. 3315–3323.
- How Trump Became President of the United States Thanks to Big Da-

ta (2016). *Gordonua.com*, December 8, 2016. Available at: <http://gordonua.com/publications/tekst-goda-kak-trampstal-prezidentom-ssha-blagodarya-big-data-162924.html>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Howard P., Muzamill H. (2013) *Democracy's Fourth Wave? Digital Media and the Arab Spring*, Oxford: Oxford University Press.

Jameson F. (2019) *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*, Moscow: Gaidar Institute Publ (in Russian).

Kosinski M., Matz S.C., Gosling S.D., Popov V., Stillwell D. (2015) Facebook as a Research Tool for the Social Sciences: Opportunities, Challenges, Ethical Considerations, and Practical Guide-line. *American Psychologist*, vol. 70, no 6, pp. 543–556. DOI: 10.1037/a0039210

Kovachich L. (n/y) Big Brother 2.0. How China Is Building a Digital Dictatorship. *Carnegie Moscow Center*. Available at: <https://carnegie.ru/commentary/71546>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Lazer D., Kennedy R., King G., Vespignani A. (2014) The Parable of Google Flu: Traps in Big Data Analysis. *Science*, vol. 343, no 6176, pp. 1203–1205. DOI: 10.1126/science.1248506

Lovink G. (2017) *Platforms like Facebook Are a Tragic Moment* (text – Mitya Lebedev). *Colta.ru*, September 6, 2017. Available at: <https://www.colta.ru/articles/society/15900-gert-lovink-platforny-tipa-facebook-eto-tragicheskiy-moment>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Lovink G. (2019) *Critical Theory of the Internet*, Moscow: Ad Marginem Press, Contemporary Art Museum “Garage” (in Russian).

Macafee T., De Simone J.J. (2012) Killing the Bill Online? Pathways to Young People's Protest Engagement via Social Media. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, vol. 15, no 11, pp. 579–584. DOI: 10.1089/cyber.2012.0153

Manovich L. (2016) *The Science of Culture? Social Computing, Digital Humanities and Cultural Analytics*. Available at: http://manovich.net/content/04-projects/088-cultural-analytics-social-computing/cultural_analytics_article_final.pdf, accessed 20.05.2020.

McLuhan H.M. (2003) *Understanding Media: The Extensions of Man*, Moscow-Zhukovsky: Kanon Press-C, Kuchkovo pole (in Russian).

McQuire S. (2014) *The Media City. Media, Architecture and Urban Space*, Moscow: Strelka Press (in Russian).

O'Neill K. (2018) *Killing Big Data. How Mathematics Turned into a Weapon of Mass Destruction*, Moscow: AST (in Russian)

Pasek J., More E., Romer D. (2009) Realizing the Social Internet? Online Social Networking Meets Offline Civic Engagement. *Journal of Information Technology & Politics*, vol. 6, no 3–4, pp. 197–215. DOI: 10.1080/19331680902996403

Pevlevin V. (2016) *I-Phuck*, Moscow: Eksmo (in Russian).

Platt W. (1997) *Strategic Intelligence. Basic Principles*, Moscow: Forum Publishers (in Russian).

Polre B. (2007) Ambiguities of Cognitive Capitalism. *Logos*, no 4(61), pp. 70–113 (in Russian).

Rao R.P.N. (2013) *Brain-Computer Interfacing*, Cambridge: Cambridge University Press.

Rosenberg M., Confessore N., Cadwalladr C. (2018) How Trump Consultants Exploited the Facebook Data of Millions. *The New York Times*, March 17, 2018. Available at: <https://www.nytimes.com/2018/03/17/us/politics/cambridge-analytica-trump-campaign.html>, accessed 20.05.2020.

Skoric M., Zhu Q. (2016) Participation: Uncovering the Paths from Digital to Physical. *International Journal of Public Opinion Research*, vol. 28, no 3, pp. 415–427. DOI: 10.1093/ijpor/edv027

Smirnov N. (2016) *Zombie Manifesto of Neoliberal Urbanism*. *Colta.ru*, October 25, 2016. Available at: <https://www.colta.ru/articles/raznoglasiya/12803-zombi-manifest-neoliberalnogo-urbanizma>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Srnicsek N. (2019) *Platform Capitalism*, Moscow: HSE (in Russian).

Schwab K.M. (2017) *The Fourth Industrial Revolution*, Moscow: Publishing house "E" (in Russian).

Valenzuela S. (2013) Unpacking the Use of Social Media for Protest Behavior: The Roles of Information, Opinion Expression, and Activism. *American Behavioral Scientist*, vol. 57, no 7, pp. 920–942. DOI: 10.1177/0002764213479375

Virilio P. (2002) *The Information Bomb. Strategy of Deception*, Moscow. Available at:

<http://lib.ru/POLITOLOG/virilio.txt>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Vitak J., Zube P., Smock A., Carr C.T., Ellison N., Lampe C. (2011) It's Complicated: Facebook Users' Political Participation in the 2008 Election. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, vol. 14, no 3, pp. 107–114. DOI: 10.1089/cyber.2009.0226

Volodenkov S.V. (2019) Big Data as an Instrument of Influence on the Contemporary Political Process: Features, Potential and Actors. *Zhurnal politicheskikh issledovanij*, vol. 3, no 1, pp. 7–13 (in Russian).

Zizek S. (2000) *The Matrix: the Truth of the Exaggerations*. Available at: <http://anthropology.ru/ru/text/zhizheks/matrica-istina-preuvelicheniy>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

В национальном разрезе

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-8

Особенности функционирования и развития сетевых научных изданий в системе современного цифрового ландшафта: компаративный анализ опыта России и Болгарии

Александра Федоровна ЯКОВЛЕВА

кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник кафедры истории и теории политики

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

профессор факультета политологии

Государственный академический университет гуманитарных наук, 119049, Мароновский пер., д. 26, Москва, Российская Федерация

E-mail: afyakovleva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6967-2660

Иванка Тодорова МАВРОДИЕВА

доктор философских наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук философского факультета

Софийский университет имени Св. Климента Охридского, философский факультет, 1504, бул. Цар Освободител, д. 15, София, Болгария

E-mail: mavrodieva@phls.uni-sofia.bg

ORCID: 0000-0002-3764-5123

Владимир Алексеевич БОЛДИН

кандидат политических наук, ассистент кафедры истории социально-политических учений

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет политологии, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: boldin.v.a@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0681-098X

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлева А.Ф., Мавродиева И.Т., Болдин В.А. (2020) Особенности функционирования и развития сетевых научных изданий в системе современного цифрового ландшафта: компаративный анализ опыта России и Болгарии // *Контурсы глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 13. № 2. С. 153–176. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-8

Статья поступила в редакцию 02.04.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Статья подготовлена при финансовой поддержке в рамках выполнения ГЗ (государственного задания) ГАУГН по теме "Современное информационное общество и цифровая наука: когнитивные, экономические, политические и правовые аспекты" (FZNF-2020-0014).

АННОТАЦИЯ. В статье проанализирован опыт развития электронных научных журналов в России и Болгарии в контексте общих тенденций цифровизации и трансформации сферы управления наукой в последние десятилетия и реализации стратегии на повышение конкурентоспособности науки в глобальном научном сообществе, что отражается и на деятельности научных журналов. Основные проблемы, интересующие авторов статьи: 1) каким образом всеобщая цифровизация меняет привычный ландшафт науки, отражаясь на развитии периодики? 2) как, наоборот, сетевое реформирование социальных институтов науки влияет на ее развитие? 3) какое место занимают такие журналы в общем ландшафте науки. В статье исследуется потенциал журналов в России и Болгарии для популяризации достижений ученых, повышения авторитета представителей отдельных научных и образовательных институций, удовлетворения требований наукометрии, отражения тенденций трансформации глобального научного ландшафта, борьбы с «фейковой» наукой. Объектом исследования выступили ряд журналов по политологии, философии, истории, культурологии, социологии, психологии, коммуникациям и информационным технологиям, издаваемые в России и Болгарии, которые возникли как сетевые или используют сетевую форму как одну из основных в своей работе. Основ-

ным методом, применявшимся в исследовании, стал экспертный опрос. Гайд экспертного интервью включал 18 вопросов на русском и болгарском языках. Всего было проведено 12 интервью с главными редакторами и членами редакций и редколлегии 9 российских журналов, 8 интервью с главными редакторами болгарских журналов. В рамках проведенного сравнительного анализа выявлены сходства и отличия в целеполагании создания электронных журналов, их достоинств и недостатков, роли наукометрии, выборе формы доступа, форм и технологических решений коммуникации, перспектив развития. Показана роль электронных журналов в цифровой социализации ученых – и авторов, и редакторов, и рецензентов, и в трансформации привычных форм исследовательской работы современных исследователей. Поставлен вопрос о ключевой роли электронных журналов в принципиальном изменении глобального научного ландшафта, одновременно выявлена проблема кризиса доверия к электронным журналам, связанная как с устоявшимися традициями, принятыми в научном сообществе, так и с неполноценным пониманием целеполагания электронных периодических изданий и их отличия от печатных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: электронный рецензируемый научный журнал, сетевая форма научной коммуникации, цифровизация, глобализация, наукометрия

1 В России их правовой статус закреплен Роскомнадзором с недавних пор и как «электронный», распространяемый в т. ч. на машиночитаемом носителе, и как «сетевой», распространяемый исключительно через сеть Интернет (В Законе Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» дается следующая дефиниция: «под сетевым изданием понимается сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, зарегистрированный в качестве средства массовой информации в соответствии с настоящим Законом»). Им присваивается международный стандартный серийный номер e-ISSN, и они выбирают форму доступа к издаваемым материалам и представляют их на своих официальных сайтах.

Актуальность проблемы

Появление электронных/сетевых научных рецензируемых периодических изданий (далее сокр. – ЭЖ) в глобальном научно-коммуникационном пространстве – неизбежное развитие рынка научной периодики последних 10–15 лет¹. Сегодня роль ЭЖ является фактически ключевой в развитии современного научного знания, выдвижения и продвижении научного результата: «по преимуществу публикационная активность в современной науке связана с журналами, которые конституируют группы научного сообщества, определяют тематическое поле наук, а также задают норму научности для соответствующих областей знания» [Куприянов 2020, с. 41]. С одной стороны, очевидно, что в цифровую эпоху форма публикации результатов исследования в периодических изданиях в сети – наиболее оптимальная для научного сообщества. Она способствует расширению аудитории обсуждения и апробации научных результатов и позволяет использовать их в учебном процессе. В то же время, вопреки многим прогнозам, печатные периодические издания также продолжают существовать, одновременно развивая свои электронные версии. С другой стороны, именно развитие сетевой формы научных изданий предоставляет практически неограниченные возможности для резкого увеличения количества, даже экспансии «фейковых» или «хищнических» изданий, на борьбу с которыми уходят немалые ресурсы научно-образовательного сообщества, что вызывает споры о кризисе данной отрасли, основанные на негативных последствиях ее коммерциализации и ставит вопросы о поиске новых форм научной коммуникации.

Поэтому и наше исследование направлено как на выявление особенностей влияния объективных тенденций цифровизации на развитие совре-

менной науки, так и на фиксацию проблем, связанных с определенной степенью недоверия научного сообщества к этой наиболее распространенной форме научной коммуникации. На примере 20-летнего исследуемого опыта двух стран, России и Болгарии, мы попытались выявить ряд проблем и отношения к ним со стороны экспертов, непосредственно вовлеченных в процессы развития ЭЖ, позволяющих разносторонне рассмотреть влияние феномена цифровизации на эту сферу.

Почему Россия и Болгария?

Несмотря на то, что Россия и Болгария имеют собственные устойчивые традиции в социально-гуманитарных науках, в т. ч. в сфере издания научных журналов, в этих странах практически одновременно стали активно внедряться информационные технологии в сфере науки. На первый взгляд может показаться, что масштабы научного комплекса двух стран настолько различаются, что их сравнение было бы некорректным. Однако тенденции последних лет говорят, скорее, об обратном. Так, и Россия, и Болгария относятся к тем странам Восточной Европы, для которых был характерен процесс транзита от советской образовательной модели к новой, «постсоветской». Этот процесс вызвал кардинальные институциональные реформы науки, которые продолжаются до сих пор. Основными векторами реформирования в обеих странах стали как линия на повышение конкурентоспособности науки в глобальном научном сообществе, так и в целом информатизация научного процесса, что отразилось и на переформатировании традиционных журналов и появлении новых научных журналов сетевого формата.

Безусловно, одним из ключевых факторов, влияющих на развитие ЭЖ,

является научная политика описываемых государств последних лет. Так, задача повышения «видимости» российской науки в международном научном пространстве решается не только за счет увеличения количества публикаций в зарубежных журналах, но и с помощью роста авторитета и влияния российского научно-информационного и научно-издательского сегмента в мировом сообществе. Этому способствуют меры государственной поддержки с помощью таких инструментов, как, например, «Конкурс программ развития российских научных журналов с целью их вхождения в международные наукометрические базы данных при поддержке Минобрнауки России (2017–2019)»². Как пишет президент Ассоциации научных редакторов и издателей О.В. Кириллова, «решить эту задачу могут помочь сами журналы, развивая свои сайты, которые являются в современном мире основным источником информации о журнале для российского и международного сообщества. Сайты журналов, их качество и наполнение обладают высокой степенью важности при рассмотрении заявляемых журналов экспертами зарубежных баз данных и глобальных индексов цитирования (в частности, БД Scopus). <...> Для Scopus и некоторых других реферативных БД и платформ агрегаторов важен именно англоязычный сайт, на котором представлены все необходимые сведения и хорошо просматривается уровень журнала и его редакционно-издательский процесс» [Кириллова, Диментов, Тестерман 2013, с. 415].

В Болгарии мы наблюдаем схожую ситуацию. Еще двадцать лет тому назад стартовала государственная програм-

ма, направленная на поддержку науки, в частности, издания журналов. В 2011 г. Парламент принял «Национальную стратегию для развития исследований», которая продолжается до 2020 г. Одна из ее целей – повышение конкурентоспособности болгарских журналов в мировом научном сообществе, что невозможно сделать без их переориентации на выход в электронном виде [Националната стратегия за научни изследвания в Република България 2011, с. 27]. Кроме того, Болгария, будучи членом рамочных соглашений ЕС о поддержке науки, имеет возможности и ресурсы для более масштабного перехода к новым технологиям в науке (рамочная программа «Горизонт 2020», программа COST и создание Европейской дорожной карты для научной инфраструктуры). Также Министерство образования и науки (МОН) Болгарии совместно с Фондом «Научные исследования» проводит целевые конкурсы, направленные на финансирование научных журналов, в т. ч. электронных. Например, в 2019 г. прошел конкурс «Българска научна периодика».

Кроме того, обе страны последние двадцать лет предпринимают шаги, направленные на создание «цифровой экономики», где сфере высшего образования и формированию человеческого капитала придается ключевое значение. И статистические показатели последних лет говорят о схожих успехах и тенденциях в наших странах. Приведем лишь некоторые цифры. Так, согласно Международному индексу цифровой экономики и общества (International Digital Economy and Society Index, I-DESI), Болгария и Россия являются соседями по рейтингу и имеют одинаковый индекс – 0,48. Кроме того, схо-

2 Официальный сайт Минобрнауки России «Поддержка программ развития научных журналов с целью их вхождения в международные наукометрические базы» // <https://развитиежурналов.рф/>, дата обращения 21.05.2020.

жие показатели наши страны имеют и по индексу «интеграции цифровых технологий» (0,36 и 0,30, соответственно). Доля специалистов в сфере ИКТ от общего числа населения в 2018 г. в России составляла 2,8%, а в Болгарии – 2,3% [Абдрахманова, Вишневецкий, Гохберг 2019, с. 28–29]. В международном комплексном рейтинге The IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019, оценивающим в т. ч. сферы «образование» и «технологии», у России и Болгарии также схожие позиции – 38-е и 45-е места. Причем в сфере «технологии» показатели наших стран практически идентичны (59,1 у России и 58,4 у Болгарии) [The IMD World Digital Competitiveness Ranking 2019, pp. 27–37]. И этот статистический ряд можно продолжать. Поэтому из приведенных данных можно сделать вполне обоснованное предположение о схожести модернизационных процессов в наших странах, в т. ч. в науке и экономике. В современных условиях эти процессы не предопределяются только экстенсивными показателями (размером страны, ее населением или количеством университетов и т. д.), даже, скорее, наоборот. Это целый ряд комплексных факторов: доля специалистов ИКТ относительно количества населения, интеграция информационных технологий в разных сферах жизни общества, информационная грамотность, доступность Интернета и т. п.

Таким образом, отсутствие сравнительных исследований в области науки наших двух стран и высокая степень сопоставимости позволяют нам утверждать, что результаты данного исследова-

ния могут внести важный вклад в изучение влияния цифровизации на сферу науки. Отметим также, что данное исследование – первое в ряду запланированных нами исследований стран Восточной Европы, которые, на наш взгляд, прошли схожий путь транзита как в политической, так и в научной сфере.

Теоретический обзор

В отношении развития ЭЖ, несмотря на небольшую историю их существования, уже сложился устойчивый исследовательский интерес. Исследователи рассматривают такие журналы в первую очередь как коммуникационные площадки и инструменты, служащие развитию различных научных отраслей и способствующие повышению «видимости» авторов на общем ландшафте научных публикаций [Tenopir, King 2000; Laakso, Welling, Bukvova, Nyman, Björk, Hedlund 2016]. В основном это связано с изучением их как одной из форм развития научной коммуникации в русле общемировой тенденции цифровизации и интернационализации науки и образования, активным развитием библиометрии в качестве инструмента оценки результативности научной деятельности, наукометрическими аспектами движения «Открытая наука», в первую очередь связанного с индексацией этих изданий в международных базах цитирования, а также с преодолением проблем фальсификации науки и развития «хищнической» науки [Beall 2016, p. 326]. Отмечается, что «с 2000 по 2009 г. среднегодовой рост числа журналов Open Access со-

3 Концепцию открытого доступа (Open Access) предложила Будапештская инициатива открытого доступа (БИОД): «Под открытым доступом мы подразумеваем свободный доступ к ней через публичный Интернет и право каждого пользователя читать, загружать, копировать, распространять, распечатывать, искать или делать ссылки на полнотекстовые статьи, проводить поиск роботами-индексаторами, вводить их как данные в программное обеспечение или использовать для других законных целей при отсутствии финансовых, правовых и технических преград, за исключением тех, которые регулируют доступ к собственному Интернету» // <http://www.budapestopenaccessinitiative.org/boai-10-translations/russian>, дата обращения 21.05.2020.

ставил 18% от общего числа журналов и 30%-ный рост числа статей от общего их количества» [Laakso, Welling, Bukvova, Nyman, Björk, Hedlund 2016, p. 1]. В России активно изучается специфика функционирования электронных и сетевых научных журналов, а также проблемы политики «открытого доступа» (Open Access)³ и тенденции цифровизации науки в целом⁴. Необходимо отметить деятельность, осуществляющуюся под эгидой Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ), созданной в 2015 г. (издания материалов ежегодной Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня» и журнала «Научный редактор и издатель»⁵). В Болгарии журналы в области социальных и гуманитарных наук представлены в Национальном справочном списке Национального агентства по информации и документации Болгарии (НАИ)⁶. Интерес болгарских ученых связан как со всем спектром вопросов распространения научных результатов в электронном виде в сети Интернет [Божанкова 2009; Божанкова, Бояджиев, Григоров 2011], так и с феноменом формальных и неформальных интернет-коммуникаций, особенностей нового функционала веб-автора, веб-редактора и веб-издателя, а также спецификой влияния электронных журналов на развитие новых форм образовательного процесса [Мавродиева (2) 2011, с. 256–265].

Безусловно, важную функцию играют и обобщающие работы, посвященные роли социальных сетей в науке, цифровой мобильности, научной коммуникации в онлайн-пространстве [Шибаршина 2019, с. 75–92; Llewellyn, Pellack, Shonrock 2002], а также формированию у авторов культуры создания структурированного текста научной публикации и компетенций в области академического письма в условиях цифровизации [Беляева, Чернявская 2019, с. 53–63].

Дизайн исследования

ЦЕЛЬ

Основная цель исследования – выявление и систематизация явных и скрытых тенденций в развитии социогуманитарной электронной научной периодики в России и Болгарии на современном этапе в свете принимаемых политических решений как в данных исследуемых странах, так и в условиях глобальной цифровизации. Объектом исследования стали ряд журналов по политологии, философии, истории, культурологии, социологии, психологии, коммуникациям и информационным технологиям, издаваемые в России и Болгарии, которые являются сетевыми или используют сетевую форму как одну из основных в своей работе. Предметом исследования стали те тенденции и проблемы развития жур-

4 Среди наиболее значимых работ, появившихся в последние годы, необходимо отметить статьи, посвященные различным вопросам открытого доступа [Семячкин, Сергеев, Кисляк 2015, с. 125–130; Паринов 2016, с. 217–224; Московкин 2017, с. 82–89], в т. ч. индексируемых в WoS [Москалева 2018, с. 109–114], развитию сайтов научных изданий [Григорьева, Кирсанов, Ситдилов 2014], а также внедрению и функционированию электронных изданий как комплексных информационных систем [Тремба 2015, с. 147–149; Fomin-Nilov, Tarkhanov 2016; Тарханов, Яблоков, Фомин-Нилов, Фомин 2018], в т. ч. посвященные культуре научных коммуникаций в онлайн-среде [Фомин-Нилов 2019, с. 114–117] и сравнению электронных ресурсов в области исторических исследований [Тарханов, Яблоков 2017].

5 Подробнее о цели и задачах АНРИ // <https://rasep.ru/ob-assotsiatsii/vstupitelnoe-slovo>, дата обращения 21.05.2020; Официальный сайт профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей» // <https://rasep.ru/for-members/biblioteka-anri/24-materialy-konferentsij>, дата обращения 21.05.2020; официальный сайт журнала «Научный редактор и издатель» // <https://www.scieditor.ru/jour/index>, дата обращения 21.05.2020.

6 Национален център за информация и документация // <https://nacid.bg/bg/>, дата обращения 21.05.2020.

налов, которые мы зафиксировали, и их взаимосвязь с развитием науки и принимаемыми в этой области политическими решениями.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основным методом, применявшимся в исследовании, стал экспертный опрос. Гайд экспертного интервью включал 18 вопросов и был одинаково составлен на русском и болгарском языках, за исключением вопросов, содержащих конкретную информацию, связанную с национальными индексами цитирований и спецификой индексации журналов. Авторами статьи в период с 15 января по 20 февраля 2020 г. были проведены экспертные интервью с главными редакторами, членами редакционных коллегий и ответственными секретарями / выпускающими редакторами журналов.

ВЫБОРКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В России было проведено двенадцать интервью с главными редакторами и членами редакций и редколлегий девяти российских журналов. Из рассматриваемых изданий шесть выходят только в электронном виде и являются сетевыми изданиями, три издаются в печатном и электронном виде. Необходимо отметить, что российские журналы представляют довольно широкую географию: Москва, Нижний Новгород, Астрахань, Пятигорск, Томск. Учредителями шести журналов являются университеты и институты РАН, а в четырех случаях – некоммерческие организации (перечень представлен в табл. 1).

В Болгарии было проанализировано восемь электронных журналов, четыре из которых издаются Софийским университетом; один – Университетом национальной и мировой экономики, один – Юго-Западным университетом, один – Университетом Велико-Тырново, один – Ассоциацией Института ри-

торики и коммуникаций, которая зарегистрирована как научная организация в НАИД. Респондентами в Болгарии стали шесть главных редакторов и два члена редколлегии. Академическим центром в Болгарии была и остается столица София, где сконцентрированы основные университеты Болгарии. Поэтому неудивительно, что участвовавшие в исследовании журналы в основном издаются в Софии и все они преимущественно электронные (перечень представлен в табл. 2).

Результаты исследования

Отметим, что у российских и болгарских респондентов (далее – **РР** и **БР**) были схожие мнения по отношению к ряду вопросов, поэтому мы предлагаем дать общие тезисы и показать отличия по каждому пункту. Основная наша задача – выявить ключевые факторы в их взаимосвязи, тем самым реконструируя сложившийся ландшафт в изучаемой области. Важно было понять, **с какой целью (миссией)** вообще создаются ЭЖ и каким образом формулируют ее главные редакторы и издатели. Мы все вовлечены в процесс цифровизации, используем в нашей ежедневной жизни такие ресурсы, как, например, российский портал государственных услуг и т. п. Но в сфере ЭЖ очень важна базовая идеология, которая лежит в основе этого решения. Чего хотят добиться создатели журнала, изначально регистрируя его как электронный или переходя с печатной на сетевую версию? Как отмечали некоторые российские респонденты, «гнаться за статусом ЭЖ только ради того, чтобы журнал обладал всеми атрибутами такого издания ради самого статуса, даже в условиях цифровизации не нужно» (электронный научно-образовательный журнал «История»).

Таблица 1. Перечень российских журналов
Table 1. List of Russian Journals

Название издания	Год выхода первого номера	Периодичность	Тематика	Учредитель	Официальный сайт	ФИО и должность редактора
Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология (печатный журнал с электронной версией)	2007	6 номеров в год	Политематичен	Национальный исследовательский Томский государственный университет	http://journals.tsu.ru/philosophy/	Щербинин А.И., заместитель главного редактора
Электронный научно-образовательный журнал «История» (электронный журнал)	2009	12 номеров в год	История, археология, науковедение	Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Институт Всеобщей истории РАН, ООО «Интеграция: наука и образование»	https://history.jes.su/	Фомин-Нилов Д.В., заместитель главного редактора, Яблоков Б.В., выпускающий редактор
Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал)	2010	4 номера в год	Междисциплинарные исследования в области политологии, психологии и филологии	Московский государственный областной университет	https://evestnik-mgou.ru/ru	Абрамов А.В., главный редактор
Философские проблемы информационных технологий и киберпространства (электронный журнал)	2012	2 номера в год	Философские науки. Филологические науки	Пятигорский государственный университет	http://cyberspace.pglu.ru/	Барышников П.Н., главный редактор
Журнал фронтальных исследований (электронный журнал)	2016	4 номера в год	Политематичен	ООО НПО «Генезис. Фронт. Наука»	https://jfs.today/index.php/jfs	Якушников С.И., главный редактор, Романова А.П., член редакционной коллегии
Русская политология – Russian Political Science (электронный журнал)	2016	4 номера в год	Политические науки	АНО «Лаборатория гуманитарных проектов»	https://rupolitology.ru/	Горохов А.А., главный редактор
Полилог/Polylogos (электронный журнал)	2017	4 номера в год	Политические науки, философия	Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН)	https://polylog.jes.su/	Локтионов М.В., главный редактор, Омеланко В.В., заведующая редакцией
The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа (печатный журнал с электронной версией)	2017	4 номера в год	Философия, науковедение	Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского	http://www.digital-scholar.unn.ru/	Шибаршина С.В., ответственный секретарь
Galactica Media: Journal of Media Studies (электронный журнал)	2019	4 номера в год	Исследования медиа- и массовой культуры	ООО НПП «Генезис. Фронт. Наука»	https://galacticamedia.com/index.php/gmd	Алиев Р.Т., главный редактор

Таблица 2. Перечень болгарских журналов
Table 2. List of Bulgarian Journals

Название издания	Год создания	Периодичность	Тематика	Учредитель	Официальный сайт	ФИО и должность редактора
Media We. (Микроиздательская система. Вариант академического блога)	2009	Постоянно обновляемый	Информационный ресурс для новых медиа-реалий	Университет национальной и мировой экономики	http://mediawe.blogspot.com/	Ангова С., главный редактор
Публичные политики (электронный журнал)	2010	1–3 номера в год	Междисциплинарные исследования в области публичного администрирования	Кафедра «Публичная администрация», Софийский университет «Св. Климент Охридски»	http://www.ejpp.eu/index.php/ejpp	Петров С., член редколлегии
Риторика и коммуникации (электронный журнал)	2011	4 номера в год	Риторика, аргументация, политическая риторика, интернет-коммуникация, академическая коммуникация	Ассоциация «Институт по риторике и коммуникации», имеющий статус научной организации	http://rhetoric.bg/ http://journal.rhetoric.bg/	Йочева К., член редколлегии
Социальная работа (электронный журнал)	2013	4 номера в год	Исследования социальной деятельности, методы обучения студентов	Факультет педагогики, Софийский университет «Св. Климент Охридски»	https://www.swjournal-bg.com/	Цветанска С., редактор
Журнал Софийского университета по исследованиям в области образования (электронный журнал).	2013	2–3 номера в год	Образование, методика обучения в школе	Софийский университет «Св. Климент Охридски»	https://journal.e-center.uni-sofia.bg/site/	Пейчева-Форсайт Р., главный редактор
Проблемы постмодернизма (электронный журнал)	2013	3 номера в год	Философские и политические науки	Юго-Западный университет «Неофит Рильский»	http://ppm.swu.bg/	Пейчева Д., главный редактор
Manas – Studies into Asia and Africa (электронный журнал).	2014	2 номера в год	Исследования Азии и Африки	Центр восточных языков и культур, Факультет классической и современной филологии, Софийский университет «Св. Климент Охридски»	https://manas.fcml.uni-sofia.bg/en	Соколова Г., редактор
Медиа и коммуникации XXI века (электронное и печатное издание)	2017	1 номер в год	СМИ и интернет-коммуникация, связи с ответственностью, реклама	Филологический факультет Университета Велико-Тырново «Св. Кирилл и Мефодий»	http://journals.uni-vt.bg/mc/bul/rk.aspx	Павлова И., главный редактор

В целом миссия электронных изданий формулируется респондентами через базовые принципы этоса науки, которые были заложены еще Робертом Мертоном, с акцентом на всеобщем характере науки и необходимости доступности ее результатов (CUDOS) для научного сообщества и общества в целом. Электронная/сетевая форма издания в данном случае рассматриваются респондентами именно как особая возможность реализовать эту миссию; с высказыванием «все публикации должны быть открыты научному сообществу, это политика журнала» согласились 18 из опрошенных респондентов.

Среди факторов, повлиявших на решение о создании ЭЖ, с точки зрения целеполагания РР выделяли, в первую очередь, финансово-экономические причины: необходимость сделать доступными научные результаты своей организации, что при печатной форме ограничивалось количеством тиража и в целом отсутствием должного финансирования на типографские расходы, что влекло критичное сужение потенциальной аудитории читателей. По словам одного из респондентов, такое удешевление производства по сравнению с печатными изданиями стало для многих одной из возможностей «уйти от таких многочисленных проблем, не теряя в качестве» (электронный научно-образовательный журнал «История»). Отметим также, что есть принципиальная разница между действительно сетевыми/электронными и печатными журналами, электронная версия которых является отражением в сети Интернет принципов книжной бумажной культуры – путь, по которому пошли ряд журналов, ограничиваясь простым размещением pdf-версий статей. Некоторые журналы до сих пор удовлетворяются такой формой, размещая полные версии статей после рассылки нового номера по подписчикам. Дважды РР,

журналы которых имеют одновременно и печатную версию, и размещают электронные версии журнала на своих сайтах, был отмечен именно феномен все еще сохраняющегося недоверия: «нередко приходится слышать от коллег, что если это электронный журнал, значит, не солидный и даже «мусорный». Остается аудитория, предпочитающая бумажный вариант электронному и даже, более того, не владеющая цифровыми способами коммуникации и не планирующая их осваивать» (ж. The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа), «до сих пор у старшего поколения осталась привычка пощупать руками, положить на полку, прочитать с листа, подчеркивая карандашом. Эта аудитория считает бумажный журнал более реальным, надежным, сохранным, классическим» (ж. «Журнал фронтальных исследований»).

Интересно, что если российские журналы в основном учреждены университетами и научными организациями, то болгарские – структурными подразделениями университетов: кафедрами, факультетами, департаментами. С одной стороны, существует инициатива конкретной кафедры или факультета с целью удовлетворения потребностей в предоставлении современных знаний и результатов их исследований (ж. «Социальная работа», «Публичные политики», журнал Софийского университета по исследованиям в области образования, MediaWe.blogspot.com). С другой стороны, существует тенденция расширения научных областей и ориентации на публикацию результатов междисциплинарных исследований (ж. «Проблемы постмодернизма», «Медиа и коммуникации XXI века», «Риторика и коммуникации», Журнал Manas – Studies into Asia and Africa, MediaWe). В Болгарии преимущество отдается онлайн-формату, тогда как в России все

еще очень развиты (в т. ч. по вышеперечисленным причинам) печатные издания. Если РР выделяют в первую очередь финансово-экономические факторы и доступность, то БР – приобщение к различным форматам, предоставляемым цифровыми технологиями, для развития науки за счет этого. Можно сказать, что на появление в России электронных журналов прямое влияние оказали и внешние, и внутренние факторы, в Болгарию – в первую очередь внутренние.

Среди основных **достоинств** электронного издания и РР, и БР назвали следующие: оперативность публикации и возможность размещения статей до выхода всего номера; содействие расширению форм научной коммуникации; соответствие стилю работы современных исследователей, использующих в первую очередь электронные ресурсы (при поиске информации студент, аспирант и молодой ученый обращаются не к каталогу библиотеки, а пользуются поисковой строкой браузера); доступность для широкой аудитории при фокусировке на целевой аудитории; удобство использования (для читателей); возможности, широта и быстрота распространения; «демократичность»; удлинение жизненного цикла научной статьи; возможности варьирования объема выпуска/издания. Были выделены возможности визуализации и более качественного оформления выпусков, чем в печатных изданиях, включающие инфографику, аудиовизуальное сопровождение, кликабельные ссылки и пр., а также размещение препринтов статей/статей по мере принятия к публикации, комментариев читателей (массовое пост-рецензирование). Дополнительно БР выделили возможности персонализации содержания электронных изданий с помощью приложений различных мобильных устройств, а так-

же широкие возможности для взаимодействия – функции, которые являются обязательными в современном мире и недоступны традиционному бумажному формату.

К **недостаткам** электронного формата РР отнесли: меньшую престижность ЭЖ, особенно у старшего поколения ученых, и в целом определенную степень недоверия к сетевой форме издания; излишнюю технологизацию, способствующую исчезновению «духа мастерской»; отсутствие возможности «подержать в руках» и презентовать так, как в случае с печатными изданиями; неполноценная реализация сетевого принципа, связанная с необходимостью освоения и использования авторами и читателями инструментария, предлагаемого электронной платформой, что требует от них дополнительных усилий и не всегда эффективна.

БР выделили в качестве недостатков в целом увеличение количества таких научных журналов и сложность прогнозирования того, какие из них действительно публикуют качественный контент; необходимость постоянного обновления медиаформатов, а также оптимизации сайта журнала, в т. ч. его дизайна и обслуживания, что требует затрат и компетентности сотрудников редакции; длительный период ожидания публикации, распространение платного доступа и платной публикации, скрытое принуждение неанглоязычных авторов публиковаться на английском языке. Сохранение печатных версий БР связали с «романтической ностальгией по печатным изданиям» (ж. «Публичные политики»).

Серьезное влияние на появление и развитие ЭЖ оказало **применение наукометрии** в складывающейся системе оценки результативности научно-образовательных организаций. Этот фактор принимался во внимание в первую очередь при открытии новых электронных

журналов, переходе в существующем журнале с печатной версии на электронную и выборе системы доступа к материалам журнала. Неслучайно, что четыре из включенных в наше исследование российских журналов были созданы в период с 2007 по 2012 г., а пять – уже после 2015 г., когда наукометрические методы активно стали применяться для оценки публикационной активности и в целом научной результативности, о чем мы писали ранее (подробнее об этом [Яковлева 2013, с. 147–148]. С 2010 г., когда был принят закон о развитии научно-педагогического состава в Республике Болгария (закон за развитието на академичния състав в Република България⁷), и каждый университет принял свои программы развития, соответствующие этому закону, включающие значимость наукометрических показателей (уточнены в новых редакциях закона в 2018 и 2019 гг.), и с 2012 г., когда впервые на уровне указов Президента РФ, получивших название «майских указов»⁸, была закреплена необходимость увеличения количества публикаций российских ученых в журналах, индексируемых в Web of Science, до 2,44%, стало понятно, что одна из стратегий наряду с публикациями в зарубежных журналах, которая может способствовать достижению этого показателя, – это развитие и выведение на международный уровень отечественных журналов и индексация их в международных наукометрических базах данных (МНБД). Во многом и в связи с этим исследуемые российские журналы, помимо вхождения в отечественные системы цитирования, берут курс

на индексацию в международных реферативных базах данных Scopus и Web of Science: два журнала уже индексируются в WoS ESCI, в четырех из них планируется подача заявки, т. к. журнал соответствует всем требованиям баз данных, и только в двух подача заявки пока не планируется, потому что журналы еще не соответствуют всем требованиям, три при этом входят в ERIH. Интересно, что БР выделили именно в качестве негативных сторон ЭЖ тенденцию войти в Scopus или Web of Science, тогда как РФ это считают нормальным, хотя и не все стремятся войти в МНБД в ближайшее время. При этом три болгарских журнала проиндексированы в WoS и Scopus, шесть журналов проиндексированы в ERIH, и только два не индексируются в МНБД. Поэтому можно утверждать, что вне зависимости от отношения самих журналов к необходимости индексации в МНБД глобализация научных процессов и публикационной активности также влияет на организацию научных журналов.

В целом есть основания полагать, что журналы в перспективе нацелены на индексацию в МНБД, но многим не хватает воли и дополнительного финансирования от учредителя, особенно если журнал создавался в период, когда не была распространена информация об основных требованиях, предъявляемых к такого рода изданиям, и теперь требуется его серьезное реформатирование. Также мы связываем это с недостаточным кадровым обеспечением работы редакций: исследуемые журналы, как российские, так и болгарские, в целом привлекают от трех до шести человек к

7 Закон за развитието на академичния състав в Република България // Lex.bg // <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/2135680028?fbclid=IwAR2BeHkFfo7WOKelV5dZif78RaMR8InzTRO71W3vGqkVaHGj-Wwii07Diw>, дата обращения 21.05.2020.

8 Имеется в виду Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки» от 7 мая 2012 г. № 599, декларировавший увеличение к 2015 г. доли публикаций российских исследователей в общем количестве публикаций в мировых научных журналах, индексируемых в базе данных «Сеть науки» (WEB of Science), до 2,44%.

выпуску номера. При этом считают, что шесть человек достаточно, а три – нет. Интересно также, что мы не обнаружили корреляционной зависимости количественного состава редакции от количества издаваемых в год номеров. Также существует практика привлечения выпускающих редакторов под отдельные тематические выпуски, а также волонтеров. Где-то выпуском журнала занимается специальная редакция, получающая за это зарплату, в иных случаях выпуски номеров готовятся на голом энтузиазме редакции. БР указали также важность работы онлайн-редактора в отношении онлайн-публикации.

Непосредственно с этим связан довольно сложный и неоднозначный вопрос выбора журналами *типа доступа* (в спектре от открытого/бесплатного до закрытого/платного). Учитывая, что из опрошенных журналов только в одном практикуется платный доступ к научным публикациям (это электронный научно-образовательный журнал «История»), 8 из 10 РР однозначно ответили, что «все публикации должны быть открыты научному сообществу, это политика журнала». Так, было отмечено, что «открытость является характерной чертой современного общества вообще и науки в частности. Мы хотим и готовы делиться с общественностью результатами исследований» (ж. «Вестник Московского государственного областного университета» (электронный журнал)). Хотя среди респондентов встречался ответ, что «современная наука недостаточно открыта; более того, даже журналы открытого доступа и общества, сложившиеся вокруг них, не являются, по нашему мнению, достаточно открытыми, чтобы называться открытой наукой» (ж. *Galactica Media: Journal of Media Studies* и «Журнал Фронтальных исследований»). Отметим, что политика открытого доступа и в целом феномен «открытой науки» ре-

спондентами справедливо не приравниваются друг к другу. Основные аргументы изданий в пользу политики открытого доступа можно обобщить как «идеологические» (полностью поддерживают движение «Открытая наука», считая, что открытость является характерной чертой современного общества вообще и науки в частности) и «утилитарные» (открытость повышает узнаваемость и цитируемость журнала, позволяет контролировать наукометрические показатели). Среди редакторов также распространено мнение, что «закрытый доступ негативно влияет на цитируемость и узнаваемость издания» (ж. «Вестник Московского государственного областного университета» (электронный журнал)). В Болгарии все восемь БР дали положительную оценку общемировому движению «за открытую науку». Один из респондентов заявил, что «был сторонником идеи открытой науки», другие подтвердили, что научные продукты и ресурсы должны быть доступны для всех заинтересованных лиц и легко обнаруживаться. БР сказали, что будущее за электронными научными периодическими изданиями открытого доступа, среди ключевых плюсов которого то, что быстрое распространение результатов научных исследований согласуется с предпочтениями ученых по использованию в работе электронных ресурсов и распространенными навыками электронного поиска среди студентов.

Принципиально иной позиции придерживаются в электронном научно-образовательном журнале «История», где с момента первого выпуска была введена система оплаты доступа к полным текстам материалов журнала. Первый аргумент состоит в том, что отношение читателя к публикациям, на которые были потрачены деньги по подписке, пусть даже небольшие, всегда более ответственно и зна-

чительно эффективнее «работает» на репутацию и цитируемость журнала, чем при открытом доступе. Второй аргумент связан с системой отслеживания жизненного цикла статьи: если человек готов платить за статьи в рамках подписной модели, то это позволяет вести полноценную статистику востребованности тех или иных научных тем, авторов, дискуссионных вопросов. В идеале при широкой аудитории подписчиков и автор может получать гонорары за свою работу, и тогда система будет более уравновешенной. С точки зрения проверяемости и сбора данных такая модель действительно позволяет составить достоверные представления о востребованности журнала: в изданиях открытого доступа любые скачивания, лайки, просмотры и даже комментарии (отзывы) могут быть как многократно повторены одним и тем же пользователем, так и имитированы роботом, что, к сожалению, по мнению экспертов, не дает реальной картины востребованности научных публикаций. Но если скачивание стоит хотя бы доллар, то все равно становится понятно, сколько реальных читателей у этой статьи. Сетевая форма предоставляет также возможности скачать только одну статью, а не весь номер, тем самым позволяя читателю не тратить много средств на нужные ему материалы.

Учитывая вышеприведенные позиции экспертов, нужно выделить и концептуальную проблему целеполагания, с которой мы начали описание результатов исследования и с которой так или иначе сталкиваются редакции и учредители ЭЖ, высказанную одним из респондентов: «Журнал, похоже, нужен больше авторам (для их отчетов), чем читателям. Поэтому нужно ключевым образом менять концепцию» (ж. «Философские проблемы информационных технологий и киберпространства»).

Завершая описание результатов исследования ЭЖ, необходимо также отметить их *коммуникационную составляющую* и роль в сетевом развитии научного сообщества. Абсолютно все респонденты отметили важность взаимодействия с читателями и авторами, а также учет их пожеланий и мнений при формировании редакционной политики изданий.

Это и технические решения, которые объединяются под названием «электронная редакция», позволяющие сделать весь процесс от подачи статьи до ее публикации и дальнейшей «жизни» максимально прозрачными, и сам сетевой принцип, эффективная реализация которого может фактически сделать журнал аналогом социальной сети ученых.

Здесь можно с уверенностью говорить о том, что влияние журналов на *процесс цифровой социализации ученых* – и авторов, и редакторов, и рецензентов – в цифровой среде происходит гораздо эффективнее привычных форм работы, практикуемых в печатных изданиях. Отмечено, что то, как авторы используют возможности электронных платформ, совершенно не зависит от их возрастной когорты. Часто авторы солидного возраста пользуются этими возможностями более активно, чем молодые. Большинство электронных изданий либо находятся на стадии внедрения системы «электронной редакции», либо уже применяют подобную практику. По словам РР, она позволяет обеспечить прозрачность процесса публикации для автора, автоматизировать редакционный процесс, упростить организацию системы рецензирования. Так как все стадии редакционного процесса фиксируются, система электронной редакции позволяет выявлять ошибки и исправлять их в дальнейшем. Хотя РР и отметили некоторые недостатки системы (нет возмож-

ности взаимодействовать через «электронную редакцию» со всеми авторами), при незначительности авторского портфеля введение электронной редакции представляется им нецелесообразным.

Все БР говорили о преимуществах электронной платформы, и только один ответил, что техническое сопровождение создает трудности. При этом в Болгарии ни в одном журнале не оказалось внедренной системы «электронной редакции» и автоматической обработки статей, только в двух журналах это планируется. Ключевыми причинами задержки внедрения таких платформ, указанными БР, являются необходимость специально выделенного на это финансирования, онлайн-администрирования, подготовленных специалистов, в целом высокого уровня цифровой грамотности, технического оборудования. БР подчеркнули, что отсутствие системы «электронной редакции» и автоматической обработки статей не влияет на качество научной продукции.

Еще один аспект развития журнала как коммуникационной площадки в условиях цифровизации – это практики расширения географии авторов и рецензентов за счет личных и профессиональных контактов редакции и редколлегии, социальных сетей, вступления в различные сетевые научные сообщества международного уровня; рассылки объявлений; коммуникации на научных мероприятиях, подготовки специальных тематических номеров. В то же время интересно, что один из респондентов журнала, входящего в WoS, отметил, что редакция специально не занимается работой по поиску авторов – они сами выходят на журнал. Это еще раз говорит о важности индексации журнала в международных базах. В качестве механизма обратной связи чаще всего исполь-

зуют электронную почту, телефон, онлайн-помощник при подаче статей. Однако одно из изданий использует следующую практику: «частые вопросы к редакции мы оформляем в официальные ответы (FAQ) на сайте издания, что позволит в дальнейшем заинтересованным лицам быстро найти ответ на возникший вопрос» (ж. *Galactica Media: Journal of Media Studies*).

Шесть из восьми БР заявили, что не сталкиваются ни с трудностями, ни с серьезными проблемами в общении с авторами. Все подтвердили, что коммуникация происходит преимущественно по электронной почте. В то же время три из пяти указывают на трудности с соблюдением сроков представления рукописей, правил технического оформления и форматирования текстов. Они подтвердили, что есть проблемы также в вопросах оформления библиографии и цитирований, со структурированием научной информации и соответствием стандартам научной публикации. Все говорили, что онлайн-общение с авторами удобнее и быстрее, но это не означает, что нужно игнорировать и другие традиционные формы коммуникации.

БР выделили сходные механизмы расширения географии авторов, в т. ч. из других стран. Относительно публикаций на английском языке БР отметили, что такие публикации есть, два респондента из трех утверждают, что они публикуются в основном болгарскими авторами. Так, в журнале «Публичные политики» 20% из публикаций – на английском языке и 80% – на болгарском при наличии номеров журнала только на английском, а в журнале «Риторика и коммуникации» представлено за его историю 50 англоязычных публикаций авторов из 25 стран, в т. ч. в номерах материалов международных конференций. Интересным представляется тот факт, что в качестве ключевого ресурса для расширения географии ав-

торов БР отметили ресурс филологического факультета Университета Св. Кирилла и Мефодия, который обеспечивает учебную и исследовательскую деятельность, связанную с широким спектром языков, культур и коммуникаций, развивает активную международную деятельность и профессиональные контакты.

Заключение

ЭЖ служат росту авторитетности представителей отдельных научных институтов и сообществ, а также способствуют изменению ландшафта самой сферы науки и развитию библиотековедения и издательского дела. В странах, переживших в 1990-е гг. кризис научной сферы, мы видим довольно бурный рост развития электронной научной периодики в последние годы; более того, в короткие сроки журналы начинают индексироваться в международных научных базах данных. История создания и развития первых научных журналов демонстрирует, что «перереформирование социальных институтов науки возможно только как следствие радикальных изменений в понимании научной рациональности», а «формы коммуникации и в целом социальные институты, обеспечивающие функционирование науки, могут возникать и успешно развиваться только в случае, если они основываются на когнитивных потребностях ученых» [Куриринов 2020, с. 54]. Выявленный нами определенный кризис доверия, сохраняющийся в отношении ЭЖ, несмотря на их бурное развитие и, более того, очень схожие взгляды российских и болгарских коллег по ключевым пунктам опроса, демонстрируют, что развитие института электронной научной периодики позволяет выделить ряд системных проблем, с которыми стал-

живается сфера научных исследований в условиях цифровизации.

Во-первых, сегодня на научную периодику, в первую очередь на авторитетные рецензируемые ЭЖ, фактически возложена миссия сохранения доверия к научным исследованиям в условиях негативных следствий глобализации и цифровизации, распространения так называемой фейковой науки и «мусорных» и «хищнических» изданий. Рецензируемые научные журналы должны и обеспечивать доверие к собственной деятельности, доказывая свою конкурентоспособность с зарекомендовавшими себя печатными периодическими изданиями, и постоянно соответствовать различным международным требованиям к современным ЭЖ, предъявляемым издательствами и индексами цитирования. В то же время им необходимо использовать появляющиеся новые технологии, адаптировать свои материалы для различных цифровых носителей, которые широко используются читателями в обычной жизни, и т. д.

Во-вторых, данное исследование показало, как понимают журналы свою особую ответственность и проблемы, с этим связанные. Это можно назвать определенным дисбалансом между имеющимися в журналах финансовыми, кадровыми, техническими ресурсами и спектром разнообразных задач, которые приходится им решать в условиях принимаемых политических решений и трансформации глобального научного ландшафта. В двух исследуемых странах активное развитие ЭЖ началось практически одновременно, и мы это связываем как с развитием информационных технологий, так и принимаемыми политическими решениями, связанными с применением наукометрии для оценки публикационной активности ученых и организаций. При этом об отмирании печатных изда-

ний и замене их ЭЖ говорить не приходится, хотя для РР во многом ограничения и затраты на выпуск печатной продукции были ключевым фактором учреждения ЭЖ.

В-третьих, надо сказать, что в Болгарии в целом ориентация на онлайн-формы представления научных результатов более отчетливо выражена, чем в России. РР делают акцент на роли ЭЖ в образовательном процессе, ориентируясь на потребности студентов и научно-педагогического состава, активно использующих электронные ресурсы в своих исследованиях и образовательном процессе (мы связываем это с развитием науки в университетах). РР выделяют образовательную роль ЭЖ, но не так акцентированно.

В-четвертых, ЭЖ также выполняют функцию цифровой социализации науки – сферы, в которой сильны традиции книжной культуры и определенного скептицизма по отношению к новым технологиям ведения научных исследований, что отмечали многие респонденты. С этим напрямую связан почти философский вопрос целеполагания онлайн- и офлайн-форм научно-издательской деятельности и невозможности прямого перенесения способов работы в печатных изданиях на поле ЭЖ. Представляется, что эта проблема требует осмысления не только с точки зрения технологического процесса, но и с точки зрения функционирования научно-издательской деятельности и ее предназначения, что так или иначе подчеркивалось нашими респондентами. Если печатное издание выполняет традиционно просветительскую, научно-образовательную, коммуникационную функцию, то в электронном к этому традиционному предназначению добавляется необходимость постоянного совершенствования технологических компетенций, языковой подготовки, поиска и апробации коммуникаци-

онных форм и даже прогнозирования развития цифровой науки.

Поэтому, по нашему мнению, ЭЖ – не только электронная, но и своего рода экспериментальная площадка и для поиска ответов на политические вызовы и решения. Именно ЭЖ выступают одним из главных рупоров движения «Открытая наука», которое в ближайшие годы неизбежно изменит ту конфигурацию в международной научно-издательской сфере, которая сложилась за последние десятилетия, а значит, трансформирует и весь мировой научный ландшафт, одновременно преодолевая кризис доверия к ним, связанный как с устоявшимися традициями, принятыми в научном сообществе, так и с неполноценным пониманием целеполагания электронных периодических изданий и их отличия от печатных.

Перспектива дальнейших исследований

Тенденции глобализации и информатизации науки в равной степени затрагивают и российское, и европейское научное сообщество. В данном контексте особый интерес представляют сравнительные исследования специфики научного и издательского поля разных стран, сравнение опыта внедрения информационных технологий в науку, применения наукометрических показателей результативности деятельности и т. п. В этой связи представляется, что начатое нами исследование имеет и дальнейший потенциал, направленный на расширение его географии и эмпирической базы. Так, нами уже было взято интервью с аналогичным списком вопросов у главного редактора электронного издания в Венгрии – проф. Дюлы Свака, инициировавшего в конце 2019 г. создание электронного журнала свободного досту-

па по исторической русистике RussianStudies.hu⁹. Мы надеемся, что результаты интервью уже в скором времени будут обобщены, и мы сможем сравнить их с ответами российских и болгарских коллег. Таким образом, данная статья представляется лишь первой в ряду результатов большого научного проекта, направленного на исследование тенденций цифровизации науки в России и Европе.

Список литературы

- Абдрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. (2019) Индикаторы цифровой экономики: 2019. Статистический сборник. М.: ВШЭ.
- Беляева Л.Н., Чернявская В.Е. (2019) Научный и технический текст и Информация 4.0: ключевые задачи при создании структурированного контента // Общество. Коммуникация. Образование. Т. 10. № 2. С. 53–63. DOI: 10.18721/JHSS.10205
- Божанкова Р. (2009) Литературни проекции на онлайн съществуването // Литерклуб. 9 юни 2009 // <http://www.litclub.com/library/kritika/bozhankova/prisustvia.htm> последно, дата обращения 21.05.2020 (на болгарском).
- Божанкова Р., Бояджиев А., Григоров Д. (2011) Проблемы на електронната публикация в славистиката // Електронно списание Littera et Lingua // <http://www.slav.uni-sofia.bg/lilijournal/index.php/bg/about-project>, дата обращения 21.05.2020 (на болгарском).
- Будапештская инициатива открытого доступа десять лет спустя // Budapest Open Access Initiative // <https://www.budapestopenaccessinitiative.org/boai-10-translations/russian>, дата обращения 21.05.2020 (на болгарском).
- Григорьева Е.И., Кирсанов А.С., Ситдииков И.М. (2014) Сайт научного журнала // Институт социологии РАН // https://www.isras.ru/files/File/publ/site_journal.pdf, дата обращения 21.05.2020.
- Информационен ресурс за новите медийни реалности // MediaWe // <http://mediawe.blogspot.com/>, дата обращения 21.05.2020 (на болгарском).
- Кириллова О.В., Диментов А.В., Тестерман Г. (2013) Доступность российской научной периодики: значение Ulrich's Periodicals Directory и веб-сайтов изданий // Наука и образование. № 6. С. 409–423 // http://download.pstgu.ru/DATACENTER/DIR_FILES/DIR_ZIP/4_2_kirillova_Ulrichs_nauka_i_obrazovaniye2013_6.pdf, дата обращения 21.05.2020.
- Куприянов В.А. (2020) Первые научные журналы и идея публичности разума в науке Нового времени // Диалог со временем. № 70. С. 41–56. DOI: 10.21267/AQUILO.2020.70.56436
- Мавродиева И. (1) (2011) Академична комуникация в интернет: уебавтор, уебредактор, уебчитател // Реторика и комуникации. бр. 1. септември // <http://rhetoric.bg/wp-content/uploads/2011/09/mavrodiava-web-author.pdf>, дата обращения 21.05.2020 (на болгарском).
- Мавродиева И. (2) (2011) Научни електронни списания в България и образователният процес // Международна научна конференция. МВБУ. Ботевград: ISB Press. С. 256–265 (на болгарском).
- Москалева О.В. (2018) Статьи открытого доступа в Web of Science – обзор журналов // Научное издание международного уровня – 2018: редакционная политика, открытый доступ, научные коммуникации: материалы 7-й международ. науч.-практ. конф. М.: Ва-

9 Онлайн-издание RussianStudies.hu // <https://www.russianstudies.hu/indexRU.html#>, дата обращения 21.05.2020.

ше цифровое издательство. С. 109–114. DOI: 10.24069/konf-24-27-04-2018.20

Московкин В.М. (2017) Движение открытого доступа: вызовы для России // Научное издание международного уровня – 2017: мировая практика подготовки и продвижения публикаций: материалы 6-й международной науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 82–89. DOI: 10.24069/2017.978-5-7996-2227-5.14

Онлайн справочник по риторика // <http://www.online.rhetoric.bg/>, дата обращения 21.05.2020 (на болгарском).

Официальный сайт Минобрнауки России «Поддержка программ развития российских научных журналов с целью их вхождения в международные наукометрические базы данных» // <https://развитиежурналов.рф/>, дата обращения 21.05.2020.

Официальный сайт профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей» // <https://raser.ru>, дата обращения 21.05.2020.

Научная электронная библиотека «Киберленинка» // <https://cyberleninka.ru/>, дата обращения 21.05.2020.

Национален център за информация и документация // <https://nacid.bg/bg/>, дата обращения 21.05.2020 (на болгарском).

Националната стратегия за научни изследвания в Република България // <https://www.fni.bg/?q=node/20>, дата обращения 21.05.2020 (на болгарском).

Паринов И.С. (2016) От открытых репозиториях к Открытой науке // Научное издание международного уровня – 2016: решение проблем издательской этики, рецензирования и подготовки публикаций: материалы 5-й Международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 217–225 // https://conf.neicon.ru/materials/15-Domestic0516/Sbornik_konf_2016.pdf, дата обращения 21.05.2020.

Семячкин Д.А., Сергеев М.А., Кисляк Е.В. (2015) Открытый доступ как

фундамент современной научной коммуникации // Материалы 4-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2015: современные тенденции в мировой практике редактирования, издания и оценки научных публикаций». СПб.: Сев.-Зап. ин-т упр. – фил. РАНХиГС. С. 125–130.

Тарханов И.А., Яблоков Б.В. (2017) Сравнительный анализ научно-образовательных интернет-ресурсов исторической направленности // История. Т. 8. № 7(61). DOI: 10.18254/S0001905-4-1

Тарханов И.А., Яблоков Б.В., Фомин-Нилов Д.В., Фомин М.В. (2018) Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ «Электронная библиотечная система социогуманитарного знания».

Тремба А.А. (2015) Технические особенности системы электронной редакции Open Journal Systems (OJS) // Материалы 4-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня – 2015: современные тенденции в мировой практике редактирования, издания и оценки научных публикаций». СПб.: Сев.-Зап. ин-т упр. – фил. РАНХиГС. С. 147–150.

Федеральный закон «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года № 2124-1 (1991) // Консультант плюс // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/, дата обращения 21.05.2020.

Фомин-Нилов Д.В. (2019) Кибер, крипто и культура научных коммуникаций // Научное издание международного уровня – 2019: стратегия и тактика управления и развития: материалы 8-й Международ. науч.-практ. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 114–117. DOI: 10.24069/konf-23-26-04-2019.17

Шибаршина С.В. (2019) Научные коммуникации и коллаборации в сети как возможные зоны обмена // Социоло-

гия науки и технологий. Т.10. № 2. С. 75–92. DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12004

Яковлева А.Ф. (2013) Об основных подходах к оценке результативности научных исследований в России // Рубцов А.В. (ред.) Измерение философии. Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. М.: ИФРАН. С. 144–156.

Beall J. (2016) Ban Predators from the Scientific Record // *Nature*, vol. 534, p. 326. DOI: 10.1038/534326a

Budapest Open Access Initiative // <https://www.budapestopenaccessinitiative.org/>, дата обращения 21.05.2020.

Fomin-Nilov D., Tarkhanov I. (2016) The Form of Scientific Papers in Online Historical Journals // *Indian Journal of Science and Technology*, vol. 9(29). DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i29/88931

Harter S., Kim Hak J. (1997) Electronic Journals and Scholarly Communication: A Citation and Reference Study // *Jour-*

nal of Electronic Publishing, vol. 3, no 2. DOI: 10.3998/3336451.0003.212

Laakso M., Welling P., Bukvo-va H., Nyman L., Björk B-C., Hedlund T. (2016) The Development of Open Access Journal Publishing from 1993 to 2009 // *PLoS ONE*, vol. 6, no 6. DOI: 10.1371/journal.pone.0020961

Llewellyn R.D., Pellack L.J., Shonrock D.D. (2002) The Use of Electronic-Only Journals in Scientific Research // *Issues in Scientific and Technology Librarianship*, vol. 35. DOI: 10.5062/F41V5BZM

Tenopir C., King D.W. (2000) *Towards Electronic Journals: Realities for Scientists, Librarians, and Publishers*, Washington: Special Libr. Assoc.

The IMD World Digital Competitiveness Ranking (2019) // IMD // <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/>, дата обращения 21.05.2020.

National Peculiarities

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-8

Features of Functioning and Development of Network Scientific Journals in the Modern Digital Landscape System: Russian and Bulgarian Experience Comparative Analysis

Alexandra F. YAKOVLEVA

PhD in Politics, Professor

State Academic University for the Humanities, 119049, Maronovsky by-str., 26, Moscow, Russian Federation

Leading Researcher

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political Science, 119991,

Lomonosovskiy Av., 27/4, Moscow, Russian Federation

E-mail: afyakovleva@gmail.com

ORCID: 0000-0002-6967-2660

Ivanka T. MAVRODIEVA

DSc in Philosophy, Full Prof. Doc. Hab.

Sofia University "St. Kliment Ohridski", Faculty of Philosophy, 1504, Tsar Osvoboditel blv., 15, Sofia, Bulgaria

E-mail: mavrodieva@phls.uni-sofia.bg

ORCID: 0000-0002-3764-5123

Vladimir A. BOLDIN

PhD in Politics, Assistant

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Political science, 119991,

Lomonosovskiy Av., 27/4, Moscow, Russian Federation

E-mail: boldin.v.a@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0681-098X

CITATION: Yakovleva A.F., Mavrodieva I.T., Boldin V.A. (2020) Features of Functioning and Development of Network Scientific Journals in the Modern Digital Landscape System: Russian and Bulgarian Experience Comparative Analysis. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 153–176 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-8

Received: 02.04.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: This article was prepared with financial support as part of the implementation of the state project on the topic "The Modern Information Society and Digital Science: Cognitive, Economic, Political and Legal Aspects" (FZNF-2020-0014).

ABSTRACT. *The article analyzes the experience of development of electronic scientific journals in Russia and Bulgaria in the context of general trends of digitalization and transformation of the sphere of science management in recent decades and also the implementation of a strategy to increase the competitiveness of science in the global scientific community, which is reflected in the activities of scientific journals. The main problem that draws attention of the authors is how universal digitalization changes the usual view of science, affecting the development of periodicals, and how, on the contrary, the network form of social institutions of science affects its development, what place such journals occupy in the general view of science. The article examines the potential of journals in Russia and Bulgaria to promote the achievements of scientists, increase the credibility of representatives of individual scientific and educational institutions, meet the requirements of scientometrics, reflect the trends of transformation of the global scientific landscape, and fight against “fake” science. The object of the research is a number of journals in the fields of political science, philosophy, history, cultural studies, sociology, psychology, communications and information technologies published in Russia and Bulgaria, which originated as a network or use the network form as one of the main ones in their activities. The main method used in the study is an expert survey. The guide of the expert interview includes 18 questions in Russian and Bulgarian. A total of 12 interviews are conducted with editors-in-chief and members of editorial boards of 9 Russian journals, and 8 interviews with editors-in-chief of Bulgarian journals. The comparative analysis reveals similarities and differences in the goal setting of creating electronic journals, their advantages and disadvantages, the role of scientometrics, the choice of access forms and technological solutions for communication, and development prospects. The role of electronic journals in the digital socialization of scientists – authors, editors, and reviewers, and in the*

transformation of the usual forms of research activities of modern researchers is shown. The question of the key role of electronic journals in the fundamental change in the global scientific landscape at the same time identifies the problem of the crisis of confidence in e-magazines related to as with tradition, accepted by the scientific community, and with inadequate understanding of goal setting of electronic periodicals and their differences from print publications.

KEY WORDS: *electronic journal, network form of scientific communication, digitalization, globalization, scientometrics*

References

- Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gokhberg L.M. et al. (2019) *Digital Economy Indicators: 2019. Statistical Digest*, Moscow: HSE (in Russian).
- Beall J. (2016) Ban Predators from the Scientific Record. *Nature*, vol. 534, p. 326 DOI: 10.1038/534326a
- Belyaeva L.N., Chernyavskaya V.E. (2019) Scientific and Technical Text and Information 4.0: Key Tasks in Creating Structured Content. *Society, Communication & Education*, vol. 10, no 2, pp. 53–63 (in Russian). DOI: 10.18721/JHSS.10205
- Bozhankova R. (2009) Literary Projections of Online Existence. *Literature Club*, June 9, 2009. Available at: <http://www.litclub.com/library/kritika/bozhankova/prisustvia.htm>, accessed 21.05.2020 (in Bulgarian).
- Bozhankova R., Boyadzhiev A., Grigorov D. (2011) Problems of Electronic Publication in Slavic Studies. *Elektronno spisanie Littera et Lingua*. Available at: <http://www.litclub.com/library/kritika/bozhankova/prisustvia.htm>, accessed 21.05.2020 (in Bulgarian).
- Budapest Open Access Initiative*. Available at: <https://www.budapestopenaccessinitiative.org/>, accessed 21.05.2020

Budapest Open Access Initiative Ten Years Later. *Budapest Open Access Initiative*. Available at: <https://www.budapestopenaccessinitiative.org/boai-10-translations/russian>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Federal Law "On the Media", December 27, 1991, No. 2124-1 (1991). *ConsultantPlus*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Fomin-Nilov D.V. (2019) Cyber, Crypto and the Culture of Scientific Communications. *Scientific Publication of the International Level – 2019: Strategy and Tactics of Management and Development: Materials of the 8th International Scientific-practical Conference*, Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universitetata, pp. 114–117 (in Russian). DOI: 10.24069/konf-23-26-04-2019.17

Fomin-Nilov D., Tarkhanov I. (2016) The Form of Scientific Papers in Online Historical Journals. *Indian Journal of Science and Technology*, vol. 9(29). DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i29/88931

Grigoryeva E.I., Kirsanov A.S., Sitdikov I.M. (2014) Site of the Scientific Journal. *The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISRAS)*. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3058>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Harter S., Kim Hak J. (1997) Electronic Journals and Scholarly Communication: A Citation and Reference Study. *Journal of Electronic Publishing*, vol. 3, no 2. DOI: 10.3998/3336451.0003.212

Information Resource for New Media Realities. *MediaWe*. Available at: <http://mediawe.blogspot.com>, accessed 21.05.2020 (in Bulgarian).

Kirilova O.V., Dimentov A.V., Testerman G. (2013) Accessibility of Russian Scientific Periodicals: The Significance of the Ulrich's Periodicals Directory and Web Sites of Publications. *The Science and Education Journal*, no 6, pp. 409–423 (in Russian). DOI: 10.7463/0613.0585718

Kupriyanov V.A. (2020) The First Scientific Journals and the Idea of Publicity of Rea-

son in the Science of the New Time. *Dialogue with Time*, no 70, pp. 41–56 (in Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2020.70.56436

Laakso M., Welling P., Bukvova H., Nyman L., Björk B-C., Hedlund T. (2016) The Development of Open Access Journal Publishing from 1993 to 2009. *PLoS ONE*, vol. 6, no 6. DOI: 10.1371/journal.pone.0020961

Llewellyn R.D., Pellack L.J., Shonrock D.D. (2002) The Use of Electronic-Only Journals in Scientific Research. *Issues in Scientific and Technology Librarianship*, vol. 35. DOI: 10.5062/F41V5BZM

Mavrodieva I. (1) (2011) Academic Communication on the Internet: Web Author, Web Editor, Web Reader. *Retorika i komunikatsii*, no 1, September. Available at: <http://rhetoric.bg/wp-content/uploads/2011/09/mavrodieva-web-author.pdf>, accessed 21.05.2020 (in Bulgarian).

Mavrodieva I. (2011) Scientific Electronic Journals in Bulgaria and the Educational Process. *International Scientific Conference*. International Business School (IBS), Botevgrad: ISB Press, pp. 256–265.

Moskaleva O.V. (2018) Open Access Articles in Web of Science – Magazine Review. *Scientific Publication of International Level – 2018: Editorial Policy, Open Access, Scientific Communications: Materials of the 7th International Scientific-practical Conference*, April 24–27, 2018, Moscow: Vashe tsifrovoe izdatel'stvo, pp. 109–114 (in Russian). DOI: 10.24069 / konf-24-27-04-2018.20

Moskovkin V.M. (2017) Open Access Movement: Challenges for Russia. *Scientific Publication of the International Level – 2017: World Practice of Preparing and Promoting Publications: Materials of the 6th International Scientific-practical Conference*, Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universitetata, pp. 82–89 (in Russian). DOI: 10.24069/2017.978-5-7996-2227-5.14

National Agency for Information and Documentation. Available at: <https://nacid.bg/bg/>, accessed 21.05.2020 (in Bulgarian).

Online Reference Book on Rhetoric. Available at: <http://www.online.rhetoric.bg/>, accessed 21.05.2020 (in Bulgarian).

Parinov I.S. (2016) From Open Repositories to Open Science. *Scientific Publication of the International Level – 2016: Solving the Problems of Publishing Ethics, Reviewing and Preparing Publications: Materials of the 5th International Scientific-practical Conference*, Yekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universitetata, pp. 217–224 (in Russian).

Scientific e-library "Cyberleninka". Available at: <https://cyberleninka.ru/>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Semyachkin D.A., Sergeev M.A., Kislyak E.V. (2015) Open Access as the Foundation of Modern Scientific Communication. *Materials of the 4th International Scientific and Practical Conference "Scientific Publication of the International Level – 2015: Current Trends in World Practice of Editing, Publishing and Evaluating Scientific publications"*, Saint Petersburg: Severo-Zapadnyj institut upravleniya, pp. 125–130 (in Russian).

Shibarshina S.V. (2019) Scientific Communications and Collaborations in the Network as Possible Exchange Zones. *Sociology of Science and Technology*, vol. 10, no 2, pp. 75–92 (in Russian). DOI: 10.24411/2079-0910-2019-12004

Tarkhanov I.A., Yablokov B.V. (2017) Comparative Analysis of Scientific and Educational Internet Resources of a Historical Orientation. *Istoriya*, vol. 8, no 7(61) (in Russian). DOI: 10.18254/S0001905-4-1

Tarkhanov I.A., Yablokov B.V., Fomin Nilov D.V., Fomin M.V. (2018) *Certificate of State Registration of the Computer Program "Electronic Library System of Socio-humanitarian Knowledge"*.

Tenopir C., King D.W. (2000) *Towards Electronic Journals: Realities for Scientists,*

Librarians, and Publishers, Washington: Special Libr. Assoc.

The IMD World Digital Competitiveness Ranking (2019). IMD. Available at: <https://www.imd.org/wcc/world-competitiveness-center-rankings/world-digital-competitiveness-rankings-2019/>, accessed 21.05.2020.

The National Strategy for Scientific Research in the Republic of Bulgaria. Available at: <https://www.fni.bg/?q=node/20>, accessed 21.05.2020 (in Bulgarian).

The Official Website of the Professional Community "Association of Scientific Editors and Publishers". Available at: <https://rasep.ru>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

The Official Website of the Russian Ministry of Education and Science "Support for the Development of Russian Scientific Journals with a View to Their Entry into International Scientometric Databases". Available at: <https://развитиержурналов.рф/>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Tremba A.A. (2015) Technical Features of the Open Journal Systems (OJS) Electronic Editorial System. *Materials of the 4th International Scientific and Practical Conference "Scientific Publication of International Level – 2015: Current Trends in the World Practice of Editing, Publishing and Evaluating Scientific Publications"*, Saint Petersburg: Severo-Zapadnyj institut upravleniya, pp. 147–150.

Yakovleva A.F. (2013) On the Main Approaches to Assessing the Effectiveness of Scientific Research in Russia. *Measurement of Philosophy. On the Grounds and Criteria for Evaluating the Effectiveness of Philosophical and Socio-humanitarian Research* (ed. Rubtsov A.V.), Moscow: Institut filosofii RAN, pp. 144–156 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития

Василий Клавдиевич БЕЛОЗЁРОВ

член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», 119034, Остоженка ул., д. 38, стр. 1, Москва, Российская Федерация
E-mail: vk_belozerov@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4875-5878

ЦИТИРОВАНИЕ: Белозёров В.К. (2020) Международная политическая коммуникация в условиях цифровизации мирового развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 177–194. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

Статья поступила в редакцию 10.03.2020.

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена исследованию феномена международной политической коммуникации, которая меняется в условиях цифровизации мирового развития. Общая логика осмысления и последовательность изложения материала обусловлены рядом обстоятельств. Прежде всего, следует констатировать, что современная социально-политическая практика реагирования на цифровизацию характеризуется фрагментарностью, дискретностью и незавершенностью. Вместе с тем цифровизация является реально существующим феноменом, имеющим и политическое измерение, в т. ч. в сфере международных отношений, а ее проявления, последствия и перспективы воздействия нуждаются в научном осмыслении. Кроме того, и сама международная политическая коммуникация, будучи объективно существующим явлением, остается недостаточно изученной, отсутствует и ее научно обоснованное понятие.*

Проводимые исследования коммуникативных процессов сосредоточены преимущественно на внутривнутриполитической сфере. В результате содержание и направленность изменений, происходящих в сфере международной политической коммуникации под воздействием цифровизации, научным сообществом в полной мере не оценены.

Методологическую основу исследования составили теории политической коммуникации и политического реализма. Раскрытие заявленной темы потребовало обращения к таким исследовательским методам, как структурно-функциональный анализ, анализ документов, сравнительный анализ, анализ результатов деятельности. По результатам анализа сложившихся подходов автором выводится определение международной политической коммуникации. На основе изучения профильной литературы и доступных примеров из практики выявляются и характеризуются проблемные кластеры

международной политической коммуникации, предлагаются некоторые меры реагирования на цифровизацию, выделяются приоритеты развития понятийного аппарата познания указанного феномена. С целью оценки и понимания перспектив реагирования на цифровизацию международной политической коммуникации уделено внимание изучению и сопоставлению установок доктринальных документов России, США, Германии и Австрии, декларирующих намерения действий в данной сфере. Обосновывается, что изменения в практике международной политической коммуникации в условиях цифровизации будут нарастать, что требует ее дальнейшего теоретического осмысления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *политическая коммуникация, обмен смыслами, субъекты международных отношений, международная политическая коммуникация, цифровизация, международная безопасность, доктринальные документы, имплементация цифровизации*

Информация и коммуникация постоянно преобразуют социальную и политическую жизнь на национальном и глобальном уровнях. В современных условиях набирает силу новый фактор, цифровизация, означающая, что языковые конструкции и нарративы интенсивно замещаются цифровыми кодами. В результате мир из информационной эпохи переходит в цифровую. При этом давать всестороннюю характеристику происходящего, осуществлять всесторонний анализ изменений в сфере политики и политической коммуникации, разрабатывать точный прогноз и определять направленность процессов весьма проблематично, поскольку «база данных», созданная политической практикой, фрагментарна и дискретна, а объем научных знаний о

феномене цифровизации в ее политическом измерении еще недостаточен. К тому же цифровизация часто остается новомодным понятием, многократное повторение которого мало что дает для анализа. Тем не менее можно утверждать, что политическая коммуникация претерпевает качественные изменения.

Сложившаяся ситуация нуждается в осмыслении, которое диктуется потребностью в формировании теоретических подходов, позволяющих точно диагностировать сложившееся состояние сферы политической коммуникации, понять перспективы ее развития и на этой основе предложить адекватные способы реагирования на происходящее. Оценка и понимание сложившейся ситуации в значительной степени осложняются тем, что международная политическая коммуникация как реально существующее относительно самостоятельное явление в системном виде не исследована, ее понятие не выработано. Следует констатировать недостаток необходимого научного инструментария при том, что в практике международной политической коммуникации сложились проблемные кластеры, нуждающиеся в понимании и не охваченные вниманием исследователей.

Международная политическая коммуникация как явление и понятие

Само понятие «политическая коммуникация» относится к числу достаточно разработанных в науке, о чем свидетельствует целый ряд проведенных исследований. В самом общем виде политическая коммуникация может быть охарактеризована как процесс обмена информацией между политическими акторами, осуществляемого в ходе их формальных и неформальных

взаимодействий. В настоящее время имеется целый ряд определений политической коммуникации. Остановимся на том, которое сформулировано профессором М.Н. Грачевым, исследовавшим различные подходы к пониманию этого феномена: «объем понятия «политическая коммуникация» в наиболее общем виде должен включать в себя всю совокупность феноменов информационного воздействия и взаимодействия в сфере политики, связанных с конкретно-исторической деятельностью политических акторов по поводу власти, властно-управленческих отношений в обществе» [Грачев 2004, с. 75].

Как обоснованно и образно отмечается в одном из исследований, политическая коммуникация представляет собой для политической системы «то же, что кровообращение для организма человека» [Шварценберг 1992, с. 175]. Очевидно, что обмен информацией, коммуникация, разворачивается в обществе, в его политической системе как по вертикали, так и по горизонтали. Поэтому традиционно в рамках политической системы принято выделять информационно-коммуникативную подсистему. При этом современные концепции коммуникации все больше признают ограниченность подхода, предполагающего непосредственное прямолинейное воздействие на аудиторию, и ориентируются на диалоговый режим, предполагающий взаимодействие субъектов и объектов политики.

Политическая коммуникация – явление многомерное и динамично развивающееся, и научное сообщество достаточно оперативно реагирует на реалии и в проводимых исследованиях обращается к различным проявлениям этого феномена, к происходящим изменениям. В подтверждение можно отметить некоторые из множества вышедших недавно научных работ¹. Кроме того, в образовательных организациях высшего образования вот уже в течение ряда лет изучаются и соответствующие учебные дисциплины, подготовлены и учебные издания по политической коммуникации для разных направлений подготовки².

Признавая существенные и продуктивные результаты, полученные в результате научного познания процессов политической коммуникации, следует вместе с тем констатировать небезынтересное обстоятельство. В проводимых представителями российской науки исследованиях речь идет в большинстве случаев об осмыслении указанного феномена применительно только к внутривнутриполитической сфере, поскольку де-факто коммуникация ограничивается рамками политической системы общества. При этом международная политическая коммуникация еще не оказалась в фокусе научных исследований в качестве относительно самостоятельного феномена. Научных работ, в которых международная политическая коммуникация

1 См.: Бронников А.И. (2011) Особенности сети Интернет как формы политической коммуникации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.; Вершинин М.С. (2001) Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во Михайлова В.А.; Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопьев А.Т. (1997) Неформальная политическая коммуникация. М.: Росспэн; Евгеньевна Т.В., Селезнева А.В. (2017) Психология массовой политической коммуникации. М.: Юрайт; Малиновский С.С. (2013) Политическая коммуникация в Рунете как фактор российского политического процесса: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.; Тимофеева Л.Н. (ред.) (2012) Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); РОССПЭН; Посикера Л.Р. (1994) Политическая коммуникация в условиях избирательных кампаний: анализ концепций и технологий: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.

2 См.: Миронова П.О. (ред.) (2005) Жанры политической коммуникации: практикум по курсу «Теория и практика СМИ» (для студентов филологического факультета). Омск: Изд-во ОмГУ; Соловьев А.И. (ред.) (2004) Политические коммуникации: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс; Хубецова З.Ф. (2017) Политическая коммуникация. Теория, образование, опты: учеб. пос. в 2 ч. Ч. 1: Исследование и преподавание политической коммуникации. М.: Смелый дизайнер.

ция заявляется в прямой постановке, практически нет, или же она исследуется лишь как компонент системы международных отношений или их фактор, т. е. острается фактически частным сюжетом³.

Между тем очевидным представляется то обстоятельство, что сфера международных отношений и внешней политики является реально существующим феноменом, и без тщательного изучения коммуникативных и информационных процессов, разворачивающейся в ее рамках, представление об этой сфере получается неполным и односторонним. Задача же научного анализа состоит в том, чтобы охватить весь феномен и сформировать на этой основе его целостное восприятие. Разумеется, сами по себе международные отношения уже правомерно расценивать и как специфическую коммуникацию между их участниками.

Следует признать и тот факт, что между внутренней и внешней политической коммуникацией нет и не может быть непроницаемого барьера. В этой связи невозможно отрицать того, что проводимые в сфере внутривнутриполитической коммуникации научные исследования создают необходимую теоретическую и методологическую основу для познания коммуникации во внешнеполитической сфере. Изучение коммуникации, возникающей в сфере международных отношений, опирается на уже разработанный понятийный аппарат и выявленные и научно обоснованные функции, принципы, методы, формы, технологии и т. д.

В дискуссионном плане международная политическая коммуникация

может быть дефинирована как *процесс обмена смыслами между акторами (участниками) международных отношений*. Такая коммуникация осуществляется посредством организации связей с общественностью, публичной (общественной) дипломатии, принудительной дипломатии (представляющей собой действия по убеждению оппонента в необходимости прекращения агрессивных действий). Международная коммуникация предлагает как открытое влияние и воздействие на партнеров и оппонентов (посредством связей с общественностью, культурных и академических обменов, организации работы информационно-культурных центров и неправительственных организаций в зарубежных государствах и т. д.), так и скрытое (проведением специально организованных информационных кампаний и операций, поддержкой и скрытым целенаправленным финансированием оппозиционных действующей власти организаций, формированием лояльных СМИ и др.). Внешнеполитическая практика постоянно предоставляет свидетельства того, что оказываемое информационное влияние и воздействие может преследовать цели, расходящиеся с интересами объекта. Причем последний может об этом даже не догадываться.

К сфере международной политической коммуникации необходимо отнести и специфические информационные процессы воздействия и взаимодействия, которые возникают при подготовке и в ходе военных конфликтов [Hartwig 1999]. Так, отечественный военный мыслитель А.А. Свечин почти

3 См.: Абу-Хаттаб А.А. (2013) Политические коммуникации в системе международных отношений // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета // Гуманитарные и общественные науки. № 3. С. 166–173 // <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-kommunikatsii-v-sisteme-mezhdunarodnyh-otnosheniy/viewer>, дата обращения 20.05.2020; Макарьян Д.В. (2008) Информационно-коммуникационные технологии как фактор международных отношений: политические и правовые аспекты: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.

век назад образно писал о «бумажной войне», которая всегда в истории сопровождала действия с оружием в руках» [Свечин 2003, с. 131].

Особая коммуникация возникает и в связи с действиями международных экстремистских и террористических организаций. Международный терроризм, как известно, имеет собственную коммуникативную стратегию. Вполне обоснованно то, что противодействие террористической деятельности находится в фокусе проводимых в России и за рубежом научных исследований⁴.

В наиболее же выраженном виде, как представляется, специфика международной политической коммуникации определяется особенностями ее субъектов и объектов, и, следовательно, возникающих между ними субъект-субъектных и субъект-объектных отношений. В качестве совокупных субъектов такой коммуникации традиционно выступают государства, создаваемые ими межгосударственные объединения и международные организации. В условиях глобализации признаки субъектности появляются и у негосударственных и транснациональных игроков, обладающих мощными ресурсами и все более активно действующих на мировой арене. Здесь достаточно назвать реально конкурирующие с государствами и созданными ими институтами транснациональные корпорации, глобальные медиаимперии, частные военные фирмы, террористические организации и т. д. В рамках отношений указанных субъектов формируется сложная система коммуникации.

Проблемные кластеры практики международной политической коммуникации

В рамках ограниченной по объему публикации не представляется возможным дать развернутую и исчерпывающую характеристику международной политической коммуникации. Вместе с тем, опираясь на профильную библиографию и исходя из анализа доступной для изучения внешнеполитической практики, имеет смысл сосредоточиться именно на тех феноменах, которые позволяют подчеркнуть специфический статус и автономность международной коммуникации.

Прежде всего, заслуживает внимания коммуникация, складывающаяся в процессе деятельности руководителей государств и иных должностных лиц и руководителей, участвующих в принятии решений в сфере международных отношений и внешней политики.

Следует при этом отметить, что сама по себе информация публично-характера, исходящая от политических руководителей ведущих субъектов международных отношений, обычно оказывается весьма востребованной и вызывает сильный общественный резонанс. Эффект усиливается в случае, например, появления программных заявлений, развернутых статей политиков мирового значения в транснациональных СМИ, обусловленных значимым информационным поводом или подготовленных по острому впросам, стоящим на политической повестке дня. В качестве примера можно привести опубликование 28 февраля

4 См., например: Базаркина Д.Ю. (2017) Роль коммуникационного обеспечения в антитеррористической деятельности Европейского союза: автореф. дис. д-ра ... полит. наук. М.; Журавлев Д.А. (2011) Международный терроризм в информационно-коммуникативном пространстве мировой политики: автореф. дис. канд. ... полит. наук. М.; Куренной В.А. (2006) Война, терроризм и медиа // Прогнозис. № 1. С. 276–312 // <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/f96p9n9ltl/direct/90672753>, дата обращения 20.05.2020; Туронков С.Г. (2011) Информационный терроризм: выработка стратегии противодействия // Общественные науки и современность. № 4. С. 131–140 // <http://ecsocman.hse.ru/data/2014/01/16/1251303793/Turonok.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

ля 2006 г. известным американским изданием Wall Street Journal статьи президента России В.В. Путина «Энергетический эгоизм – путь в никуда» на английском языке⁵. Повышенный интерес у зарубежной аудитории вызывают и публикации других высокопоставленных российских руководителей по актуальным вопросам международной жизни в случае их выхода на иностранных языках⁶.

Особого же исследовательского интереса, несмотря на объяснимую закрытость и фрагментарность открытой информации, заслуживает коммуникация, возникающая в результате прямых контактов и взаимодействия первых лиц государств (лиц, принимающих решения), руководителей влиятельных международных организаций. О важности устойчивых непосредственных контактов между указанными субъектами свидетельствует, например, то обстоятельство, что открытие в ноябре 1981 г. линии тропосферной связи между СССР и Индией было отмечено в нашей стране выпуском специального почтового блока с изображением лидеров двух держав, Л.И. Брежнева и Индиры Ганди, общающихся по телефону. Наиболее интенсивным обмен информацией между политическими лидерами становится при обострении международных отношений или в периоды их кризисного развития. Доступной для общественности такая информа-

ция становится, как правило, по прошествии нескольких лет или даже десятилетий, по мере снятия секретности. В настоящее время, например, доступна информация о переписке и ином общении руководителей государств антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны⁷. Объектом научного исследования традиционно становится и деятельность политических руководителей и иных лиц, связанная с международными переговорами⁸.

Непосредственное отношение к международной политической коммуникации имеет и *деятельность политической и военной разведки*.

В снабжении релевантной информацией руководителей государств и других лиц и органов, принимающих решения, связанных со сферой внешней политики и международных отношений, деятельность разведывательных служб играет первостепенную роль. В любой стране распространение информации об этой специфической активности ограничено. Политическая разведка представляет собой разновидность разведывательной деятельности. Ее объектом являются ресурсы, средства, планы и секреты других субъектов (прежде всего государств), а также сведения внутривнутриполитического и внешнеполитического характера. Разведывательный анализ представляет собой совокупность мер, осуществляемых экспертно-аналитическими ин-

5 Putin V.V. (2006) Energy Egotism Is a Road to Nowhere // Wall Street Journal, February 28, 2006 // <https://www.wsj.com/articles/SB114109695150485008>, дата обращения 20.05.2020.

6 В качестве примера можно привести статью С.Б. Иванова в вестник его министром обороны России. См.: Iwanow S. (2004) Russlands Streitkräfte: Der Weg zur neuen Qualität und zum neuen Antlitz. Gegenwärtiger Stand sowie Perspektiven des Aufbaus und der Entwicklung // Österreichische militärische Zeitschrift, no 4, pp. 387–394.

7 См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (1958). В 2 томах. М.: Госполитиздат.

8 См.: Егорова Е.М., Кудинов И.Е. (2011) Личностный аспект взаимодействия глав государств и экспертов в переговорах в международных конфликтах // Информационные войны. № 4(20). С. 12–21 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17063974_59778726.pdf, дата обращения 20.05.2020; Лебедева М.М. (1993) Процесс международных переговоров: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М.; Хрусталев М.А. (2004) Методология анализа международных переговоров // Международные процессы. № 3 (16). С. 64–78 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_17026265_42243173.pdf, дата обращения 20.05.2020.

ститутами разведывательного сообщества и направленных на идентификацию и описание релевантных для субъекта политических проблем. Такие меры предполагают постановку информационно-поисковых задач, добычу, обработку полученной информации с целью информационного обеспечения субъектов, участвующих в подготовке и принятии решений в сфере международных отношений [Аналитический словарь 2015, с. 79].

Объяснимая закрытость конкретных мероприятий разведки и иных связанных с ней сведений не означает, что данная социальная активность вообще не может или не должна быть подвержена изучению при помощи методов научного анализа. Поэтому как в нашей стране, так и за рубежом проводятся исследования в сфере разведывательной деятельности и военной дипломатии⁹. Следует учитывать также и то, что разведывательная деятельность в правовом государстве имеет юридическую регламентацию. Так, согласно законодательству нашей страны, разведывательная деятельность осуществляется органами внешней разведки Российской Федерации посредством добычи и обработки информации о затрагивающих ее жизненно важные интересы реальных и потенциальных возможностях, действиях, планах и намерениях иностранных государств, орга-

низаций и лиц (ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке»)¹⁰. Схожим образом осуществляется правовое регулирование работы информационных служб и в других государствах.

Важно также и то, что деятельность разведывательных служб, являющихся неотъемлемым компонентом сектора безопасности государства, в условиях демократии строится с учетом требований примата политики и подлежит гражданскому контролю¹¹. В этой связи, в частности, предпринимаются меры для обеспечения открытости таких служб (например, поддерживаются их официальные сайты).

Приоритеты развития понятийного аппарата международной политической коммуникации

Оценивая, пусть даже фрагментарно, состояние научной разработанности международной политической коммуникации в современной России, имеет смысл вкратце остановиться на некоторых практических и теоретических вопросах, требующих дальнейшего осмысления.

Прежде всего, следует обратить внимание на сложившееся состояние поня-

9 См.: Винокуров В.И. (2009–2011) История военной дипломатии (монография). Т. 1–4. М.: Перемены; Гринин Н.П. (2010) Американская разведка в формировании внешней политики США // Проблемы национальной стратегии. № 1 (2). С. 64–78 // https://riss.ru/images/pdf/journal/2010/1/Gribin_2010_1.pdf, дата обращения 20.05.2020; Дамаскин И.А. (2012) Вожди и разведка. От Ленина до Путина. М.: Вече; Плэтт В. (1958) Информационная работа стратегической разведки: Основные принципы. М.: Изд-во иностр. лит.; Свечин А.А. (2003) Стратегия. М.: Кучково поле. С. 267–271; 576–578; Старкин С.В. (2011) Аналитические институты разведывательного сообщества США: концептуальные основы, механизмы и технологии деятельности в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Нижний Новгород; Хилсман Р. (1957) Стратегическая разведка и политические решения. М.: Издательство иностранной литературы и др.

10 См.: Федеральный закон Российской Федерации от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ «О внешней разведке» (1996) // Российская газета. 17 января 1996 // http://svr.gov.ru/svr_today/doc02.htm, дата обращения 20.05.2020.

11 См.: Борн Г., Лей И. (2005) Подотчетность спецслужб: правовые нормы, опыт и рекомендации. Издание Женевского центра демократического контроля над вооруженными силами; Виллз А. (2010) Понимание подотчетности разведки. Женева: Женевский центр демократического контроля над вооруженными силами; Лаврентьев А.В. (2005) Гражданский контроль над вооруженными силами и разведывательными службами в США (по американским источникам). М.: Издательство МГОУ.

тийного аппарата международной политической коммуникации. Как представляется, актуализируется необходимость разработки оригинальной терминологии. На это указывает, в частности, распространение практики оперирования непроработанными терминами, привнесенными извне (из-за рубежа), причем иногда без достаточного на то основания.

Так, в настоящее время в политическом и научном дискурсе в России получило распространение понятие «стратегическая коммуникация». При этом фактически происходит отождествление стратегической коммуникации с международной коммуникацией. Нельзя не отметить и определенную смысловую неоднозначность, присущую популярному термину «стратегическая коммуникация», равно как и целесообразность его использования. В частности, отечественными специалистами обоснованно отмечается, что нередко указанный термин используется просто для замещения устоявшегося понятия «связи с общественностью» ввиду его большей привлекательности [Старых 2013, с. 5]. Привлекательность и притягательность в данном случае связываются с самим понятием «стратегия» (и производным от него), все более широко и не всегда уместно используемым в российском политическом дискурсе. Кроме того, в отечественной науке все еще не существует и четкого понимания того, что такое «стратегия» в политической сфере.

Ознакомление с профильной зарубежной литературой позволяет установить, что понятие «стратегическая ком-

муникация» фактически является заимствованием, калькированием термина, уже зафиксированного в официальных документах США почти пятнадцать лет назад. В них стратегическая коммуникация представлена в качестве некоего «симбиоза» публичной политики, публичной дипломатии, военных информационных операций. В соответствии с таким подходом под стратегической коммуникацией понимаются «целенаправленные усилия правительства США по пониманию и привлечению ключевых объектов воздействия (целевых групп) для создания, укрепления или сохранения условий, благоприятствующих продвижению интересов, политики и целей правительства США посредством использования скоординированных программ, планов, задач, поручений и результатов, согласованных с действиями всех инструментов национальной мощи»¹².

Российские исследователи посредством использования закрепленного в американских источниках понятия «стратегическая коммуникация» (СК) характеризуют внешнеполитические процессы, связанные с Латинской Америкой¹³. При этом Е.А. Виноградова утверждает, что «несмотря на различные теоретические трактовки СК, ее суть заключается в управлении целевыми аудиториями с целью изменить их поведение и донести до них те ценности или информацию, которые необходимы государству, применяющему СК. Исследователи в основном выделяют три составные части СК: общественную дипломатию, связи с общественностью и информационно-пси-

12 QDR Execution Roadmap for Strategic Communication (2006) // U.S. Department of State, September 2006, p. 3 // <https://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDRRoadmap20060925a.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

13 См.: Виноградова Е.А. (2015) Роль стратегической коммуникации во внешней политике АЛБА (на примере отношений со странами ЕС): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.; Пашенцев Е.Н. (2013) Стратегическая коммуникация США в Латинской Америке // Государственное управление. № 38. С. 83–120 // http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2013/vipusk__38__ijun_2013_g_/_kommunikazionnii_menedjment_i_strategiticheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/pashentsev.pdf, дата обращения 20.05.2020.

хологические операции» [Виноградова 2015, с. 21].

В сложившихся условиях существует необходимость проработки понятия «стратегическая коммуникация» с целью установления содержащейся в нем смысловой нагрузки, что позволит более точно применять его для характеристики какого-либо политического явления или процесса международной жизни.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что ряд сформированных и активно используемых для изучения сферы международной политической коммуникации понятий и концепций несут в себе негативную конфронтационную смысловую нагрузку и коннотацию. Достаточно назвать информационную и психологическую войну и противоборство, информационные и психологические операции. По сравнению с ними понятие международной политической коммуникации представляется более корректным и нейтральным. При этом перспективными направлениями научных исследований представляются такие феномены, как политическая семантика, политическая семиотика, политическая лингвистика, коммуникативная компетентность, стратегическая культура, политический имиджмейкинг и др.

В практике международной коммуникации также существуют определенные лакуны, нуждающиеся во внимании со стороны исследователей. Например, требует осмысления такой обделенный вниманием со стороны российских исследователей феномен международной политической коммуникации, как общение и взаимодействие с зарубежным экспертным сообществом. Думается, для объективного восприятия значимости проблемы целесообразно обратиться к одному из положений Концепции внешней политики Российской Федерации, у-

твержденной в 2016 г. В разделе документа, посвященном информационному сопровождению внешнеполитической деятельности страны, выделено отдельной статьей, что «одним из направлений развития общественной дипломатии является расширение участия представителей научного и экспертного сообщества России в диалоге с иностранными специалистами по вопросам мировой политики и международной безопасности» (ст. 48). Если обеспечение названного участия рассматривать пусть даже как локальную задачу, то ее решение в действительности представляется весьма непросто и требует серьезной проработки и длительных, целенаправленных и системных усилий. При этом в ряде других доктринальных документов, содержащих официальные оценки ситуации в сфере международных отношений, а также в артикулируемых периодически заявлениях руководства государства содержится констатация необъективного восприятия зарубежной общественностью нашей страны, ее мотивов и действий на международной арене. При этом такое восприятие обоснованно характеризуется как фактор, осложняющий проведение Российской Федерацией внешнеполитического курса и отстаивание национальных интересов.

С учетом указанного и других обстоятельств научная проработка вопросов взаимодействия с зарубежным экспертным сообществом представляется весьма перспективной в теоретическом плане и востребованной в прикладном отношении.

Охарактеризованными выше вопросами исследование международной политической коммуникации не может быть ограничено. С данной сферой связано множество политических явлений, проведено и немало исследований, как фундаментальных, так и прикладных, в т. ч. находящихся на стыке раз-

личных наук. Международная политическая коммуникация достаточно быстро развивается, реагируя и на цифровизацию мирового развития.

Цифровизация международной политической коммуникации

Переход к цифровой информации стал реальностью фактически во всех сферах социальной действительности. Специалисты стремятся оценить и спрогнозировать ее последствия и для сферы внешней политики и международных отношений. В частности, активно изучается происходящее в сфере мировой экономики и внешнеэкономической деятельности¹⁴.

Вместе с тем фактически отсутствуют исследования, посвященные последствиям цифровизации для политической коммуникации, в т. ч. связанной со сферой международных отношений. Данное обстоятельство следует объяснить, прежде всего, новизной самого явления цифровизации, поскольку требуется время для осмысления и анализа. Реакция научного сообщества на происходящее, безусловно, не заставит себя долго ждать. В пользу этого свидетельствует то, что уже появились научные статьи, посвященные отдельным аспектам цифровизации. Так, И.В. Сурма исследует цифровую дипломатию, что представляется весьма интересным уже самой постановкой проблемы. В этой связи исследователь размышляет об использовании информации, новых технологиях информационной борьбы, информационных порталах, акка-

унтах, присутствии государственных ведомств в социальных сетях в контексте публичной дипломатии, которая, как известно, направлена на зарубежную общественность. При этом, по его мнению, «как форма публичной дипломатии цифровая дипломатия является механизмом влияния на зарубежную аудиторию посредством определенных методов, таких как:

- размещение радио- и телепередач в Интернете;
- распространение в открытом доступе литературы в цифровом формате;
- мониторинг дискуссий в блогосфере;
- рассылка информации через мобильные телефоны;
- создание персонифицированных страничек членов правительства в социальных сетях» [Сурма 2014, с. 54].

Фактически исследователь стремится оценить потенциал цифровизации для решения актуальных задач внешнеполитической деятельности. Вместе с тем приведенными в статье И.В. Сурмы способами потенциал цифровизации для международной политической коммуникации далеко не исчерпывается.

Прежде всего, необходимо исходить из того, что в сфере международной коммуникации, как и в других, цифровизация амбивалентна, вызывая в зависимости от конкретных условий как положительные, так и отрицательные последствия, не говоря уже о весьма неоднозначных проявлениях.

Например, появляется возможность быстрого обнародования реле-

14 См., например: Михневич С.И. (2019) О некоторых тенденциях развития мировой экономики в эпоху цифровой глобализации // Торговая политика. Trade Policy. № 1/17. С. 120–140. DOI: 10.17323/2499-9415-2019-1-17-120-140; Мозолева Н.В. (2017) Цифровизация внешнеэкономической деятельности // Академический вестник Российской таможенной академии. № 4 (9). С. 39–44 // [http://akvest.donrta.ru/en/images/stories/files/vk_full/D0%90%D0%92_4_2017_\(29\).pdf](http://akvest.donrta.ru/en/images/stories/files/vk_full/D0%90%D0%92_4_2017_(29).pdf), дата обращения 20.05.2020.

вантных данных, облеченных в цифровую форму и размещенных на информационных ресурсах, чем обеспечивается свободный доступ к таким сведениям. Цифровизация при определенных условиях может выступить и как сдерживающее средство, направленное на ограничение или недопущение тайной дипломатии, дискриминаций, манипуляций и других негативных явлений в международной сфере.

В этой связи следует позитивно оценить и предпринимаемые в современной России целенаправленные и системные усилия по оцифровке оригинальных исторических документов и размещение их на профильных информационных ресурсах. Открытие доступа к ранее закрытым источникам в канун 75-летия Победы в Великой Отечественной войне стало сильным аргументом России и оказалось эффективным средством противодействия предвзятым и политически ангажированным оценкам исторических событий. Размещение подобных источников на открытых информационных ресурсах представляется весьма перспективным, поскольку попытки ревизии хода и результатов Второй мировой войны, к сожалению, не прекратятся, каждый раз активизируясь в канун юбилейных дат. Одновременно стоит отметить устойчивый спрос зарубежных специалистов на доступ к информации подобного рода. Удовлетворению этого интереса мог бы способствовать и перевод важных документов на иностранные языки. Соответствующие возможности у России имеются. Немало представителей экспертного сообщества за рубежом проявляют серьезный интерес и к получению официальной и достоверной информации, которая позволила

бы им формировать объективное представление о внешнеполитическом курсе России, о мотивах поведения нашей страны на мировой арене, особенно в сфере безопасности и в связи с применением военной силы¹⁵.

Незатратным способом реагирования на существующий запрос может стать опубликование на информационных ресурсах уполномоченных органов государственной власти России переведенных на иностранные языки доктринальных документов страны (Стратегия национальной безопасности, Концепция внешней политики и Военная доктрина). Подобная практика уже реализуется в ряде стран (например, в Германии и Японии), которые издают свои документы на иностранных языках, в т. ч. на русском. Отсутствие же доступной официальной позиции России, как показывает опыт общения автора с зарубежными коллегами, заставляет их додумывать и интерпретировать происходящее, используя вторичные источники, направляя ход мыслей порой в невыгодном для нашей страны ключе.

Следует также отметить, что названная выше статья С.Б. Иванова в «Австрийском военном журнале», с момента выхода которой прошло более полутора десятилетий, является на сегодня практически единственным примером официального изложения руководителем оборонного ведомства позиции нашей страны на страницах авторитетного зарубежного издания.

Цифровизация несет с собой и целый ряд неоднозначных последствий для международной политической коммуникации.

Так, возникает проблема обеспечения конфиденциальности релевантной

15 К такому выводу автор пришел в результате общения с зарубежными коллегами, в т. ч. в рамках ежегодно проводимой с 2016 г. Венской конференции по стратегии.

для сферы внешней политики информации, которая хранится на определенных ресурсах и может быть извлечена, в т. ч. с деструктивными целями, например, для дискредитации или манипулирования. Периодически те или иные компрометирующие сведения, облеченные в цифровую форму, появляются на сайтах, таких как «Викиликс».

Цифровизация создает условия и для селекции и сознательной фальсификации информации, предназначенной для массового пользования с дальнейшим оказанием прямого или опосредованного воздействия на субъектов. Обнародование информации, хранящейся в цифровой форме, может быть использовано в политической борьбе. Достаточно вспомнить об опубликовании осенью 2019 г. стенограммы переговоров президентов США и Украины Д. Трампа и В. Зеленского, что повлекло политический скандал¹⁶. Обнародование телефонного разговора показало и то, что президент Украины допустил высказывания, содержащие негативные оценки в отношении позиции Германии и Франции и их руководителей. В результате В. Зеленский понес как минимум репутационные издержки.

Приведенный пример достаточно убедительно свидетельствует о том, что цифровизация предъявляет повышенные требования к такому качеству политиков и иных лиц, принимающих решения, как коммуникативная компетентность [Белозёров 2004]. Реагируя на сложившуюся ситуацию, политические субъекты предпринимают целенаправленные усилия и для защиты критически важных инфраструктур, защиты релевантных данных, обеспечения

кибербезопасности и т. д., что находит свое отражение в доктринальных документах и правовых актах.

Имплементация цифровизации в доктринальных документах в сфере международных отношений в России и за рубежом

Цифровизация – явление относительно новое, отчасти поэтому оно еще недостаточно закреплено в доктринальных документах России, прямо или опосредованно связанных с международной политической коммуникацией. Ознакомление с некоторыми документами стратегического планирования России позволяет выделить ряд положений, связанных с международной политической коммуникацией и цифровизацией.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной президентом 31 декабря 2015 г., констатируется факт усиливающегося противоборства в глобальном информационном пространстве, обращается внимание на стремление некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения геополитических целей, в т. ч. посредством манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории (ст. 21). В документе предусматриваются меры для обеспечения информационной безопасности.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена указом президента РФ 30 ноября 2016 г.) содержит ряд положений, характеризующих процессы в глобальном информационном пространстве, информа-

16 Стенограмма разговора Д. Трампа и В. Зеленского: полный текст (2019) // Korrespondent.net. 25 сентября 2019 // <https://korrespondent.net/world/4143615-stenohramma-razghovora-trampa-y-zelenskoho-polnyi-tekst>, дата обращения 20.05.2020.

ционно-коммуникационные технологии, состояние национальной и международной информационной безопасности (см., например, ст. 3, 9, 28, 47).

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утверждена указом президента РФ 5 декабря 2016 г.) также излагается ряд важных оценок роли факторов информации и коммуникации в связи со сферой международных отношений (например, ст. 10 и 12).

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утверждена указом президента РФ 9 мая 2017 г.) связана преимущественно с ситуацией в цифровой экономике, в т. ч. с ее сегментом, связанным с информационной сферой. Кроме того, в нашей стране действует программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р), а 10 октября 2019 г. президентом была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.

Характеризуя в общем виде приведенные выше документы в «цифровом» контексте, следует отметить, что вопросы цифровизации политики и международной сферы в них специально не рассматриваются, в основном речь идет об информационных технологиях вообще. Руководство же Совета Безопасности России демонстрирует озабоченность деструктивным использованием таких технологий на международной арене. Секретарь Совет Безопасности РФ Н.П. Патрушев подчеркнул при этом, что «национальные интересы и безопасность государства будут обеспечиваться и защищаться в информацион-

но-коммуникационном пространстве» [Патрушев 2019]. Как представляется, о результатах реагирования на цифровизацию международной политической коммуникации можно будет судить по мере совершенствования документов стратегического планирования.

Признаком реагирования на цифровизацию следует считать и создание 15 мая 2018 г. в структуре органов исполнительной власти Российской Федерации Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, при том что международная деятельность не отнесена к его функциям¹⁷.

С учетом изложенного целесообразно будет сопоставить содержание официальных установок России со сложившейся за рубежом практикой учета цифровизации в доктринальных документах зарубежных стран. Разумеется, охватить все не представляется возможным. Ограничимся лишь некоторыми документами Соединенных Штатов Америки и двух стран европейского континента – Германии и Австрии.

В США в настоящее время единственным таким документом является Национальная киберстратегия (National Cyber Strategy of the United States of America)¹⁸, которую президент Д. Трамп утвердил в сентябре 2018 г. О цифровизации речь в этом доктринальном документе идет в рамках социально-экономического контекста. Так, правительство Соединенных Штатов заявляет о своем намерении способствовать динамичной и устойчивой цифровой экономике. Формулируются и задачи правительства США, состоящие в том, чтобы повысить цифровую стабильность через нормы ответственного поведения государства и укреплять конкурентоспо-

17 См.: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации // <https://digital.gov.ru/ru/>
18 См.: National Cyber Strategy of the United States (2018) // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/09/National-Cyber-Strategy.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

способность страны в мировой цифровой экономике. Руководство США озабочено сохранностью идентификационных данных граждан и недопущением возможных злоупотреблений. В связи же с международными экономическими отношениями отмечается необходимость защиты коммерческих интересов Америки, укрепления конкурентоспособности американской промышленности в глобальной цифровой экономике.

Цифровизация нашла подробное отражение в ряде доктринальных документов Германии, которая достаточно продвинулась в вопросах осмысления последствий цифровизации.

Вообще, повышенное внимание к информационному потенциалу и информационным технологиям, концептуализация соответствующих установок традиционны для Германии. Достаточно красноречив тот факт, что в ФРГ предусматривается и имеет правовую регламентацию использование средств массовой информации не только в рамках реализации их традиционных функций, но и для целенаправленной дезинформации и дезориентации противоборствующей стороны в случае конфликта, введения ее в заблуждение, оказания информационного давления на целевые группы [Meun 1999, pp. 65–66]. Военные эксперты ФРГ рассматривают СМИ в качестве одного из основных инструментов информационных операций, позволяющего, с одной стороны, эффективно информировать население Германии и ее союзников, с другой – формировать заданное поведение у целевых групп воздействия за рубежом [Theuerkauf 2000, p. 14]. Весьма ценным является и признание Клауса Науманна, бывшего генерально-

го инспектора бундесвера и председателя военного комитета НАТО, сделанное им еще в 1999 г. после военной операции альянса против Югославии: «Мы можем осуществить мечту Сунь Цзы и парализовать ту или иную страну без единого выстрела» [Naumann 1999, p. 18]. В настоящее время в составе федерального правительства ФРГ существует Министерство транспорта и цифровой инфраструктуры (Bundesministerium für Verkehr und digitale Infrastruktur).

В вышедшей же летом 2016 г. «Белой книге политики безопасности Германии и будущего бундесвера» (Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr)¹⁹, основном доктринальном документе страны в сфере безопасности, цифровизация обосновалась прочно и упоминается во внутривнутриполитическом и международном контексте порядка двадцати раз. При этом речь в документе идет и о последствиях цифровой коммуникации (digitale Kommunikation).

Существенные оценки и установки содержатся и в опубликованной в 2016 г. новой редакции «Германской стратегии устойчивого развития» (Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie)²⁰. В документе декларируется стратегическая нацеленность на экономически эффективное, социально сбалансированное и экологичное развитие, при котором планетарные границы Земли и установка на достойную жизнь всего человечества выступают абсолютными ориентирами в принятии политических решений. С учетом данных установок в документе многократно дается и оценка тех или иных характеристик потенциала цифровизации и ее послед-

19 Weißbuch 2016 zur Sicherheitspolitik Deutschlands und zur Zukunft der Bundeswehr (2016). Berlin, Bundesministerium für Verteidigung (Hrsg.).

20 Deutsche Nachhaltigkeitsstrategie // www.deutsche-nachhaltigkeitsstrategie.de, дата обращения 20.05.2020. На сайте федерального правительства Германии размещено и краткое изложение Стратегии устойчивого развития на русском языке.

ствий для социально-экономической, образовательной и научной сфер как на национальном уровне, так и в глобальном масштабе. В стратегии манифестируется намерение и призыв использовать потенциал цифровизации как двигателя устойчивого развития.

Исходной пунктом «Киберстратегии для Германии» (Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland)²¹, также вышедшей в 2016 г., выступает констатация того факта, что «цифровизация в рамках государства, экономики и общества за несколько лет изменила Германию. Новые возможности коммуникации, доступа к знаниям и инновационного развития ведут ко все большему социальным интеракциям, новым моделям предпринимательства и новым сферам для исследований и развития». В документе неоднократно констатировано наступление «эпохи цифровизации». Значительное внимание уделено и электронной коммуникации. Как приоритетная сфера действий в Киберстратегии ФРГ характеризуется и «Активное позиционирование Германии в европейской и международной политике кибербезопасности».

Небезынтересно проследить и ситуацию с восприятием цифровизации и реагированием на нее в контексте социально-экономического развития, обеспечения национальной и международной безопасности в другой немецкоязычной стране, Австрии.

В опубликованной еще в 2013 г. Стратегии безопасности Австрии (Österreichische Sicherheitsstrategie)²² был констатирован факт нарастания цифровизации мира и предусматривались меры реагирования на происходящее.

В дальнейшем в рамках развития доктринальных основ политики безопасности фактор цифровизации становится все более явственным, что следует, например, из годового обзора 2017 г. Дирекции по политике безопасности Австрии [Sicher. Und morgen? Sicherheitspolitische Jahresvorschau 2017].

Новое правительство страны в начале января 2020 г. обнародовало программу действий на 2020–2024 гг. «Исходя из ответственности перед Австрией» (Aus Verantwortung für Österreich. Regierungsprogramm 2020–2024)²³. В трехсотстраничном документе слова с корнем «цифровизация» встречаются порядка 200 раз. Австрия настойчиво демонстрирует намерение максимально эффективно использовать преимущества, предоставляемые цифровизацией, в т. ч. в рамках международной политики. В сложившихся условиях Австрия намерена осуществить системную цифровизацию внешнеполитической деятельности и коммуникации, обеспечить цифровой суверенитет. В документе неоднократно ставится вопрос о необходимости развития цифровой компетентности и «цифрового лидерства» управленческих кадров страны, о разветвлении «цифрового наступления».

Оценивая характер и уровень имплементации цифровизации в доктринальных документах России и других стран, можно констатировать, что ее наличие выступает достаточно четким показателем осознания и учета государствами изменений, происходящих в информационной сфере. Имеются и признаки того, что цифровизация распространится и на сферу международных отношений.

21 Cyber-Sicherheitsstrategie für Deutschland // <http://www.bmi.bund.de/cybersicherheitsstrategie/>, дата обращения 20.05.2020.

22 Österreichische Sicherheitsstrategie // https://www.bmeia.gv.at/fileadmin/user_upload/Zentrale/Aussenpolitik/Sicherheitsstrategie.pdf, дата обращения 20.05.2020.

23 Aus Verantwortung für Österreich. Regierungsprogramm 2020–2024 // <https://www.bundeskanzleramt.gv.at/bundeskanzleramt/die-bundesregierung/regierungsdokumente.html>, дата обращения 20.05.2020.

* * *

Изложенное позволяет сделать некоторые выводы.

Переход развития мира в цифровую эпоху стал реальностью, что неизбежно влечет трансформацию жизни социумов и международных отношений. В новых условиях претерпевает изменения и политическая коммуникация, в т. ч. в ее международном сегменте. Вместе с тем в настоящее время еще не диагностированы и не осмыслены в полной мере и сами изменения. Судя по оценкам цифровизации и ее последствий для международных отношений в целом и для международной коммуникации, содержащимся в доктринальных документах развитых государств, политические субъекты фактически находятся на этапе декларации своих намерений. Переход к реагированию на цифровизацию, в т. ч. в сфере международной политической коммуникации, в системном виде еще не состоялся.

В сложившихся условиях актуализируется задача теоретической проработки последствий цифровизации для международной политической коммуникации и способов реагирования на происходящее. Ситуация дополнительно осложняется тем, что данный сегмент коммуникации, будучи реально существующим и активно развивающимся феноменом, еще не стал полноценным предметом научного исследования.

В этой связи изложенное представляет собой фактически лишь постановку вопроса о необходимости и возможности теоретической проработки феномена международной политической коммуникации и не претендует на полноту понимания. Вместе с тем имеются основания для утверждений о том, что такая проработка представляется востребованной и перспективной в теоретическом и практическом плане.

Список литературы

Аналитический словарь (2015). М.: Аналитика.

Белозёров В.К. (2004) Информационный фактор формирования коммуникативной компетентности военных и политических кадров ФРГ // Телекоммуникации и информатизация образования. № 3. С. 80–90 // <https://uchebana5.ru/cont/1825196.html>, дата обращения 20.05.2020.

Виноградова Е.А. (2015) Роль стратегической коммуникации во внешней политике АЛБА (на примере отношений со странами ЕС): автореф. дис. ... канд. полит. наук. М.

Грачев М.Н. (2004) Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей.

Патрушев Н.П. (2019) Видеть цель: безопасность России в современном мире // Российская газета. 12 ноября 2019 // <https://rg.ru/2019/11/11/patrushev-ssha-stremiatsia-izbavitsia-otmezhdunarodno-pravovyh-ramok.html>, дата обращения 20.05.2020.

Свечин А.А. (2003) Стратегия. М.-Жуковский: Кучково поле.

Старых Н.В. (2013) Стратегические коммуникации: базовые принципы проектирования // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. № 2. С. 5–26 // <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2013/2/strategicheskie-kommunikatsii-bazovye-principy-proektirovaniya/>, дата обращения 20.05.2020.

Сурма И.В. (2014) Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО-Университета. № 6. С. 53–60 // <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/241/241>, дата обращения 20.05.2020.

Шварценберг Р.-Ж. (1992) Политическая социология: в 3-х ч. Ч. I. М.: Российская академия управления.

Hartwig S. (1999) Konflikt und Kommunikation: Berichterstattung, Medienarbeit und Propaganda in internationalen Konflikten vom Krimkrieg bis zum Kosovo, Münster: LIT.

Meyn H. (1999) Massenmedien in Deutschland, Konstanz: UVK Medien.

Naumann K. (1999) Der nächste Konflikt wird kommen. Erfahrungen aus dem

Kosovo-Einsatz // Europäische Sicherheit, no 11, pp. 8–22.

Sicher. Und morgen? Sicherheitspolitische Jahresvorschau 2017 (2017), Wien: Direktion für Sicherheitspolitik.

Theuerkauf Th. (2000) Informations-Operationen // Europäische Sicherheit, no 2, pp. 14–18.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

International Political Communication in The Context of Digitalization of World Development

Vasily K. BELOZEROV

Member of the Scientific Council under the Security Council of the Russian Federation, DSc in Politics, Professor, Head of the Chair of Political Science Moscow State Linguistic University, 119034, Ostozhenka St., 38, Moscow, Russian Federation

E-mail: vk_belozerov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4875-5878

CITATION: Belozerov V.K. (2020) International Political Communication in The Context of Digitalization of World Development. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 177–194 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-9

Received: 10.03.2020.

ABSTRACT. *The article is dedicated to exploring the phenomenon of international political communication, changing in the context of world development digitalization. The logic of comprehension and sequence of material presentation stem from a number of circumstances. Firstly, the modern socio-political practice of responding to digitalization is characterized by fragmentation, discreteness and incompleteness. Nevertheless, digitalization is a real phenomenon that has a political dimension, and its manifestations, consequences and exposure perspectives need scientific understanding.*

Furthermore, the very international political communication remains understudied. The research on communication processes is focused mainly on the domestic sphere. Consequently, the content and direction of changes in the sphere of international political communication under the influence of digitalization are not fully evaluated by the scientific community.

The methodological basis of the research is the theory of political communication and realism. The disclosure of the stated topic required the use of structural and functional analysis, document analysis, compar-

ative analysis, and performance analysis. The author derives the definition of international political communication. Based on the study of specialized literature and available examples from practice, problem clusters of international political communication are being identified and characterized, some measures of response to digitalization are being proposed. In order to assess and understand the prospects for responding to the digitalization of international political communication, attention is paid to the study and comparison of the doctrinal documents of Russia, the USA, Germany and Austria. It is substantiated that changes in the practice of international political communication in the context of digitalization will increase.

KEY WORDS: political communication, exchange of meanings, subjects of international relations, international political communication, digitalization, international security, doctrinal documents, implementation of digitalization

References

- Analytical Dictionary* (2015), Moscow: Analitika (in Russian).
- Belozerov V.K. (2004) Information Factor of Formation of the Communicative Competence of the Military and Political Personnel of Germany. *Telekommunikatsii i informatizatsiya obrazovaniya*, no 3, pp. 80–90. Available at: <https://uchebana5.ru/cont/1825196.html>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Grachev M.N. (2004) *Political Communication: Theoretical Concepts, Models, Vectors of Development*, Moscow: Prometej (in Russian).
- Hartwig S. (1999) *Konflikt und Kommunikation: Berichterstattung, Medienarbeit und Propaganda in internationalen Konflikten vom Krimkrieg bis zum Kosovo*, Münster: LIT.
- Meyn H. (1999) *Massenmedien in Deutschland*, Konstanz: UVK Medien.
- Naumann K. (1999) Der nächste Konflikt wird kommen. Erfahrungen aus dem Kosovo-Einsatz. *Europäische Sicherheit*, no 11, pp. 8–22.
- Patrushev N.P. (2019) Seeing the Goal: Russia's Security in the Modern World. *Rossijskaya gazeta*, November 12, 2019. Available at: <https://rg.ru/2019/11/11/patrushev-ssha-stremiatsia-izbavitsia-otmezhdunarodno-pravovyh-ramok.html>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Schwarzenberg R.-Zh. (1992) *Political Sociology: In 3 Parts: Part I*, Moscow: Rossijskaya akademiya upravleniya (in Russian).
- Sicher. Und morgen? Sicherheitspolitische Jahresvorschau 2017* (2017), Wien: Direktion für Sicherheitspolitik.
- Starykh N.V. (2013) Strategic Communications: Basic Design Principles. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*, no 2, pp. 5–26. Available at: <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2013/2/strategicheskie-kommunikatsii-bazovye-printsipy-proektirovaniya/>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Surma I.V. (2014) Digital Diplomacy in the Discourse of Global Politics. *MGIMO Review of International Relations*, no 6, pp. 53–60. Available at: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/241/241>, accessed 20.05.2020 (in Russian).
- Svechin A.A. (2003) *Strategy*, Moscow: Zhukovskij: Kuchkovo pole (in Russian).
- Theuerkauf Th. (2000) Informations-Operationen. *Europäische Sicherheit*, no 2, pp. 14–18.
- Vinogradova E.A. (2015) *The Role of Strategic Communication in the Foreign Policy of ALBA (On the Example of Relations with EU Countries)*: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk, Moscow (in Russian).

В рамках дискуссии

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-10

Синтез общества потребления и информационного общества

Владимир Николаевич ЛЕКСИН

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник
Институт системного анализа РАН, 117312, проспект 60-летия Октября, д. 9,
Москва, Российская Федерация
E-mail: leksinvn@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8974-5444

ЦИТИРОВАНИЕ: Лексин В.Н. (2020) Синтез общества потребления и информационного общества // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 195–211.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-10

Статья поступила в редакцию 30.03.2020.

АННОТАЦИЯ. *Предложена и обоснована совокупность положений о состоявшемся синтезе общества потребления и информационного общества. В первой части статьи показано, что современное общество потребления при всей справедливости его негативных этических оценок снизило угрозы перепроизводства огромных объемов однотипных потребительских товаров и одновременно стимулировало создание новых мест приложения труда. Это аргументируется данными о многократном расширении ассортимента востребованных потребителем товаров и услуг. Во второй части статьи показаны важнейшие основания функционирования информационного общества, обеспечившие его выход за корпоративные и национальные границы, и превращения в глобальное явление современности. Анализируется уникальная роль сети Интернет в «массовой цифровизации», в становлении «циф-*

ровой экономики» и в постоянном расширении слоя потребителя ее товаров и услуг. В третьей части статьи органичное и взаимодополняющее соединение признаков общества потребления и информационного общества названо информационным обществом потребления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *общество потребления, цифровая экономика, информационное общество, Интернет, реклама, электронная торговля*

В исторически ничтожный период времени состоялся синтез общества потребления и информационного общества, что стало первопричиной кардинальных перемен в социальной и экономической жизни большинства стран. Это новое поле глобальной социально-экономической проблематики, к сожалению, осталось без должного внимания отечественных и зарубежных ис-

следователей, и в предлагаемой читателю статье предпринята попытка хотя бы его начального системного осмысления. В связи с этим в статье представлена оценка идущих от Ж. Бодрийяра и сложившихся в 1970-е гг. представлений о преимущественно негативном характере общества потребления, поскольку в наше время это общество воспринимается как естественное порождение нового мироустройства, как двигатель его экономики и стимул социальных перемен. Этому немало способствует сосуществование такого общества с постоянно прогрессирующим информационным обществом и с его «цифровой экономикой». Состоялся факт взаимодополняющего слияния этих обществ в новую реальность – *информационное общество потребления*.

В этой статье то, что понимается под «обществом», основывается на трех концептуальных положениях. Во-первых, в пределах любых по масштабам социумов постулируется множественность входящих в них обществ, которые сосуществуют и частично входят друг в друга. Во-вторых, принимается во внимание то, что каждое из множества обществ внутренне монолитно лишь по немногим относительно типичным признакам, интересам, мотивациям и предпочтениям их представителей и во всем остальном фактически не отличается от остальных. И, наконец, в связи с вышесказанным нецелесообразно сведение многогранного мира каждого человека к его принадлежности к какой-то единственной большой социальной группе (например, к среднему классу, определенному поколению, гражданскому обществу). При этом человек конкретного общества был и остается творцом и, одновременно, его порождением, а принадлежность к нему – существенным фактором формирования личности и ее индивидуальности.

Общество потребления: двигатель экономики и стимул социальных перемен

Понятие «общество потребления» традиционно связывается с чем-то заведомо порочным вроде «чревоугодия», «бездумного потребительства» или высокомерно порицаемого «мещанства». Усугубляет негативность коннотации отождествление этих грехов не с чьей-то конкретной личностью, а со всем этим обществом. Создателем понятия «общество потребления» и яростным обличителем его сути принято считать одного из самых известных (и критикуемых) социологов и культурологов Запада – Жана Бодрийяра. Это словосочетание дало название его книге, вышедшей в 1970-х гг. и представившей безжалостную характеристику общества индустриально развитых стран с его ценностными ориентациями на массовое (фактически безудержное) потребление постоянно обновляемых благ.

Ж. Бодрийяр одним из первых проанализировал отождествление личного счастья с возможностью потребления всего и вся вне зависимости от фактических потребностей человека, а достижения такого благосостояния – с жизненным успехом. «Существует сегодня вокруг нас своего рода фантастическая очевидность потребления и изобилия, основанная на умножении богатств, услуг, материальных благ и составляющая род глубокой мутации в экологии человеческого рода. Собственно говоря, люди в обществе изобилия окружены не столько, как это было во все времена, другими людьми, сколько объектами потребления. Их повседневное общение состоит не в общении с себе подобными, а в получении, в соответствии с растущей статистической кривой, благ и посланий и в манипуляции с ними...».

Почти полвека назад Ж. Бодрийяр красочно описал ныне всем заметное отношение людей общества потребления к культуре как к моде; он пишет, что массовая культура не ориентируется на долговечность ни в содержательном, ни в ценностном смысле – она должна быть постоянно «актуальной», «современной» и адекватной человеку-потребителю. Это торжество китча и «наименьшей общей культуры» как «свидетельства культурного гражданства». Общество потребления вводит и фетишизирует культ тела, сексуализируя рекламу и оберегая потребителя от лишних забот (в т. ч. от детей и семьи как таковой). В конце книги Ж. Бодрийяр усиливает тему воздействия гипертрофированного изобилия на расчеловечение и пишет: «Это профилактическая белизна пресыщенного общества, общества без головокружения и без истории, не имеющего другого мифа, кроме самого себя».

«Общество потребления», по Ж. Бодрийяру, при всей эмоциональной перенасыщенности оценок (это свойственно и другим его работам, в т. ч. книге «Символический обмен и смерть»), – не умозрительная, а вполне реалистическая конструкция, и это лишь подтверждает вал последующих исследований, публикаций и диссертаций об этом «обществе» во многих странах. Социолог с мировым именем Зигмунт Бауман писал: «Говоря об обществе потребления, мы имеем в виду нечто большее, чем банальный тезис о том, что все члены этого общества «потребляют»; все люди, более того, все живые существа «потребляют» с незапамятных времен... Способ, которым сегодняшнее общество «формирует» своих членов, диктует в первую очередь обязанность играть роль потребителей» [Бауман 2004, с. 115–116].

Новейшие способы организации производства всех видов продукции и

услуг вкупе с достижениями науки и техники реально обеспечили возможность значительной части населения не только удовлетворить свои базовые потребности (условия жизнедеятельности и воспроизводства рода), но и постоянно их расширять, сделать сверхпотребление главным стимулом развития экономики и ее конкурентных принципов. Никогда в истории человечества ассортиментный ряд продукции и услуг не был столь широк. Сотни марок некогда однотипной и добротной удовлетворявшей базовые потребности продукции теперь выпускаются и рекламируются под разными названиями; например, в 2019 г. средний ассортимент немедицинской косметики в среднем же российском торговом центре насчитывал сотни наименований. Товарная насыщенность рынка требовала переключения внимания производителя на поиски выгодного потребителя (современный маркетинг) и на его подготовку к потреблению нового, в результате чего возрос и постоянно растет экономический потенциал рекламы. Укрепилась часть экономики, реализующая принципы концентрации и диверсификации – огромные центры торговли и развлечений в непротиворечивом сосуществовании с массой небольших приближенных к потребителю заведений общественного питания, ремонта автомобилей и пр. Все более рентабельным становится рыночный сегмент здравоохранения от фармацевтики до платных медицинских услуг. Повторю, общество потребления при всей справедливости негативных этических оценок стало естественным (закономерным) этапом функционирования рыночной экономики, временно снизившим угрозу перепроизводства огромных объемов однотипных потребительских товаров и создавшим новые места приложения труда (а следовательно, и новых потребителей).

Креативный консюмеризм и глэм-капитализм

Жизнь в обществе потребления фактически создала новую социальную личность, доминирующие характеристики которой определяются не столько отношением к другим личностям, сколько к изобилию товаров и услуг, в котором нужно найти свое место в пространстве *пассивного и креативного консюмеризма*. Пассивным консюмеризмом можно считать стремление к приобретению того, что покупают более статусные люди, а они, априори, покупают лучшее и достойное подражания. В отличие от него, креативным консюмеризмом называют «расширение возможности потребительской свободы и принуждение индивидов к сложному выбору лучшего среди слабо различимых однотипных товаров...; с одной стороны, это все тот же консюмеризм, смысл которого в перепотреблении, в выходе за пределы естественных потребностей...; с другой стороны, креативный консюмеризм – это уже культура не масс, а индивидов», и потребление становится процессом «творческого конструирования идентичности с помощью приобретаемых товаров и услуг... В креативном потреблении индивид получает удовольствие не столько от самого предмета, сколько от возможности реализации своего творческого потенциала. В его основе лежит гедонизм не пассивного потребителя, а творца» [Ильин 2011, с. 41–54]. В соответствии с этими представлениями о креативном консюмеризме, в цитированной работе последовательно характеризуются: потребление как «игра идентичностями», креативный шопинг, индивидуализация жилищ (отказ от приобретения максимально готового жилья), нарочитая эстетизация повседневной жизни, когда «покупаются вещи, способные

выполнять функцию красивых декораций для спектаклей красивой жизни»), эксперименты со своим телом и т. п.

Отдельными гранями идеология и практика креативного консюмеризма соприкасаются с явлением, получившим название «глэм-капитализм». Отечественный исследователь, привлекая работы своих зарубежных коллег, рассматривает становление «системы, превращающей гламур из стиля жизни и эстетической формы в логику производства товаров, создания организационных структур, операций на финансовых рынках» [Иванов 2008, с. 176]. Автор справедливо акцентирует вопрос о возраставшей роли виртуализации в современной экономике общества потребления «по мере того, как бренды и имиджи переводили конкуренцию из сферы материального производства в виртуальную реальность коммуникаций, где создаются изображаемые «особые качества» товара или фирмы, ценящиеся потребителями или инвесторами выше, чем фактически сделанное». Но постепенно начинается «сдвиг от логики виртуализации к логике гламура...», который не сводится к идеологии консюмеризма и может быть характеристикой поведения не только на потребительском рынке. Например, финансовые аналитики с середины 1990-х гг. используют термин *glamour* для обозначения стратегии трейдеров, оперирующих на фондовых рынках, исходя не из долгосрочной доходности активов, а из их «модности». Так что гламур правильнее считать не просто стилем, эстетикой или идеологией, но универсальной логикой – рациональностью сверхновой экономики.

Наконец, следует сказать о явлении, которое американский социолог Джордж Ритцер назвал «макдональдизацией общества» [Ритцер 2011]. О связи развития западного капитализма с «формальной рационально-

стью» писал еще М. Вебер, но Дж. Ритцер впервые исследовал процесс «рационализации» в контексте организации массового потребления; он показывает бесспорно удобные для массового потребителя стороны «макдональдизации», но не забывает напоминать о том, что при этом «люди вплотную приближаются к жизни в веберовской «железной клетке» рациональности», что фастфуд во всех его видах не способствует здоровому образу жизни, что «макдональдизация» при ее закономерном появлении в современном обществе потребления – типичный пример и экономических успехов, и социального неблагополучия этого общества.

Информационное общество и его «цифровая экономика»

Идея «информационного общества» концептуально связана с теорией постиндустриализма и с представлениями о наличии на различных стадиях всемирного развития доминирующих и системообразующих секторов экономики: первичного (сельскохозяйственного) в аграрный период, вторичного (промышленного) в индустриальный период и третичного (услуг) в постиндустриальный. В наше время по этой логике доминирующим объявлен информационный сектор, а сама информация преподносится в качестве инициатора и ускорителя перемен во всех сферах экономической, социальной и политической жизни. В Указе Президента РФ об утверждении «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹ (далее – «Стратегия») сказано, что она определяет «цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней по-

литики Российской Федерации в сфере применения информационных и коммуникационных технологий, направленные на развитие информационного общества, формирование национальной цифровой экономики, обеспечение национальных интересов и реализацию стратегических национальных приоритетов». Следует подчеркнуть, что в «Стратегии» приведено официально принятое в нашей стране толкование информационного общества в подчеркнуто гуманитарном аспекте: это «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан». В ст. 21 «Стратегии» первым из национальных интересов, которым она «призвана способствовать», названо «развитие человеческого потенциала».

Важнейшим основанием функционирования информационного общества, обеспечившим его выход за корпоративные и национальные границы и превратившим в глобальное явление современности, стал всем знакомый Интернет. Он кардинально изменил жизнь практически каждого частного лица и человечества в целом со скоростью, многократно превысившей все прошлые причины таких изменений: технические (например, электричество и атомная энергетика), религиозные и иные. Сегодня Интернет представляет единственную реальную международную систему, функционирующую по единым правилам. Напомню, что и само информационное общество – предмет международных соглашений, а межгосударственные принципы и подходы к его созданию и функционированию определены Окинавской хартией глобального информационного об-

1 Утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/>

щества 2000 г., Декларацией принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» 2003 г. и Планом действий Тунисского обязательства 2005 г. Последний начинается словами: «Мы, представители народов мира, собрались в Тунисе 16–18 ноября 2005 г. для проведения второго этапа Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, с тем чтобы вновь выразить безусловную поддержку Декларации принципов и Плану действий, принятым на первом этапе Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, который проходил в Женеве в декабре 2003 г.». Полный текст этого размещенного в сети Интернет многостраничного «обязательства» (Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/7-R) действительно содержит обязательства подписавших его государств и призывы поддержки их действий к другим возвращать информационное общество всеми законными способами.

Информационное общество XXI в., в отличие от общества потребления, располагает собственным словарем специфических понятий, широко распространенных в профессиональной и, главное, в обиходной речи и сформулированных не только в уже цитированной «Стратегии», но и в ряде ранее принятых официальных документов². В отличие от англоязычных терминов рыночной экономики и финансов, часто понятных только профессио-

налам, язык информационного общества стал доступен миллиардам, большинству которых логин и пароль привычны как собственное имя. Многие пользователи компьютеров знают, что такое сервер, кто твой провайдер и что означают названия различных сетевых устройств (модемы, маршрутизаторы, коммутаторы, каналы связи). То же относится к структурирующим Интернет по определенным признакам доменам и доменным зонам³. Величайшим достижением информационного общества стало создание и своей так называемой цифровой экономики.

Специалисты НИУ ВШЭ, представившие весной 2019 г. результаты системных исследований «цифровой экономики» [Гохберг 2019], посвятили несколько страниц изложению различных трактовок этого словосочетания за рубежом и в России и предложили «следующие взаимосвязанные определения: цифровая экономика – деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг; цифровые технологии – технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде». Авторы доклада напомнили в связи с этим о наличии в национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» девяти «сквозных» цифровых технологий: большие данные, квантовые технологии, компоненты робототехники и сенсорики, нейротехнологии и

2 Среди них: Указ Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р, «Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 1 ноября 2013 г. № 2036-р, «Концепция развития механизмов предоставления государственных и муниципальных услуг в электронном виде», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 25 декабря 2013 г. № 2516-р, план мероприятий («дорожная карта») «Развитие отрасли информационных технологий», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2013 г. № 2602-р. и др.

3 Наиболее известны так называемые географические (две латинских буквы, обозначающих страну, например us и ru – США и Россия) и ведомственные (например, gov – правительство, com – компания, edu – образование и пр.).

искусственный интеллект, новые производственные технологии, промышленный Интернет, системы распределенного реестра, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей [Гохберг 2019, с. 12–14].

Россия в течение последних десяти лет является государством, в котором развитие цифровых технологий стало национальным приоритетом, и в этом отношении показательные статистически отслеживаемые процессы «массовой цифровизации». В «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» сообщалось, что электронные СМИ, информационные системы, социальные сети, доступ к которым осуществляется с использованием сети Интернет, стали частью повседневной жизни россиян, и пользователями российского сегмента сети Интернет в 2016 г. стали более 80 млн чел. В России информационное общество характеризуется широким распространением и доступностью мобильных устройств (в среднем на одного россиянина приходится два абонентских номера мобильной связи), а также беспроводных технологий, сетей связи. Создана система предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, к которой подключились более 34 млн россиян. С 2014 г. осуществляется подключение населенных пунктов с населением от 250 до 500 чел. к сети Интернет, в результате чего 5 млн граждан России, проживающих почти в 14 тыс. таких малонаселенных пунктов, получают доступ к сети Интернет. Объем реализации товаров и услуг россиянам с использованием сети Интернет уже в 2015 г. достиг эквивалента 2,3% ВВП и

имел тенденцию к росту. Уже в 2018 г. доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет (не менее 100 Мбит/с), составила около 80%, доля лечебно-профилактических организаций с числом автоматизированных рабочих мест более пяти – 85%, доля образовательных учреждений с таким же доступом к сети Интернет – 80%, доля органов государственной и муниципальной власти – более 80% и т. д. Более 60% граждан России в возрасте 15–77 лет уже используют Интернет для получения государственных и муниципальных услуг и около 30% – для заказов товаров.

Федеральный проект «Цифровое государственное управление» национального проекта «Цифровая экономика» предусматривает увеличение к 2024 г. доли осуществляемого в цифровом виде взаимодействия граждан и коммерческих организаций с государственными (муниципальными) органами и бюджетными учреждениями до 70%; доли внутриведомственного и межведомственного электронного документооборота государственных и муниципальных органов и бюджетных учреждений – до 90%; доли приоритетных государственных услуг и сервисов, соответствующих целевой модели цифровой трансформации (без личного посещения государственных органов) – 100%. В соответствии с федеральным проектом «Информационная инфраструктура» национальной программы «Цифровая экономика» оказание цифровых услуг в социально значимых объектах планируется реализовывать посредством создания сети подвижной радиотелефонной связи по технологии LTE⁴ в различных диапазонах частот, посредством волоконно-оп-

4 LTE (с англ. Long-Term Evolution – долговременное развитие, иногда обозначается как 4G LTE) – это стандарт беспроводной высокоскоростной передачи данных для мобильных телефонов и других терминалов, работающих с данными.

тических линий связи для социально значимых объектов и с использованием спутниковой линии связи на труднодоступных территориях. С принятием Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» и в соответствии с Приказом Минздрава России от 30 ноября 2017 г. № 965 введен общий порядок оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий.

«Цифровая экономика», без сомнения, – один из самых амбициозных национальных проектов России. Согласно его паспорту, в 2024 г. на территории страны должны успешно функционировать не менее 10 компаний-лидеров (операторов экосистем), конкурентоспособных на глобальных рынках, не менее 10 отраслевых (индустриальных) цифровых платформ для основных предметных областей экономики (в т. ч. для цифрового здравоохранения, цифрового образования и «умного города») и не менее 500 малых и средних предприятий в сфере создания цифровых технологий и платформ, а также оказания цифровых услуг. Число выпускников вузов по направлениям подготовки, связанным с информационно-телекоммуникационными технологиями, должно быть не меньше 120 тыс. чел. в год, а число «выпускников высшего и среднего профессионального образования, обладающих компетенциями в области информационных технологий на среднем уровне», – 800 тыс. чел. в год. При этом должна быть обеспечена массовая «цифровая грамотность», и доля населения, обладающего цифровыми навыками, должна быть не менее 40%. Ставится задача доведения числа крупных (объемом не менее 100 млн руб.) реализованных проектов в области цифровой эко-

номики до 30 единиц, числа российских организаций, участвующих в реализации крупных (объемом не менее 3 млн долл.) проектов в приоритетных направлениях международного научно-технического сотрудничества в области цифровой экономики, до десяти. На низовом уровне доля домашних хозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, в общем числе домашних хозяйств должна достигнуть 97%.

Информационное общество России кроме десятков миллионов обычных пользователей его инфраструктуры уже сегодня располагает немалым штатом людей, которые эту инфраструктуру непосредственно создают и обслуживают. Это, как правило, далеко не старые люди с вполне приличными (по российским меркам) доходами. Официальные лица Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций (Минкомсвязь РФ) в последнее время заявляли, что нашей стране необходимо иметь не менее миллиона IT-специалистов при ежегодном увеличении их числа. Сейчас же в крупных и средних компаниях свободных вакансий фактически нет. Российские вузы каждый год выпускают около 25 тыс. IT-специалистов, однако, по данным этих учебных заведений, только 15 тыс. выпускников (60%) являются сертифицированными программистами, но и из них все увеличивающаяся часть начинает работать не по специальности. В среднем около 30 тыс. IT-специалистов ежегодно начинают работать, а 10 тыс. уходят из специальности навсегда: баланс ежегодного притока – 20 тыс. Всего, по оценкам Росстата, в стране в сфере IT-технологий занято около 0,5 млн чел., из которых 80% являются дипломированными специалистами. Наибольшая их концентрация (около 40%) – в Москве и Санкт-Петербурге. В США в этой сфере работает 4 млн специалистов, в Индии – около 3 млн, в КНР – около 2 млн. Основная

часть (более 70%) работающих в России ИТ-специалистов трудится в частных компаниях и немногим более 10% – в компаниях с иностранным участием.

«Электронизацию» часто уподобляют единой кровеносной и нервной системе глобального информационного общества, национальных экономик, государственного и муниципального управления, Вооруженных сил, предприятий, жилых помещений (вспомним об «умном городе»), отдельных технических устройств (от океанского лайнера до частного автомобиля) и даже элементарных предметов быта. Сравнение точное и, одновременно, настораживающее: ведь в любом организме эти системы наиболее уязвимы, а уже имеющиеся технологии способны из любой точки Земли и освоенного космического пространства молниеносно привести в неработающее состояние электронику и средства связи, например, того же океанского лайнера. Современным «Титаникам» опасны не айсберги, а неустанно совершенствующееся кибероружие.

Не случайно в России «безопасность в информационной сфере» – предмет одного из редких документов в ранге «доктрины»⁵; в «Стратегии» подчеркивается, что информационные угрозы являются одним из следствий расширения областей применения информационных технологий, а «возможности трансграничного оборота информации все чаще используются для достижения геополитических, противоречащих международному праву военно-политических, а также террористических, экстремистских, криминальных и иных противоправных целей в ущерб международной безопасности и стратегической стабильности». В связи

с этим развитие информационных технологий ныне предполагает параллельное развитие средств информационной защиты. А это не только разработка соответствующих технологий и материальных средств, но и «осуществление взаимоувязанных правовых, организационных, оперативно-розыскных, разведывательных, контрразведывательных, научно-технических, информационно-аналитических, кадровых, экономических и иных мер по прогнозированию, обнаружению, сдерживанию, предотвращению, отражению информационных угроз и ликвидации последствий их проявления». Поэтому в числе основных задач федерального проекта «Цифровая экономика» в целях укрепления «информационного суверенитета» предусмотрено снижение доли внутреннего сетевого трафика российского сегмента сети Интернет, маршрутизируемой через иностранные серверы, до 5%.

Информационное общество и его научно-техническая основа – информационные технологии (далее – ИТ) и информационно-коммуникативные технологии (далее – ИКТ) за исторически ничтожный срок не только преобразовали научно-технический облик производства, социальной сферы, инфраструктуры и управления, но и сформировали принципиально новую систему потребления. В нее вошли как собственно продукты ИТ и ИКТ (персональные компьютеры, средства мобильной связи, различные гаджеты и т. п.), так и ранее неведомые способы формирования и удовлетворения спроса (вездесущая реклама, технические возможности виртуального ознакомления с товарами, интернет-торговля и т. п.). Общество потребле-

5 Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 Об утверждении «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

ния получило уникальные информационные стимулы развития всех его признаков, а информационное общество – гарантированного потребителя его благ. И современную среду жизнедеятельности человека, которой присуще органичное и взаимодополняющее соединение признаков общества потребления и информационного общества, можно без всякого преувеличения назвать информационным обществом потребления, – и это не оксюморон, а самая что ни есть жизненная реальность.

Информационное общество потребления как реальность

В кратком изложении суть информационного общества потребления можно определить как использование информационных продуктов и технологий для максимально широкого и быстрого удовлетворения любых имеющихся потребностей и для создания новых. Людей этого общества вне зависимости от возраста, социального положения и политической ориентации объединяет то, что они живут в эпоху, формирующуюся под воздействием, во-первых, изобилия предложения постоянно обновляемого массива самых различных товаров и услуг и, во-вторых, огромного потенциала тотальной информатизации, используемого для безграничного распространения не только этих товаров и услуг, но и однотипных целевых установок, интересов и предпочтений. Ни одна эпоха не предлагала человеку столько заманчивых предложений, не переводила столько общественных функций в разряд «услуг», не предоставляла таких возможностей замены своих сил и умений научно-техническими новинками, не побуждала бы такой интерес к их приобретению.

Едва перешагнув ранний младенческий возраст, ребенок становится активным и привычным потребителем многообразной и многофункциональной информационно-коммуникативной техники, которая, развлекая и обучая, частично замещает его двигательные и когнитивные функции. Малолетний ребенок приобретает навык адаптации к автономному существованию в виртуальной действительности и начинает осознавать связанные с эти удобства.

Отроческие и подростковые годы нашего современника – период осознанного созревания потребителя информационных товаров и услуг, когда их изобилие становится особенно привлекательным и доступным благодаря интернет-рекламе и интернет-торговле. Это и период становления Homo electronicus, каковым известный журналист несколько лет назад остроумно и точно назвал нашего гаджет-зависимого современника, заметив, что гаджеты «порабощают нашу волю и создают новый биологический вид [Лесков 2013]. Частным подтверждением этого может считаться поведение геймеров, чье гипертрофированное пристрастие к видеоиграм начинают считать болезнью.

В зрелые годы человек информационного общества потребления, уже ставший в той или иной степени Homo electronicus и не представляющий свою жизнь без электронных благ, все шире использует их для замещения собственных физических, физиологических и мыслительных функций. Речь, например, об автомобильных GPS-навигаторах, о мобильных поисковых системах, о встроенных в гаджеты калькуляторах, об интернет-услугах просмотра и прослушивания практически любой видео- и аудиопродукции масс-медиа, о видеоиграх и электронных игрушках «для взрослых» и т. п.

Все эти и подобные им технические приспособления, бесспорно, отвечают

интересам человека информационного общества потребления, замещая многое из того, что могло бы внести дискомфорт в его повседневную жизнь. И было бы неверным считать все это своего рода агрессией по отношению к безвольному человеку-потребителю и корыстной манипуляцией его сознанием. Такой человек, как было показано в начале статьи, сам провоцирует появление и интернет-рекламы, и интернет-рынка, и появления на нем все новых и новых товаров и услуг. И эта новая реальность, уже ставшая привычной, не перестает удивлять своими яркими и своеобразными проявлениями.

Настоящим символом информационного общества потребления может служить цифровая/интернет-реклама, иногда наглядно, до назойливости демонстрируя и спектр желаний потребителя, и информационные технологии их визуализации и аудиовоспроизведения. Это так называемые медийная и баннерная реклама, видеореклама⁶ и контекстная реклама, размещаемая в сети Интернет, а также передаваемая средствами телевидения, радио и телефона. В последние годы было проведено немало профессиональных исследований цифровой рекламы. В них можно найти как изложение теоретических основ «цифровой рекламы» [Годин, Терехова 2019, с. 13–21; Заррелла 2014; Ковалева, Чубатюк 2019, с. 63–68, Кожушко и др. 2015; Репьев 2019], так и рекомендации по созданию и результативному использованию такой рекламы, включая прогнозы ее развития [Голик, Толкачев 2007; Григорьева и др. 2017; Кингснорт 2019]. Вышеуказанные публикации вкупе с доступной статистикой свидетельствуют о том, что в Рос-

сии «цифровая» часть рекламного бизнеса стала самостоятельным и быстро растущим сегментом экономики.

Важнейшей функцией новейших информационных технологий в цифровой рекламе является использование интерактивности в формате обнаружения и предупреждения желаний потребителя в соответствии с его склонностями, привычками, ранее сделанными приобретениями товаров и услуг. Понимание этих свойств человека как потенциального покупателя становится доминирующим во всем интернет-рекламном бизнесе. Эксперты рекомендуют обратить внимание и на быстрое развитие онлайн-рекламы, которой предрекают роль ведущего рекламного средства в продвижении средств программного обеспечения, финансовых услуг, высокотехнологичных товаров и ряда других.

Электронная торговля породила и собственные электронные деньги: цифровую валюту на электронном носителе, номинально приравненную к обычным деньгам и находящуюся в «электронных кошельках» покупателей в сети Интернет. Электронные деньги удобны: не нужны кредитные карточки, нет необходимости искать банкомат и т. п. Наряду с этим движение электронных денег трудно учитывается органами налогообложения и контроля, что может негативно сказаться на реализации денежной и бюджетной политики государств.

Особый сюжет, генетически связанный с сутью информационного общества потребления, – поразительно мобильная конкурентная среда интернет-торговли. Точки такой торговли могут создаваться при сравнительно небольших инвестициях и моментально лик-

6 В рамках настоящей статьи под «районом-аттрактором» понимается район с повышенной дневной, а под «районом-спальной» – ночной концентрацией населения, аналогично под «повышением аттрактивности» подразумевается увеличение дневной привлекательности, а под «увеличением спальности» – растущее ночное притяжение района.

видироваться при том, что они могут находиться где угодно. У крупных из них имеется что-то вроде постоянных покупателей, но основная их масса по объективным и субъективным причинам находят конкретного продавца не по привычке, а по сиюминутному (но вполне осознанному) выбору, реагируя на новейшую интернет-рекламу. Пока что доля оборота электронной торговли в общем обороте розничной торговли в России не превышает нескольких процентов, причем основная часть покупателей – наиболее активная часть выросших в информационном обществе потребления: возрастная категория от 16 до 54 лет (на долю старших приходится менее 30%). Услугами интернет-торговли пользуются свыше 70% интернет-пользователей в крупных городах и 65% – в небольших городах и сельских поселениях (в последних – во многом из-за ограниченного ассортимента товаров в местной торговой сети).

По данным Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ), в 2018 г. объем российского рынка торговли через Сеть составил 1,25 трлн руб., при этом на долю российских участников пришлось 62% рынка, а на трансграничную торговлю – 38%. В любом случае темпы роста российской электронной торговли в несколько раз превышали темпы роста экономики в целом, и этот рост определялся не приобретением более дорогих товаров, а увеличением числа заказов в интернет-магазинах и расширением их сети. Одновременно отмечается, что при всех удобствах электронной торговли для человека информационного общества потребления виртуальность ее сделок открывает большие возможности для недобросовестных производителей и поставщиков товаров и услуг; наиболее часты претензии по поводу продажи контрафактной или недостаточно качественной продукции.

Мы уже могли убедиться, что человек информационного общества потребления не расточителен, а скорее рационалистичен. Это, в частности, было показано на примере феномена макдональдизации. Реализовать в полной мере возможности рационального поведения позволяет именно ИТ-составляющая нашего бытия. В этом отношении характерны принципы шеринга как новой культуры потребления и практика шеринговой экономики как совместного потребления товаров и услуг. Таким потреблением было с незапамятных времен, но только в наше время это стало видом бизнеса, основной контингент которого – дети «миллениума» со свойственной им мобильностью и максимальным рационализмом, исключая долговременные привязанности к месту работы, вещам и даже друг к другу. Шеринг финансово и юридически рационален – кратковременная аренда вещи или недвижимости дешевле их приобретения, а такое пользование исключает или резко сокращает правовые обязанности настоящего собственника. По данным РАЭК, в 2019 г. объем шеринг-экономики составил 770 млрд руб. при огромном потенциале роста. В крупных городах быстро развиваются велшеринг и кикшеринг (аренда велосипедов и электросамокатов), каршеринг (популярная аренда автомобилей, популярные в Москве «Яндекс.Драйв», «Делимобиль» и YouDrive), карпулинг или райдшеринг (совместное передвижение с попутчиками на автомобиле с водителем). Пока что менее популярны коливинг (совместное проживание по типу «коммуналок») и кратковременная аренда недвижимости. Повторю, что поиски и реализация конкретного вида шеринга практически повсеместно осуществляются в среде интернет-рекламы и электронной торговли.

Информационные и информационно-коммуникативные технологии соз-

дали настоящую интернет-индустрию производства электронных игр, их распространения и вовлечения человека в игровую виртуальную действительность, способную заместить реальность. Это явление получило название гейминга. Гейминг начинался с игровых автоматов, часто группируемых в специализированных клубах, кафе, клубов и т. п., но постепенно он вошел в жилые помещения и стал повседневным развлечением для одних и способом заработка для других. В России самой популярной игровой платформой пока что остаются компьютеры, при том что растет интерес к так называемым игровым приставкам (игровым консолям), для которых запуск и воспроизведение видеоигр является основной задачей, особенно к мобильным играм с использованием портативных игровых систем с собственными встроенными устройствами отображения.

Казалось бы, что о природе игр все сказано в многократно изданном в России знаменитом труде Й. Хейзинги «*Ното ludens. Человек играющий*», не менее популярном, чем его «*Осень средневековья*». Но в новейших исследованиях гейминга предприняты попытки обоснования извечного стремления людей информационного общества потребления к игре с позиций современной психологии и знаний о мозге. Так, психолог Стюарт Браун, исследовавший более шести тысяч историй самых разных людей – от серийных убийц до нобелевских лауреатов, – полагает, что игры нужны для нашего социального развития, интеллекта, креативности и способности решать проблемы и что игры встроены в наш мозг как механизм, благодаря которому мы становимся более умными и ко всему приспособленными [Браун, Воган 2015]. Известный гейм-дизайнер убеждает, что гейм-дизайн – это не просто профессия в области IT-технологий, а свойственный XXI в. способ мышления и руко-

водства, и что игровой процесс – не просто развлечение, а присущий XXI в. способ совместной работы, направленной на решение реальных проблем – от голода и нищеты до изменения климата и мировых конфликтов [Макгонигал (2) 2018], а в другой книге [Макгонигал (1) 2018] этот же автор, которой игры помогли справиться с серьезной травмой, рассказала о том, как игровое мышление может помочь в жизни, и о созданной ею игре «СуперЛучше», сумевшей десяткам тысяч людей справиться с тревогой, депрессией и распространенными жизненными проблемами.

Есть серьезные книги о так называемой геймификации – новой бизнес-концепции, в которой используются идеи программ лояльности, игровых механик и поведенческой экономики. В одной из них анализируются бизнес-стратегии Nike, Microsoft, IBM, McDonald's и других мировых компаний, которые начали применять геймификационные технологии, позволяющие результативно мотивировать и удерживать талантливых сотрудников «геймерского» поколения, длительно и без дополнительных средств поддерживать заинтересованность клиентов и приобрести на основе этих технологий устойчивые конкурентные преимущества (Зикерманн, Линдер, 2014). Необходимо упомянуть и книгу об игровом мышлении на службе бизнеса (Вербах, Хантер, 2014), авторы которой показывают как достоинства его геймификации, так и то, что «миллионы людей играют каждый день на своих консолях, компьютерах, смартфонах и планшетах в World of Warcraft, Farmville, Scrabble и другие игры, продажи которых составляют миллиарды долларов каждый год». Назову и близкое по духу к названным трудам исследование наших отечественных авторов, идеология которого предельно ясно отображена в названии «Игрофикация в бизнесе и в жизни: преврати рути-

ну в игру!» (Нефедьев, Бронникова, 2019). Авторы показывают, что в жизни, перенасыщенной информационными отвращениями, самым ценным ресурсом становится внимание. И они предлагают ответы на вопросы: «Как перестать отвлекаться и прокрастинировать?», «Как построить правильную, этичную и эффективную игрофицированную систему?», «Как сделать такую игру, в которую захотят играть именно ваши игроки во всех сферах жизни?». Это, разумеется, область прикладной психологии человека информационного общества потребления. Но есть и проза «цифровой экономики» гейминга. Показательны результаты анализа российского игрового рынка (Яндекс: оборот игрового рынка... 2019), представленного в партнерстве с Newzoo «Яндекс Касса». По их данным, в 2019 г. оборот российского рынка видеоигр вырос на 15%, достиг 2 млрд долл. и по динамике в 2014–2018 гг. приблизился к темпам глобального роста этой индустрии, ежегодно увеличиваясь в среднем на 20–25%. Самой доходной категорией игр был free-to-play⁸ (47% оборота), на мобильные игры пришлось 34% российского оборота видеоигр. Масштабам и динамике российского рынка видеоигр посвящен ряд публикаций аналитика газеты «Коммерсантъ». Рынок электронных игр в России пока составляет лишь 1% от мирового рынка, но развивается и растет в русле глобальных тенденций.

* * *

Итак, суть информационного общества потребления может быть определена как использование информационных продуктов и технологий для максимально широкого и быстрого удов-

летворения любых имеющихся потребностей. Это синтетическое общество сформировалось, во-первых, под воздействием изобилия предложения постоянно обновляемого массива самых различных товаров и услуг и, во-вторых, наличия огромного потенциала тотальной информатизации, используемого для безграничного распространения не только этих товаров и услуг, но и для создания соответствующих целевых установок, интересов и предпочтений потребителя. История нового социального феномена только начинается, и ее современный этап проходит под воздействием идей и технологий искусственного интеллекта. Это отдельный и самостоятельный сюжет. Здесь же преследовалась единственная цель – зафиксировать информационное общество потребления как реальность. И сама постановка вопроса, и его скованное рамками статьи обоснование могут стать поводом для дискуссии, – и это было бы тем самым результатом публикации, на который более всего рассчитывает автор.

Список литературы

- Бауман З. (2004) Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь мир.
- Браун С., Воган К. (2015) Игра. Как она влияет на наше воображение, мозг и здоровье. М.: Изд. Манн, Иванов и Фарбер.
- Вербах К., Хантер Д. (2014) Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса. М.: Изд. Манн, Иванов и Фарбер.

7 По-русски – «откладывать на завтра»; в психологии прокрастинация (от лат. pro – вместо, впереди и crastinus – завтрашний) – склонность к постоянному откладыванию даже важных и срочных дел, приводящая к жизненным проблемам и болезненным психологическим эффектам.

8 Free-to-play (от англ. free – свободно, бесплатно и play – играть) – система монетизации и способ распространения компьютерных игр, позволяющая пользователю играть без обязательного внесения денежных средств.

- Годин В.В., Терехова А.Е. (2019) Цифровая реклама как инструмент продвижения товара или услуги. Опыт реализации проектов // *E-Management*. № 3. С. 13–21. DOI: 10.26425/2658-3445-2019-3-13-21
- Голик В.С., Толкачев А.И. (2017) Интернет-реклама или как делаются деньги в сети. М.: Издательство деловой и учебной литературы.
- Гохберг Л.М. (ред.) (2019) Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. М.: Высшая школа экономики.
- Григорьева В.Н., Антонов С.Г., Воробьев П.Ф., Григорьев А.В., Федюнин С.В., Шут И.А. (2017) Технологии цифрового маркетинга: создание рекламной кампании. СПб.: Левша Санкт-Петербург.
- Депутатова Е.Ю., Ильяшенко С.Б. (2017) Особенности поведения потребителей в электронной торговле // *Экономика и предпринимательство*. № 9-3 (86-3). С. 414–418.
- Заррелла Д. (2014) Интернет-маркетинг по науке. Что, где и когда делать для получения максимального эффекта. М.: Изд. Манн, Иванов и Фербер.
- Зикерманн Г., Линдер Д. (2014) Геймификация в бизнесе. Как пробиться сквозь шум и завладеть вниманием сотрудников и клиентов. М.: Изд. Манн, Иванов и Фарбер.
- Иванов Д.В. (2008) Глэм-капитализм. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Ильин В.И. (2011) Креативный консьюмеризм как тренд современного общества потребления // *Журнал социологии и социальной антропологии*. Т. 14. № 5(58) (Тематический выпуск «Общество потребления: социальные и культурные основания»). С. 41–54 // http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2011_5/Ilyin_2011_5.pdf, дата обращения 20.05.2020.
- Ильяшенко С.Б., Зверева А.О. (2016) Системный подход к стимулированию продаж в электронной торговле // *Экономика и предпринимательство*. № 11-4 (76-4). С. 1134–1136.
- Кингснорт С. (2019) Стратегии цифрового маркетинга. М.: Олимп-Бизнес.
- Ковалева И.В., Чубатюк Е. (2019) Развитие интернет-маркетинга в продвижении товаров на рынке: теоретический аспект // *Экономика и бизнес: теория и практика*. № 7. С. 63–68. DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11078
- Кожушко О.А., Чуркин И., Агеев А. и др. (2015) Интернет-маркетинг и digital-стратегии. Принципы эффективного использования. Новосибирск: РИЦ НГУ.
- Лесков С. (2013) Человек и его Apple. Гаджеты создают новый биологический вид // *Коммерсантъ*. 23 сентября 2013 // <https://www.kommersant.ru/doc/2280686>, дата обращения 20.05.2020.
- Макгонигал Д. (1) (2018) Реальность под вопросом. Почему игры делают нас лучше и как они могут изменить мир. Практическая психология. М.: Изд. Манн, Иванов и Фарбер.
- Макгонигал Д. (2) (2018) «SuperBetter» Самосовершенствование Мотивация. М.: Изд. Манн, Иванов и Фербер.
- Нефедьев И., Бронникова М. (2019) Игрофикация в бизнесе и в жизни: преврати рутину в игру! М.: АСТ.
- Репьев А.П. (2019) Маркетинговое мышление. М.: Библос.
- Ритцер Дж. (2011) Макдональдизация общества 5. М.: Праксис.

Under Discussion

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-10

Synthesis of Consumer Society and Information Society

Vladimir N. LEKSIN

DSc in Economics, Professor, Chief Researcher
Institute for Systems Analysis of the Russian Academy of Sciences, 117312, 60-letiya
Oktyabrya Av., 9, Moscow, Russian Federation
E-mail: leksinvn@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8974-5444

CITATION: Leksin V.N. (2020) Synthesis of Consumer Society and Information Society. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 195–211 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-10

Received: 30.03.2020.

ABSTRACT. *The first part of the article shows that modern consumer society, with all the fairness of its negative ethical assessments, has reduced the threat of overproduction of huge volumes of similar consumer goods and, at the same time, has stimulated the creation of new places of employment. This is justified by the data on the multiple expansion of the range of products and services demanded by the consumer. The second part of the article shows the most important foundations for the functioning of the information society, which ensured its expansion beyond corporate and national borders and transformation into a global phenomenon of our time. The unique role of the Internet in “mass digitalization”, in the formation of the “digital economy” and in the constant expansion of the consumer layer of its goods and services is analyzed. In the third part of the article, the organic and complementary combination of consumer society and information society features is called the information society of consumption.*

KEY WORDS: *consumer society, digital economy, information society, Internet, advertising, electronic trading*

References

- Bauman Z. (2004) *Globalization. The Human Consequences*, Moscow: Ves' Mir (in Russian).
- Brown S., Vaughan Ch. (2015) *Play: How it Shapes the Brain, Opens the Imagination, and Invigorates the Soul*, Moscow: Mann, Ivanov, and Farber (in Russian).
- Deputatova E.Yu., Ilyashenko S.B. (2017) Features of Consumer Behavior in e-Commerce. *Economics and Entrepreneurship*, no 9-3 (86-3), pp. 414–418 (in Russian).
- Godin V.V., Terekhova A.E. (2019) Digital Advertising as a Tool for Promoting a Product or Service. Experience in Project Implementation. *E-Management*, no 3, pp. 13–21 (in Russian). DOI: 10.26425 / 2658-3445-2019-3-13-21
- Gokhberg L.M. (ed.) (2019) *What Is the Digital Economy? Trends, Competen-*

cies, Measurement, Moscow: HSE (in Russian).

Golik V.S., Tolkachev A.I. (2017) *Internet Advertising or How Money Is Made in the Network*, Moscow: Publishing house of business and educational literature (in Russian).

Grigorieva V.N., Antonov S.G., Vorobyov P.F., Grigoriev A.V., Fedyunin S.V., Shut I.A. (2017) *Digital Marketing Technologies: Creating an Advertising Campaign*, Saint Petersburg: Levsha Saint Petersburg (in Russian).

Ilyashenko S.B., Zvereva A.O. (2016) A Systematic Approach to Sales Promotion in E-Commerce. *Economics and Entrepreneurship*, no 11-4 (76-4), pp. 1134–1136 (in Russian).

Ilyin V. I. (2011) Creative Consumerism as a Trend of Modern Consumer Society. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 14, no 5(58), pp. 41–54. Available at: http://www.jourssa.ru/sites/all/files/volumes/2011_5/Ilyin_2011_5.pdf, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Ivanov D. V. (2008) *Glam-kapitalizm*, Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie (in Russian).

Kingsnorth S. (2019) *Digital Marketing Strategies*, Moscow: Olymp-Business (in Russian).

Kovaleva I.V., Chubatyyuk E. (2019) Development of Internet Marketing in the Promotion of Products on the Market: Theoretical Aspect. *Economics and Business: Theory and Practice*, no 7, pp. 63–68 (in Russian). DOI: 10.24411/2411-0450-2019-11078

Kozhushko O.A., Churkin I., Ageev A. et al. (2015) *Internet Marketing and Digital*

Strategies. Principles of Effective Use, Novosibirsk: RIC NSU (in Russian).

Leskov S. (2013) A Man and His Apple. Gadgets Create a New Species. *Kommerstant*, September 23, 2013. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/2280686>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

McGonigal J. (1) (2018) *Reality Is Broken: Why Games Make Us Better and How They Can Change the World*, Moscow: Mann, Ivanov, and Farber (in Russian).

McGonigal J. (2) (2018) *SuperBetter. A Revolution Approach to Getting Stronger, Happier, Braver, and More Resilient*, Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber (in Russian).

Nefedev I., Bronnikova M. (2019) *Gamification in Business and in Life: Turn a Routine into a Game!* Moscow: AST (in Russian).

Repev A.P. (2019) *Marketing Thinking*, Moscow: Biblos (in Russian).

Ritzer G. (2011) *The McDonaldization of Society*, Moscow: Praksis (in Russian).

Werbach K., Hunter D. (2014) *For the Win: How Game Thinking Can Revolutionize Your Business*, Moscow: Mann, Ivanov, and Farber (in Russian).

Zarella D. (2014) *Internet Marketing Science. What, Where and When to Do to Get the Maximum Effect*, Moscow: Mann, Ivanov, and Ferber (in Russian).

Zickermann G., Linder D. (2014) *Gamification in Business: How to Break through the Noise and Capture the Attention of Co-workers and Clients*, Mann, Ivanov, and Farber (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11

Политическая голограмма: анализ технологий и сценарии развития цифрового феномена

Сергей Николаевич ФЕДОРЧЕНКО

кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и права Московский государственный областной университет, 141014, ул. Веры Волошиной, д. 24, Мытищи, Российская Федерация
E-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6563-044X

ЦИТИРОВАНИЕ: Федорченко С.Н. (2020) Политическая голограмма: анализ технологий и сценарии развития цифрового феномена // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 212–228.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11

Статья поступила в редакцию 25.02.2020.

АННОТАЦИЯ. Целью настоящей статьи является выявление технологий политической голограммы, а также попытка осмысления возможных сценариев развития данного малоизученного феномена. Основными методологическими приемами стали принципы сравнительного и контент-анализа. В статье дается определение политической голограммы, голографизации политики, а также периодизация эволюции технологий политической голограммы. Результаты проведенного исследования показывают, что внедрение голографических технологий в политике получает пока более значительное распространение у политических лидеров, чем у массовых гражданских движений и партий. Автором дается объяснение этому явлению. Выявлено, что голограмма в политике воплощается не только в ограниченных технологиях, но и обретает гораздо более разнообразные практические функции. При этом в работе даются три сценария дальнейшего развития политической голограм-

мы: радикальный, авторитарный и де-либеративный. Наконец, приводятся авторские соображения по поводу рисков и возможностей политических голограмм для развития коммуникации и демократии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая голограмма, цифровизация, популизм, голограмма, имидж, лидерство, голографизация политики, голографическая коммуникация

Введение

Голограмма – это восстановленный образ, проецируемый особым голографическим способом. Как инновационная технология, голограмма быстро привлекает внимание аудитории, сочетая эффект физического присутствия объекта и эффект неожиданности. В настоящее время специалистов чаще интересует именно трехмерный образ, хотя сама идея перенесения изображе-

ния на расстояние не нова и занимала умы мыслителей не одну тысячу лет. Поразительно, но человечество упорно экспериментировало с воспроизведением объемных изображений на протяжении всей своей истории. Если на практике это прекрасно видно от первых опытов первобытной наскальной живописи (российской Каповой пещеры на Урале, пещеры Альтамира Испании, Шове, Ласко во Франции) до античного, средневекового и современного искусства, то в концептуальном плане также прошла основательная эволюция – от образа пещеры, театрократии Платона и философии маски Бозеция до более развернутой теории симулякра Ж. Бодрийяра. Значительный вклад в осмысление этого феномена сделал итальянский философ и алхимик Джамбаттиста делла Порта в своем трактате «*Magiae naturalis*».

В последнее время принципы голограммы стремительно проникают в коммерческий сегмент, формируя готовый опыт для внедрения голографических технологий в политической сфере. Важной исследовательской проблемой является определение места и роли голограммы в современном политическом мире. Это не простой и не праздный вопрос, т. к. большинство инновационных технологий двойственны по своей результативности и значению для политического процесса: с одной стороны, цифровизация предлагает широкий спектр нового типа коммуникаций для развития делиберации, демократического режима и гражданского общества, но, с другой, становится стратегическим инструментом контроля общественного мнения со стороны корпоративных и политических интересантов, формируя риски создания гибких киберсимулякров тоталитарного типа.

Под политической голограммой в данной работе будет пониматься вид

3D-образа, передаваемого голографическим способом и используемого в интересах политического субъекта. Между тем распространение политической голограммы связано с цифровым обществом – его спутниковыми системами, оптическими, лазерными технологиями, виртуальной реальностью, искусственным интеллектом, дополненной реальностью и социальными медиа. Переосмысливая работы Л. Мановича, под цифровизацией можно понимать не простую оцифровку чего-либо, а процесс распространения [Манович 2017]: а) софта – программного обеспечения, способного копировать и изменять все что угодно (от смыслов до образов) и предполагающего соответствующие алгоритмы; б) адаптированных к этому софту интернет-платформ (динамично изменяющихся и обеспечивающих коммуникацию популярных социальных сетей, блогов, порталов электронного правительства и т. п.). Только тот, кто контролирует данный процесс цифровизации, способен максимально использовать функционал таких форм инновационных коммуникаций, как голограммы.

Исходя из такой постановки проблемы целью настоящей статьи будет выявление специфических технологий политической голограммы, а также попытка осмысления возможных сценариев развития данного малоизученного феномена. Основным научным методом станет сравнительный анализ кейсов политических голограмм, выявленных с помощью процедуры разведки и сопоставленных через процедуру инспекции – интерпретации и осмысления. Данные процедуры в свое время были предложены основателем Чикагской школы символического интеракционизма Г. Блумером. Вспомогательной методологической оптикой будут принципы количествен-

ного контент-анализа. Перед тем как приступить к сравнительному анализу, потребуется обратиться к научной литературе, посвященной этой непростою теме.

Обзор специализированной литературы

Следует особо подчеркнуть, что изучать голограмму в современных социальных науках ученые стали сравнительно недавно, поэтому до сих пор большинство авторов по данной теме являются представителями естественных наук. Термин «голограмма» в 1947 г. ввел в научный дискурс венгерский физик Д. Габор, при этом принцип конструирования голографического образа первым описал советский палеонтолог и писатель И.А. Ефремов. Кстати, академик Российской академии наук и один из основоположников голографии Ю.Н. Денисюк отмечал, что ему пригодился данный подход Ефремова. Позже способ восстановления образа в виде голограммы [Денисюк 1980] стал именоваться методом Денисюка. Затем появились исследования по голографическим фильмам советского ученого В.К. Комара, гипотеза вселенной-голограммы Г. Хоофта, работы британца Х. Хааса в области трансляции светодиодных голограмм, эксперименты по созданию воздушной голограммы М. Каманина, проекты лазерных и других голограмм. Все эти попытки естественных наук, конечно, не имели прямого отношения к политической, электоральной плоскости, однако они подготовили важную теоретико-технологическую основу возникновения политической голограммы, использующей не прежние принципы классического «Призрака Пеппера», а именно элементы цифрового преобразования и переда-

чи 3D-образа – софта, спутников и сетевых коммуникаций.

Термин *political holographic* применительно к политическим протестам и активизму в 2002 г. использовал в своей монографии [Kasulis 2002] профессор Т. Казулис. Затем появились работы, осмысливающие риски политических манипуляций через голографические приемы [Jung 2015]. Наконец, в 2008 г. была опубликована первая в строгом смысле политологическая работа, рассматривающая феномен «голографического государства». Этот *Holographic State* исследователи представляют как современного типа политический режим, означающий, по сути, суперкомпьютерную программу, конструирующую иллюзии противостояния с некими врагами и маскирующую экспертным дискурсом подлинные проблемы в обществе и политическую повестку [Witt, Haven-Smith 2008]. Вместе с тем такого рода голографическое государство, как и любой современный софт, все равно подвержено сбоям, «глюкам», которые способны вычислить лишь профессиональные программисты и противостоящие ему хакеры. Как видно, этот взгляд излишне технократичен по своей сути, но меньше уделяет внимания такому субъекту социальных отношений, как политическая элита. Сторонников этого подхода в меньшей степени волнует политическая голограмма как особая технология по передаче трехмерного образа в политических целях [Witt, Kouzmin 2010], вместо этого они предпочитают приравнивать любые манипуляции со стороны абстрактной элиты к режиму «голографического государства». Такого подхода недостаточно для комплексной концептуализации проблемы. Справедливости ради нужно заметить, что есть не только техно-пессимисты, но и техно-оптимисты, кото-

рые также сосредоточены на изучении перспектив голограммы для государства, однако, в отличие от первых, видят в голографических приемах хорошие возможности. Например, некоторые из них предлагают внедрение голограмм сенаторов США, представителей ООН и системы многофункционального голографического чата¹. Также есть предложения создания голографической системы для американского президента, который смог бы таким способом одновременно проводить до 10 встреч с главами разных стран. Эти идеи вполне адекватны в условиях пандемий, военной и террористической опасности.

Другая группа научных исследований политической голограммы появилась сравнительно недавно. Она посвящена уже не ловким манипуляциям со стороны политического режима, а наоборот, ответной реакции гражданских активистов и оппозиции. Особенно ученых заинтересовало применение голограмм во время гражданских выступлений в Испании 2015 г. Авторы считают эти голограммы более функциональным средством привлечения общественности к проблемам демократии испанского государства [López 2016], т. к. традиционные формы считаются самими гражданами рутинными и недейственными. Голографический протест заставляет пересматривать смысл всех предыдущих форм политических движений, которые основывались на обязательных принципах темпоральности и физического захвата пространства недовольными. По мнению отдельных ученых, голограммы как технические

посредники разрушают «пространство и время» политики [Sheean 2018]. Другие исследователи рассматривают голограммы политических протестов как особую «спектральную субъектность»² – частичное самоотрицание граждан, освобождение от субъектности для ухода от гегемонии власти, притесняющей их права.

Наконец, в последнее время намечилось и третье направление изучения голограммы в рамках явления политического лидерства. Так, авторы коллективной монографии, опубликованной издательством Оксфорда, рассматривают голограмму как одну из технологий современного hi-tech популизма [Kaltwasser, Taggart, Espejo, Ostiguy 2017]. Больше всего этот термин исследователи применяют к современной популистской политике в Индии [Zain 2019], где новейшие средства коммуникации дают возможность политикам знакомить широкие слои населения со своими идеями и сообщениями. Популистские лидеры посредством голограмм, как правило, рекламируют и бренды политических партий, выдвигающих их на выборы.

Сравнительный анализ кейсов

Краткий анализ научной литературы позволяет выделить две основные технологии политической голограммы – имидж-позиционирование политических лидеров и позиционирование гражданских политических мероприятий. Есть, конечно, и третья технология – бренд-позиционирование политических партий, однако она, как пра-

1 Winslow L. (2007) Holographic Projection Technologies of the Future // World Think Tank // <http://www.worldthinktank.net/pdfs/holographictechnologies.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

2 Boletsi M. (2018) Towards a Visual Middle Voice: Crisis, Dispossession and Spectrality in Spain's Hologram Protest // https://openaccess.leidenuniv.nl/bitstream/handle/1887/71035/Visual_middle_voice_oein_Komparatistiekoe.pdf?sequence=1, дата обращения 20.05.2020.

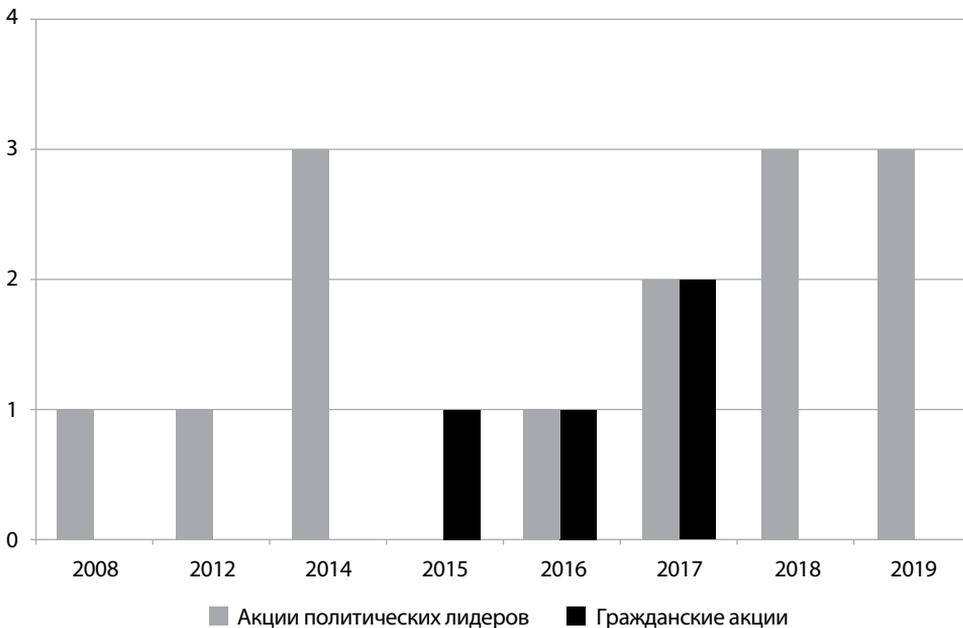
вило, пока не так распространена и является, скорее, сопутствующим элементом формирования имиджевой конструкции политического лидера. Голографическое бренд-позиционирование государства и парламента, о чем так грезили техно-оптимисты, пока также не получило своего развития.

Как показано на диаграмме, количественный контент-анализ случаев применения голограммы в политических целях отчетливо свидетельствует, что пока доминирующее значение сохраняет технология имидж-позиционирования политических лидеров. Данный анализ учитывает лишь голограммы живых политических лидеров, т. к. были прецеденты использования образов неживых политиков. Например, в 2018 г. появилась голограмма экс-президента Израиля Шимона Переса, презентовавшая откры-

тие израильского инновационного центра. В том же году в Президентской библиотеке Рональда Рейгана транслировалось его голографическое изображение. Насколько этичным является подобного рода использование голограммы – вопрос серьезный и заслуживает отдельного обсуждения.

В 2008 г. в Соединенных Штатах была предпринята одна из первых попыток применить голограмму во время президентской гонки, однако электорат не отнесся к этому с большим доверием. Уже в 2012 г. индийский политик Н. Моди (партия БДП), участвуя на выборах в местную легислатуру Гуджарата, использовал свыше полусотни своих голографических изображений, направленных в массы. Спутниковая связь и светодиодные техники были задействованы Моди и во время парламентских выборов в 2014 г., когда ему

Рисунок 1. Применение технологий политической голограммы
Figure 1. The Use of Technologies of Political Holograms

технологическую и консультационную помощь оказывала британская фирма Musion³. Было создано около 1500 голографических выступлений политика. Одно выступление позволяло охватить до десяти тысяч избирателей, что весьма актуально для густонаселенной Индии. Политик из другой индийской партии Nationalist Congress Party А. Павар также прибегнул к схожему приему. Очевидцы отмечали, что некоторые избиратели не верили, что перед ними выступала голограмма, а не сам политик. Вполне возможно, что это можно отнести на счет низкой грамотности населения некоторых штатов данной страны.

Премьер-министр Турции Р. Эрдоган, не успевая выступить в Измире перед муниципальными выборами в 2014 г., когда нужно было снизить накал от коррупционного скандала, решил на свою голограмму, которую эффективно транслировали в том же году. Итальянский политический популист и комик Дж. Грилло провел свои голографические шоу Grillo vs. Grillo в Милане и Риме в 2016 г. Следующий год ознаменовался голографическими акциями Ж.-Л. Меланшона, лидера «Непокоренной Франции», одновременно показанными в нескольких городах в период французских президентских выборов. Тогда же в Пакистане появилась голограмма лидера партии ПНП Б. Заради, опасавшегося за свою жизнь. 2018 год был особенно богат на голограммы политических лидеров. Это голографическое изображение кандидата в президенты В.В. Путина в России, новозеландского премьер-министра Дж. Ар-

дерн (не успевавшей на встречу) и нидерландского политика из Социалистической партии Л. Марийниссен. В 2019 г. голограммы применили кандидат в президенты Индонезии Д. Видодо и действующий президент ЮАР С. Рамафоса.

Тогда как голографические политические акции граждан серьезно уступают голограммам политических лидеров по количественным показателям, наибольший резонанс, в первую очередь, вызвали политические голограммы протестующих в Испании в 2015 г. Активисты были недовольны предложенным властями ужесточением законодательства, предполагающим систему штрафов и наказаний для обеспечения порядка [López 2016]. Недовольные сделали специальный портал, где испанцы могли оставить свои изображения и голосовые записи для конструирования массового голографического шествия. Схожие причины спровоцировали голографические акции в Южной Корее. Организация Amnesty International in Korea стала инициатором голографических протестов в Сеуле в 2016 г., когда усилилась критика президента, коррупции, клановости и нарушений демократических свобод.

В 2017 г. голографические политизированные акции прошли в двух странах – Канаде и США. В первом случае организатором был Green Pease, а во втором инициатором стал пакистанский эмигрант А.Дж. Малик, запустивший проект Holograms from Syria с целью привлечения внимания широкой общественности к бедствиям сирийской гражданской войны⁴. К примеру, он показывает голографические изо-

3 Sonwalkar P. (2014) How London Techies Helped Modi Create Campaign Buzz // Hindustan Times, May 25, 2014 // <https://www.hindustantimes.com/india/how-london-techies-helped-modi-create-campaign-buzz/story-qylwywmPnsR-g3YohLrBgL.html>, дата обращения 20.05.2020.

4 Holograms from Syria Reveals the Horrors of War to the Average American (2017) // Design Indaba, August 8, 2017 // <https://www.designindaba.com/articles/creative-work/holograms-syria-reveals-horrors-war-average-american>, дата обращения 20.05.2020.

бражения солдат, детей, жертв войны в Сирии среди привычных для американцев мест. Пока это всего лишь концептуальный проект, доступный обладателям специальных голографических очков HoloLens. Очки разработаны Microsoft, представляют собой автономную систему – специальный обруч с тонированными линзами, не требующий подключения к смартфону, персональному компьютеру или игровой консоли. Художник-активист надеется, что когда голографическая технология станет массовой и доступной, такие как он смогут создавать аналогичные проекты повсеместно.

Важно отметить одну черту, сближающую практику применения голографических технологий: факт появления политических голограмм во Франции, Нидерландах, Пакистане и ЮАР активно осваивался в социальной сети Twitter. Вероятно, что трансляция голографического образа дает намного больший эффект, если сведения о ней распространяются «вирусным» путем через современные социальные медиа. Тем самым возникает любопытный эффект фасцинации – усиления влияния голографического месседжа на электропальное поведение (данный феномен одним из первых стал анализировать Ю.В. Кнорозов, основатель советской школы майянистики).

Периодизация голографизации политики предполагает несколько хронологических этапов в развитии данного феномена: а) дополитический период; б) период возникновения голограмм политических лидеров; в) период распространения голограмм массовых политических акций. Дополитический период включает не только всю предшествующую летопись накопления знания в области голографии, но и эксперименты по внедрению голограммы в коммерческую рекламу и практики шоу-бизнеса. С 2008 г. свой услов-

ный отсчет начинает второй этап – расширение голографических образов политических лидеров (неудачная, но все же первая попытка в Соединенных Штатах). Третий этап фиксируется с 2015 г., когда появились первые голограммы массовых политических акций в Мадриде. По мере накопления новых кейсов практики технологий не исключено, что исследователи смогут продолжить эту своеобразную хронологию применения политических голограмм.

Попытка интерпретации, сценарии и выводы

Интерпретация цифрового феномена политической голограммы вполне возможна при условии переосмысления некоторых теоретических моделей, связанных в основном с интерпретацией коммуникационных процессов. Для начала нужно отделить процесс голографизации политики от самого его результата – политической голограммы. Если под голографизацией политической жизни обозначить процесс внедрения 3D-технологий, ориентированных на максимальное приближение виртуальных политических образов к их реальным прототипам в рамках модели фиджитал-мира, то *под политической голограммой логично понимать вид трехмерного голографического изображения, использующегося с помощью коммуникационных приемов в целях политического субъекта*. Голопортация (holoportation) же является более конкретным приемом 3D-захвата образов, переносящим трехмерные изображения куда угодно. Как отмечал Ж. Бодрийяр, голограмма – это трехмерный симулякр, который полностью сливается со своим двойником и сопровождается эффектом материализации в пространстве [Бодрийяр 2018]. Именно на этот поражающий воображение эффект

и рассчитывают политические интересы, как в свое время рассчитывали на радио, телевидение и Интернет. В настоящее время можно говорить о появлении трех типов технологий политической голопортации: а) практики имидж-позиционирования политического лидера; б) позиционирования политических акций граждан; в) наметившиеся приемы бренд-позиционирования политических партий. В целом технологии политической голограммы не зародились на пустом месте, а имели своих предшественников в виде голографических экспериментов в шоу-бизнесе и коммерческой рекламе.

Полученный эмпирический результат сравнения выявленных кейсов использования политических голограмм позволяет сделать осторожный, но все же промежуточный вывод: внедрение голографических технологий в политике имеет пока большее распространение у политических лидеров, чем у массовых гражданских движений и партий. Как можно объяснить этот тренд? Вполне очевидно, что специфика трехмерного голографического изображения наиболее подходит для конструирования виртуального имиджа современного политика. Но наиболее значимым фактором является недоступность голографических средств коммуникации для большинства граждан: разработка, покупка/аренда, грамотная эксплуатация оборудования, трансляция голограммы посредством спутниковой сети и сетевых коммуникаций требует существенных затрат и профессиональной подготовки. Из-за этого возможность монополизации средств голографической коммуникации сохраняется лишь у ограниченно-го числа политических акторов: государства, групп элиты и связанных с ними политических лидеров и правящих партий. И если оппозиционные партии и политики могут лишь эпизодиче-

ски претендовать на практическую политическую голограмму во время предвыборной борьбы за электорат исходя из своих финансовых ресурсов, то граждане и их группы практически исключены из этого инновационного поля.

Возникает «технологический пережест», когда новая технология вместо того, чтобы способствовать развитию гражданской коммуникации и демократическому процессу, становится инструментом по манипулированию массовым сознанием со стороны псевдодемократических либо вообще антидемократических сил. Ключевую роль в этом играет популизм, получивший распространение во многих современных государствах. Шоувиизация, скандализация политики и эффект селебрити отчасти способствуют распространению практик популизма, концентрируя внимание не только традиционных, но и новых масс-медиа на фигурах политических лидеров, обладающими телегеничностью и ярко выраженной артистической моделью поведения. Популист не придерживается конкретных программных задач и идеологических ориентиров, фокусируясь на его активности повышает рейтинги телеканалов и увеличивает интернет-трафик, позволяя заработать интернет-компаниям.

Кардинальным вызовом для современных граждан, обществ и политических режимов является такое последствие «технологического пережеста», как конструирование особых киберсимулякров [Володенков 2014]. Исследователи отмечают среди их признаков ложную личность, а также несуществующую историю этой личности. Потенциально возможная массовая политическая голопортация может самым негативным, манипулятивным способом воздействовать на политическое поведение [Володенков 2018] участников голографического чата, управляя их на-

строениями посредством специальных цифровых аватаров. Скорее всего, по этой причине понадобится внедрение встречных технологий, защищающих процесс политической коммуникации от манипулятивного вмешательства (такого рода эксперименты, к примеру, уже проводились на основе принципов блокчейн [Алексеев 2019]). Цифровой аватар, как необходимый пользователь для оптимальной сетевой коммуникации информационный двойник, требует повышенной безопасности конфиденциальных данных.

Активизацию популизма в современной политике, в т. ч. голографического формата, можно связать с феноменом так называемой медиакратии. Особенности медиаориентированной демократии отмечают как зарубежные, так и отечественные специалисты. В широком смысле медиакратия – это важный сдвиг демократии в формате медиapolитического процесса, который означает слияние масс-медиа и политических акторов в сфере коммуникации и интересов [Bodrunova 2010].

Существует интересное мнение, объясняющее «медиакратический дрейф демократии». Так, если раньше функционировал треугольник власти из общества, политических партий и государства, то после развития медиа и медиакорпораций он сменился на другой треугольник власти из высших должностных лиц, медиа и популистских стратегий [Meyer 2001]. Есть этимологическая трактовка медиакратии, согласно которой медиа являются основным и автономным игроком современной публичной среды, формируя жесткую связку с массовой аудиторией. Агенты медиа вытесняют своими медиаэффектами саму политику из сегмента принятия решений и даже могут подрывать легитимность политического режима. Помимо этимологического, существует маркетинговый подход

к медиакратии, когда влияние медиа на публичную, в т. ч. политическую, сферу признается лишь в ограниченных случаях, обусловленных определенными причинами и условиями [Бодрунова 2012]. Иными словами, медиа как посредник могут оказывать воздействие на мнение граждан в случае совпадения позиций медийных акторов с ожиданиями самой аудитории. Практис политической голограммы пока сложно объяснить с точки зрения этимологической модели медиакратии, т. к. на 2020 г. еще: а) не возник обширный конкурентный рынок голографических услуг; б) не появилась доступная и дешевая для граждан форма коммуникации в виде голографического чата. Вот почему маркетинговая модель медиакратии на данном этапе позволяет лучше осмыслить голографические приемы, используемые политическими лидерами.

Сетевые коммуникации и тренды глобализации обеспечивают паттернам «общества спектакля», описанным еще Ги Дебором, сравнительно легкое преодоление государственных границ. Безусловно, опасность популизма кроется в его симуляции демократического процесса. Некоторые исследователи склоняются к мнению, что популизм – это готовый фрейм, помогающий гражданам понимать в плотном потоке новостей сложную информацию [Aslanidis 2016]. Политика профанируется – критичный и ответственный по отношению к государственным делам гражданин, по сути, заменяется потребителем (консьюмером). На деле в своем популистском варианте политическая голограмма обладает признаком симулякра, когда власть, согласно Бодрийяру, превращается в предмет общественного спроса и зависит от массового потребления образов.

Однако политическую голограмму, несмотря на ее приватизацию популистами, было бы совсем неверно соот-

носить с популизмом как таковым. Голограмма в политике обретает сугубо практические функции. Среди них можно выделить следующие:

- повышение узнаваемости политического лидера (кейсы Ж.-Л. Меланшона, А. Павара) и партии в электоральной среде;
- быстрое распространение политического месседжа в густонаселенных либо отдаленных территориях (кейсы Н. Моды, Л. Марийниссен, Ж.-Л. Меланшона, Д. Видодо, Дж. Ардерн);
- вакцинация имиджа политического лидера с целью предотвращения его негативизации со стороны оппозиции (кейсы Н. Моды, Р. Эрдогана, С. Рамафосы);
- привлечение внимания к политически значимым для граждан проблемам – экологическим, военным и т. п. в виде немассовых, одиночных, перформативных акций (кейсы Канады, США);
- презентация массовых политических акций (кейсы Испании, Южной Кореи);
- обеспечение физической безопасности политического лидера в условиях рисков покушения на его жизнь (кейс Б. Заради);
- мобильная голографическая консультация по разным вопросам (прецедент уже есть в американской армии).

Иными словами, технологий политической голопортации пока лишь три, но функций у политической голограммы как таковой намного больше за счет разнообразия и усложнения лидерских и гражданских голографических акций. И все же этот перечень содержит лишь известные проявления политической голограммы. Естественно, при соответствующих экономических предпосылках, технологическом развитии и соци-

альном запросе вполне реально ожидать расширение функциональности голограммы в политике: распространение коммуникационных приемов гражданского голографического чата на базе мобильных технологий, внедрении государственных голографических приемных для граждан на основе электронного правительства и искусственного интеллекта, бренд-позиционирования сетевых политических партий, организации голографических сессий парламента, представителей разных стран, международных организаций, дипломатических миссий и т. п.

Политическая голограмма – довольно инновационная технология, но в ее судьбе просматривается, прежде всего, три сценария: 1) радикальный; 2) авторитарный; 3) делиберативный. Рассмотрим их по отдельности более подробно.

Радикализация социальных отношений при цифровизации способна возникнуть в случае совпадения крайне неблагоприятных, но весьма вероятных условий: а) формирование новых сегментов экономики, предполагающих масштабную автоматизацию, сопутствующую безработицу, встречную реакцию социальной дифференциации и цифрового луддизма; б) вмешательство зарубежных и транснациональных политических акторов в суверенные дела страны посредством глобализации экономических отношений; в) использование радикальными популистами и деструктивной оппозицией голографических приемов для организации привлекающих внимание акций. Этот сценарий возможен при односторонней ставке политического режима на технологизацию общества без сопутствующего конструирования гражданских идентичностей общенационального уровня. Компрадорский вариант политической элиты, ценностно не связанный с политической культурой на-

селения, способен усугубить ситуацию и привести к делегитимации власти. Группы радикалов, скорее, воспользуются такого рода ситуацией, привлекая внимание общественности яркими мобильными голографическими акциями, организованными сетевым способом с тактическими задачами – во избежание привлечения к ответственности оперативными правоохранительными силами. По сути, в радикальном сценарии сохраняет свою силу популистская природа голографической акции – массовой или персональной. Основной же стратегической целью радикалов здесь может стать перехват политической повестки. Власти, конечно, будут стараться пресекать такого рода технологии, пытаясь обрести монопольное право на политическую голограмму, однако в ответ будет возникать нелегальный рынок предоставления голографических услуг. Не стоит сбрасывать со счетов и фактор политических хакеров, а также шифропанков Даркнета с либертарианской идеологией.

Авторитарный сценарий эволюции голограммы потенциально возможен в виде ответа представителей режима на радикализацию социальных отношений. Очевидно, при этом варианте политический режим той или иной страны будет: а) пытаться добиться монопольного права в использовании голографических технологий; б) использовать голограммы в силу их эмоционально-манипулятивных возможностей воздействия на общественное сознание. Обеспечить такой порядок власти на деле смогут законодательными, административными и финансовыми средствами. Режиму, переживающему за свою легитимность, совсем не обязательно отказываться от технологического прогресса (ведь тогда плодами цифровизации воспользуются его противники). Он вполне может добиться зависимости от себя голографической IT-индустрии и IT-

бизнеса, приобретая их акции напрямую или через зависимых посредников, а также предлагая протекционистские меры (налоговые послабления, льготы, помощь относительно потенциальных конкурентов). Авторитаризация режима может формироваться постепенно. Сценарий *Holographic Regime* опасен для граждан в основном рисками создания киберсимулякров. Голограммы при авторитарном сценарии будут использоваться политическими акторами – главами государств, правящими партиями и их лидерами с целями: а) контроля политической повестки; б) недопущения оппозиции к передовым технологиям имидж-позиционирования; в) обеспечения физической безопасности во время проведения массовых политических акций при сохранении эффекта «присутствия». Несмотря на различия, сходство между авторитарным и радикальным сценариями можно усмотреть в популистском характере использования голографических технологий. Главная задача акторов этих сценариев – максимально быстро привлечь внимание как можно большего числа представителей аудитории. Несомненно, популистские лидеры целенаправленно берут на вооружение чрезвычайно широкий диапазон политических тем, возможно, по этой причине ряд авторов [Gagnon, Beausoleil et al. 2018] выделяют весьма специфические виды современного популизма: авторитарный, либертарианский, ксенофобский, ностальгический, антиплюралистский и электро-рациональный.

Делиберативный сценарий означает развитие политической голограммы в сторону ее адаптации под задачи активного гражданского дискурса в условиях цифровизации традиционных форм политической коммуникации. Но здесь важно совпадение несколько взаимодополняемых условий, без которых делиберация невозможна. В первую очередь,

это распространение гражданских дискурсивных практик, ориентированных на решение существующих задач, нерешаемых властью. Данный вопрос связан с непростой проблемой формирования определенного типа политической культуры (часто называемой партисипативной), которая не возникнет в отрыве от фундаментальных экономических метаморфоз в обществе. В принципе, под такими преобразованиями уже можно наблюдать формирование цифровых сегментов экономик стран, а также соответствующих сфер занятости и профессий. Цифровизация экономики может переструктурировать имеющуюся социальную систему и подвергнуть ревизии так называемый классовый консенсус [Хабермас 2010], описанный Ю. Хабермасом. Авторитарные процедуры не всегда способны предотвратить далеко зашедшую эрозию «классового консенсуса» в скатывание к радикальному сценарию развития общества. Поэтому современный политический режим должен двигаться дальше и по-иному использовать преимущества цифровизации для своей же легитимации. Парадоксально, но для серьезных делиберативных процессов также нужны новые социальные группы, способные заявить свои права посредством массового голографического чата. Следовательно, цифровизация экономики и общества должна предполагать: а) конструирование сети институционализированных арен, посредством которых население может получить возможность не просто дискутировать по основным вопросам через те же голографические коммуникации, но и влиять на политические решения власти; б) параллельное политическое просвещение населения, нацеленное на формирование фигуры ответственного за судьбу своей страны и места жительства гражданина, а не обычного потребителя политических образов и месседжей. Система образования

должна в этих условиях предполагать: а) повышение медиаграмотности населения в условиях медиакратии; б) знакомство всех поколений с механизмом техник манипуляции, мифологизации, обучение приемам их деконструкции и противодействия им; в) обучение граждан техникам делиберации. Другими словами, популизму не должно остаться места при делиберативном сценарии. Медиакратические преимущества могут послужить и для граждан.

Подводя итоги, важно отметить несколько принципиальных соображений. Можно более рельефно очертить специфические особенности политической голограммы, выделяющие ее относительно технологических и коммуникационных приемов, раньше проникших в политико-управленческий праксис.

Во-первых, необходимо подчеркнуть трехмерность данного феномена. Голографические приемы уникальны тем, что в отличие от радио, телевидения способны сравнительно быстро транслировать трехмерный образ в любую точку пространства. Политический субъект (партия, лидер, правительство) может донести свой 3D-образ одновременно в различные места. Несомненно, важное значение имеет и эффект присутствия, реалистичности.

Во-вторых, голограмма в качестве транслятора трехмерного политического образа обладает важными преимуществами: помехоустойчивостью, возможностью передачи более разнообразных цветовых контрастов – что важно для создания разнообразных политических технологий.

В-третьих, голограмма имеет высокий уровень фасцинации, поэтому при условии активного развития голографического чата может спровоцировать определенный переворот в публичной политике. Голограмма в мультимедийном плане аккумулирует практически все приемы известных медиа

(аудиоэффекты – берет от радио, передачу образа – от кинематографа и телевидения, сетевые практики – от порталов и сетевых медиа), дополнительно усиливая их эффекты воздействия на аудиторию (фасцинация) своим уникальным форматом (трехмерностью). Раньше ученые акцентировали внимание на так называемой *body politics* [Brown, Gershon 2017], утверждая, что человеческое тело логично рассматривать как ключевой элемент для анализа особенности политической власти (большое значение этому фактору уделял, к примеру, М. Фуко). Но голограмма по сравнению с радио и телевидением еще больше стирает грань между реальной и виртуальной областью политики (в политической голографической акции просто нет тел).

В-четвертых, голографические принципы во многом преодолевают технологические пределы телевидения – бесконечно увеличивать разрешение экрана пока нельзя (4К, 8К). Отсюда большой перспективой в политическом пространстве будущего обладает чрезвычайно четкое, объемное, многокурсное голографическое телевидение. Следовательно, те акторы, которые быстрее всего освоят приемы голографического чата и телевидения, получат важные политико-управленческие рычаги над обществом в условиях развивающейся медиакратии.

В настоящее время наблюдается определенная диспропорция в практике политической голопортации в сторону преобладания лидерских трехмерных изображений. Во многом это можно объяснить эффектом «технологического перехлеста», феноменом популизма и дороговизной голографической коммуникации. Массовое распространение популизма не только обусловлено развитием традиционных и новых медиа, чьи задачи больше подчинены расширению клиентской ба-

зы и максимизации прибыли. Эволюция демократии в сторону медиакратии привела к тесному переплетению интересов медийных и политических акторов. В этих условиях политики и партии вынуждены подчиняться принципам медиалогии, иначе они останутся за бортом актуальной публичной повестки. Гражданин подменяется потребителем ярких и запоминающихся образов, ответственность за дела государства – элементами политического шоу. Такое профанирование и примитивизация политического в свою очередь закладывает определенные риски для развития современного гражданского общества и его демократических традиций в будущем.

Для делиберации важен не только социальный, но и технологический уровень трансформации, как минимум в плане массового внедрения дешевого голографического чата. Иначе не появится хабермасовского вовлечения в политическое, возникнет цифровой разрыв между социальными группами, и, как следствие, феномен цифрового неравенства. Быть может, потребуются создание такой цифровой платформы для голографического чата, которая воплотила бы в себе принципы коммуникационной модели Ю. Хабермаса: а) принцип «D» (только те нормы могут стать действенными, которые будут иметь прямое отношение к участниками дискурса, а также одобряться ими); б) принцип «U» (нормы станут действенными тогда, когда удасться в универсальном плане избежать элементов принуждения) [Хабермас 2008]. Как справедливо отмечает Л. Манович, цифровизация всецело зависит от программируемого софта. Проблема заключается в том, что алгоритмы этих цифровых платформ недоступны для пользователя. Их настройка – в руках производителя. Политическая, финансовая зависимость владельцев цифро-

вых платформ ставит фундаментальный вопрос формирования объективных механизмов общественного контроля над коммуникационными процессами.

Удешевление же голографической технологии отвечает задачам создания сети гражданской коммуникации на базе мобильных технологий. Массовый голографический чат принципиально важен для организации арен обсуждения гражданских вопросов на уровне дома, местного самоуправления, региона и всей страны. Принципы голографического чата уже существуют на базе канадских разработок (Университет Куинс) TeleHuman и TeleHuman-2 – первых в мире голографических систем для проведения видеоконференций, помогающих желающим появляться в виде голограмм в любом месте в натуральную величину без специальных 3D-очков. Первые опыты в создании гражданского голографического чата открывают ранее недоступные или малодоступные потенциалы для политической коммуникации: проксемику (задействование знаковых систем в личном, персональном пространстве человека), разнообразные приемы жестикуляции, мимики и зрительного контакта. Кстати, Facetime, Zoom и Skype никогда не достигали такого уровня возможностей политической коммуникации. Принцип face to face в делиберативном воплощении способен стать не киберсимулякром, а в определенном смысле устранить барьеры между политиком, чиновником, партией и гражданином в режиме «здесь и сейчас».

Попытка периодизации технологической голопортации показала, что первый этап практического внедрения теоретических разработок в области голографии предполагал все же коммерческий и шоу-сегмент. Поэтому дальнейших качественных сдвигов в области политической голограммы, веро-

ятно, следует ждать от характера уже складывающегося рынка частных голографических компаний. Некоторые из них уже предлагают самые разные трюки для магазинов, музеев, кинотеатров, выступлений политических лидеров и организации политических митингов. Не стоит забывать и о юридической плоскости новых технологий борьбы за электорат. Создание дешевого голографического аватара потребует защиты цифрового аватара, более жестких приемов персональной авторизации, иначе возникает основательная угроза повсеместного распространения киберсимулякром – голографических двойников с вымышленной историей жизни и практикой социальной коммуникации. Пока же политическая голограмма как цифровой аватар политического лидера, партии либо демонстрантов является прямым доказательством того, что законодательство стран часто отстает от внедрения инновационных практик.

Список литературы

Алексеев Р.А. (2019) Апробация технологии блокчейн на выборах в Московскую городскую думу в 2019 г.: результаты и перспективы применения для федерального избирательного процесса // Журнал политических исследований. Т. 3. № 4. С. 12–23 // <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/44073>, дата обращения 20.05.2020.

Бодрийяр Ж. (2018) Симулякры и симуляции. М.: ПОСТУМ.

Бодрунова С.С. (2012) Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. № 3. С. 203–215 // https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18036953_39596841.pdf, дата обращения 20.05.2020.

Володенков С.В. (2014) Киберсимулякры как инструмент виртуализации современной массовой политической коммуникации // Информационные войны. № 4(32). С. 18–21 // <http://pstmprint.ru/wp-content/uploads/2016/11/INFW-4-2014-3.pdf>, дата обращения 20.05.2020.

Володенков С.В. (2018) Массовая коммуникация и общественное сознание в условиях современных технологических трансформаций // Журнал политических исследований. Т. 2. № 3. С. 1–8 // <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/25624>, дата обращения 20.05.2020.

Денисюк Ю.Н. (1980) Голография и ее перспективы // Журнал прикладной спектроскопии. Т. 33. № 3. С. 397–414.

Манович Л. (2017) Теории софтультуры. Нижний Новгород: Красная ласточка.

Хабермас Ю. (2008) Вовлечение другого. Очерки политической теории. 2-е изд. СПб.: Наука.

Хабермас Ю. (2010) Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис.

Aslanidis P. (2016) Is Populism an Ideology? A Refutation and a New Perspective // *Political Studies*, vol. 64, no 1, pp. 88–104. DOI: 10.1111/1467-9248.12224

Bodrunova S. (2010) Mediocracy or Mediademocracy? On Some Conceptual Approaches to the Interaction of Journalism and Politics in Established Democracies // CGES Working Paper Series. WP 2010–07, Bielefeld – St. Petersburg.

Brown N., Gershon S.A. (2017) Body Politics // *Politics, Groups, and Identities*, vol. 5, no 1, pp. 1–3. DOI: 10.1080/21565503.2016.1276022

Gagnon J.-P., Beausoleil E., Son K.-M., Arguelles C., Chalaye P., Johnston C.N. (2018) What Is Populism? Who Is the Populist? // *Democratic Theory*, vol. 5, no 2, pp. vi–xxvi. DOI: 10.3167/dt.2018.050201

Jung J. (2015) Politics of Holograms and the Human Body in William Gib-

son's *Neuromancer* // *The Journal of Literature and Film*, vol. 16, no 3, pp. 561–584 // http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE06589954&nodeId=NODE06589954&language=ko_KR, дата обращения 20.05.2020.

Kaltwasser C.R., Taggart P.A., Espejo P.O., Ostiguy P. (eds.) (2017) *The Oxford Handbook of Populism*, Oxford: Oxford University Press.

Kasulis Th.P. (2002) *Intimacy or Integrity: Philosophy and Cultural Difference*, Honolulu: University of Hawaii Press.

López A.E. (2016) Invisible Participation: The Hologram Protest in Spain // *Afterimage: The Journal of Media Arts and Cultural Criticism*, vol. 43, no 4, pp. 8–11. DOI: 10.1525/aft.2016.43.4.8

Meyer T. (2001) *Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch die Medien*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Sheean J. (2018) A (New) Specter Haunts Europe: The Political Legibility of Spain's Hologram Protests // *Journal of Spanish Cultural Studies*, vol. 19, no 4, pp. 465–480. DOI: 10.1080/14636204.2018.1524995

Witt M.T., Haven-Smith L. de (2008) Conjuring the Holographic State: Scripting Security Doctrine for a (New) World of Disorder // *Administration & Society*, vol. 40, no 6, pp. 547–585. DOI: 10.1177/0095399708321682

Witt M.T., Kouzmin A. (2010) Sense Making Under “Holographic” Conditions: Framing SCAD Research // *American Behavioral Scientist*, vol. 53, no 6, pp. 921–939. DOI: 10.1177/0002764209353272

Zain A. (2019) Rise of Modi's Technopopulism in India // *Journal of Cultural Studies*, vol. 6, no 1, pp. 199–208 // https://www.researchgate.net/profile/Ali_Zain15/publication/334114323_RISE_OF_MODI'S_TECH-POPULISM_IN_INDIA/links/5d17abf6458515c11c02b5da/RISE-OF-MODIS-TECH-POPULISM-IN-INDIA.pdf, дата обращения 20.05.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11

Political Hologram: Technology Analysis and Scenarios for the Development of the Digital Phenomenon

Sergei N. FEDORCHENKO

PhD in Politics, Professor of the Department of Political Science and Law
Moscow Region State University, 141014, Vera Voloshina St., 24, Mytishchi, Russian Federation

E-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6563-044X

CITATION: Fedorchenko S.N. (2020) Political Hologram: Technology Analysis and Scenarios for the Development of the Digital Phenomenon. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 212–228 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-11

Received: 25.02.2020.

ABSTRACT. *The purpose of this article is to identify the technology of political holograms, as well as an attempt to comprehend possible scenarios for the development of this little-studied phenomenon. The main methodological techniques were the principles of comparative and content analysis. The article defines political holograms, holographic policies, and periodizes the evolution of political hologram technologies. The results of the study show that the introduction of holographic technologies in politics is so far more widespread among political leaders than among mass civil movements and parties. The author gives an explanation of this phenomenon. It is revealed that the hologram in politics is embodied not only in limited technologies, but also acquires much more diverse practical functions. Moreover, the paper gives three scenarios for the further development of a political hologram: radical, authoritarian and deliberative. Finally, author's considerations are given regarding the risks and opportunities of political holograms for the development of communication and democracy.*

KEY WORDS: *political hologram, digitalization, populism, hologram, image, leadership, holography of politics, holographic communication*

References

Alekseev R.A. (2019) Testing Blockchain Technology in the Elections to the Moscow City Duma in 2019: Results and Application Prospects for the Federal Electoral Process. *Zhurnal politicheskikh issledovanij*, vol. 3, no 4, pp. 12–23. Available at: <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/44073>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Aslanidis P. (2016) Is Populism an Ideology? A Refutation and a New Perspective. *Political Studies*, vol. 64, no 1, pp. 88–104. DOI: 10.1111/1467-9248.12224

Baudrillard J. (2018) *Simulacra and Simulations*, Moscow: POSTUM (in Russian).

Bodrunova S. (2010) Mediocracy or Mediademocracy? On Some Conceptual Approaches to the Interaction of Journalism and Politics in Established Democracies

racies. *CGES Working Paper Series*. WP 2010–07, Bielefeld – St. Petersburg.

Bodrunova S.S. (2012) Mediocracy: Modern Approaches to the Definition of the Term. *Vestnik of Saint Petersburg State University*, no 3, p. 203–215. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_18036953_39596841.pdf, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Brown N., Gershon S.A. (2017) Body Politics. *Politics, Groups, and Identities*, vol. 5, no 1, pp. 1–3. DOI: 10.1080/21565503.2016.1276022

Denisyuk Yu.N. (1980) Holography and Its Prospects. *Zhurnal prikladnoj spektroskopii*, vol. 33, no 3, pp. 397–414 (in Russian).

Gagnon J.-P., Beausoleil E., Son K.-M., Arguelles C., Chalaye P., Johnston C.N. (2018) What Is Populism? Who Is the Populist? *Democratic Theory*, vol. 5, no 2, pp. vi–xxvi. DOI: 10.3167/dt.2018.050201

Habermas J. (2008) *Involving Another*. *Essays on Political Theory*, Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Habermas J. (2010) *The Problem of Legitimation of Late Capitalism*, Moscow: Praxis (in Russian).

Jung J. (2015) Politics of Holograms and the Human Body in William Gibson's *Neuromancer*. *The Journal of Literature and Film*, vol. 16, no 3, pp. 561–584. Available at: http://www.dbpia.co.kr/journal/articleDetail?nodeId=NODE06589954&nodeId=NODE06589954&language=ko_KR, accessed 20.05.2020.

Kaltwasser C.R., Taggart P.A., Espejo P.O., Ostiguy P. (eds.) (2017) *The Oxford Handbook of Populism*, Oxford: Oxford University Press.

Kasulis Th.P. (2002) *Intimacy or Integrity: Philosophy and Cultural Difference*, Honolulu: University of Hawaii Press.

López A.E. (2016) Invisible Participation: The Hologram Protest in Spain. *Afterimage: The Journal of Media Arts and Cultural Criticism*, vol. 43, no 4, pp. 8–11. DOI: 10.1525/aft.2016.43.4.8

Manovich L. (2017) *Theories of Soft Culture*, Nizhny Novgorod: Krasnaya las-tochka (in Russian).

Meyer T. (2001) *Mediokratie: Die Kolonisierung der Politik durch die Medien*, Frankfurt am Main: Suhrkamp.

Shean J. (2018) A (New) Specter Haunts Europe: The Political Legibility of Spain's Hologram Protests. *Journal of Spanish Cultural Studies*, vol. 19, no 4, pp. 465–480. DOI: 10.1080/14636204.2018.1524995

Volodenkov S.V. (2014) Cybersimulacra as an Instrument of Virtualization of Modern Mass Political Communication. *Informatsionnye vojny*, no 4(32), pp. 18–21. Available at: <http://pstmprint.ru/wp-content/uploads/2016/11/INFV-4-2014-3.pdf>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Volodenkov S.V. (2018) Mass Communication and Public Consciousness in the Conditions of Modern Technological Transformations. *Zhurnal politicheskikh issledovaniy*, vol. 2, no 3, pp. 1–8. Available at: <https://naukaru.ru/ru/storage/viewWindow/25624>, accessed 20.05.2020 (in Russian).

Witt M.T., Haven-Smith L. de (2008) Conjuring the Holographic State: Scripting Security Doctrine for a (New) World of Disorder. *Administration & Society*, vol. 40, no 6, pp. 547–585. DOI: 10.1177/0095399708321682

Witt M.T., Kouzmin A. (2010) Sense Making Under “Holographic” Conditions: Framing SCAD Research. *American Behavioral Scientist*, vol. 53, no 6, pp. 921–939. DOI: 10.1177/0002764209353272

Zain A. (2019) Rise of Modi's Technopopulism in India. *Journal of Cultural Studies*, vol. 6, no 1, pp. 199–208. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Ali_Zain15/publication/334114323_RISE_OF_MODI'S_TECH-POPULISM_IN_INDIA/links/5d17abf6458515c11c02b5da/RISE-OF-MODIS-TECH-POPULISM-IN-INDIA.pdf, accessed 20.05.2020.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор)

Михаил Николаевич ГРАЧЕВ

доктор политических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии факультета истории, политологии и права Историко-архивного института

Российский государственный гуманитарный университет, 125993, Миусская пл., д. 6, Москва, Российская Федерация

E-mail: grachev.m@rggu.ru

ORCID: 0000-0002-4211-3711

Роман Владимирович ЕВСТИФЕЕВ

доктор политических наук, ведущий научный сотрудник

Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 600017, ул. Горького, д. 59а, Владимир, Российская Федерация

E-mail: roman_66@list.ru

ORCID: 0000-0002-3851-7035

ЦИТИРОВАНИЕ: Грачев М.Н., Евстифеев Р.В. (2020) Концепт «разрушения правды» в условиях цифрового общества (аналитический обзор) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 229–248. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

Статья поступила в редакцию 10.03.2020.

АННОТАЦИЯ. Появление феномена «постправды» как доминирования эмоций и мнений над фактами, широкое распространение недостоверной информации, стремительный рост потока фейковых новостей в современном пространстве политической коммуникации выступают внешними проявлениями более сложной системы вызовов, основания которой заключаются в изменившемся характере медиасреды и способах обработки информации сознанием индивидов, которые, в свою очередь, обусловлены преобладающими политическими и экономическими отношениями. Данная система

вызовов, получившая название «разрушение правды», характеризуется совокупностью четырех взаимосвязанных и взаимообусловленных тенденций, проявляющихся в современных политико-коммуникационных процессах: нарастанием противоречий между фактами и интерпретациями этих фактов; стиранием различий и границ между фактами и мнениями; усилением влияния высказываемых мнений и личных точек зрения на восприятие фактов; снижением доверия массовой аудитории к ранее считавшимся авторитетными источникам информации. Очевидно, что указанные тен-

денции проявлялись и ранее, однако их воздействие на общественное сознание становится особенно заметным и осязаемым с наступлением «цифровой эпохи». Есть основания полагать, что подобное воздействие в известной степени может быть обусловлено целенаправленными усилиями отдельных политических акторов, преследующих собственные интересы. Авторы анализируют недавно опубликованные результаты исследований, проведенных специалистами корпорации RAND, которые наглядно демонстрируют эрозию публичного дискурса и убедительно объясняют их с позиций концепции «разрушения правды». Данное направление исследований является новым для политической науки и пока основывается исключительно на анализе материалов, имеющих отношение к американской действительности. Однако, по мнению авторов, выводы, к которым приходят ученые из США, имеют более общий характер и представляют несомненный интерес для исследования современных процессов политической коммуникации в других странах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация, разрушение правды, постправда, фейковые новости, цифровая эпоха, трансформация коммуникационной среды, публичный дискурс, интерпретация фактов

«Разрушение правды» как проявление «темной стороны» цифрового мира

Новая информационная реальность, тесно связанная с цифровой эпохой, в которую вступил современный мир, не только открывает широкие возможности, но и несет в себе ранее неизвестные риски и угрозы дальнейшему

общественному развитию. Осмысление противоречивых проявлений воздействия коммуникационных технологий на различные стороны человеческого бытия способствует появлению и введению в научный оборот неологизмов и оригинальных теоретических конструкций, посредством которых исследовательское и экспертное сообщество стремится отразить происходящие изменения и раскрыть обуславливающие их причины.

Одним из таких новых понятий, имеющих очевидную эмоционально-экспрессивную окраску, стало словосочетание «разрушение правды» (Truth Decay), предложенное в недавно опубликованной монографии президента американской исследовательской корпорации RAND М.Д. Рича и его коллеги Дж. Каваны для обозначения негативных процессов в сфере политической коммуникации, заметно усиливающихся по мере цифровизации общества и способствующих серьезной деформации публичного дискурса. Данное понятие соотносится с комплексом явлений, устойчиво наблюдаемых в современном коммуникационном пространстве, объединяющим в себе четыре взаимосвязанных и взаимообусловленных тренда:

- нарастание противоречий между фактами, объективными данными и их интерпретациями;
- стирание различий и границ между фактами и мнениями;
- количественный рост распространяемых в медиасреде мнений и личных точек зрения, влияние которых существенным образом сказывается на восприятии фактов;
- утрата доверия массовой аудитории к традиционным источникам информации, прежде считавшимся авторитетными [Kavanagh, Rich 2018, p. 3].

Указанные тренды в своей совокупности формируют новую интерпретативную модель коммуникации применительно к современному публичному дискурсу, особенно в его политическом измерении. Актуальность обращения к анализу данной модели и ее объяснительных возможностей объясняется, прежде всего, стремлением не только отразить негативные процессы, связанные с изменением характера и содержательной стороны политических дискуссий и споров граждан о государственной политике, развернувшихся в последнее время в цифровом пространстве, но и выявить глубинные причины, способствующие возникновению и расширенному распространению этих процессов, с целью определения возможных путей преодоления их деструктивных последствий.

Следует отметить, что концептуальные идеи, заложенные в модель «разрушения правды», тесно переплетаются с тревожной оценкой глобальных угроз миру и человечеству, представленной в выступлении Генерального секретаря ООН А. Гуттериша на заседании Генеральной Ассамблеи организации в январе 2020 г. Он привел устрашающую метафору, представив эти угрозы в образе «четырех всадников», тем самым проводя очевидные параллели с библейскими всадниками Апокалипсиса. Первый из них выступает в форме глобальной геостратегической напряженности, достигшей наивысшего уровня в последние годы. Второй – это климатический кризис, угрожающий существованию человечества. Третий «всадник» – усиление всеобщей неуверенности, беспокойства и недовольства, связанных с убеждением все более значительного количества людей в том, что «глобализация не работает для них», рост неравенства, снижение доверия к политическим институтам, распространение страхов и тревог, настроений

вражды и ненависти. Четвертая угроза – это «темная сторона цифрового мира», в котором «несмотря на огромные преимущества, новые технологии используются в том числе и для совершения преступлений, разжигания ненависти, фальсификации информации, угнетения и эксплуатации людей, вторжения в частную жизнь». Как заключает А. Гуттериш, «эти четыре всадника... могут поставить под угрозу каждый аспект нашего общего будущего» [Secretary-General's Remarks 2020].

Тренды «разрушения правды», непосредственно связанные с третьей и четвертой глобальными угрозами современному миру, указанными в выступлении Генерального секретаря ООН, отчетливо проявляются в публичном дискурсе отдельных стран, демонстрирующем утрату доверия значительной части граждан к деятельности традиционных институтов и распространяемым ими официальным сведениям, поляризацией мнений и конфронтационными спорами в сетевом пространстве по поводу наиболее острых проблем современного общества и путей их решения. Участники этих споров в подтверждение собственной позиции в эмоционально окрашенном противостоянии с оппонентами апеллируют скорее не к фактам, а к частным точкам зрения, домыслам, непроверенным слухам и откровенной лжи.

К сожалению, Россия не стала в этом плане исключением, о чем свидетельствует, в частности, развернувшаяся в последние месяцы в отечественном сегменте Интернета жесткая полемика по поводу мер, предпринимаемых в связи с распространением коронавирусной инфекции. Характеризуя нынешнее состояние российской сетевой аудитории, управляющий директор по коммуникациям Центра социального проектирования «Платформа» А.В. Фирсов отметил, что она раз-

делилась на две части, которые можно назвать «алармистами» и «антипаникерами»: «Они распались и заиклились друг на друге. Условно говоря, происходит такая фрагментация, когда люди выбирают наиболее комфортную модель интерпретации происходящего и вокруг этой модели начинают группироваться. И понятно, что когда люди оказываются внутри какой-то модели, они начинают ее усиливать, подбрасывать туда топлива, доводя ее до абсурда. Формальные коммуникации между этими группами есть, но не скажешь, чтобы они слышали друг друга» [Эксперты РАСО 2020].

Указанные обстоятельства актуализируют обращение авторов настоящей статьи к исследованию трендов «разрушения правды», методология которого основывается на сочетании методов концептуального моделирования и дискурс-анализа. Построение концептуальной модели, предусматривающей изучение как самих трендов, так и причинно-следственных связей между ними и некоторыми новыми процессами и явлениями в сфере политической коммуникации, позволяет определить смысловую структуру рассматриваемой предметной области. Несомненно, каждый тренд имеет собственное значение в контексте данного исследования, однако анализировать их в качестве самостоятельных объектов, без учета взаимосвязи с другими, было бы, на наш взгляд, методологически некорректно. Объединение указанных трендов в общую конструкцию позволяет изучать и фиксировать способы, посредством которых они взаимоусиливают друг друга, способствуя тем самым развитию процессов деформации общественного дискурса. В свою очередь, дискурс-анализ, в общем виде предполагающий структурно-семиотическое изучение содержания сообщений, транслируемых как по традиционным, так и по

сетевым каналам массовой коммуникации, а также анализ реакции аудитории на данные сообщения, обусловленной конкретным контекстом их распространения, дает возможность выявить изменения в восприятии и понимании окружающей действительности и, соответственно, в ее отражении общественным сознанием.

Интерпретация политико-коммуникационных процессов на основе модели «разрушения правды» стремится в известной мере преодолеть односторонность и утилитарность логически связанных с ней концепций «постправды» и «фейковых новостей», привлекающих в последнее время заметное внимание исследователей и аналитиков. Авторство понятия «мир постправды» принадлежит американскому публицисту С. Тесичу, впервые употребившему его в своем эссе «Правительство лжи», которое было опубликовано в еженедельнике *The Nation* в январе 1992 г. Он использовал данное понятие, обращая внимание не столько на нечестность политиков, сколько на безразличие к истине или даже «бегство от истины» избирающих их граждан, которые «больше не хотели плохих новостей, независимо от того, насколько они правдивы или жизненно важны» [Tesich 1992, p. 12]. Тем не менее термин «постправда» закрепился в политическом лексиконе значительно позже, после того как в декабре 2011 г. известный экономист П. Кругман употребил его в качестве образной характеристики развернувшейся в то время в США президентской избирательной кампании, отличительной особенностью которой стало распространение кандидатом-республиканцем М. Ромни заведомо ложных заявлений, направленных на дискредитацию действовавшего президента Б. Обамы, с явной целью добиться более широкой общественной поддержки своей кандидатуры

[Krugman 2011]. Впоследствии, уже в ходе избирательной кампании Д. Трампа в 2016 г., термин «постправда» был признан издательством Оксфордского университета «словом года», однако он приобрел несколько иное толкование и стал соотноситься с различными ситуациями, в которых «объективные факты менее существенны при формировании общественного мнения, по сравнению с обращением к эмоциям и личным убеждениям» [Flood 2016]. Причем когда с течением времени раскрывается действительное положение дел, истина уже не вызывает у общественности заметного интереса.

Несколько позднее составители словаря Collins English Dictionary, выпускаемого как в печатной, так и в сетевой версии признали словосочетанием года выражение «фейковые новости» (fake news), которое обозначает откровенно ложную, нередко сенсационную информацию, распространяемую под видом новостных сообщений. В словаре указывается, что в 2017 г. частота употребления указанного словосочетания выросла на 365% [Flood 2017]. Во многом данное выражение обязано своей популярностью Д. Трампу, который часто использует его в своих публичных выступлениях.

Между тем фейковые новости не следует воспринимать исключительно как порождение цифровой эпохи, представляющее собой своего рода побочный продукт развития информационно-коммуникационных технологий. В качестве исторических предшественников сетевых фейков выступают так называемые газетные утки – сенсационные сообщения, содержащие непроверенные или ложные сведения, публикуемые в печати для привлечения внимания читательской аудитории и ее возможного расширения с целью увеличить тираж изданий и, соответственно, прибыль их владельцев. По мнению

академика В.В. Виноградова, появление данного выражения было связано с публикацией в далеком 1815 г. в одной из брюссельских газет нашумевшей заметки о якобы проведенном опыте, «доказывавшем» прозорливость и кровожадность обычных уток, которые оказались способны поедать порубленных на части своих сородичей [Виноградов 1999, с. 120].

В деловой и финансовой сфере оперирование сведениями, намеренно искажающими действительность, может применяться и в более существенных масштабах, приводя при этом к весьма серьезным последствиям. Так, согласно версии, изложенной в брошюре французского публициста Ж.-М. Матье-Дарнавеля, которая была впервые опубликована в середине XIX в. и с тех пор неоднократно переиздавалась, известный британский банкир Н. Ротшильд, узнав исход сражения при Ватерлоо до поступления официального сообщения о результатах битвы, начал стремительно продавать свои облигации на лондонской бирже и, подпитывая тем самым ложные слухи о возможной победе Наполеона, спровоцировал обвал рынка ценных бумаг. Когда акции упали в цене до минимума, Ротшильд скупил их через подставных агентов и в итоге за несколько часов значительно преумножил свое и без того немалое состояние [Mathieu-Dairnvaell 2013]. Несмотря на то, что в последнее время достоверность данной истории подвергается сомнению [Мануков 2015], она, будучи достаточно правдоподобной, нередко используется в качестве яркой иллюстрации, демонстрирующей возможности распространения недостоверной информации как технологии манипулирования общественным мнением в целях получения материальной выгоды.

В цифровую эпоху потенциал и эффективность подобного манипулятив-

ного воздействия значительно возросли. Каждый пользователь Интернета неоднократно сталкивался с тем, что после поиска каких-либо сведений во Всемирной Сети связанная с ними информация благодаря встроенным в поисковые системы специальным алгоритмам начинает появляться в контекстной рекламе. Сходные алгоритмы, основанные на анализе поисковых запросов, публикаций и комментариев пользователей, действуют и в социальных сетях, предлагая вниманию участников сетевых сообществ материалы, так или иначе пересекающиеся с их определенными интересами и при этом зачастую содержащие в себе ложные послы для совершения конкретных действий, диапазон которых может быть достаточно широким: от навязывания покупки каких-либо товаров до вовлечения в противоправную деятельность.

Согласно некоторым оценкам, «фейк, создаваемый на основе манипуляции подлинной информацией, со смещением акцентов и хронологической последовательности событий, завладевает вниманием не более 30–50% целевой аудитории», тогда как «фейк на основе реальной информации с щедрой долей выдуманных деталей влияет на восприятие уже 80% целевой аудитории» [Красовская 2020].

Изучение противоречивых тенденций, связанных с цифровизацией политической сферы, проявлениями феноменов «постправды» и стремительно растущим потоком распространения фейковых новостей, в российском сегменте сетевого пространства находят свое отражение в работах отечественных исследователей, опубликованных в последние годы [Бродовская 2019; Володенков 2019; Коньков 2019; Попова 2018; Сморгун 2018; Федорченко 2018 и др.]. Однако есть основания полагать, что многие из явлений, рассматриваемых

в рамках указанных исследований, выступают лишь симптомами гораздо более сложной системы вызовов, основания которой заключаются в изменившемся характере медиасреды и способах обработки информации сознанием индивидов, обусловленных, в свою очередь, преобладающими политическими и экономическими отношениями. По сути, фейковые новости сами по себе не являются движущей силой этих более глубоких процессов, и простое прекращение распространения дезинформации и «полуправды» едва ли окажется способным устранить очевидный сдвиг в общественном сознании, сопряженный с утратой доверия к объективным фактам, данным и результатам научного анализа событий в политической сфере. В результате узкое внимание к фейковым новостям и другим вопросам частного характера отвлекает от строгой и целостной оценки более обширного явления.

Коммуникационные противоречия и диссонансы в доцифровую эпоху

Следует признать, что недоверие и искажение фактов как социальные феномены и значимые элементы политических коммуникаций имеют долгую историю, и было бы неправильно связывать их только с цифровой эпохой. Достаточно вспомнить знаменитые рассуждения Платона о пещере, жители которой могут видеть только проекции реального мира и не в состоянии понять, что происходит на самом деле [Платон 1994, с. 295–298].

Собственно, схожую картину рисовал и К. Маркс, когда предлагал свой вариант выхода за пределы идеологической матрицы в реальный мир, полагая, что господствующий дискурс, основанный на определенной экономи-

ческой формации, отправляет на периферию все угрожающие ей интерпретации реальности [Маркс 1959, с. 5–9]. Стоит также напомнить, что одна из работ Э. Фромма, в которой предпринята попытка синтезировать идеи К. Маркса и З. Фрейда и оценить их вклад в последующее развитие знаний, носит весьма показательное название: «Из плена иллюзий» [Фромм 1992, с. 299–374]. При этом Фрейд, в отличие от Маркса, в концептуальном плане делал акцент скорее на культурные установки, гасящие все остальные проявления человеческой природы.

В настоящее время можно критически относиться к марксистской абсолютизации приоритета экономического развития и подвергать сомнению психоаналитические подходы Фрейда, однако нельзя не признать, что современное научное знание вполне признает такую структуру социального бытия, в котором происходит конкуренция концепций, предъявляющих свое объяснение окружающей реальности и навязывающих их собственную интерпретацию. Логика развития и распространения научного знания при этом такова, что объясняющие и интерпретирующие реальность концепции выстраиваются в иерархическом порядке: одни из них доминируют и подавляют другие, которые оказываются на какое-то время на периферии, но с течением времени данная иерархия может меняться. Кстати, Фромм достаточно подробно описывает фильтры, которые, по его мнению, не дают людям в процессе коммуникации правильно понимать сообщения. Среди этих фильтров немецкий психолог выделяет логику (т. е. правила мышления), социальные табу (закрытые для обсуждения темы) и язык (средство коммуникации) [Фромм 1992, с. 346–347].

В той же плоскости лежат и размышления Л. Шестова, который в сво-

ем произведении *Potestas clavium* (что означает «Власть ключей») рассуждал о церковной иерархии, присваивавшей себе право на исключительное толкование всего многообразия окружающей действительности [Шестов 1993]. Если перевести мысли философа на современный язык, то можно отметить, что он, по сути, имел в виду некий интеллектуальный формат, задаваемый властью с целью установления господства над умами людей. Существенно позже, но практически о том же самом говорил и французский социолог П. Бурдьё, обозначая «власть номинации» и указывая на необходимость для исследователей учитывать эту власть [Бурдьё 1993, с. 72–80].

Более подробно об относительности фактов и необходимости различения фактов и мнений писал Л. Флек, издавший в 1935 г. свою книгу «Возникновение и развитие научного факта», которая получила известность только в конце XX в. [Флек 1999]. Именно размышления Флека стали одним из краеугольных элементов нашумевшей работы Т. Куна, предложившего свою интерпретацию развития науки, в основе которой лежали научная коммуникация и смыслы, возникающие в ходе этой коммуникации [Кун 2001].

Следует обязательно упомянуть и тот факт, что в период между двумя мировыми войнами в Европе и США началось серьезное изучение проблем, связанных с воздействием массовой коммуникации на общественное сознание. В начале 20-х гг. прошлого века У. Липпман убедительно показал, что распространение информационных потоков приводит к формированию некоей «псевдосреды», представляющей собой упрощенный, искаженный и стереотипизированный образ внешнего мира, во многом предопределяющий отношение людей к окружающей действительности: «Поведение человека является

реакцией именно на эту псевдосреду. Последствия этой реакции, собственно действия человека, происходят уже в реальной среде» [Липпман 2004, с. 38].

Начало фундаментальных исследований эффективности массового информационного воздействия в политической сфере было положено ранними работами Г. Лассуэлла, образно представлявшего пропаганду «спящую тысячу и даже миллионы людей в единую переплавленную массу ненависти, воли и надежды», и одновременно выступающего в качестве «молота и наковальни общественной солидарности» [Lasswell 1927, p. 221].

В основе взглядов американского политолога лежали получившие в то время широкое распространение идеи, разработанные в русле теорий фрейдизма и бихевиоризма. Именно поэтому он говорил о всеобщем психозе, возникающем в период экономического и политического кризисов, которые делают человека беззащитным перед пропагандой. Пессимистичность данной конструкции не должна нас удивлять – она явилась ответом на острое осознание исследователями беззащитности общества перед информационной машиной, которая могла заставить людей воспринимать реальность в крайне искаженном виде. В 30-е гг. прошлого века они могли видеть примеры такого пропагандистского воздействия в целом ряде государств и пытались найти и предложить механизмы ограничения возникающих в процессе массовой коммуникации искажений информации.

Несколько позднее предложенная Лассуэлом модель получила критическую оценку со стороны ряда других исследователей. Так, в работах П. Лазарсфельда была высказана и аргументирована важная мысль о том, что сообщения, распространяемые по каналам массовой коммуникации, воспри-

нимаются респондентами с учетом уже сложившихся у них сознательных предпочтений, активизируя латентные мнения и интересы. Иными словами, индивид «сам себе отбирает пропагандистские сообщения, с которыми он заранее согласен, и блокирует те, с которыми он едва ли согласится» [Лазарсфельд 2018, с. 165].

Эта идея легла в основу более сложного взгляда на природу искажений информации в процессе политической коммуникации, которая была представлена в теории когнитивного диссонанса, сформулированной и доказанной Л. Фестингером в 1950-е гг. Согласно этой теории человек начинает испытывать чувство психологического дискомфорта, когда получает извне информацию, противоречащую или не соответствующую его собственным представлениям, воззрениям или убеждениям. При этом «в случае возникновения диссонанса, помимо стремления к его уменьшению, индивид будет активно избегать ситуаций и информации, которые могут вести к его возрастанию» [Фестингер 1999, с. 17].

Однако подобное «бегство от истины» вовсе не означает для испытывающего диссонанс индивида обязательный «уход в никуда», а, напротив, предполагает возможность активного поиска достаточно убедительных, с его точки зрения, сведений и мнений, позволяющих подтвердить собственную правоту, что согласуется с базовыми положениями так называемой теории пользы и удовлетворения, выдвинутой примерно в то же время Э. Кацем. Ключевая идея данной теоретической конструкции состоит в том, что «ценности людей, их интересы, их ассоциации, их социальные роли имеют преобладающую силу и что люди избирательно «подгоняют» то, что они видят и слышат, под эти интересы» [Katz 1959, p. 3].

Не останавливаясь более подробно на развитии данных теоретических представлений, отметим, что к концу XX в. проблемы, которые интересовали преимущественно ученых, стали обретать актуальность для широкого круга людей, представлявших различные слои общества. Процессы вовлечения в политическую коммуникацию значительного количества населения – вначале через средства массовой информации, а затем, по мере распространения цифровых технологий, и через социальные сети – вывели проблему объективности фактов, связанную, в числе прочего, и с попытками намеренных манипуляций, из чисто научной сферы в область повседневной жизни обычного человека.

На рубеже XX и XXI вв. появляются работы, переносящие данную проблематику в публичную и политическую жизнь, в т. ч. такие, в которых авторы задумываются над тенденцией замещения фактов мнениями, вызывающими метаморфозы истинности и правды [Burgess A., Burgess J. 2011; Kirkham 1992; Künne 2003]. Тем не менее весьма примечательно, что активизация исследовательских поисков в этом направлении стала особенно заметной после победы Д. Трампа на президентских выборах в США в 2016 г. В частности, представления о «гибели истины» получили свое отчетливое выражение в книге публициста и лауреата престижной Пулитцеровской премии М. Какутани, ранее работавшего в «Нью-Йорк Таймс» [Kakutani 2018]. Известный журналист выступает с эмоциональной критикой современного мира и, в частности, США, оценивая нынешнее состояние американского общества как «отступление от разума». Автор с сожалением констатирует, что пришло время, когда сама идея объективной истины высмеивается и игнорируется обитателями Белого дома, когда широко распространяются

«теории заговора», которые поддерживаются средствами массовой информации в разных странах. В основе этого явления лежит мнение толпы, нивелирующее научные данные и опирающееся на предубеждения. Правда стала вымирающим видом в США, однако, как считает М. Какутани, этот упадок начался не вчера, а десятилетия назад. По мнению автора, указанные тенденции можно легко обнаружить в социальных сетях, в СМИ, в политике и даже в научных кругах.

В то же время известные политологи П. Норрис и Р. Инглахт объединили свои усилия для того, чтобы на материалах анализа американской политической действительности попытаться сделать обобщения, позволяющие понять подобные процессы, происходящие в других странах. В своей недавно вышедшей книге авторы обосновали теорию «культурного раскола», в соответствии с которой сегодня в западном мире возник новый вид социального расслоения [Norris, Inglehart 2019]. Быстрые культурные изменения, проблемы миграции и ухудшение экономических условий жизни вызвали среди тех, кто почувствовал наибольшую угрозу от происходящих перемен, появление «авторитарного рефлекса» – стремления подчеркнуть значимость поддержания коллективной безопасности на основе следования традициям, сохранения и демонстрации единства перед «чужаками» и проявления лояльности по отношению к сильным лидерам. Эта ориентация подкрепляется антиистеблишментными настроениями в обществе и популистской риторикой. В результате такая ситуация порождает новые тренды политической коммуникации, в основе которых лежат не классические операции информационного обмена, отвечающего интересам всех участвующих в нем сторон, а символическое выделение

«чужого», нападки на «других», попытки противопоставления «голоса народа» и «голоса элиты».

«Разрушение правды» в цифровом обществе: первые результаты исследований

Публикация монографии Дж. Каваны и М.Д. Рича «Разрушение правды: первоначальное исследование снижения роли фактов и аналитики в американской общественной жизни» [*Kavanagh, Rich* 2018] открывает масштабный проект, реализуемый известной американской корпорацией RAND. Обращение руководства, ученых и экспертов данной авторитетной организации к такой острой теме и в такой алармистской формулировке весьма показательное само по себе, демонстрирует, что проблема недоверия в цифровую эпоху становится одной из важнейших в исследовательской повестке.

Авторы монографии ставили перед собой три основные цели. Во-первых, они стремились создать теоретическую основу, которую политики, представители исследовательского сообщества и журналисты могли бы использовать для более эффективного и более строгого обсуждения феномена «разрушения правды», т. е. выработать набор четко определенных терминов, концепций и идей, способствующих пониманию, осмыслению и изучению данной проблематики. Во-вторых, в работе была поставлена задача определить возможности проведения эмпирических исследований, направленных на изучение деформации публичного дискурса, ее причин и последствий. Третья цель монографии – обозначить исследовательскую повестку для дальнейшего изучения «разрушения правды», направленного на разработку конкретных мер, способных восстановить

и укрепить доверие и уважение общества к фактам, данным и научному анализу действительности.

По мнению Дж. Каваны и М.Д. Рича, «разрушение правды» – это процесс, имеющий глубокие исторические корни, однако он усугубляется и стремительно ускоряется под воздействием распространения новейших информационно-коммуникационных технологий, представляя существенную угрозу демократическим принципам организации общественной жизни.

Авторы проанализировали более 250 статей и книг из источников, идентифицированных с помощью онлайн-баз данных Social Science Abstracts, PubMed и JSTOR. Кроме того, они отобрали и изучили материалы, предоставляемые Межуниверситетским консорциумом политических и социальных исследований (например, General Social Survey), а также результаты исследований, проведенных ранее такими авторитетными организациями, как Pew Research Center и Gallup.

В ходе своего исследования Д. Кавана и М.Д. Рич обратили внимание на три периода в истории США, когда в политико-коммуникационных процессах проявлялись напоминающие современную эпоху тенденции размывания границ между мнениями и фактами, а также снижения доверия к ключевым институтам как к источникам объективной информации:

- 1880–1890-е гг. – «золотой век», известный битвами за тиражи газет и появлением «желтой прессы»;
- 1920–1930-е гг. – десятилетия «ревущих двадцатых» и Великой Депрессии, время так называемой джазовой журналистики, рождения таблоидов и подъема радиовещания;
- 1960–1970-е гг. – период участия США во Вьетнамской войне, усиления государственной медийной

пропаганды, возникновение «новой журналистики» и возрождения журналистских расследований [Kavanagh, Rich 2018, pp. 41–78].

Конечно, такое историческое деление во многом носит вспомогательный характер: для авторов монографии указанные периоды стали, скорее, некими аналогами, с которыми в определенном отношении удобно сравнивать современную эпоху. Однако, несмотря на то, что исследование выявило некоторое снижение доверия к ключевым институтам в указанные периоды, сегодня данная тенденция выражена более отчетливо, чем в прошлом. Вместе с тем ни в одном из трех предшествующих периодов исследователи не обнаружили свидетельств заметных конфликтов и дискуссий по поводу различия конкретных фактов и субъективных мнений, связанных с их интерпретацией: эта тенденция наиболее ярко проявляется как раз в современном обществе.

В качестве эмпирической основы исследования был использован метод проведения структурированных дискуссий (как в группах, состоящих из 8–10 чел., так и индивидуальных) с экспертами и исследователями, представляющими различные научные дисциплины и области знания, охвативших в общей сложности около 170 чел. [Kavanagh, Rich 2018, p. 14].

Американские исследователи выделили и проанализировали четыре движущие силы, способствующие, по их мнению, развитию процессов «разрушения правды»:

1) Особенности когнитивной сферы, связанные с субъективной предвзятостью, т. е. такие способы обработки информации и принятия решений, которые заставляют индивидов искать сведения, подтверждающие уже сло-

жившиеся убеждения, основанные на личном опыте, привычках, традициях и соответствующих им суждениях и мнениях, высказываемых в СМИ и социальных сетях. Эти тенденции способствуют размыванию границ между мнениями и фактами и в целом ряде случаев позволяют мнениям подменять собой факты.

- 2) Трансформация коммуникационной среды, а именно – быстрое развитие социальных медиа, рост объема и скорости информационных потоков, в которых на фоне уменьшения относительной доли фактов и строгой аналитики все более заметную роль играют субъективные суждения, непроверенные сведения, спекуляции, слухи, а иногда и откровенная дезинформация, активно воздействующие на эмоции и внимание аудитории.
- 3) Особенности современного института школьного образования, определяющие запаздывание системы воспроизводства знаний по отношению к более динамичным изменениям в информационной сфере. Постоянно увеличивающийся разрыв между этими двумя областями способствует в конечном счете «разрушению правды», закладывая основы формирования общественно-го мнения, восприимчивого к потере и распространению дезинформации либо сведений, стирающих границы между фактами и субъективными точками зрения.
- 4) Нарастание поляризации в обществе в политическом, социально-экономическом и демографическом измерениях, обусловленной углублением противоречий и развитием конфликтов по

отношению к фактам и их интерпретациям. Конкурирующие и противостоящие друг другу в сетевом пространстве социальные группы проявляют тенденцию к самозамкнутости мышления и общения, создавая внутри себя закрытую коммуникационную среду, в которой распространяются предубеждения и ложная информация [Kavanagh, Rich 2018, pp. 79–174].

Хотя проявления этих четырех факторов во многом зависят от природы человеческого мышления, тем не менее есть основания полагать, что в определенной мере их воздействие может быть обусловлено целенаправленными усилиями отдельных акторов, преследующих собственные политические или экономические интересы. Например, некоторые медиаструктуры предпочитают делать ставку на распространение новостей, основанных на мнениях и комментариях экспертов, а не на тщательно проверенных фактах, поскольку это способствует уменьшению затрат и облегчает адаптацию содержания сообщений в расчете на конкретную аудиторию. Академические и аналитические организации также могут способствовать «разрушению правды», особенно в тех случаях, когда давление спонсоров или влиятельных заказчиков вынуждает их исказить и фальсифицировать выводы проведенных исследований, что в итоге подрывает доверие общества к научным институтам как к поставщикам объективной информации.

Проведенный американскими авторами анализ, несомненно, имеет важное практическое значение в плане изучения современного состояния и тенденций развития сферы политической коммуникации. Предлагаемая ими интерпретационная модель, построенная

на основе концепта «разрушения правды», позволяет не только диагностировать деформацию публичного дискурса, но и выявлять ограничения, препятствующие ведению содержательных дискуссий по важным политическим вопросам и темам и приводящие в конечном счете к «политическому параличу», под которым понимается тупиковая ситуация, связанная с невозможностью согласования позиций конкурирующих или конфликтующих сторон и достижения компромисса между ними по ключевым вопросам [Kavanagh, Rich 2018, p. 200]. Эта дисфункция, как показывают авторы исследования, способна привести к серьезным издержкам как в экономической сфере, так и в вопросах внешней политики и дипломатии, а также привести к снижению общественного доверия к деятельности органов власти и тем самым способствовать отчуждению граждан от политических и гражданских институтов.

Результаты анализа проявлений «разрушения правды», связанных с особенностями создания, распространения и восприятия новостных сообщений в цифровую эпоху, более подробно представлены во второй публикации исследователей корпорации RAND, вышедшей в свет в июле 2019 г. [Kavanagh et al. 2019].

Цель данного исследования состояла в том, чтобы дать количественную и качественную эмпирическую оценку тому, как с течением времени менялось представление новостных сюжетов на различных коммуникационных платформах: в традиционных печатных СМИ, программах широковещательного и кабельного телевидения, а также в современных цифровых медиа. Авторы работы сосредоточили свое внимание на изменениях в стиле освещения новостей, связанных с определением тональности, эмоциональной обра-

ски и степени субъективности распространяемых материалов. Анализ указанных стилевых изменений, а также количественная оценка их масштабов и роли в современных политико-коммуникационных процессах позволяют, как указывают авторы, восполнить недостаток в эмпирических данных, подтверждающих проявления двух из четырех тенденций, свойственных процессам «разрушения правды» – стирания различий и границ между фактами и мнениями, а также количественного роста распространяемых в медиасреде мнений и личных точек зрения, существенным образом влияющих на восприятие фактов [Kavanagh et al. 2019, p. 3].

Источниковой базой данного исследования послужили текстовые онлайн-архивы двух крупнейших общенациональных газет – The New York Times и The Washington Post, – а также влиятельного регионального издания St. Louis Post-Dispatch за период с 1 января 1989 г. по 31 декабря 2017 г., стенограммы ведущих новостных программ широковещательного телевидения American Broadcasting Company (ABC), National Broadcasting Company (NBC) и Columbia Broadcasting System (CBS), охватывающие этот же временной отрезок подборки программ трех основных сетей кабельного телевидения – Cable News Network (CNN), Fox News Channel и Microsoft/National Broadcasting Company (MSNBC) за 2000–2017 гг. – и материалы шести наиболее популярных в США сетевых изданий, хранящиеся в интернет-архиве Archive.org начиная с 2012 г. (Breitbart News, Buzz Feed Politics, Daily Caller, Huff Post Politics, Politico и TheBlaze) [Kavanagh et al. 2019, pp. 22–26].

Каждый из анализируемых массивов газетных материалов и стенограмм теленовостей был хронологически разделен на две части – до и после

1 января 2000 г., поскольку, как отмечают авторы исследования, примерно в это время в американской медиainдустрии произошли два серьезных изменения: во-первых, с этого года резко увеличилась аудитория всех трех основных сетей кабельного телевидения и, во-вторых, количество пользователей Интернета превысило 50% от общего числа граждан США [Kavanagh et al. 2019, p. 33].

Для сравнительного анализа текстов источников применялся разработанный в корпорации программный модуль RAND-Lex, алгоритм действия которого основан на вычислении частоты использования в исследуемых материалах определенных слов, словосочетаний и фраз, соотносимых с набором лингвистических характеристик, сгруппированных в 15 смысловых категорий. Так, например, выражения «я чувствую, что...», «я уверен...», «мне кажется...», «я полагаю...» отнесены к категории «личная точка зрения»; слова и словосочетания «я сожалею...», «радость», «страх», «вызывает опасение, что...» – к категории «эмоции»; «все», «каждый», «исключительно», «больше», «меньше», «в частности», «конкретно» – к категории «уточнение» и т. д. [Kavanagh et al. 2019, pp. 36–39].

Исследование показало, что на протяжении всего рассматриваемого периода при освещении новостей в газетных публикациях сохранялся так называемый стиль репортажа, однако в плане использования языковых средств произошли заметные количественные изменения. Например, в публикациях до 2000 г. преимущественное внимание уделялось конкретным событиям и контексту, в котором они происходили, чаще упоминались время, официальные названия организаций, учреждений, должностей, нередко использовалась уточняющая лексика для раскрытия деталей новостных сюжетов. После

2000 г. репортажи все более приобретают повествовательный, а не аналитический характер, при этом в них стали отчетливее проявляться личные точки зрения, мнения и эмоции авторов и комментаторов.

Аналогичные изменения отмечены и в сфере широкоэвещательной тележурналистики: после 2000 г. происходит постепенный сдвиг от традиционных репортажей, которым было свойственно использование точного и конкретного языка и обязательного обращения к официальным источникам, к более свободному и субъективному освещению новостей, не всегда подкрепляемому необходимой фактологической аргументацией, а также к интервью и беседам с приглашенными экспертами, высказывающими свои личные оценки и мнения по поводу происходящих событий.

Исследование эмпирически подтвердило наличие существенных различий в характере новостных программ широкоэвещательного и кабельного телевидения. Представление новостей на кабельных каналах продемонстрировало использование более простого, местами жесткого, но в то же время менее конкретного языка, привязанного к содержанию материалов, которое основывалось главным образом на выражении мнений, а не на освещении событий. Однако, по мнению авторов, данное явление можно объяснить, принимая во внимание различные цели и бизнес-модели обеих телевизионных платформ: «Кабельное телевидение, особенно в прайм-тайм, ориентировано на более узкую аудиторию и использует мнения и провокационные материалы для привлечения ее внимания; тогда как эвещательное телевидение нацелено на более широкую аудиторию и придерживается традиционных форм репортажей» [Kavanagh et al. 2019, p. 95].

Сравнительный анализ газетных публикаций и материалов интернет-журналистики показал, что стиль представления новостей в прессе во многом сохранил традиционные для данной коммуникационной платформы черты, хотя отчасти и утратил аналитичность, став более описательным. Тем не менее в газетных репортажах, как и прежде, делается акцент на месте и времени совершения конкретных событий, на позициях и роли их непосредственных участников, присутствуют ссылки на официальные данные, нередко сопровождаемые рассуждениями ретроспективного плана. Напротив, освещение новостей в большинстве сетевых публикаций характеризуется использованием более простого, близкого к разговорному языку, и в содержательном плане оказывается менее информативным, но более эмоциональным, поскольку в нем преобладают не факты, а личные мнения и оценки авторов материалов, что, вероятно, можно истолковать как стремление оказать на аудиторию определенное убеждающее воздействие.

Подводя итоги своего исследования, авторы монографии делают достаточно осторожный вывод о том, что существует «постепенный и тонкий сдвиг, наблюдаемый как во времени, так и между «старыми» и «новыми» медиа, в сторону более субъективной формы журналистики, основанной не столько на прецедентах, сколько на личных позициях» [Kavanagh et al. 2019, p. 125]. Несмотря на то, что данный вывод согласуется с концепцией «разрушения правды», подтверждая существование тенденций к размыванию границ между фактами и мнениями и количественному росту распространяемых в медиасреде частных точек зрения, стремящихся оказать определенное влияние на восприятие действительности, авторы призывают проявлять осмотритель-

ность в плане обобщения полученных результатов, поскольку они «относятся к конкретным источникам и отрезкам времени» [Kavanagh et al. 2019, p. 126].

Действительно, авторы данного исследования сосредоточили свое внимание только на изучении газетных публикаций, программ широкоэвещательного и кабельного телевидения и новостных сюжетов сетевой журналистики. На наш взгляд, для получения более репрезентативных результатов было бы целесообразно провести в будущем крупномасштабное исследование, значительно расширив для него круг привлекаемых источников за счет влиятельных новостных журналов, к числу которых можно отнести, например, такие американские издания, как Time и перешедший в 2013 г. с печатного на цифровой формат еженедельник Newsweek, а также стенограммы радиорепортажей и, конечно, материалов, размещаемых в социальных сетях.

В заключение отметим, что изучение феноменов «разрушения правды» находится на начальном этапе своего развития и пока базируется только на анализе американских источников. Не приходится сомневаться, что в дальнейшем подобные исследования должны охватить и другие страны, в т. ч. Россию. Это позволит определить как универсальные, так и особенные, присущие конкретной социокультурной среде проявления данных феноменов и наметить основные пути нейтрализации их деструктивного воздействия.

Преодоление последствий «разрушения правды» является сложной и многогранной задачей, решение которой в каждой стране должно осуществляться с учетом сложившихся культурных традиций. Это, однако, не означает каких-либо попыток «отката назад», вынужденного отказа от технико-технологических инноваций, которые

принесла с собой цифровая эпоха. Современный мир не сможет вернуться к тому состоянию, в котором он находился до появления спутниковой связи, Интернета и социальных сетей. Выход из лабиринта «разрушения правды» видится в поисках использования возможностей, создаваемых новыми разработками, для отстаивания фактов, сопротивления потоку дезинформации и субъективных оценок, опирающегося на культурное наследие, которое является необходимым условием существования общества. Осознание данной проблемы представляется крайне актуальным как для политиков, так и для представителей исследовательского сообщества.

Список литературы

- Бродовская Е.В. (2019) Цифровые граждане, цифровое общество и цифровая гражданственность // Власть. Т. 27. № 4. С. 65–69. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6587
- Бурдые П. (1993) Социальное пространство и генезис «классов» // Бурдые П. Социология политики. М.: Socio-Logos. С. 55–97.
- Виноградов В.В. (1999) История слов. М.: Институт русского языка.
- Володенков С.В. (2019) Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 5. С. 341–364. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.16
- Коньков А.Е. (2019) Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 6. С. 6–28. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-1

Красовская Н. (2020) Жизнь в эпоху постправды // Pravda.ru. 12 февраля 2020 // https://www.pravda.ru/science/1473851-feik_seti/, дата обращения 21.05.2020.

Кун Т. (2001) Структура научных революций. М.: АСТ.

Лазарсфельд П. (2018) Вводная часть ко второму изданию книги «Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании» // Социологический журнал. Т. 24. № 4. С. 154–176. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6102

Липпман У. (2004) Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Мануков С. (2015) Тайна происхождения капитала Ротшильдов // Эксперт Online. 4 мая 2015 // <https://expert.ru/2015/05/4/kapital-rotshildov/>, дата обращения 21.05.2020.

Маркс К. (1959) К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2е изд. Т. 13. М.: Госполитиздат. С. 1–167.

Платон (1994) Государство // Платон. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.: Мысль. С. 79–420.

Попова О.В. (ред.) (2018) «Политика постправды» и популизм. СПб.: Скифия-принт.

Сморгунов Л.В. (ред.) (2018) Публичная политика: институты, цифровизация, развитие. М.: Аспект Пресс.

Федорченко С.Н. (2018) Политическая голограмма: новая возможность коммуникации или скрытая угроза 3D манипулирования цифровым обществом? // Вестник Московского государственного областного университета. № 2. С. 189–203. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-2-896

Фестингер Л. (1999) Теория когнитивного диссонанса. СПб.: Ювента.

Флек Л. (1999) Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительно-

го коллектива. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги.

Фромм Э. (1992) Из плена иллюзий // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика. С. 299–374.

Шестов Л. (1993) Potestas clavium (Власть ключей) // Шестов Л. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Наука. С. 15–312.

Эксперты РАСО: Черные лебеди кружат над нами. Публичное действие в условиях «обнуления» (2020) // КРОС. 9 апреля 2020 // <https://vc.ru/marketing/119016-eksperty-raso-chernye-lebedi-kruzhat-nad-nami-publichnoe-deystvie-v-usloviyah-obnuleniya>, дата обращения 21.05.2020.

Burgess A., Burgess J. (2011) Truth, Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Flood A. (2016) “Post-truth” Named Word of the Year by Oxford Dictionaries // The Guardian, November 15, 2016 // <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries>, дата обращения 21.05.2020.

Flood A. (2017) Fake News Is “Very Real” Word of the Year for 2017 // The Guardian, November 2, 2017 // <https://www.theguardian.com/books/2017/nov/02/fake-news-is-very-real-word-of-the-year-for-2017>, дата обращения 21.05.2020.

Kakutani M. (2018) The Death of Truth: Notes on Falsehood in the Age of Trump, New York: Tim Duggan Books.

Katz E. (1959) Mass Communications Research and the Study of Popular Culture: An Editorial Note on a Possible Future for This Journal // Studies in Public Communication, vol. 2, pp. 1–6 // https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1168&context=asc_papers, дата обращения 21.05.2020.

Kavanagh J., Marcellino W., Blake J.S., Smith S., Davenport S., Tebeka M.G. (2019) News in a Digital Age: Comparing the Presentation of News Information over Time and Across Media Platforms,

Santa Monica, California: RAND Corporation.

Kavanagh J., Rich M.D. (2018) *Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life*, Santa Monica, California: RAND Corporation.

Kirkham R.L. (1992) *Theories of Truth: A Critical Introduction*, Cambridge, Mass.: MIT Press.

Krugman P. (2011) *The Post-Truth Campaign* // *The New York Times*, December 23, 2011 // <https://www.nytimes.com/2011/12/23/opinion/krugman-the-post-truth-campaign.html>, дата обращения 21.05.2020.

Künne W. (2003) *Conceptions of Truth*, Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.

Lasswell H.D. (1927) *Propaganda Technique in the World War*, London: Ke-

gan Paul, Trench, Trübner & Co, Ltd; New York: Alfred A. Knopf.

Mathieu-Dairnvaell G.-M. (2013) *Histoire Edifiante et Curieuse de Rothschild Ier, Roi des Juifs*, Paris: Hachette Livre-BnF.

Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and the Rise of Authoritarian-populism*, New York: Cambridge University Press.

Secretary-General's Remarks to the General Assembly on His Priorities for 2020 (2020) // United Nations Secretary-General, January 22, 2020 // <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-01-22/secretary-generals-remarks-the-general-assembly-his-priorities-for-2020-bilingual-delivered-scroll-down-for-all-english-version>, дата обращения 21.05.2020.

Tesich S. (1992) *A Government of Lies* // *The Nation*, no 254(1), pp. 6–13.

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

The Concept of the “Truth Decay” in a Digital Society (an Analytical Review)

Mikhail N. GRACHEV

DSc in Politics, Professor of the Department for Theoretical and Applied Political Science of the Division for History, Political Science and Law of the Institute for History and Archives

Russian State University for the Humanities, 125993, Miuskaya Sq., 6, Moscow, Russian Federation

E-mail: grachev.m@rggu.ru

ORCID: 0000-0002-4211-3711

Roman V. EVSTIFEEV

DSc in Politics, Leading Researcher

Vladimir Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 600017, Gorkogo St., 59a, Vladimir, Russian Federation

E-mail: roman_66@list.ru

ORCID: 0000-0002-3851-7035

CITATION: Grachev M.N., Evstifeev R.V. (2020) The Concept of the “Truth Decay” in a Digital Society (an Analytical Review). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 229–248 (in Russian).

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-12

Received: 10.03.2020.

ABSTRACT. *The emergence of the “post-truth” phenomenon as the dominance of emotions and opinions over facts, the widespread dissemination of false information, and the rapid growth of fake news in the modern political communication space are the external manifestations of a more complex system of challenges, the basis of which lies in the changed nature of the media environment and ways of processing information by people’s minds, which, in turn, are caused by prevailing political and economic relations. This system of challenges is called “Truth Decay” and characterized by a set of four interconnected and interdependent trends in the contemporary political communication processes: the increase of the contradictions between facts and interpretations of these facts; the erasure of the*

differences between facts and opinions; the amplification of the opinions and personal points of view influence on the perception of facts; the drop of the mass audience confidence to the sources of information that were previously considered as authoritative. It is obvious that the indicated tendencies were appeared earlier, but their impact on the public consciousness becomes especially more significant and noticeable with the advent of the “digital era”. There is reason to consider that this indicated impact in a certain extent may be due to the premeditated efforts of some political actors pursuing their own interests. The authors are analyzed the recently published results of studies conducted by specialists of the RAND Corporation, which are clearly demonstrated the erosion of the civil discourse and con-

vincingly explain it from the standpoint of the "Truth Decay" concept. This research area is innovative for the modern political science and is so far based solely on the analysis of the materials concerned to American realities. However, the authors are believed that the results reached by the scientists from the USA are more general and this conclusions can be used for the study of the modern political communication in processes other countries.

KEY WORDS: political communication, Truth Decay, post-truth, fake news, digital age, communication environment transformation, public discourse, interpretation of facts

References

- Bourdieu P. (1993) The Social Space and the Genesis of Classes. *Bourdieu P. Sociology of Politics*, Moscow: Socio-Logos, pp. 55–97 (in Russian).
- Brodovskaya E.V. (2019) Digital Citizens, Digital Society and Digital Citizenship. *Vlast'*, vol. 27, no 4, pp. 65–69 (in Russian). DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6587
- Burgess A., Burgess J. (2011) *Truth*, Princeton, N.J.: Princeton University Press.
- Fedorchenko S.N. (2018) Political Hologram: A New Possibility of Communication or Phantom Menace 3D Handling a Digital Society? *Bulletin of Moscow Region State University*, no 2, pp. 189–203 (in Russian). DOI: 10.18384/2224-0209-2018-2-896
- Festinger L. (1999) *A Theory of Cognitive Dissonance*, Saint Petersburg: Uventa (in Russian).
- Flek L. (1999) *Genesis and Development of a Scientific Fact: An Introduction to the Theory of Thinking Style and Thinking Group*, Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noj knigi (in Russian).
- Flood A. (2016) "Post-truth" Named Word of the Year by Oxford Dictionaries. *The Guardian*, November 15, 2016. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2016/nov/15/post-truth-named-word-of-the-year-by-oxford-dictionaries>, accessed 21.05.2020.
- Flood A. (2017) Fake News Is "Very Real" Word of the Year for 2017. *The Guardian*, November 2, 2017. Available at: <https://www.theguardian.com/books/2017/nov/02/fake-news-is-very-real-word-of-the-year-for-2017>, accessed 21.05.2020.
- Fromm E. (1992) From the Captivity of Illusions. *Fromm E. The Soul of Man*, Moscow: Respublika, pp. 299–374 (in Russian).
- Kakutani M. (2018) *The Death of Truth: Notes on Falsehood in the Age of Trump*, New York: Tim Duggan Books.
- Katz E. (1959) Mass Communications Research and the Study of Popular Culture: An Editorial Note on a Possible Future for This Journal. *Studies in Public Communication*, vol. 2, pp. 1–6. Available at: https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1168&context=asc_papers, accessed 21.05.2020.
- Kavanagh J., Marcellino W., Blake J.S., Smith S., Davenport S., Tebeka M.G. (2019) *News in a Digital Age: Comparing the Presentation of News Information over Time and Across Media Platforms*, Santa Monica, California: RAND Corporation.
- Kavanagh J., Rich M.D. (2018) *Truth Decay: An Initial Exploration of the Diminishing Role of Facts and Analysis in American Public Life*, Santa Monica, California: RAND Corporation.
- Kirkham R.L. (1992) *Theories of Truth: A Critical Introduction*, Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Konkov A.E. (2019) Digitalization in Political Relations: Planes for Perception and Mechanisms for Transformation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 6, pp. 6–28 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-6-1
- Krasovskaya N. (2020) Life in the Post-Truth Epoch. *Pravda.ru*, February 12, 2020. Available at: <https://www.pravda>.

ru/science/1473851-feik_seti/, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Krugman P. (2011) The Post-Truth Campaign. *The New York Times*, December 23, 2011. Available at: <https://www.nytimes.com/2011/12/23/opinion/krugman-the-post-truth-campaign.html>, accessed 21.05.2020.

Kuhn T. (2001) *The Structure of Scientific Revolutions*, Moscow: AST (in Russian).

Künne W. (2003) *Conceptions of Truth*, Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press.

Lasswell H.D. (1927) *Propaganda Technique in the World War*, London: Kegan Paul, Trench, Trübner & Co, Ltd; New York: Alfred A. Knopf.

Lazarsfeld P.F. (2018) Preface and Introduction to the Second Edition of “The People’s Choice: How the Voter Makes up his Mind in a Presidential Election Campaign”. *Sociological Journal*, vol. 24, no 4, pp. 154–176 (in Russian). DOI: 10.19181/socjour.2018.24.4.6102

Lippmann W. (2004) *Public Opinion*, Moscow: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie» (in Russian).

Manukov S. (2015) The Secret of the Rothschild Capital Origin. *Expert Online*, May 4, 2015. Available at: <https://expert.ru/2015/05/4/kapital-rotshildov/>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Marx K. (1959) A Contribution to the Critique of Political Economy. *Marx K., Engels F., Works*, 2nd ed., vol. 13, Moscow: Gospolitizdat, pp. 1–167 (in Russian).

Mathieu-Dairnvaell G.-M. (2013) *Histoire Edifiante et Curieuse de Rothschild Ier, Roi des Juifs*, Paris: Hachette Livre-BnF.

Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and the Rise of Authoritarian-populism*, New York: Cambridge University Press.

Plato (1994) The Republic. *Plato, Collected Works*, in 4 vols, vol. 3, Moscow: Mysl', pp. 79–420 (in Russian).

Popova O.V. (ed.) (2018) “*Post-truth Politics*” and *Populism*, Saint Petersburg: Skifia-print (in Russian).

RAPR Experts: Black Swans Are Circling above Us. Public Action in the “Zeroing” Condition (2020). CROS, April 9, 2020. Available at: <https://vc.ru/marketing/119016-eksperty-raso-chernye-lebedi-kruzhat-nad-nami-publichnoe-deystvie-v-usloviyah-obnuleniya>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Secretary-General’s Remarks to the General Assembly on His Priorities for 2020 (2020). *United Nations Secretary-General*, January 22, 2020. Available at: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2020-01-22/secretary-generals-remarks-the-general-assembly-his-priorities-for-2020-bilingual-delivered-scroll-down-for-all-english-version>, accessed 21.05.2020.

Shestov L. (1993) Potestas Clavium (The Power of Keys). *Shestov L., Works*, in 2 vols, vol. 1, Moscow: Nauka, pp. 15–312 (in Russian).

Smorgunov L.V. (ed.) (2018) *Public Policy: Institutions, Digitalization, Development*, Moscow: Aspect Press Ltd (in Russian).

Tesich S. (1992) A Government of Lies. *The Nation*, no 254(1), pp. 6–13.

Vinogradov V.V. (1999) *The History of Words*, Moscow: Institut russkogo yazyka (in Russian).

Volodenkov S.V. (2019) Influence of Internet Communication Technologies on Contemporary Social and Political Processes: Scenarios, Challenges, and Actors. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no 5, pp. 341–364 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.16

Точка зрения

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-13

Количественные текстовые характеристики как фактор успешности продвижения публикаций в рамках протестной коммуникации в социальных сетях

Илья Борисович ФИЛИППОВ

студент аспирантской школы по политическим наукам
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, ул. Мясницкая, д. 20, Москва, Российская Федерация
E-mail: ibfilippov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1464-2923

ЦИТИРОВАНИЕ: Филиппов И.Б. (2020) Количественные текстовые характеристики как фактор успешности продвижения публикаций в рамках протестной коммуникации в социальных сетях // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 249–268.
DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-13

Статья поступила в редакцию 10.03.2020.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование проведено при поддержке РФФИ, проект № 18-011-01134 «Динамика развития политической нестабильности: построение теоретической модели и ее эмпирическое тестирование».

АННОТАЦИЯ. *Полноценный анализ протестной активности в XXI в. невозможен без учета сложной взаимосвязи между онлайн- и офлайн-поведением различных акторов. Социальные медиа и, более широко, все интернет-пространство становятся площадкой для новых форм состязательной политики и делают возможными формы поведения, трансформирующие классические методы протеста. При этом цифровые площадки не являются нейтральными по отношению к самой коммуникации: взаимодействие пользователей в Сети имеет свои особые зако-*

ны и свойства, которые сказываются на том, как различные акторы пытаются коммуницировать в онлайн-пространстве и каких успехов они в этом достигают. Данная работа направлена на исследование воздействия количественных характеристик стилистики публикаций на коммуникацию вокруг протестного движения в социальных сетях. В набор использованных характеристик вошли средняя длина слова в посте, число слов в посте, отношение числа знаков вопроса к числу слов в посте, отношение числа восклицательных знаков к числу слов в посте, отно-

шение числа скобок к числу слов в посте, фиктивная переменная на наличие разницы между числом открывающих и закрывающих скобок. С помощью регрессионного анализа на выборке оригинальных постов из социальной сети «ВКонтакте» за 2018 г. авторы обнаружили, что количественные показатели стилистики текста являются статистически значимыми факторами, которые влияют на успешность продвижения постов, включенных в политическую коммуникацию. Тем не менее при попытке использовать данные предикторы для объяснения изменчивости широты и активности протестной коммуникации в различных контекстах объяснительная сила данных показателей оказалась незначительной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая коммуникация, онлайн-коммуникация, социальные медиа, социальные сети, digital politics, политический протест, протестное движение, социальные движения

Онлайн-коммуникация как фактор constitutive политики

На данный момент в политической науке отсутствует полноценная теория, которая описывала бы взаимосвязь между онлайн- и офлайн-протестом. Возможность создания интегральной картины этой взаимосвязи пока под вопросом: возможно, что она выкристаллизуется в ближайшие годы. За менее чем 10 лет роль новых медиа, слабо контролируемых государствами и предоставляющих социальным движениям уникальную площадку для донесения своей повестки до неограниченного круга потенциальных сторонников, выросла от просто доступного способа координации, как было во вре-

мя протестных акций «Арабской весны» [Arafa, Armstrong 2016], до главной площадки протестной коммуникации. Уже во время обсуждения протестов начала 2010-х гг. некоторые комментаторы утверждали, что коммуникация в социальных сетях – ключевой фактор успеха протестующих [Howard, Hussain 2011; Wolfsfeld, Segev, Sheaffer 2013], однако на тот момент это было еще преждевременно [Wolfsfeld, Segev, Sheaffer 2013; Lynch 2011]. Теперь же цифровая политика становится не просто еще одним «фронтом работ» для протестующих – она становится тканью политической повседневности для участников и наблюдателей протестного движения, зачастую более реальной, чем офлайн-акции протеста: акции протеста проходят время от времени, а цифровые сообщества в сети воспроизводятся в коммуникации на постоянной основе [Wong, Wright 2019].

Проникновение социальных сетей в «constitutive политику» создает новые проблемные области: например, влияние деятельности репрессивного аппарата правящего режима в онлайн-пространстве на формы и активность протеста или взаимодействие офлайн и онлайн акторов в рамках протестных активностей [Honari 2018]. Новые предметы для исследования возникают и в рамках «старых» дискуссий: например, закономерным является вопрос о влиянии социальных сетей на механизмы и магнитуду протестной мобилизации [Larson, Nagler, Ronen, Tucker 2019], а также роль социальных сетей в медиации связи между репрессиями и динамикой дальнейшего протеста [Ахременко, Филиппов 2019].

При этом качественное продвижение в понимании вклада социальных сетей в «constitutive политику» требует отказа от такого дизайна исследования эффектов социальных сетей, при котором сами социаль-

ные сети оказываются «черным ящиком», каким-то образом сказывающимся на исследуемой зависимой переменной просто за счет своего присутствия в социальной системе. Важно понимать, что, когда мы говорим о «влиянии социальных сетей» на некоторые процессы, мы на самом деле имеем в виду влияние или актуально наличествующей коммуникации в социальных сетях, или потенциала такой коммуникации. Чтобы раскрыть этот «черный ящик», нужно обратить внимание на три классических аспекта коммуникации: на коммуницирующих акторов, на среду, в которой происходит коммуникация, и на собственно содержание этой коммуникации. Хотя в целом отчуждать среду от акторов в контексте социальных сетей не вполне корректно, мы считаем, что в первом приближении для валидного анализа поведения акторов требуется начать с описания этой среды, которая при включении в коммуникацию противостоит акторам как данность. Ключевыми структурными особенностями среды оказываются ее графовый (т. е. сетевой) характер и ее текстоцентричность – обмен мнениями между неограниченным кругом пользователей происходит (по крайней мере, пока) в основном в текстовом формате. Сетевые особенности онлайн-коммуникации исследованы относительно подробно: обнаружены принцип гомофилии, структурирующий стабильные сети коммуникации по принципу подобия участников коммуникации [Barberá, Jost, Nagler 2015; Himelboim et al. 2016] и зависимость распространения информации от наиболее популярных пользователей социальных сетей [González-Bailón, Wang 2016].

Особенности, которые привносит текстоцентричность, изучены довольно скудно. Ключевым исследованием здесь представляется попытка уловить

влияние особенностей текста на продвижение публикаций в сети Twitter в рамках изучения протестной коммуникации в Венесуэле [Ахременко, Стукал, Петров 2020], где было обнаружено влияние не только сетевых факторов, но и текстовых, хотя оно было и ощущимо меньше.

Опираясь на дизайн этого исследования, мы дополняем вопрос о том, как в ходе протестной коммуникации количественные текстовые характеристики публикаций влияют на успешность продвижения постов, двумя дополнительными вопросами. Во-первых, нас интересует, как эффект текстовых характеристик меняется в зависимости от контекста, в котором проходят протестные акции. Во-вторых, мы исследуем, насколько успешно изменение количественных характеристик публикуемых текстов в результате изменения информационного повода может объяснить контекстуально обусловленную трансформацию коммуникации в целом.

Постановка второго вопроса кажется нам обоснованной, потому как изменение количественных параметров текстов может зависеть от обстоятельств в большей степени, нежели от автора. Понятно, что сам инфоповод влияет на ценность передаваемой информации. Но инфоповод задает не только содержание поста, но может и диктовать его формат и стилистику: более серьезные события больше располагают к вдумчивому и серьезному изложению, менее серьезные допускают более простое изложение. Это может приводить к изменению «облика» среднестатистического поста по теме, а через это – к изменению успешности продвижения повестки в целом, ведь текстовые характеристики отражают изменения в стилистике и могут влиять на характер взаимодействия пользователей с постом.

Коммуникация вокруг протестного движения в социальной сети «ВКонтакте»: две акции весны 2018 г.

В качестве эмпирической базы исследования мы используем данные социальной сети «ВКонтакте» за период с 29 апреля по 7 мая 2018 г. В данной работе пристально изучается только коммуникация за 30 апреля, 1, 5 и 6 мая. Ранее тот же массив изучался нами на других подвыборках и в других аспектах: нас интересовало влияние полицейского насилия на динамику абсолютных и относительных величин, а также соотношение просмотров [Ахременко, Филиппов 2019]. В этой работе мы обращаемся к влиянию стилистики текстов на соотношение просмотров и реакций, о чем подробнее будет сказано ниже.

Принцип сбора массива данных не было случайным. 30 апреля – день проведения акции «За свободный Интернет», формально организованный М. Световым, но на котором выступали представители различных ветвей российской политической оппозиции, включая А. Навального. 5 мая состоялся митинг «Он нам не царь», организованный сторонниками А. Навального. Первый митинг был согласован, прошел без вмешательства полиции и задержаний. Второй митинг был жестко подавлен силами правопорядка. Таким образом, с разницей в 5 дней прошло два митинга одного и того же социального движения, но с разными стратегиями, примененными правилами режимом. Мы полагаем, что применение насилия при прочих приближенных к равному меняет информационный повод, изначально созданный протестной акцией, обогащая его как дополнительной фактологией, так и некоторой информацией о правящем режиме: насилие может быть воспринято и как сигнал решимости [Young 2019], и как ин-

дикатор слабости режима [Peterson, Wahlström 2015]. Благодаря этому, на базе данного примера можно оценить вклад текстовых факторов в продвижение постов в различных условиях. Более раннее разведочное количественное исследование коммуникации вокруг протестной активности в социальной сети «ВКонтакте» показало, что применение насилия по отношению к протестующим сказывается на числе коммуницирующих и на качестве вовлеченности в нее, но это влияние не сказывается на всех аспектах коммуникации единообразно [Ахременко, Филиппов 2019]. Таким образом, разница в реакции полиции дает возможность оценить вклад текстовых характеристик в более широком контексте трансформации коммуникации под воздействием внешних факторов.

Нами был собран пул публично доступных сообщений пользователей, в которых упоминалось слово «митинг», наличие которого с большой вероятностью свидетельствовало о включенности поста в коммуникацию вокруг протеста. Поскольку акция сторонников А. Навального проходила не только в Москве, а также имели место менее масштабные акции по локальным поводам, был составлен пул стоп-слов, присутствие которых в посте, или никнейме отправителя, или на площадке, где было размещено сообщение, автоматически приводило к исключению поста из выборки. В этот лист попали различные топонимы, упоминания 1 мая, Дня Победы и «обманурых дольщиков». Собранный набор постов был обогащен доступными данными авторов и площадок размещения, включившими в себя информацию о числе друзей и подписчиков.

В выборку попали, соответственно, дни проведения акций и последующий день. Из выборки были исключены посты, написанные в дни акций ранее

14 часов (время начала майской акции): мы не уверены, что посты, написанные 5 мая ранее 14 часов, могут достоверно отражать реакцию на насилие, а выборку по 30 апреля следовало обрезать для сравнимости (внесение систематической ошибки ввиду такой фильтрации отобранных сообщений представляется нам маловероятным).

Было установлено, что применение полицейского насилия увеличивает как число оригинальных постов пользователей и сообществ с упоминанием протестной акции, так и число комментариев, причем как в ответах к политически ангажированным постам, так и к публикациям, изначально не упоминающих протестные акции. При этом увеличивается не только число постов, но и их способность вовлечь пользователей в дальнейшую коммуникацию (написать комментарий) или распространение изначального сообщения (его репост на свою страницу или страницу администрируемого пользователем сообщества).

При этом если говорить о «популярности» оригинальных постов (чис-

ле просмотров и лайков), то упоминания акции, прошедшей мирно, превзошли публикации по мотивам второй акции (см. табл. 1). Однако, даже несмотря на то, что после первой акции средний пост был увиден бóльшим числом пользователей, количество более «дорогих» для пользователей реакций оказалось меньшим даже в абсолютных значениях. Если рассматривать эту задачу в разрезе «вероятности» вызвать реакцию у пользователя, увидевшего пост, то ситуация еще более показательная.

Так, на каждый репост в случае майской акции приходилось в два раза меньшее число просмотров (см. табл. 2). Это наиболее показательное: ведь если комментариев под одним постом активный пользователь может оставить несколько, то репост одной записи от уникального пользователя всегда единичен из-за технических особенностей системы.

Возникает вопрос: объясняется ли разница в способности постов вовлечь пользователей в более активную коммуникацию только лишь информационным поводом? Разумная гипотеза состоит в том, что акции с разным тече-

Таблица 1. Пользовательские реакции на пул собранных постов (средние и абсолютные значения)

Table 1. User Responses to the Pool of Collected Posts (Average and Absolute Values)

Даты	Число оригинальных постов	Число просмотров	Число репостов	Число лайков	Число комментариев
С 14:00 30 апреля до 00:00 2 мая	6895	17059497	12795	296641	36364
С 14:00 5 мая до 00:00 7 мая	9543	14046501	18290	248484	54089
Даты	Число оригинальных постов	Среднее число просмотров	Среднее число репостов	Среднее число лайков	Среднее число комментариев
С 14:00 30 апреля до 00:00 2 мая	6895	2474,18	1,86	43,02	5,27
С 14:00 5 мая до 00:00 7 мая	9543	1471,91	1,92	26,04	5,67

нием событий могли обратить на себя внимание разных сообществ и пользователей. Но даже если мы отсеем сообщения пользователей, которые комментировали только до или после применения насилия, то наблюдаемая закономерность сохранится (см. табл. 3).

Задача данного исследования состоит в том, чтобы проверить, насколько

свойства самих опубликованных постов могут считаться драйверами указанных закономерностей. Наше внимание направлено на изменение стилистики постов, выражающееся в трансформации базовых количественных характеристик самого текста, и то, как это изменение сказывается на «успешности» поста в различных условиях.

Таблица 2. Соотношение просмотров и пользовательских реакций (средние и абсолютные значения)

Table 2. The Ratio of Views and User Responses (Average and Absolute Values)

Даты	Число просмотров	Число репостов	Число лайков	Число комментариев
С 14:00 30 апреля до 00:00 2 мая	17059497	12795	296641	36364
С 14:00 5 мая до 00:00 7 мая	14046501	18290	248484	54089
Даты	Среднее число просмотров	Среднее число просмотров на один репост	Среднее число просмотров на один лайк	Среднее число просмотров на один комментарий
С 14:00 30 апреля до 00:00 2 мая	17059497	1333,29	57,51	469,13
С 14:00 5 мая до 00:00 7 мая	14046501	767,99	56,53	259,69

Таблица 3. Соотношение просмотров и пользовательских реакций на подвыборке авторов, участвовавших в обсуждении обеих акций (средние и абсолютные значения)

Table 3. The Ratio of Views and User Reactions in a Subset of Authors who Participated in the Discussion of Both Campaigns (Average and Absolute Values)

Даты	Число постов	Число просмотров	Число репостов	Число лайков	Число комментариев
С 14:00 30 апреля до 00:00 2 мая	2790	8516891	6819	146502	21195
С 14:00 5 мая до 00:00 7 мая	3877	9116227	11875	165462	35497
Даты	Число постов	Среднее число просмотров	Среднее число репостов	Среднее число лайков	Среднее число комментариев
С 14:00 30 апреля до 00:00 2 мая	2790	3052,65	2,44	52,51	7,60
С 14:00 5 мая до 00:00 7 мая	3877	2351,36	3,06	42,68	9,16

Текстовые характеристики как предикторы успешности постов

Используемые количественные характеристики текста будут едины во всех представленных ниже моделях, с включением других, нетекстовых, характеристик там, где это поможет описать больше изменчивости независимых переменных и защитит модель от смещенности оценок (см. табл. 4).

Первые две метрики указывают главным образом на информативность текста и «затраты» пользователя на его прочтение. Восклицательные и вопросительные знаки используются как прокси для оценки общей эмоциональности текста. Доля скобок в тексте несет двойной смысл: общая структурная перегруженность текста (наличие большого количества пояснений и обстоятельств), а также указание на неформальность стиля – в случае если скобка используется в качестве смайла, текстовой имитации улыбки. Чтобы лучше учесть эту двойственность, мы также используем фик-

тивную переменную на равенство числа открывающих и закрывающих скобок: если оно не выполняется, значит, скобки в посте несут также функцию смайла. Эта фиктивная переменная несет как свой собственный смысл (указывает на то, что текст написан не в строгой тональности), так и используется для формирования условной переменной, для оценки влияния доли скобок в посте в случае, когда скобки несут только ситуационный смысл, и в случае, когда скобки эмоционально насыщают текст.

Используемые нетекстовые метрики:

1. Фиктивная переменная на то, что пост был написан после вмешательства полиции в ходе протестной акции.
2. Число подписчиков автора поста (сумма подписчиков и друзей).
3. Фиктивная переменная на то, что пост был размещен сообществом.
4. Просмотры на один лайк (см. табл. 5).

Фиктивная переменная на полицейское насилие применяется только в мо-

Таблица 4. Используемые количественные характеристики стилистики поста
Table 4. Used Quantitative Characteristics of the Post Style

Выборка	Все		30 апреля – 1 мая		5–6 мая	
	Среднее	Sd	Среднее	Sd	Среднее	Sd
Средняя длина слова в посте	8.02	6.41	94.44	244.90	98.06	240.43
Число слов в посте	124.49	285.11	8.18	6.66	8.11	8.85
Отношение числа знаков вопроса к числу слов в посте	0.01	0.06	0.04	0.38	0.03	0.43
Отношение числа восклицательных знаков к числу слов в посте	0.03	0.37	0.01	0.06	0.01	0.07
Отношение числа скобок к числу слов в посте	0.00	0.03	0.00	0.01	0.00	0.02
Фиктивная переменная на наличие разницы между числом открывающих и закрывающих скобок	0.04	0.19	0.04	0.19	0.04	0.19

делях на выборке, включающей в себя посты, написанные в ходе обсуждения обеих акций. Число подписчиков пользователя, разместившего пост, необходимо учитывать, т. к. между этим показателем и числом просмотров существует прямая связь: размещенный на странице автора пост появится в лентах у всех подписчиков. Нельзя исключать, что вероятность реакции на увиденный пост отличается в зависимости от того, размещен он на странице обычного пользователя или в сообществе, поэтому в модели включена как фиктивная переменная на размещение поста в паблике, так и переменная взаимодействия между ней и числом подписчиков. Отношение числа просмотров к числу лайков в одном случае является зависимой переменной, но далее используется как интегральная метрика, позволяющая оценить, насколько пост способен вызвать реакцию «мне нравится» у увидевшего пользователя: исключать, что это свойство написанного текста не может повлиять на вероятность репоста или комментария, нельзя.

В каждом случае мы использовали линейную модель, устойчивую к скоррелированности предикторов и наличию выбросов. Выбор в пользу такой модели сделан из-за неоднородности распределения пользовательского внимания и пользовательских реакций – большое количество лайков, репостов и комментариев приходится на сравнительно небольшое количество постов. В такой ситуации возникает много потенциально влияющих наблюдений, присутствие которых требуется с точки зрения внутренней валидности, но приводит к некорректности обычной линейной оценки. Стандартные ошибки рассчитаны с учетом поправки на наличие гетероскедастичности¹.

Таблица 5. Регрессия числа просмотров на один лайк на количественные показатели стилистики текста на подвыборке по двум акциям

Table 5. Regression of the Number of Views per Like on Quantitative Indicators of Text Style in a Sub Sample for Two Promotions

Модель	I.I	I.II
Зависимая переменная	Просмотры на один лайк	
Среднее значение по выборке	92.22	87.94
Полицейское насилие s.e.	0.801 (1.011)	-0.983 (1.525)
Подписчики s.e.	0.00001 (0.00004)	0.0001 (0.0003)
Длина слов s.e.	0.359 (0.167)	0.352 (0.256)
Число слов s.e.	0.008 (0.002)	0.009 (0.003)
Знаки вопроса/слова s.e.	14.600 (14.479)	0.437 (23.778)
Восклицательные знаки/слова s.e.	-1.762 (3.779)	-19.913 (13.557)
Нарушение баланса скобок s.e.	4.775 (2.193)	4.505 (4.293)
Скобки/символы s.e.	32.431 (50.302)	-71.004 (51.571)
Скобки/символы × Нарушение баланса скобок s.e.	-78.815 (66.917)	172.182 (221.231)
Автор – сообщество s.e.	14.025 (1.037)	16.825 (1.703)
Автор – сообщество × Число подписчиков s.e.	0.00003 (0.00004)	-0.0001 (0.0003)
Constant s.e.	54.197 (6.615)	46.676 (9.804)
Фикс. эффекты часа	Да	Да
Выборка: авторы	Все	Обсуждавшие обе акции
Выборка: время	с 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая
N	9,004	3,518
p<0.1; p<0.05; p<0.01		

1 Непостоянство дисперсии ошибок предсказания модели, которое приводит к неэффективности оценок коэффициентов регрессии, полученных методом наименьших квадратов.

Каждая модель (см. табл. 6) рассмотрена на восьми различных выборках, рассмотрены пулы постов по каждой акции отдельно и общий пул. Общий пул исследован в трех вариациях: пул полностью и фильтрованный, в кото-

рый войдут только посты авторов, активных в ходе обсуждения обеих акций. При изучении пулов по дням акций мы используем те же вариации, но, кроме того, отдельно обращаемся к сообщениям авторов, активных при об-

Таблица 6. Регрессия числа просмотров на один лайк на количественные показатели стилистики текста на подвыборках по каждой акции

Table 6. Regression of the Number of Views per Like on Quantitative Indicators of Text Style in sub Samples for Each Promotion

	I.III	I.IV	I.V	I.VI	I.VII	I.VIII
Зависимая переменная	Просмотры на один лайк					
Среднее значение по выборке	87.19	83.727	89.03	95.87	90.50	99.66
Подписчики s.e.	0.00001 (0.00004)	0.0004 (0.001)	0.00001 (0.00004)	-0.00005 (0.0002)	-0.00003 (0.0003)	0.0001 (0.0004)
Длина слов s.e.	0.740 (0.242)	1.001 (0.500)	0.695 (0.312)	0.121 (0.218)	0.029 (0.298)	0.220 (0.242)
Число слов s.e.	0.013 (0.004)	0.015 (0.006)	0.012 (0.005)	0.005 (0.003)	0.006 (0.004)	0.007 (0.004)
Знаки вопроса/слова s.e.	-2.990 (21.351)	-49.390 (20.194)	13.463 (22.285)	45.032 (33.600)	59.942 (56.780)	40.516 (35.685)
Восклиц. знаки/слова s.e.	-5.476 (5.272)	-58.601 (35.187)	-5.646 (5.453)	-1.244 (6.059)	-15.924 (11.542)	-1.244 (2.637)
Нарушение баланса скобок s.e.	3.094 (3.185)	-0.054 (7.553)	2.824 (3.753)	6.816 (3.097)	7.874 (5.896)	4.613 (3.805)
Скобки/символы s.e.	26.306 (92.304)	-111.688 (80.810)	148.197 (198.814)	23.625 (57.296)	-73.405 (68.050)	57.824 (78.642)
Скобки/символы × Нарушение баланса скобок s.e.	25.844 (130.123)	401.129 (1,301.379)	-103.018 (227.978)	-162.021 (77.804)	76.378 (247.421)	-216.233 (99.169)
Автор – сообщество s.e.	11.932 (1.573)	18.213 (3.208)	10.737 (2.034)	15.389 (1.492)	14.918 (2.360)	18.285 (2.148)
Автор – сообщество × Число подписчиков s.e.	0.00002 (0.00004)	-0.0004 (0.001)	0.00001 (0.00004)	0.0001 (0.0002)	0.0001 (0.0003)	-0.0001 (0.0004)
Constant s.e.	66.372 (9.978)	74.964 (20.576)	58.867 (11.568)	45.291 (7.678)	28.050 (7.879)	57.191 (12.272)
Фикс. эффекты часа	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Выборка: авторы	Все	Обсуждавшие обе акции	Обсуждавшие одну акцию	Все	Обсуждавшие обе акции	Обсуждавшие одну акцию
Выборка: время	с 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	с 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	с 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая
N	3,812	1,341	2,471	5,192	2,177	3,015
p<0.1; p<0.05; p<0.01						

суждении только данной конкретной акции. Таким образом мы прослеживаем не только общие закономерности, но и их изменчивость на различных подвыборках и в различных условиях. Поскольку соотношение просмотров и реакций может быть очень большим в случае, когда реакция единична, то при изучении более редких «дорогих» реакций мы исключили из выборки посты, вызвавшие изучаемую реакцию менее двух раз. И поскольку во все модели так или иначе включено соотношение лайков и просмотров, из рассмотрения исключены посты, которые не получили ни одной реакции «мне нравится».

Модели I.II–I.VIII показывают неоднородность влияния факторов по выборке. Длина слов сказывалась на продвижении поста только во время обсуждения апрельской акции, при этом модуль эффекта увеличился вполтину. Число слов оказывается значимым фактором при рассмотрении обеих акций, но в случае акции, прошедшей без вмешательства сил правопорядка, негативный эффект на «успешность» поста в полтора-два раза заметнее. Использование скобок в качестве смайлов являлось значимым (и сильным) предиктором только во время обсуждения майской акции, а ее влияние имело сложный характер: в целом оно ассоциировалось с более низкой конвертируемостью просмотров в лайки, но если уж авторы использовали их, то успешнее были те, кто делал это неоднократно. Значимость эффекта восклицательных и вопросительных знаков представляется артефактом самой маленькой из подвыборок: значимость пограничная, а этот эффект не воспроизводится больше нигде.

По итогу рассмотрения восьми моделей можно отметить, что самое постоянное негативное влияние оказы-

Таблица 7. Регрессия числа просмотров на один репост на количественные показатели стилистики текста на подвыборке по двум акциям

Table 7. Regression of the Number of Views per Repost to Quantitative Indicators of Text Style in a Sub Sample for two Shares

Модель	II.I	II.II
Зависимая переменная	Просмотры на один репост	
Среднее значение по выборке	886.05	936.87
Полицейское насилие s.e.	-51.310 (11.585)	-41.521 (16.022)
Просмотры на лайк s.e.	5.071 (0.587)	4.340 (0.624)
Подписчики s.e.	0.0004 (0.001)	0.005 (0.002)
Длина слов s.e.	-3.533 (1.033)	-4.010 (1.569)
Число слов s.e.	-0.118 (0.015)	-0.080 (0.022)
Знаки вопроса/слова s.e.	85.795 (263.996)	195.848 (332.047)
Восклицательные знаки/слова s.e.	-1.941 (36.605)	-19.630 (45.129)
Нарушение баланса скобок s.e.	15.400 (77.741)	12.358 (60.024)
Скобки/символы s.e.	-81.448 (615.077)	241.145 (1,228.967)
Скобки/символы × Нарушение баланса скобок s.e.	1,993.251 (9,525.165)	-3,270.761 (7,614.181)
Автор – сообщество s.e.	27.585 (13.226)	33.020 (19.380)
Автор – сообщество × Число подписчиков s.e.	0.002 (0.001)	-0.001 (0.002)
Constant s.e.	152.002 (75.684)	156.762 (153.385)
Фикс. эффекты часа	Да	Да
Выборка: авторы	Все	Обсуждавшие обе акции
Выборка: время	С 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	С 14:00 5 мая по 00:00 7 мая
N	2,545	1,392
p<0.1; p<0.05; p<0.01		

вала общая «затратность» для читателя: комбинация длины слов и их количества. При этом информация о применении насилия по отношению к протестующим усиливала этот эф-

фект: такие сообщения менее располагают к легкомысленному отношению читателей.

Модели II.I и II.II (см. табл. 7) свидетельствуют, что сообщения об ак-

Таблица 8. Регрессия числа просмотров на один репост на количественные показатели стилистики текста на подвыборках по каждой акции

Table 8. Regression of the Number of Views per Repost to Quantitative Indicators of Text Style in Sub Samples for Each Promotion

Модель	II.III	II.IV	II.V	II.VI	II.VII	II.VIII
Зависимая переменная	Просмотры на один репост					
Среднее значение по выборке	1135.51	1204.9	1063.79	708.91	766.12	634.17
Просмотры на лайк s.e.	6.035 (1.914)	3.546 (2.742)	7.694 (2.115)	4.361 (0.904)	4.420 (0.689)	3.908 (1.055)
Подписчики s.e.	0.0003 (0.001)	0.010 (0.008)	0.0003 (0.00004)	0.002 (0.002)	0.003 (0.002)	0.002 (0.006)
Длина слов s.e.	-4.864 (4.905)	-6.299 (17.783)	-2.053 (4.803)	-3.462 (1.115)	-3.669 (1.983)	-2.769 (2.728)
Число слов s.e.	-0.184 (0.040)	-0.133 (0.090)	-0.230 (0.050)	-0.083 (0.017)	-0.062 (0.022)	-0.108 (0.030)
Знаки вопроса/слова s.e.	-137.172 (377.901)	129.870 (350.788)	249.787 (2,501.449)	384.929 (357.593)	500.557 (549.434)	546.507 (996.461)
Восклиц. знаки/слова s.e.	-62.770 (94.862)	-157.478 (184.838)	-28.022 (124.837)	-1.722 (20.669)	-10.942 (14.675)	-3.423 (66.058)
Нарушение баланса скобок s.e.	-26.541 (90.282)	62.367 (130.887)	21.767 (150.333)	33.785 (33.466)	24.946 (55.820)	48.905 (53.520)
Скобки/символы s.e.	-603.035 (1,301.489)	-548.257 (2,939.735)	-2,251.415 (1,983.351)	356.334 (716.928)	922.457 (1,802.251)	-356.474 (1,093.551)
Скобки/символы × Нарушение баланса скобок s.e.	0.003 (0.003)	-0.006 (0.009)	0.002 (0.001)	0.001 (0.002)	0.00004 (0.002)	-0.001 (0.006)
Автор – сообщество s.e.	23.186 (53.787)	56.294 (91.859)	66.591 (47.807)	43.968 (16.492)	32.853 (17.106)	86.619 (31.513)
Автор – сообщество × Число подписчиков s.e.	11,033.550 (2,023.507)	-18,019.650 (22,600.570)	12,438.040 (2,484.617)	-393.145 (1,103.219)	-3,189.893 (6,339.227)	-14.627 (1,517.480)
Constant s.e.	310.821 (232.621)	459.959 (611.792)	-91.340 (91.733)	50.275 (61.975)	-40.047 (118.481)	107.669 (72.263)
Фикс. эффекты часа	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Выборка: авторы	Все	Обсуждавшие обе акции	Обсуждавшие одну акцию	Все	Обсуждавшие обе акции	Обсуждавшие одну акцию
Выборка: время	с 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	с 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	с 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая
N	1,062	541	521	1,483	851	632
p<0.1; p<0.05; p<0.01						

ции, разогнанной полицией, в среднем при прочих равных имели большую «вирусность» – распространялись пользователями они охотнее. В данном случае на подвыборках большой разницы между коэффициентами нет. Ключевыми текстовыми характеристиками, как и в случае с лайками, являются показатели «затратности» текста для прочтения, но с обратным знаком: чем текст больше, сложнее и информативнее, тем, при прочих равных, активнее он распространялся увидевшими его пользователями. Примечательно, что при прочих равных более привлекательные посты (т. е. посты, имеющие меньшее соотношение просмотров и лайков) распространялись пользователями более активно, хотя релевантные для обеих переменных предикторы влияют разнонаправленно.

На подвыборках по акциям проявляется, что длина слов являлась релевантным предиктором только при обсуждении майской акции: использование более сложных слов ассоциировалось с большей привлекательностью поста для дальнейшего распространения. Аналогичным образом, но на обеих подвыборках, было значимо и число слов. При этом по модулю эффект был значимо сильнее во время обсуждения акции в защиту свободного Интернета.

Рассмотрев модели II.I–II.VIII, можно сделать вывод о том, что «стоимость» текста для восприятия в данном случае является ковариатом информативности сообщения и выступает главным текстовым фактором для принятия решения о репосте (см. табл. 8).

Вовлечение пользователей в комментарии обнаруживает, что текстовые факторы вообще мало влияли именно на этот аспект «успешности» поста: значимость обнаружилась только на полной выборке и у одного предиктора – у числа слов в посте.

Таблица 9. Регрессия числа просмотров на один комментарий на количественные показатели стилистики текста на подвыборке по двум акциям

Table 9. Regression of the Number of Views per Comment on Quantitative Indicators of Text Style in a Sub Sample for Two Promotions

Модель	III.I	III.II
Зависимая переменная	Просмотры на один комментарий	
Среднее значение зависимой переменной по выборке	409.55	476.03
Полицейское насилие s.e.	-46.400 (8.102)	-36.827 (10.765)
Просмотры на лайк s.e.	0.092 (0.031)	0.108 (0.034)
Подписчики s.e.	0.0001 (0.0001)	0.007 (0.002)
Длина слов s.e.	0.316 (2.001)	-0.084 (2.228)
Число слов s.e.	-0.027 (0.013)	-0.001 (0.015)
Знаки вопроса/слова s.e.	-111.626 (138.076)	-124.325 (182.030)
Восклицательные знаки/ слова s.e.	-15.580 (47.869)	211.752 (181.940)
Нарушение баланса скобок s.e.	-21.487 (14.898)	-19.715 (23.487)
Скобки/символы s.e.	-118.411 (300.506)	-307.816 (421.439)
Скобки/символы × Нарушение баланса скобок s.e.	400.915 (609.283)	197.987 (2,258.398)
Автор – сообщество s.e.	66.679 (8.588)	83.456 (14.976)
Автор – сообщество × Число подписчиков s.e.	0.0004 (0.0001)	-0.007 (0.002)
Constant s.e.	74.437 (35.532)	32.717 (46.844)
Фикс. эффекты часа	Да	Да
Выборка: авторы	Все	Обсуждавшие обе акции
Выборка: время	с 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая
N	2,803	1,506

p<0.1; p<0.05; p<0.01

Рассмотрение регрессий на подвыборках (см. табл. 9 и 10) показывает не-много более пеструю картину влияния текстовых факторов: она оказалась довольно разной для двух акций протеста.

На подвыборках по майской акции значимым текстовым фактором оказалось только наличие знаков вопроса. Сложность прочтения текста имела значение, но только при обсуждении в акции, за-

Таблица 10. Регрессия числа комментариев на один репост на количественные показатели стилистики текста на подвыборках по каждой акции

Table 10. Regression of the Number of Comments Per Repost to Quantitative Indicators of Text Style in Sub Samples for Each Promotion

	III.III	III.IV	III.V	III.VI	III.VII	III.VIII
Зависимая переменная	Просмотры на один комментарий					
Среднее значение по выборке	535.90	678.39	396.076	325.14	356.81	284.593
Просмотры на лайк s.e.	0.199 (0.084)	0.211 (0.066)	0.226 (0.191)	0.103 (0.036)	0.120 (0.047)	0.082 (0.123)
Подписчики s.e.	0.0001 (0.0001)	0.003 (0.005)	0.00004 (0.0002)	0.005 (0.006)	0.008 (0.002)	0.002 (0.054)
Длина слов s.e.	-1.732 (2.350)	-4.766 (1.613)	6.027 (6.192)	1.264 (2.707)	5.653 (4.552)	1.271 (2.012)
Число слов s.e.	-0.076 (0.024)	-0.040 (0.025)	-0.101 (0.064)	-0.003 (0.016)	0.019 (0.022)	-0.013 (0.029)
Знаки вопроса/слова s.e.	-10.943 (127.549)	-341.684 (353.626)	-19.836 (200.987)	-293.635 (122.234)	-292.227 (236.068)	-335.256 (214.638)
Восклицательные знаки/ слова s.e.	-37.242 (51.690)	-136.356 (458.755)	-50.021 (67.715)	49.668 (99.805)	155.805 (189.949)	-10.706 (134.387)
Нарушение баланса скобок s.e.	-72.614 (28.920)	-28.475 (39.984)	-90.816 (40.452)	-23.022 (17.392)	-19.806 (33.519)	-30.835 (40.638)
Скобки/символы s.e.	-901.797 (540.832)	-217.935 (559.900)	-2,111.554 (1,219.882)	103.894 (425.035)	-109.398 (719.661)	249.954 (919.944)
Скобки/символы × Нарушение баланса скобок s.e.	24,521.140 (2,919.814)	-3,886.767 (6,184.856)	26,226.780 (2,782.139)	60.961 (650.666)	238.752 (2,515.535)	-103.283 (975.403)
Автор – сообщество s.e.	74.034 (15.803)	66.060 (29.147)	101.254 (28.975)	87.744 (22.458)	83.257 (14.191)	98.570 (143.183)
Автор – сообщество × Число подписчиков s.e.	0.0005 (0.0002)	-0.002 (0.005)	0.0002 (0.0004)	-0.005 (0.006)	-0.007 (0.002)	-0.002 (0.054)
Constant s.e.	-29.514 (37.395)	-50.131 (31.463)	-60.361 (55.114)	22.377 (43.705)	-22.872 (52.664)	37.097 (111.822)
Фикс. эффекты часа	Да	Да	Да	Да	Да	Да
Выборка: авторы	Все	Обсуждавшие обе акции	Обсуждавшие одну акцию	Все	Обсуждавшие обе акции	Обсуждавшие одну акцию
Выборка: время	С 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	С 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	С 14:00 30 апреля по 00:00 2 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая	с 14:00 5 мая по 00:00 7 мая
N	1,123	556	567	1,68	950	730

p<0.1; p<0.05; p<0.01

кончившейся мирно. При этом влияние сложности используемых слов прослеживалось исключительно при рассмотрении подвыборки стабильно вовлеченных в обсуждение протестов авторов. Интересный характер имеет влияние использования в посте скобок: посты, в которых они используются для уточнения, в среднем вызвали меньшую вовлеченность пользователей в дискуссии, но там увеличение числа скобок ассоциировалось с ростом вовлечения – а при использовании скобок с целью выражения эмоций закономерность ровно обратная.

В целом набор текстовых предикторов оказался практически irrelevanten зависимой переменной при рассмотрении майской акции, но оказался полезен для описания акции в защиту Интернета (см. табл. 11).

Вместо заключения: предсказательная сила количественных текстовых характеристик

Мы свели качественные выводы из отдельных регрессионных моделей в единую таблицу для большей наглядности (см. табл. 12). В этой таблице слово «чаще» подразумевает снижение отношения между числом просмотров и числом реакций, «реже» – его увеличение. Первый вывод состоит в том, что информация о применении насилия не приводит к радикальному изменению характера связи между текстовыми показателями и вероятностью реакции пользователя, – ни один параметр не начинает работать на увеличение вероятности реакции при том, что до инфор-

Таблица 11. Качественный характер влияния количественных текстовых показателей на вероятность пользовательских реакций

Table 11. Qualitative Character of the Influence of Quantitative Text Indicators on the Probability of User Reactions

Пул	По всей выборке			По стабильно участвующим в политической коммуникации		
	В среднем	30 апреля	5 мая	В среднем	30 апреля	5 мая
Длина слов	Реже лайкают, чаще репостят	Реже лайкают	Чаще репостят	Чаще репостят	Реже лайкают, чаще комментируют	Чаще репостят
Число слов	Реже лайкают, чаще репостят, чаще комментируют	Реже лайкают, чаще репостят, чаще комментируют	Реже лайкают, чаще репостят	Реже лайкают, чаще репостят	Реже лайкают	Чаще репостят
Знаки вопроса / слова	Нет	Нет	Чаще комментируют	Нет	Чаще лайкают, чаще комментируют	Нет
Восклицательные знаки / слова	Нет	Нет	Нет	Нет	Чаще лайкают	Нет
Нарушение баланса скобок	Реже лайкают	Чаще комментируют	Реже лайкают	Нет	Нет	Нет
Скобки / символы скобки для уточнения	Нет	Чаще комментируют	Нет	Нет	Нет	Нет
Скобки / символы скобки как смайлы	Нет	Реже комментируют	Чаще лайкают	Нет	Нет	Нет

мации о применении насилия сказывался негативно. Верно и обратное. Зато в ряде случаев наблюдается картина, когда значимые закономерности во время обсуждения одной акции являются незначимыми во время обсуждения второй. Примечательно, что все это сказывается и на общих закономерностях. При этом следует особо отметить, что отсутствие статистически значимой взаимосвязи еще не означает отсутствие связи вообще: подробное рассмотрение коэффициентов в регрессионных выдачах выше показывает, что в ряде случаев от модели на более общей выборке к модели на подвыборке сам коэффициент не меняется, но на подвыборках он оказывается незначим из-за большей стандартной ошибки (разница в размерах которой вызвана тем, что подвыборка по определению меньше самой выборки).

Самый устойчивый эффект на «успешность» поста показали метрики «затратности» для читателя, они же метрики информативности: длина слов и количество слов в предложении. Ока-

залось, что в среднем они ответственны за снижение вероятности лайка и увеличение вероятности репоста как на всей выборке, так и на выборке авторов, стабильно участвующих в коммуникации вокруг протестов. При этом если на пуле сообщений вокруг акции 30 апреля лучше прослеживается негативное влияние на вероятность лайка, то 5 мая четче прослеживается влияние на репосты. Единственным показателем, находящим влияние в целом по выборке и имеющим отношение к эмоциональности поста, оказывается факт использования скобок в качестве смайлов. При том сам по себе этот факт указывает не столько на степень эмоциональности, сколько на «регистр», в котором написан текст – что говорит в равной мере о тексте и о площадке, где он размещен. Поскольку эффект не фиксируется на подвыборке стабильно участвующих в коммуникации авторов и привносится авторами, которые участвовали в коммуникации только после одной из акций, мы атрибутируем его значимость именно свой-

Таблица 12. Соотношение просмотров и пользовательских реакций (средние и абсолютные значения)

Table 12. The Ratio of Views and User Responses (Average and Absolute Values)

	Разница между обсуждением акций 5 мая и 30 апреля	Прогнозная разница	Доля объясненной разницы
Общая выборка			
Среднее число просмотров на один лайк	-0,98	-0,064	6,50%
Среднее число просмотров на один репост	-565,3	0,484	-0,09%
Среднее число просмотров на один репост	-209,44	-0,098	0,05%
Выборка по авторам, активным при обсуждении обеих акций			
Среднее число просмотров на один лайк	-3,04	-0,028	0,91%
Среднее число просмотров на один репост	-481,31	0,938	-0,19%
Среднее число просмотров на один репост	-145,02	0	0,00%

ствами авторов/площадок, которые коррелируют с использованием более низкого «регистра».

Хуже всего набор текстовых предикторов объясняет отношение просмотров к комментариям. По всей видимости, непосредственное вовлечение в коммуникацию в большей степени, нежели другие реакции, требует особых свойств текста, несводимых к набору поверхностных количественных характеристик. Репосты и лайки имеют близкий набор значимых текстовых предикторов, но влияние разнонаправленно. Это не означает, что пост или хорошо репостится, или хорошо лайкается – корреляция между этими показателями на самом деле ощутима, и в наших моделях это учтено – но именно текстовые характеристики влияют на вероятности разных реакций по-разному.

Все эффекты, даже значимые, оказались не очень велики по модулю. Если мы попробуем объяснить с их помощью различия в поведении пользователей, то увидим, что объясняется не такая большая доля различий.

В представленной таблице прогнозная разница рассчитана по различиям средних показателей по постам двух акций на основе коэффициентов в моделях I.I–I.II, II.I–II.II и III.I–III.II. Как видно из таблицы, лучше всего текстовые отличия объясняют поведение пользователя при принятии решения о самом «дешевом» типе взаимодействия с постом. В остальных случаях текстовые характеристики оказываются либо практически бесполезны, либо вообще предсказывают иной характер различий.

Результаты проведенного исследования показывают, что изменение количественных текстовых характеристик не является значительным фактором, объясняющим разницу во взаимодействии пользователей социальных сетей с информацией о протесте между акциями, прошедшими мирно, и акции, подавлен-

ной полицией. Изменение набора авторов, их взаимодействий между собой, а также увеличение смысловой нагрузки информации для пользователей доминируют над разницей в характере политического письма в социальных сетях. Эффект оказывается мал, и структурные факторы вкуче с соображениями информационной полезности могут полностью обнулить его воздействие.

Список литературы

Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. (2020) Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // ПОЛИС. № 2. С. 73–91. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06

Ахременко А.С., Филиппов И.Б. (2019) Влияние силового подавления протеста на обсуждение протестной акции в социальных сетях // Мониторинг общественного мнения. № 5. С. 220–225. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.10

Akhremenko A., Yureskul E., Petrov A. (2019) Latent Factors of Protest Participation: A Basic Computational Model // 2019 Twelfth International Conference “Management of Large-scale System Development” (MLSD). IEEE, pp. 1–4. DOI: 10.1109/MLSD.2019.8910999

Arafa M., Armstrong C. (2016) “Facebook to Mobilize, Twitter to Coordinate Protests, and YouTube to Tell the World”: New Media, Cyberactivism, and the Arab Spring // Journal of Global Initiatives: Policy, Pedagogy, Perspective, vol. 10, no 1, pp. 73–102 // <https://digitalcommons.kennesaw.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1187&context=jgi>, дата обращения 20.05.2020.

Ayanian A.H., Tausch N. (2016) How Risk Perception Shapes Collective Action Intentions in Repressive Contexts: A Study of Egyptian Activists during the 2013 Post-coup Uprising // British Journal of Social

- Psychology, vol. 55, no 4, pp. 700–721. DOI: 10.1111/bjso.12164
- Barberá P., Jost J., Nagler J. (2015) Tweeting from Left to Right: Is Online Political Communication More Than an Echo Chamber? // *Psychological Science*, vol. 26, no 10, pp. 1531–1542. DOI: 10.1177/0956797615594620
- Breuer A., Landman T., Farquhar D. (2015) Social Media and Protest Mobilization: Evidence from the Tunisian Revolution // *Democratization*, vol. 22, no 4, pp. 764–792. DOI: 10.1080/13510347.2014.885505
- Della Porta D. (2017) *Global Diffusion of Protest: Riding the Protest Wave in the Neoliberal Crisis*, Amsterdam: University Press.
- Drury J., Reicher S. (2000) Collective Action and Psychological Change: The Emergence of New Social Identities // *British Journal of Social Psychology*, vol. 39, no 4, pp. 579–604. DOI: 10.1348/014466600164642
- Fewsmith J. (2001) *China since Tiananmen: The Politics of Transition*, Cambridge: University Press.
- González-Bailón S., Wang N. (2016) Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media // *Social Networks*, vol. 44, pp. 95–104. DOI: 10.1016/j.socnet.2015.07.003
- Himelboim I. et al. (2016) Valence-based Homophily on Twitter: Network Analysis of Emotions and Political Talk in the 2012 Presidential Election // *New Media & Society*, vol. 18, no 7, pp. 1382–1400. DOI: 10.1177/1461444814555096
- Honari A. (2018) “We Will Either Find a Way, or Make One”: How Iranian Green Movement Online Activists Perceive and Respond to Repression // *Social Media+Society*, vol. 4, no 3, pp. 1–11. DOI: 10.1177/2056305118803886
- Howard P.N., Hussain M.M. (2011) The Upheavals in Egypt and Tunisia: The Role of Digital Media // *Journal of Democracy*, vol. 22, no 3, pp. 35–48. DOI: 10.1353/jod.2011.0041
- Larson J., Nagler J., Ronen J., Tucker J. (2019) Social Networks and Protest Participation: Evidence from 130 Million Twitter Users // *American Journal of Political Science*, vol. 63, no 3, pp. 690–705. DOI: 10.7910/DVN/RLLL1V
- Lynch M. (2011) After Egypt: The Limits and Promise of Online Challenges to the Authoritarian Arab State // *Perspectives on Politics*, vol. 9, no 2, pp. 301–310. DOI: 10.1017/S1537592711000910
- Nugent E. (2019) The Psychology of Repression and Polarization // *World Politics*, vol. 72, no 2, pp. 291–334. DOI: 10.1017/S0043887120000015
- Onuch O., Sasse G. (2016) The Maidan in Movement: Diversity and the Cycles of Protest // *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 4, pp. 556–587. DOI: 10.1080/09668136.2016.1159665
- Opp K-D., Gern C. (1993) Dissident Groups, Personal Networks, and Spontaneous Cooperation: The East German Revolution of 1989 // *American Sociological Review*, vol. 58, no 5, pp. 659–680. DOI: 10.2307/2096280
- Peterson A., Wahlström M. (2015) Repression: The Governance of Domestic Dissent // *The Oxford Handbook of Social Movements* (eds. Della Porta D., Diani M.), pp. 634–652. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199678402.013.2
- Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. (2013) Social Media and the Arab Spring: Politics Comes First // *The International Journal of Press/Politics*, vol. 18, no 2, pp. 115–137. DOI: 10.1177/1940161212471716
- Wong S.C., Wright S. (2019) Hybrid Mediation Opportunity Structure? A Case Study of Hong Kong’s Anti-National Education Movement // *New Media & Society*, pp. 1–22. DOI: 10.1177/1461444819879509
- Young L.E. (2019) The Psychology of State Repression: Fear and Dissent Decisions in Zimbabwe // *American Political Science Review*, vol. 113, no 1, pp. 140–155. DOI: 10.1017/S000305541800076X

Point of View

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-13

Quantitative Indicators of Text Style as a Factor of the Post Promotion in a Social Media Protest Communication

Ilya B. PHILIPPOV

PhD Student of Political Science

National Research University “Higher School of Economics”, 101000, 20, Myasnitckaya St., Moscow, Russian Federation

E-mail: ibfilippov@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1464-2923

CITATION: Philippov I.B. (2020) Quantitative Indicators of Text Style as a Factor of the Post Promotion in a Social Media Protest Communication. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 249–268 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-13

Received: 10.03.2020.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was supported by the RFBR, project no 18-011-01134 “Dynamics of political instability: building a theoretical model and its empirical testing”.

ABSTRACT. *A complete analysis of protest activity in the XXI century is not possible without an account of complex interrelations between online and offline behavior of different actors. Social media and the whole internet-space become a placement for new forms of behavior that transform the classical types of protest activity. Digital placements are not neutral to the communication due to specific laws and characteristics of online-interactions that affect the way actors try to communicate in the online and the extent they succeed doing that. This work investigates the influence of quantitative characteristics of text style on communication around protest movement in social media. The set of used characteristics consisted of mean length of a word in a post, the number of words in a post, a fraction of question marks over number of words*

in a post, a fraction of exclamation marks over number of words in a post, a fraction of brackets over over number of words in a post and a dummy on the difference between opening and closing brackets. Using regression analysis on a sample of original posts published in social media “Vkontakte” in 2018, we found that quantitative characteristics of text style have statistically significant impact on the promotion of the politically engaged posts. However, the predictive ability of these predictors to describe the variation between activity and broadness of protest communication in different context was inconsiderable.

KEY WORDS: *political communication, online communication, social media, social networks, digital politics, political protest, protest movement, social movements*

References

- Ahremenko A.S., Stukal D.K., Petrov A.P. (2020) Network or Text? Factors of Protest Propagation in Social Media: Theory and Data Analysis. *POLIS*, no 2, pp. 73–91 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.02.06
- Ahremenko A. S., Filippov I. B. (2019) The Impact of Forcible Suppression of a Protest on the Discussion of a Protest Action in Social Networks. *Monitoring of Public Opinion*, no 5, pp. 220–225 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.10
- Akhremenko A., Yureskul E., Petrov A. (2019) Latent Factors of Protest Participation: A Basic Computational Model. *2019 Twelfth International Conference “Management of Large-scale System Development” (MLSD)*. IEEE, pp. 1–4. DOI: 10.1109/MLSD.2019.8910999
- Arafa M., Armstrong C. (2016) “Facebook to Mobilize, Twitter to Coordinate Protests, and YouTube to Tell the World”: New Media, Cyberactivism, and the Arab Spring. *Journal of Global Initiatives: Policy, Pedagogy, Perspective*, vol. 10, no 1, pp. 73–102. Available at: <https://digitalcommons.kennesaw.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1187&context=jgi>, accessed 20.05.2020.
- Ayanian A.H., Tausch N. (2016) How Risk Perception Shapes Collective Action Intentions in Repressive Contexts: A Study of Egyptian Activists during the 2013 Post-coup Uprising. *British Journal of Social Psychology*, vol. 55, no 4, pp. 700–721. DOI: 10.1111/bjso.12164
- Barberá P., Jost J., Nagler J. (2015) Tweeting from Left to Right: Is Online Political Communication More Than an Echo Chamber? *Psychological Science*, vol. 26, no 10, pp. 1531–1542. DOI: 10.1177/0956797615594620
- Breuer A., Landman T., Farquhar D. (2015) Social Media and Protest Mobilization: Evidence from the Tunisian Revolution. *Democratization*, vol. 22, no 4, pp. 764–792. DOI: 10.1080/13510347.2014.885505
- Della Porta D. (2017) *Global Diffusion of Protest: Riding the Protest Wave in the Neo-liberal Crisis*, Amsterdam: University Press.
- Drury J., Reicher S. (2000) Collective Action and Psychological Change: The Emergence of New Social Identities. *British Journal of Social Psychology*, vol. 39, no 4, pp. 579–604. DOI: 10.1348/014466600164642
- Fewsmith J. (2001) *China since Tiananmen: The Politics of Transition*, Cambridge: University Press.
- González-Bailón S., Wang N. (2016) Networked Discontent: The Anatomy of Protest Campaigns in Social Media. *Social Networks*, vol. 44, pp. 95–104. DOI: 10.1016/j.socnet.2015.07.003
- Himelboim I. et al. (2016) Valence-based Homophily on Twitter: Network Analysis of Emotions and Political Talk in the 2012 Presidential Election. *New Media & Society*, vol. 18, no 7, pp. 1382–1400. DOI: 10.1177/1461444814555096
- Honari A. (2018) “We Will Either Find a Way, or Make One”: How Iranian Green Movement Online Activists Perceive and Respond to Repression. *Social Media+Society*, vol. 4, no 3, pp. 1–11. DOI: 10.1177/2056305118803886
- Howard P.N., Hussain M.M. (2011) The Upheavals in Egypt and Tunisia: The Role of Digital Media. *Journal of Democracy*, vol. 22, no 3, pp. 35–48. DOI: 10.1353/jod.2011.0041
- Larson J., Nagler J., Ronen J., Tucker J. (2019) Social Networks and Protest Participation: Evidence from 130 Million Twitter Users. *American Journal of Political Science*, vol. 63, no 3, pp. 690–705. DOI: 10.7910/DVN/RLLL1V
- Lynch M. (2011) After Egypt: The Limits and Promise of Online Challenges to the Authoritarian Arab State. *Perspectives on Politics*, vol. 9, no 2, pp. 301–310. DOI: 10.1017/S1537592711000910
- Nugent E. (2019) The Psychology of Repression and Polarization. *World Politics*, vol. 72, no 2, pp. 291–334. DOI: 10.1017/S0043887120000015

Onuch O., Sasse G. (2016) The Maidan in Movement: Diversity and the Cycles of Protest. *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 4, pp. 556–587. DOI: 10.1080/09668136.2016.1159665

Opp K-D., Gern C. (1993) Dissident Groups, Personal Networks, and Spontaneous Cooperation: The East German Revolution of 1989. *American Sociological Review*, vol. 58, no 5, pp. 659–680. DOI: 10.2307/2096280

Peterson A., Wahlström M. (2015) Repression: The Governance of Domestic Dissent. *The Oxford Handbook of Social Movements* (eds. Della Porta D., Diani M.), pp. 634–652. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199678402.013.2

Wolfsfeld G., Segev E., Sheaffer T. (2013) Social Media and the Arab Spring: Politics Comes First. *The International Journal of Press/Politics*, vol. 18, no 2, pp. 115–137. DOI: 10.1177/1940161212471716

Wong S.C., Wright S. (2019) Hybrid Mediation Opportunity Structure? A Case Study of Hong Kong's Anti-National Education Movement. *New Media & Society*, pp.1–22. DOI: 10.1177/1461444819879509

Young L.E. (2019) The Psychology of State Repression: Fear and Dissent Decisions in Zimbabwe. *American Political Science Review*, vol. 113, no 1, pp. 140–155. DOI: 10.1017/S000305541800076X

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-14

Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций

Иван Алексеевич БРОННИКОВ

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры российской политики факультета политологии

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27, к. 4, Москва, Российская Федерация

E-mail: ivbronn@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8277-0839

ЦИТИРОВАНИЕ: Бронников И.А. (2020) Самоорганизация граждан в эпоху цифровых коммуникаций // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 13. № 2. С. 269–285. DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-14

Статья поступила в редакцию 9.05.2020.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема гражданского участия в онлайн-сообществах. Показано, что современные сетевые технологии позволяют легко сочетать институционализированные формы гражданского участия с неформальными практиками посредством социальных медиа. В нынешнем цифровом мире появились уникальные активности, которые до внедрения онлайн-технологий были неосуществимы: хактивизм как новый вид гражданского неповиновения, интернет-пропаганда, вирусный запуск хештегов и челленджей в TikTok, мониторинг электоральных процедур по web-камерам и пр. По заключению автора статьи, многочисленные публикации ученых о глубоком кризисе институтов гражданского общества на самом деле описывают не спад гражданского участия, а его усложнение и переориентацию на более неиерархичные и креативные практики, с трудом поддающиеся анализу привычными методами. По мнению автора, возрастающее влияние информационно-коммуникационных техно-

логий на политический процесс способствовало перефокусировке гражданского активизма в сторону медиатизации политики и медиаактивизма. В статье особо отмечается, что возможности интернет-технологий способствуют отчуждению граждан от реальных проблем, укоренению виртуальной имитации гражданского участия, формируя т. н. очаги фейкового активизма.

В статье представлен анализ новой формы активности граждан – онлайн-митинги. Отдельно разбирается апрельский кейс онлайн-митингов 2020 г. с использованием сервиса «Разговорчики» – популярного автомобильного навигатора от Яндекс. Сделан вывод о том, что онлайн-митинги будут постепенно внедряться в российский политический процесс. В этой связи онлайн-пространство становится более поляризованным и политически опасным. Доказано, что самоорганизация граждан в онлайн-сообществах способствует медленной трансформации существующего институционального каркаса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальные медиа, сетевое общество, сетевой гражданский активизм, гражданское участие

Введение. Постановка проблемы

Самоорганизация граждан в современных условиях представляет собой своеобразную форму общественного участия социально-политически активных и инициативных акторов. Зачастую это проявляется в виде реакции в социальных медиа на возникающие социальные, политические, экономические, экологические или бытовые проблемы. Эффективность самоорганизации граждан во многом зависит от государственной состоятельности вкупе с пониманием тесной взаимозависимости государства и институтов гражданского общества не только в функциональном смысле, но и содержательном.

В свое время Тоффлер писал, что развитие интернет-технологий позволит индивиду без посредников и сложноразноуровневых административных конструкций принимать активное участие в решении насущных проблем. Современные сетевые технологии не только создают площадки для гражданских практик, но также дают возможности и инструменты для повышения их эффективности, т. к. позволяют легко сочетать институционализированные формы общественного участия с неформальными практиками посредством социальных медиа.

Существующая модель гражданского активизма постинформационного общества¹ способствует расширению публичного поля политики, направ-

ленность которого задают как государственные структуры, так и политические акторы в целом. Политически значимым становится подавляющее большинство действий как индивидуально, так и коллективного характера, подрывающих установленные формальные и неформальные институты, нормы и ценности [Буренко 2018]. К примеру, концепция «политики жизненного стиля» [Giddens 1991; Micheletti, Stolle 2006; Micheletti, Stolle 2008] раскрывает изменения образа жизни человека информационной эпохи в связи с растущими постматериальными запросами большого количества граждан на самореализацию и улучшение качества жизни в глобальном мире. А компания Bitnation Americas LTD запустила проект добровольного сообщества Bitnation, работающий на технологии блокчейн с возможностью получения некоторых государственных услуг децентрализованно и без привязки к территориальным государствам (нотариальное удостоверение сделок, юридическое оформление документов, удостоверение личности беженцев и лиц без документов и пр.).

Гражданское участие и власть сети

В рамках современного политического процесса выделяют несколько типов участия индивидов: *общественное, гражданское, политическое*. Принято считать, что политическое участие проявляется в прямой или опосредованной возможности граждан участвовать в политических отношениях, влиять на принимаемые властно-управленческие решения, тогда как граждан-

¹ Показательными маркерами постинформационного общества являются системы искусственного интеллекта, Интернет вещей, а также постоянное искажение транслируемых сведений и информации посредством апеллирования к эмоциям и личным установкам (т. н. политика постправды).

ское участие нацелено на индивидуальную или совместную деятельность в решении возникающих проблем и вызовов. Общественное участие, как более широкое, включает в себя все процессы и процедуры, связанные с удовлетворением общественных потребностей, запросов и интересов.

Резкое нарастание форм и инструментов гражданского участия в начале XXI в. породило неоднозначность, неопределенность и некоторую путаницу в понятийном аппарате этого процесса. Так, Дж. Ван Дет [*van Deth* 2001, pp. 6–11] даже высказал мысль о том, что анализ политического участия превращается в исследование абсолютно любых политических процессов. Такая трактовка возникает в связи с тем, что классическая теория общественного участия создавалась с акцентом на исследование стран с развитыми формами демократии (как правило, США, Канада и страны Западной Европы).

Цифровая трансформация общественных отношений способствовала спаду устоявшихся моделей гражданской активности, что породило работы о глубоком кризисе гражданского общества (Putnam, Furedi) с ярко выраженными негативными последствиями. Наряду с «тревожными» работами чуть позже появились исследования [*Pilkington, Pollock* 2015, pp. 1–35; *Baiocchi, Ganuza* 2016; *Dalton* 2017; *Якумец, Никовская* 2019, с. 208–223; *Петухов* 2019, с. 3–14; *Сковиков* 2017, с. 34–44], описывающие не спад гражданского участия, а его усложнение и переориентацию на более неиерархичные и креативные практики, которые не поддаются анализу привычными методами. В пользу «переупаковки» гражданского участия свидетельствует его перенесение в цифровое пространство, где не действуют традиционные институты и правительственные структуры [*De Filippi* 2018, pp. 267–277]. Кроме то-

го, при информационно-коммуникационном изобилии [*van Dijck* 2013] и бурном развитии политических интернет-технологий создаются возможности формирования виртуальных наций, новых способов мобилизации масс и канализации интересов индивидов. Согласно Р. Далтону [*Dalton* 2018; *Dalton* 2017], положительной перспективой указанных процессов может стать полноценное вовлеченное гражданство, где важной постматериальной ценностью становится инклюзивное общественное участие. Такое гражданское участие уже не является компенсацией за неэффективность традиционных политических форм, а выступает моделью расширения политического участия.

Особо следует отметить, что при анализе гражданской мобилизации, онлайн-самоорганизации и каналов выражения интересов акторов необходимо учитывать то, что технологическое развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет реализовывать универсальные права и свободы человека на новых сетевых основаниях. При этом усиление вертикального управления и патерналистское ограничение гражданской активности, напротив, только укрепляет политические мотивы и цели [*van Deth* 2014, pp. 349–367; *Norris* 2001; *Gapp* 2005; *Theocharis* 2015, pp. 1–14]. Исследователи полагают, что обнаруживается тенденция декоративного отношения со стороны государства к проблеме политического участия и политической мобилизации в онлайн-сообществах. Невмешательство государства в проблему политического участия онлайн-сообществ и незаинтересованность ученых приводит к тому, что целые блоки политизированных онлайн-сообществ низового и гибридного характера остаются неохваченными.

Снижение транзакционных издержек онлайн-коммуникаций и объеди-

нение индивидов для решения проблем меняют концептуальную логику коллективных действий [Bennett, Segerberg 2016]. Политические события последних лет ярко продемонстрировали [Barbera et al. 2019, pp. 883–901], что активные граждане в онлайн-пространстве оказывают больше влияния на информационную повестку дня, чем представители органов власти.

Неудивительно, что сегодня уже накоплен достаточно большой пласт работ, которые показывают, что гражданский активизм может «разворачиваться в условиях забвения государством, чтобы компенсировать его провалы, или в дополнение (или вопреки) к существующим формальным институтам» [Желнина, Тыканова 2019, с. 162–192]. Причем, как показал опрос, проведенный Аналитическим центром Юрия Левады в 2019 г., в Российской Федерации наблюдается значительный рост количества граждан, готовых более активно участвовать в политической жизни (об этом заявили 25% респондентов, что является максимумом за 12 лет). Абсентеизм объясняют тем, что в России политика не для обывателей: политикой занимаются власти (31%), нет времени заниматься политикой (28%), отсутствуют необходимые знания о политике (25%), а 21% респондентов считают, что это бессмысленно, т. к. все равно ничего изменить нельзя [Мухаметшина 2019].

Возрастающее влияние интернет-технологий способствовало перефокусировке гражданского активизма в сторону медиаактивизма, предполагающего использование цифровых инструментов коммуникации в политических целях. При этом под онлайн-участием понимаются основанные на сетевых

медиа действия, осуществляемые с целью активизировать сильные и слабые связи в социальных сетях для повышения информированности о проблемах или оказать социальное и политическое давление для их решения (цит. по: [Башева 2020, с. 45]). Члены сетевых сообществ объединяются на основе общих интересов и ценностей, а коммуникацию осуществляют посредством ресурсов социальных медиа. Важной особенностью самоорганизации граждан в социальных медиа является то, что в большинстве случаев она зарождается в онлайн, а реальные эффекты происходят в офлайн.

Новый вид гражданской активности в сетевых сообществах стал возможен благодаря мобилизационному эффекту цифровых коммуникаций, обладающих значительным запасом легитимного интернет-влияния. По мнению топ-менеджеров корпорации Google Дж. Коэна и Э. Шмидта, мобилизационный эффект цифровых коммуникаций способствует реализации «сетевого клуба», в котором нет разницы между сетевым пользователем и цифровым гражданином, а основные коммуникационные интернет-платформы берут на себя некоторые государственные полномочия. Множатся опасения относительно неоправданного роста политического влияния создателей социальных сетей (например, М. Цукерберга²) [Hughes 2019]. Учитывая, что аудитория Facebook составляет более 2,8 млрд пользователей, компьютерные алгоритмы и искусственный интеллект позволяют намного эффективнее создавать инфоповоды, формировать пользовательский интерес и навязывать повестку дня, чем национальные правительства.

2 Марк Цукерберг контролирует 60% акций Facebook, Instagram, WhatsApp.

Сетевые практики гражданского участия во многом получили свое развитие благодаря работам М. Кастельса [Castells, Cardoso 2005], который одним из первых указал на громадный потенциал горизонтальных связей сетевых коммуникаций в современном информационном обществе. Отныне те, кто создают контент, контролируют платформы, являющиеся сетевыми субъектами влияния, или «сетесозидающими» акторами. В сетевой концепции Кастельса [Castells 2013] тот, кто управляет потоками коммуникации, а следовательно, и информации, обладает властью нового типа, и теперь не имеет большого значения, говорим мы про макросилу государств или микросилу бизнес-структур или гражданских организаций. Базовым принципом наднациональных сетевых структур является сетевой индивидуализм, опирающийся на новые интернет-технологии, благодаря которым сама коммуникация становится созидающим началом сетевого сообщества.

В своих исследованиях Кастельс приходит к выводу, что в новых сетевых социополитических условиях власть можно классифицировать по четырём формам:

- 1) *Сетевая власть*. Проявляется как постоянное давление сетевых акторов на граждан, не включенных в глобальные сети.
- 2) *Сетевая мощь*. Основывается на возможности установить нормы и «правила игры» социального взаимодействия в сетях.
- 3) *Сетевое влияние*. Взаимовлияние сетевых акторов друг на друга в рамках конкретной сети. Взаимодействие пользователей и сила влияния может меняться в зависимости от платформы.

- 4) *Власть программистов и переключателей сетей*. Программирование и переключение становятся основными формами реализации и конструирования власти в нынешнем мире [Пырма 2020, с. 76] («переключатели сетей» действуют через контроль и управление точек соединения между различными сетями).

По мнению шведских журналистов А. Барда и Я. Зодерквиста [Бард, Зодерквист 2004], на смену иерархическому властному порядку приходит т. н. плюрархия с ее сетевыми формами управления и повышением значимости онлайн-сообществ. Декларируемый многими принцип открытости и прозрачности сетевых сообществ, родившийся на заре бурного развития интернета, в реальной жизни оказывается утопичным: открытые сетевые сообщества плавно перетекают в закрытые сообщества с установленными правилами игры и понятными формами самоконтроля либо неминуемо выхолащиваются, превращаясь в бесполезные площадки информационного шума, что, в конце концов, приводит к новому глобальному расслоению: сетевой «мир одной четверти» на вершине пирамиды с новыми формами политических отношений и ресурсами влияния против потребительского «мира трех четвертей» (консьюмтаритат), находящегося на более низкой стадии развития, заполненной информационным мусором [Кочетков 2013, с. 111–121]. Верхняя часть пирамиды – нетократы³, которые обладают монополией на производство и трансляцию знаний, а также сильными сетевыми связями и контактами, повышающие статус и влияние сети, а остальные граждане – вни-

3 Статус нетократа приобретает благодаря эксклюзивным компетенциям и качествам личности или с контактов и связей, которые можно предложить в качестве платы другим участникам сети.

зу пирамиды – не обладают необходимой дисциплиной, общими ценностями и стратегическими целями, чтобы противостоять новой нетократической элите. Это приводит к формированию асимметричной сетевой структуры современного постинформационного общества.

Онлайн-сообщества и самоорганизация граждан

По состоянию на сегодняшний день накоплен достаточно богатый опыт формирования и реализации различных форм гражданской активности. Учитывая разномастную палитру реальных, виртуальных и, что немало важно, фейковых практик гражданского активизма, следует отметить, что С.В. Патрушев выделяет два типа гражданской активности:

1. Гражданское участие – адаптивная публичная деятельность, связанная с реализацией универсальных прав и свобод, обеспечивающая достижение индивидуальных, коллективных и общественных целей в существующих институциональных условиях.
2. Гражданское действие – неадаптивная публичная активность, связанная с проблемами реализации универсальных прав и свобод: обеспечение равноправия гражданских статусов, преодоление разрыва между формальными и реальными правами в повседневной жизни, устранение барьеров на пути гражданского участия, снятие ограничений на осуществление прав в тех или иных сферах [Патрушев 2009, с. 25–26].

Применительно к технологиям социальных сетей некоторые ученые предлагают дополнительно рассматривать категорию «цифровое сетевое участие»

[Theocharis, Quintelier 2016, pp. 817–836] как особый вид цифровой активности, где пользователи социальных медиа не просто взаимодействуют и кооперируются друг с другом, а имеют реальные инструменты для решения возникающих проблем. Взаимодействие этих типов активности ведет к балансу онлайн-новых и офлайн-общественно-политических практик и позволяет придать позитивный импульс демократическим институтам, находящимся в регрессивном состоянии [Zhang, Seltzer, Bichard 2013, pp. 542–551; Володенков, Артамонова 2020].

О необходимости использования разной оптики при анализе цифровых форм активности указывает в своих работах Д. Эрл. Опасаясь «единого» объединительного ярлыка всех форм сетевой активности граждан, Эрл предлагает четырехуровневую типологию интернет-активизма:

- «буклетное обеспечение» – максимально широкое распространение информации в онлайн-сетях без необходимости реальной активности;
- электронная мобилизация – использование интернет-инструментов для облегчения работы в автономном режиме;
- онлайн-участие – использование онлайн-ресурсов для помощи и облегчения участия в сетевых практиках;
- организация акций в режиме онлайн – полноценное использование ресурсов сети для реализации акций в онлайн и последующий их переход в реальное пространство [Курбанова 2019, с. 55].

Гражданское участие задается существующими социальными и политическими институтами, нормами и установками, ценностными ориентациями и интересами, реакцией государственных структур на запросы и вызовы об-

щества, обеспечивающими определенный уровень доверия между властью и гражданским обществом. Массовые онлайн-мобилизации граждан в разных уголках мира, начиная с событий в арабской Африке, открыли широкое поле для дискуссии о роли самоорганизации граждан в современном информационном обществе. Социальные медиа создали площадки для дискуссий в ситуации, когда другие инструменты самореализации не работают или демонстрируют низкую эффективность. Так, появились уникальные активности, которые до внедрения онлайн-технологий были неосуществимы: хактивизм как новый вид гражданского неповиновения, интернет-пропаганда, вирусный запуск хештегов и челленджей в TikTok, мониторинг электоральных процедур по веб-камерам, вирусное продвижение «псевдособытий» и пр.

Социальные медиа могут способствовать гражданскому участию и совместным действиям, повышая демократизирующую функцию новых каналов коммуникации и являясь необходимым элементом современной жизни большего количества граждан. Однако имеются сомнения относительно способности эффективного преодоления ограничения слабых связей и поколенческих разрывов. В этой связи особую актуальность приобретает т. н. мобилизация через сверстников посредством использования социальных медиа и сетевых лидеров мнений [Kahne, Middaugh, Allen 2015].

Самоорганизация граждан и онлайн-митинги

В последние годы самоорганизация граждан в ответ на вызовы политического, экологического, техногенного и социального характера стала повсеместной, по большей части благодаря

уникальным ресурсам социальных медиа. Примером протестного мобилизационного потенциала социальных сетей является успешная агитация и координация широких слоев российского населения оппозиционными политическими силами в 2010–2012 гг. [Bode, Makarychev 2013, pp. 53–62]. С этим, в частности, связана провокационная политизация аудитории сетевых сообществ в новых медиа, ранее не принимавшей активного участия в политической жизни страны.

Следует также отметить возрастающий дуализм онлайн-сообществ: с одной стороны, социальные медиа демонстрируют возросший потенциал гражданской мобилизации и отстаивания своих интересов в публичном пространстве политики; с другой стороны, возможности информационно-коммуникационных технологий способствуют отчуждению граждан от реальных проблем, укоренению виртуальной имитации гражданского участия, формируя очаги фейкового активизма. Опираясь на теорию нетократии А. Барда и Я. Зодерквиста, необходимо иметь в виду, что потенциальные лидеры протестной активности постоянно поглощаются правящей элитой и становятся ее рупором, что сильно затрудняет и без того хаотические коллективные онлайн-действия.

Что касается другой стороны проблемы – фейкового активизма, то создаваемые псевдособытия в социальных медиа усиливаются и модерируются алгоритмами машинного обучения на основе технологий искусственного интеллекта, которые вычисляются интересы и ценности пользователя и формируют т. н. эхо-комнату, где находится просеянная информация и генерируется соответствующая «пользовательская» лента новостей. В таком индивидуализированном медиа-пространстве компьютерные алгоритмы подби-

рают схожие по смысловому наполнению материалы, отвечающие взглядам и установкам индивида, что приводит к утрате объективной картины в целом.

Между тем, несмотря на те или иные сдвиги, сетевые сообщества в социальных медиа открывают широкие возможности для манипулирования общественным мнением, генерации и модерации протестных настроений. Трансформация онлайн-недовольства «сердитых граждан» в пространство политического протеста, организованного при помощи цифровых платформ, создает опасности дестабилизации политической ситуации и разрушения существующих институтов власти. Реальные эффекты от вовлечения граждан в сетевые коммуникации зачастую проявляются в офлайновых действиях, в т. ч. политической направленности. В последнее время подобная самоорганизация граждан носит не иллюзорный характер (т. н. слактивизм), а вполне конкретные несимволические формы гражданского активизма (гражданское участие, протестное участие, институционализированное участие, цифровое участие) [Theocharis, van Deth 2018, pp. 139–163].

Ярким примером такого активизма являются онлайн-митинги. В конце апреля 2020 г. российские интернет-пользователи, выступая против режима самоизоляции, спонтанно организовали новую форму активности – онлайн-митинги с использованием сервиса «Разговорчики»⁴ популярного автомобильного навигатора от Яндекс. Любой гражданин, у которого установлено приложение «Яндекс.Карты» и «Яндекс.Навигатор», смог оставить виртуальный след в виде комментария на

определенном объекте карты с требованием дополнительных и незамедлительных мер поддержки со стороны государства в период пандемии коронавирусной инфекции. Стихийные онлайн-митинги прошли в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Екатеринбурге, Саратове, Красноярске и Нижнем Новгороде⁵.

Первым местом онлайн-митинга стал Ростов-на-Дону (20 апреля 2020 г.). В связи с пропускным режимом перемещения по городу в условиях предупреждения распространения коронавирусной инфекции, пользователи оставляли гневные комментарии у здания Законодательного Собрания Ростовской области и Правительства Ростовской области. Спустя буквально два часа аналогичные акции начались в других городах России, в ходе которых граждане требовали прямой помощи от государства, введения режима ЧС, заморозки платежей по ЖКХ, поддержки малого предпринимательства и пр.

Инженеры «Яндекса» достаточно быстро удаляли метки онлайн-комментаторов в соответствии с правилами модерации, но информационный повод привлек внимание как широкой общественности, так и органов власти. К примеру, пресс-секретарь президента РФ Д. Песков отметил, что в Кремле тщательно отслеживают появление новых форматов в интернет-пространстве и по мере возможности будут учитывать мнения граждан при составлении планов по поддержке «участников экономической жизни» [Песков посоветовал не преувеличивать ситуацию 2020].

Виртуальные акции для решения онлайн-проблем происходили и раньше. К примеру, онлайн-протесты 2005 г.

4 Стоит заметить, что как только сервис «Разговорчики» появился в 2011 г., он сразу стал для водителей площадкой для выражения своего недовольства.

5 В Новосибирске пользователи также использовали навигатор «2ГИС».

против смертной казни Ш. Муругэсу и В.Т. Нгуена в Сингапуре, в ходе которых активисты смогли получить поддержку от большого количества онлайн-ресурсов; онлайн-митинг против возможности корпорации Yahoo! использовать личный контент граждан в своих интересах; акция 2007 г. «Цифровое Бостонское чаепитие», когда пользователи протестовали против того, что администрация сайта Digg вмешалась в процесс формирования новостной ленты; резонансная акция 2011 г. Adisucks против рекламы продукции Adidas на километровую стену варшавского ипподрома, которая много лет до этого использовалась польской молодежью для граффити. К череде онлайн-мобилизаций можно отнести также организованные митинги для свержения правящих режимов на арабском Востоке, твиттер-революции, многочисленные флешмобы в социальных сетях (MeToo, Ice Kefir Challenge, «мандариновый флешмоб», флешмоб российских преподавателей #УчителяТожеЛюди, флешмоб в поддержку журналиста Ивана Голунова, акция 2017 г. против коррупции в Новосибирске и т. д.). Весь этот перечень свидетельствует о растущей роли онлайн-митингов, в которых ключевую роль играют социальные сети с их возможностью мгновенной децентрализованной организации граждан с определенной целью.

Любой митинг (в т. ч. и онлайн), как правило, соответствует трем важным характеристикам:

- публичность и доступность для каждого гражданина;
- политическое событие, которое имеет четкие временные рамки и завершается для всех участников одновременно;
- публичное выражение общественного мнения по обозначенным проблемам [Архипова и др. 2018, с. 12–35].

Опираясь на теорию социума Н. Лумана, при рассмотрении онлайн-митингов особое значение приобретает коммуникация между пользователями с их желанием быть услышанными и создать достаточно продолжительный информационный повод в сети. Успешность протестной акции в медиа во многом определяется своевременным созданием и последующей оперативной трансляцией сообщений и визуальных символов.

Отмечая существенные сложности анализа протестной активности в пространстве новых медиа, целесообразно не просто сужать предметное поле исследования до восприятия социальных медиа как площадки подготовки к офлайн-акциям, а рассматривать физическое и виртуальное пространство как единое целое в организации и формировании митинговых настроений.

Исследуя коммуникационные технологии онлайн-протестов, К. Руйгрок провел количественный анализ некоторых переменных (частота протестов, проникновение интернета, свобода медиа, альтернативные каналы коммуникации и др.), влияющих на протестную активность. Согласно его выводам, даже несмотря на выстраиваемые государственные «цифровые заборы», социальные медиа активно и более эффективно используются в авторитарных режимах для мобилизации граждан, чем в демократических государствах [Клавиатурный протест 2020]. Это расслоение онлайн-пространства делает его более поляризованным и политически опасным.

В российских акциях протеста 2018–2019 гг. стали появляться новые инструменты: геочаты в Telegram, которые позволяют кооперироваться участникам митингов и шествий, телеграм-каналы и чат-боты оппозиции, которые быстрее информируют сторонников, чем традиционные он-

лайн-каналы коммуникации, а последнее – исключительно онлайн-митинги в «Яндекс.Навигаторе», – это совершенно новое явление для политического процесса в России. Все это приводит к тому, что виртуализация протестной активности несет в себе ряд рисков и угроз [Клавиатурный протест 2020]. Для государства самыми главными вызовами являются низкая прогнозируемость онлайн-митингов и вневременной характер виртуальных протестов, тогда как для оппозиции открывается широкое перспективное поле для протестной активности. По всей видимости, онлайн-митинги будут постепенно внедряться в российский политический процесс, а также усложняться, изобретая оригинальные форматы.

Имеющееся классическое противопоставление политического поля на традиционное и сетевое представляется необоснованным. В современном постинформационном обществе наблюдается, скорее, планомерное сближение, проникновение и коадаптация виртуального и физического политического пространства, что создает дополнительные сложности для акторов. Современные ИКТ открывают цифровые «двери» для сложного, эффективного и крайне необходимого диалога между государством и активными гражданами, предоставляя технологические продукты для осуществления инклюзивных форм политического участия. Здесь важно выделить сам факт запроса со стороны акторов гражданского общества на новое понимание политических ценностей, осознание своей роли в рамках существующего политического процесса, а также на внедрение неиерархических моделей сетевого гражданского активизма в предметное поле политики в качестве полноправных конвенциональных инструментов.

Заключение

Итак, современный информационный мир с его 4,5 млрд интернет-пользователями [Internet User Statistics 2020] становится все более окутанным сетями. Согласно докладу Digital 2020, общее количество уникальных пользователей мобильных устройств в 2020 г. составляет 5,19 млрд чел., при этом число онлайн-пользователей социальных сетей постепенно увеличивается и сейчас достигает цифры 3,8 млрд чел., которые проводят в онлайн в период бодрствования 40% своего времени, или 6 ч 43 мин (для сравнения: в России данный показатель составляет 7 ч 17 мин) [Digital 2020].

В нынешних условиях успех любой кампании (в т. ч. онлайн-митингов) зависит от того, насколько грамотно, профессионально и концептуально корректно работает группа граждан, составляющих инициативное «ядро протеста». Особое значение приобретает способность организаторов к координации действий, выход за рамки одностороннего рассмотрения проблемы внутри онлайн-сообщества и поддержанию высокой заинтересованности у большого количества пользователей (т. к. гражданский активизм часто проявляется в коротких и локальных акциях, не требующих значимой затрат сил и ресурсов). Не стоит забывать известное опасение, высказанное Д. Ланиром [Ланир 2011] про замещение индивидуальности и творческого потенциала людей поверхностным потреблением контента в социальных сетях.

Онлайн-митинги могут служить сигналом неэффективности деятельности конкретных политических институтов. Эффективность же самих проводимых онлайн-митингов повышаются при участии и стимулировании участия со стороны основных субъектов влияния, которыми чаще всего являются

ся конвергентные журналисты, топовые блогеры и активные создатели сетевого контента.

Самоорганизация граждан в онлайн-сообществах способствует медленной трансформации институционального каркаса, показывая очевидную зависимость между потреблением информационных потоков пользователей и последующим гражданским участием, эффективность которого зачастую зависит от желания и возможности тратить время и ресурсы на решение конкретной проблемы.

Список литературы

- Архипова А.С., Радченко Д. А., Титков А.С., Козлова И.В., Югай Е.Ф., Белянин С.В., Гаврилова М.В. (2018) «Переборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете // Мониторинг общественного мнения. № 1. С. 12–35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02
- Бард А., Зодерквист Я. (2004) Нетократия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма. СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге.
- Башева О.А. (2020) Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации // Научный результат. Социология и управление. Т. 6. № 1. С. 41–57. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4
- Буренко В.И. (2018) Политика в контексте мифологии: история и современность // PolitBook. № 3. С. 66–80 // http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2018_Issue_3.pdf, дата обращения 21.05.2020.
- Володенков С.В., Артамонова Ю.Д. (2020) Информационные капсулы как структурный компонент современной политической Интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 53. С. 188–196 // http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=1935&article_id=43754, дата обращения 21.05.2020.
- Гарр Т.Р. (2005) Почему люди бунтуют. СПб.: Питер.
- Желнина А.А., Тыканова Е.В. (2019) Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 22. № 1. С. 162–192. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8
- Клавиатурный протест (2020) // Центр политической конъюнктуры. 27 апреля 2020 // <http://cpkr.ru/issledovaniya/budushchee/klaviaturnyy-protest/>, дата обращения 21.05.2020.
- Кочетков А.П. (2013) Нетократизм // ПОЛИС. № 4. С. 111–121 // <https://www.politstudies.ru/files/File/2013/4/10.pdf>, дата обращения 21.05.2020.
- Курбанова А.А. (2019) Практики онлайн петиций в освещении социальных медиа как форма гражданского активизма // Возможности и угрозы цифрового общества. С. 54–59 // https://elibrary.ru/download/elibrary_41132947_84454018.pdf, дата обращения 21.05.2020.
- Ланир Дж. (2011) Вы не гаджет. Манифест. М.: Corpus.
- Мухаметшина Е. (2019) Доля желающих участвовать в политике россиян достигла максимума за 12 лет // Ведомости. 23 января 2019 // <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/01/23/792294-politike>, дата обращения 21.05.2020.
- Патрушев С.В. (2009) Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // ПОЛИС. № 6. С. 24–32 // <https://www.politstudies.ru/files/File/2009/6/3.pdf>, дата обращения 21.05.2020.
- Песков посоветовал не преувеличивать ситуацию с «виртуальными митингами» (2020) // РБК. 21 апреля 2020 // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9eb>

8209a79475b74fa7425, дата обращения 21.05.2020.

Петухов В.В. (2019) Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0

Пырма Р.В. (2020) Концепция гражданского активизма в цифровом пространстве коммуникаций // Власть. № 2. С. 74–81 // https://elibrary.ru/download/elibrary_42780666_30998666.pdf, дата обращения 21.05.2020.

Сковиков А.К. (2017) Взаимодействие гражданского общества с органами государственной власти в формировании патриотизма // PolitBook. № 3. С. 34–44 // http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2017_Issue_3.pdf, дата обращения 21.05.2020.

Якимец В.Н., Никовская Л.И. (2019) Гражданское участие, межсекторное партнерство и интернет-технологии публичной политики // Социальные и гуманитарные знания. Т. 5. № 3. С. 208–223 // <http://www.j.uniya.ac.ru/index.php/dnk/article/view/849/700>, дата обращения 21.05.2020.

Baiocchi G., Ganuza E. (2016) *Popular Democracy: The Paradox of Participation*, Stanford University Press.

Barbera P., Casas A., Nagler J., Egan P., Bonneau R., Jost J., Tucker J. (2019) Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data // *American Political Science Review*, vol. 113, no 4, pp. 883–901. DOI: 10.1017/S0003055419000352

Bennett L., Segerberg A. (2016) The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics // *Information, Communication & Society*, vol. 15, no 5, pp. 739–768. DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661

Bode N., Makarychev A. (2013) *The New Social Media in Russia: Po-*

litical Blogging by the Government and the Opposition // *Problems of Post-Communism*, vol. 60, pp. 53–62. DOI: 10.2753/PPC1075-821660020

Castells M. (2013) *Communication Power*, OUP Oxford.

Castells M., Cardoso G. (eds.) (2005) *The Network Society: From Knowledge to Policy*, Washington, DC: Center for Transatlantic Relations, Paul H. Nitze School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University.

Dalton R.J. (2017) *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*, Oxford University Press.

Dalton R.J. (2018) *Political Realignment: Economics, Culture, and Electoral Change*, Oxford University Press.

De Filippi P. (2018) *Citizenship in the Era of Blockchain-based Virtual Nations* // *Debating Transformations of National Citizenship* (ed. Bauböck R.), Springer, Cham, pp. 267–277.

Digital in 2020 (2020) // <https://weare-social.com/digital-2020>, дата обращения 21.05.2020.

Giddens A. (1991) *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford University Press.

Hughes Ch. (2019) It's Time to Break up Facebook // *The New York Times*, May 9, 2019 // <https://www.nytimes.com/2019/05/09/opinion/sunday/chris-hughes-facebook-zuckerberg.html>, дата обращения 21.05.2020.

Internet User Statistics & 2020 Population for the 53 European Countries and Regions (2020) // *Internet World Stats*, March, 2020 // <https://www.internet-worldstats.com/stats4.htm>, дата обращения 21.05.2020.

Kahne J., Middaugh E., Allen D. (2015) *Youth, New Media, and the Rise of Participatory Politics* // *From Voice to Influence: Understanding Citizenship in a Digital Age* (eds. Allen D., Light J.S.), Chicago, London: University of Chicago Press, pp. 35–58.

- Micheletti M., Stolle D. (2006) The Market as an Arena for Transnational Politics // *Youth Activism*, June 7, 2006 // http://ya.ssrc.org/transnational/Micheletti_Stolle/, дата обращения 21.05.2020.
- Micheletti M., Stolle D. (2008) Fashioning Social Justice through Political Consumerism, Capitalism, and the Internet // *Cultural Studies*, vol. 22, no 5, pp. 749–769. DOI: 10.1080/09502380802246009
- Norris P. (2001) *Digital Divide? Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Pilkington H., Pollock G. (2015) ‘Politics Are Bollocks’: Youth, Politics and Activism in Contemporary Europe // *The Sociological Review*, vol. 63, no S2, pp. 1–35. DOI: 10.1111/1467-954X.12260
- Theocharis Y. (2015) The Conceptualization of Digital Networked Participation // *Social Media + Society*, vol. 1, no 2, pp. 1–14. DOI: 10.1177/2056305115610140
- Theocharis Y., de Moor J., van Deth J.W. (2019) Digitally Networked Participation and Lifestyle Politics as New Modes of Political Participation // *Policy & Internet*, December 15, 2019. DOI: 10.1002/poi.3.231
- Theocharis Y., Quintelier E. (2016) Stimulating Citizenship or Expanding Entertainment? The Effect of Facebook on Adolescent Participation // *New Media & Society*, vol. 18, no 5, pp. 817–836. DOI: 10.1177/1461444814549006
- Theocharis Y., van Deth J.W. (2018) The Continuous Expansion of Citizen Participation: A New Taxonomy // *European Political Science Review*, vol. 10, no 1, pp. 139–163. DOI: 10.1017/S1755773916000230
- van Deth J.W. (2001) Studying Political Participation: Towards a Theory of Everything // <https://ru.scribd.com/document/373013898/2001-VAN-DETH-Studying-Political-Participation-Towards-a-Theory-of-Everything>, дата обращения 21.05.2020.
- van Deth J.W. (2014) A Conceptual Map of Political Participation // *Acta Politica*, vol. 49, pp. 349–367. DOI: 10.1057/ap.2014.6
- van Dijk J. (2013) *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*, Oxford University Press.
- Zhang W., Seltzer T., Bichard S.L. (2013) Two Sides of the Coin: Assessing the Influence of Social Network Site Use during the 2012 US Presidential Campaign // *Social Science Computer Review*, vol. 31, no 5, pp. 542–551. DOI: 10.1177/0894439313489962

DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-14

Self-organization of Citizens in the Age of Digital Communications

Ivan A. BRONNIKOV

PhD in Politics, Associate Professor, Associate Professor of Russian Politics Chair,
Faculty of Political Science

Lomonosov Moscow State University, 119991, Lomonosovskij Av., 27-4, Moscow,
Russian Federation

E-mail: ivbronn@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8277-0839

CITATION: Bronnikov I.A. (2020) Self-organization of Citizens in the Age of Digital Communications. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 13, no 2, pp. 269–285 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2020-13-2-14

Received: 9.05.2020.

ABSTRACT. *The article addresses the issue of civic participation in online communities. It is shown that modern network technologies make it easy to combine institutionalized forms of civic participation with informal practices through social media. In today's digital world, unique activities have appeared that were not feasible before the introduction of online technologies: hacktivism as a new type of civil disobedience, Internet propaganda, the viral launch of hashtags and challenges in TikTok, monitoring of electoral procedures for webcams, etc. According to the author of the article Numerous publications by scientists about the deep crisis of civil society institutions, in fact, do not describe the decline in civic participation, but its complication and reorientation to more non-hierarchical and creative practices with t ud amenable to analysis by customary methods. According to the author, the increasing influence of information and communication technologies on the political process has contributed to a refocusing of civic activism towards the mediation of politics and media activism. The article emphasizes that the capabilities of Internet technologies contribute to the alienation of citi-*

zens from real problems, the rooting of virtual imitation of civic participation, forming the so-called foci of fake activism.

The article presents an analysis of a new form of citizen activity – online rallies. The April case of online rallies in 2020 is analyzed in detail using the “Talkers” service of the popular car navigator from Yandex. It is concluded that online rallies will gradually be introduced into the Russian political process. In this regard, online space is becoming more polarized and politically dangerous. It is proved that the self-organization of citizens in online communities contributes to the slow transformation of the existing institutional framework.

KEY WORDS: *social media, network society, network civic activism, civic participation*

References

Arkhipova A.S., Radchenko D.A., Titkov A.S., Kozlova I.V., Yugai E.F., Belyanin S.V., Gavrilova M.V. (2018) “Rally Rebuild”: Internet in Protest and Protest on the Internet. *Monitoring of Pub-*

- lic Opinion*, no 1, pp. 12–35 (in Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02
- Baiocchi G., Ganuza E. (2016) *Popular Democracy: The Paradox of Participation*, Stanford University Press.
- Barbera P., Casas A., Nagler J., Egan P., Bonneau R., Jost J., Tucker J. (2019) Who Leads? Who Follows? Measuring Issue Attention and Agenda Setting by Legislators and the Mass Public Using Social Media Data. *American Political Science Review*, vol. 113, no 4, pp. 883–901. DOI: 10.1017/S0003055419000352
- Bard A., Zoderkvist Ya. (2004) *Netocracy. New Ruling Elite and Life after Capitalism*, Saint Petersburg: Stokgol'mskaja shkola ekonomiki v Sankt-Peterburge (in Russian).
- Basheva O.A. (2020) Digital Activism as a New Method of Civil Mobilization. *Research Result. Sociology and Management*, vol. 6, no 1, pp. 41–57 (in Russian). DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4
- Bennett L., Segerberg A. (2016) The Logic of Connective Action: Digital Media and the Personalization of Contentious Politics. *Information, Communication & Society*, vol. 15, no 5, pp. 739–768. DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661
- Bode N., Makarychev A. (2013) The New Social Media in Russia: Political Blogging by the Government and the Opposition. *Problems of Post-Communism*, vol. 60, pp. 53–62. DOI: 10.2753/PPC1075-821660020
- Burenko V.I. (2018) Politics in the Context of Mythology: History and Modernity. *PolitBook*, no 3, pp. 66–80. Available at: http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2018_Issue_3.pdf, accessed 21.05.2020 (in Russian).
- Castells M. (2013) *Communication Power*, OUP Oxford.
- Castells M., Cardoso G. (eds.) (2005) *The Network Society: From Knowledge to Policy*, Washington, DC: Center for Transatlantic Relations, Paul H. Nitze School of Advanced International Studies, Johns Hopkins University.
- Dalton R.J. (2017) *The Participation Gap: Social Status and Political Inequality*, Oxford University Press.
- Dalton R.J. (2018) *Political Realignment: Economics, Culture, and Electoral Change*, Oxford University Press.
- De Filippi P. (2018) Citizenship in the Era of Blockchain-based Virtual Nations. *Debating Transformations of National Citizenship* (ed. Bauböck R.), Springer, Cham, pp. 267–277.
- Digital in 2020* (2020). Available at: <https://wearesocial.com/digital-2020>, accessed 21.05.2020.
- Garr T.R. (2005) *Why Do People Rebel*, Saint Petersburg: Piter (in Russian).
- Giddens A. (1991) *Modernity and Self-identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford University Press.
- Hughes Ch. (2019) It's Time to Break up Facebook. *The New York Times*, May 9, 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/05/09/opinion/sunday/chris-hughes-facebook-zuckerberg.html>, accessed 21.05.2020.
- Internet User Statistics & 2020 Population for the 53 European Countries and Regions (2020). *Internet World Stats*, March, 2020. Available at: <https://www.internetworldstats.com/stats4.htm>, accessed 21.05.2020.
- Kahne J., Middaugh E., Allen D. (2015) Youth, New Media, and the Rise of Participatory Politics. *From Voice to Influence: Understanding Citizenship in a Digital Age* (eds. Allen D., Light J.S.), Chicago, London: University of Chicago Press, pp. 35–58.
- Keyboard Protest (2020). *Center for Political Conjuncture*, April 27, 2020. Available at: <http://cpkr.ru/issledovaniya/budushchee/klaviaturnyy-protest/>, accessed 21.05.2020 (in Russian).
- Kochetkov A.P. (2013) Netokratizm. *POLIS*, no 4, pp. 111–121. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2013/4/10.pdf>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Kurbanova A.A. (2019) Online Petition Practices in Social Media Coverage as a Form of Civic Activism. *Opportunities and Threats of the Digital Society*, pp. 54–59. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_41132947_84454018.pdf, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Lanier J. (2011) *You Are not a Gadget*. Manifesto, Moscow: Corpus (in Russian).

Micheletti M., Stolle D. (2006) The Market as an Arena for Transnational Politics. *Youth Activism*, June 7, 2006. Available at: http://ya.ssrc.org/transnational/Micheletti_Stolle/, accessed 21.05.2020.

Micheletti M., Stolle D. (2008) Fashioning Social Justice through Political Consumerism, Capitalism, and the Internet. *Cultural Studies*, vol. 22, no 5, pp. 749–769. DOI: 10.1080/09502380802246009

Mukhametshina E. (2019) The Share of Russians Who Want to Participate in Politics Has Reached Its Highest in 12 Years. *Vedomosti*, January 23, 2019. Available at: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2019/01/23/792294-politike>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Norris P. (2001) *Digital Divide? Civic Engagement, Information Poverty, and the Internet Worldwide*, Cambridge: Cambridge University Press.

Patrushev S.V. (2009) Civic Activism: An Institutional Approach (Research Perspectives). *POLIS*, no 6, pp. 24–32. Available at: <https://www.politstudies.ru/files/File/2009/6/3.pdf>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Peskov Advised not to Exaggerate the Situation with “Virtual Rallies” (2020). *RBC*, April 21, 2020. Available at: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5e9eb8209a79475b74fa7425>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Petukhov V.V. (2019) Civic Participation: Interaction of Social and Political Practices. *Sociological Studies*, no 12, pp. 3–14 (in Russian). DOI: 10.31857/S013216250007743-0

Pilkington H., Pollock G. (2015) ‘Politics Are Bollocks’: Youth, Politics and Ac-

tivism in Contemporary Europe. *The Sociological Review*, vol. 63, no S2, pp. 1–35. DOI: 10.1111/1467-954X.12260

Pyrma R.V. (2020) Concepts of Civil Activism in the Digital Communications Space. *Vlast’*, no 2, pp. 74–81. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_42780666_30998666.pdf, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Skovikov A.K. (2017) Interaction of Civil Society with State Authorities in the Formation of Patriotism. *PolitBook*, no 3, pp. 34–44. Available at: http://politbook.online/images/pdf/PolitBook2017_Issue_3.pdf, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Theocharis Y. (2015) The Conceptualization of Digital Networked Participation. *Social Media + Society*, vol. 1, no 2, pp. 1–14. DOI: 10.1177/2056305115610140

Theocharis Y., de Moor J., van Deth J.W. (2019) Digitally Networked Participation and Lifestyle Politics as New Modes of Political Participation. *Policy & Internet*, December 15, 2019. DOI: 10.1002/poi3.231

Theocharis Y., Quintelier E. (2016) Stimulating Citizenship or Expanding Entertainment? The Effect of Facebook on Adolescent Participation. *New Media & Society*, vol. 18, no 5, pp. 817–836. DOI: 10.1177/1461444814549006

Theocharis Y., van Deth J.W. (2018) The Continuous Expansion of Citizen Participation: A New Taxonomy. *European Political Science Review*, vol. 10, no 1, pp. 139–163. DOI: 10.1017/S1755773916000230

van Deth J.W. (2001) *Studying Political Participation: Towards a Theory of Everything*. Available at: <https://ru.scribd.com/document/373013898/2001-VAN-DETH-Studying-Political-Participation-Towards-a-Theory-of-Everything>, accessed 21.05.2020.

van Deth J.W. (2014) A Conceptual Map of Political Participation. *Acta Politica*, vol. 49, pp. 349–367. DOI: 10.1057/ap.2014.6

van Dijck J. (2013) *The Culture of Connectivity: A Critical History of Social Media*, Oxford University Press.

Volodenkov S.V., Artamonova Yu.D. (2020) Information Capsules as a Structural Component of Modern Political Internet Communication. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, no 53, pp. 188–196. Available at: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=1935&article_id=43754, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Zhang W., Seltzer T., Bichard S.L. (2013) Two Sides of the Coin: Assessing the Influence of Social Network Site Use during the 2012 US Presidential Campaign. *Social Science Computer Review*, vol. 31, no 5, pp. 542–551. DOI: 10.1177/0894439313489962

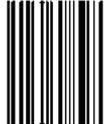
Yakimets V.N., Nikovskaja L.I. (2019) Civil Participation, Intersectoral Partnership and Internet Technologies of Public Policy. *Social and Humanitarian Studies*, vol. 5, no 3, pp. 208–223. Available at: <http://www.j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk/article/view/849/700>, accessed 21.05.2020 (in Russian).

Zheltnina A.A., Tykanova E.V. (2019) Formal and Informal Civic Infrastructures: Modern Studies of Urban Local Activism in Russia. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 22, no 1, pp. 162–192 (in Russian). DOI: 10.31119/jssa.2019.22.1.8

ISSN 2542-0240

20002

9 772542 024004 >